

Сборник 12

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

Памяти
Вячеслава Викторовича
Лобанова

**ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ЦЕРКОВЬ
В ИСТОРИИ
РОССИИ**

Сборник 12

**Памяти
Вячеслава Викторовича
Лобанова**

Москва – 2019

Издание основано в 1997 г. Я.Н. Щаповым

Редакционная коллегия:

А.В. Назаренко, Е.В. Белякова, И.Ю. Смирнова,
И.А. Курляндский (*ответственный редактор*), М.И. Бълхова

Вниманию читателя предлагается подготовленный Центром истории религии и Церкви Института российской истории РАН очередной 12-й сборник серийного издания «Церковь в истории России».

Сборник посвящен памяти нашего коллеги и друга, историка православия и Русской Православной Церкви Вячеслава Викторовича Лобанова (1966–2016). Проблематика сборника хронологически охватывает XVIII–XX вв. – от синодального периода истории православной Церкви до сталинской эпохи. В сборнике представлены основные направления исследований В.В. Лобанова – истории церковной иерархии и обновленческого раскола.

Среди авторов сборника – сотрудники Центра истории религии и Церкви ИРИ РАН, ученые из других научных учреждений как Москвы, так и регионов. Публикуются также материалы из творческого наследия безвременно умершего историка, дается биографический очерк его жизни и деятельности, полный список научных трудов.

Сборник подготовлен
в Центре истории религии и Церкви
ИРИ РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию представляется очередной, двенадцатый сборник «Церковь в истории России», подготовленный Центром истории религии и Церкви Института российской истории РАН. Данный сборник посвящен памяти нашего коллеги и друга, замечательного историка православия и Русской Православной Церкви Вячеслава Викторовича Лобанова, безвременно скончавшегося 14 июля 2016 г., не дожившего всего четыре месяца до своего пятидесятилетия. В состав сборника вошли публикации коллег Вячеслава Викторовича по Центру истории религии и Церкви, где он проработал последние 11 лет жизни (а до этого был несколько лет прикрепленным к нашему центру аспирантом) и состоялся, как серьезный, многообещающий ученый. Также в сборнике приняли участие близкие, друзья и коллеги В.В. Лобанова, – историки религии из других научных центров и учреждений, а также его сотрудники по Николо-Угрешской семинарии в Москве, где В.В. Лобанов преподавал историю России.

Проблематика сборника хронологически охватывает XVIII–XX вв. – от синодального периода истории православной Церкви до сталинской эпохи. Вашему вниманию представлены основные направления исследований В.В. Лобанова – истории церковной иерархии и обновленческого раскола.

Сборник открывается биографическим очерком о жизни и деятельности В.В. Лобанова, где очерчены вехи его научного пути, характеризуется его вклад в историографию, его личность как ученого.

Первый раздел сборника содержит две публикации из неопубликованного научного наследия В.В. Лобанова. Первая статья «Патриарх Тихон и борьба патриаршей Церкви с обновленческим расколом» является фрагментом из готовящейся к изданию рукописи книги Вячеслава Викторовича по истории обновленческого раскола. Здесь ярко раскрывается борьба святителя Тихона с обновленцами в его последние три года жизни – 1923–1925 гг. В другой статье В.В. Лобанова, написанной по материалам следственного дела митрополита Сергия (Страгородского) 1926–1927 гг. (Центральный архив ФСБ РФ) объясняется, каким образом в протоколах допросов оказались отражены вопросы: 1) обсуждения в церковных кругах предполагавшихся тайных выборов Патриарха, 2) контактов Московской Патриархии с заграничными православными церквями.

Раздел статей сборника открывает труд супруги Вячеслава Викторовича И.В. Лобановой о становлении и развитии церковно-исторической науки России в синодальный период (XVIII–XIX вв.). Здесь ярко показан вклад, который вносили в этот процесс и отдельные ученые энтузиасты-историки, и церковные иерархи и освещено торможение прогресса церковной истории консерваторами от синодальной системы. В центре исследования проф. В.М. Лаврова, по рекомендации которого его ученик в Российском Православном университете св. Иоанна Богослова, молодой талантливый исследователь В.В. Лобанов был принят на работу в Центр истории религии и Церкви Института российской истории РАН, – место идеологии нигилизма в жизненном пути знаменитой русской женщины-математика Софьи Ковалевской. Особенности мировоззрения ученой реконструируются историком на основе ее художественной прозы, писем, воспоминаний ее и о ней.

Р.А. Савчук посвятил свою статью особенностям гражданской позиции святителя Николая (Касаткина), архиепископа Японского (1856–1912). Им анализируются общественно-политические взгляды видного иерарха Русской Церкви, отличавшиеся полифоничностью: ярко выраженный патриотизм сочетался в них с критичностью по отношению к некоторым существовавшим в стране порядкам. Стоит добавить, что автор статьи, иерей Роман Савчук, ныне аспирант Киевской духовной академии, в 2015–2016 учебном году обучался под руководством В.В. Лобанова в магистратуре Николо-Угрешской духовной семинарии.

История типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 1894–1919 гг. – тема статьи И.Ю. Смирновой, коллеги В.В. Лобанова по Центру истории религии и Церкви. Ученый исследует роль типографии в издании духовных книг и церковной периодики, уделяет внимание обстоятельствам ее закрытия в результате революционных событий 1917 г. А.Ф. Степанов на уникальном архивном материале раскрывает тему изъятия церковных ценностей в монастырях и храмах Свяжского кантона Татарской республики в 1922 году. А.Ф. Степанов устанавливает местные особенности этой атаки власти на Церковь и верующих, происходившей тогда в рамках общей кампании по изъятию церковных ценностей в РСФСР под предлогом помощи голодающим.

Важно, что в сборнике приняли участие Ю.А. Бирюкова и А.В. Мазырин, сотрудники церковно-исторического отдела Православного Свято-Тихоновского государственного университета, с которым В.В. Лобанов имел тесные научные связи, выступал на исторической секции его ежегодных богословских конференций и издавался в его Трудах.

В статье Ю.А. Бирюковой на материалах местных архивов анализируется генезис и специфика обновленческого раскола на Северном

Кавказе в 1922–1926 гг. Представляют интерес и приводимые историком статистические выкладки. А.В. Мазырин посвятил свое исследование отношениям Константинопольской патриархии с обновленческим расколом (его учреждениями и деятелями) в драматичный период Патриаршего Местоблюстительства митрополита Петра в 1925 г.

Значительна по охвату впервые вводимого в научный оборот уникального архивного материала статья украинского исследователя Д.В. Веденева о православных легальных и катакомбных монастырях Украины, как объектов оперативной разработки и репрессий органов государственной безопасности в 1920-е – начало 1960-х гг. Механика чекистских карательных органов в отношении объектов православной жизни предстает перед читателем на многих фактах.

Статья И.А. Курляндского, коллеги В.В. Лобанова по центру, посвящена малоизученной проблеме строительства православных церквей в годы сталинского «нового курса» в 1943–1953 гг. В.Н. Якунин дал широкий исторический очерк положения Куйбышевской епархии в 1945–1959 гг. В статье показывается, как Церковь на региональном уровне воспользовалась тактическими уступками государства, что выразилось в открытии новых храмов, назначении в них священников, увеличении церковных обрядов

В статье известного историка-архивиста С.Н. Романовой, знавшей В.В. Лобанова лично, рассмотрена часть источниковой базы работы по канонизации святых в РПЦ, представленная в материалах Российского государственного исторического архива. Историк показывает, в каких именно фондах РГИА и какие именно документы о жизни и деятельности канонизованных новомучеников отложились.

В разделе сборника «публикации документов» представлены две подборки с археографическими предисловиями. В публикации аспиранта Центра истории религии и Церкви ИРИ РАН Н.В. Щеглова отражены вопросы церковно-политических национальных движений в трудах Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. Автором публикуются документы из фонда съезда, хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Они показывают, какую роль в поисках национально-церковного самоопределения ряда областей бывшей Российской империи играли представленные на съезде украинские, бессарабские и белорусские церковные делегации. Из документов очевидно бессилие съезда противопоставить что-либо набравшим тогда силу национальным центробежным тенденциям в церковной среде.

Содержательную публикацию документов подготовил к печати Е.А. Газов по материалам Центрального государственного архива Московской области. В научный оборот им впервые вводятся документы о

проводимой властями Москвы и Московской области политике в отношении религиозных организаций (большой частью православных, но и не только их) с конца 1929 г. до конца 1930 г. – из периода сплошной коллективизации и «раскулачивания». В наибольшей степени документы из этой подборки освещают вопрос закрытия храмов в течение указанного периода. Из представленных документов можно видеть, как политика в отношении религии на местах колебалась в зависимости от меняющихся политических установок – от «усиления борьбы с религией» до «борьбы с перегибами». Но эта борьба с местными перегибами неизменно уступала общей политической линии антирелигиозной борьбы.

Завершает сборник составленный в хронологическом порядке Список опубликованных работ В.В. Лобанова.

Будем надеяться, что этот сборник будет способствовать сохранению доброй памяти о нашем дорогом коллеге, безвременно ушедшем историке.

И.А. Курляндский,
к.и.н., с.н.с. Центра истории религии
и Церкви ИРИ РАН

Курляндский И.А.*

Историк Вячеслав Викторович Лобанов (1966–2016). Биографический очерк

Жизнь коротка. Надо спешить.
Академик Н.И. Вавилов

Вячеслав Викторович Лобанов родился 10 ноября 1966 г. в Москве в семье простых советских служащих, работников технической сферы. Его папа Виктор Степанович Лобанов (1932–1999) был инженером связи, мама Алентина Ивановна Лобанова (урожд. Беречинова) (1934 г.р.) работала в конструкторском бюро «Чертежник», ее предки были крестьянами села Покровское Владимирской области. Слава, будучи единственным ребенком в семье, окончив школу, избрал вначале, по примеру своих родителей, техническое поприще: в 1983 г. он поступил в Московский энергетический институт связи, который окончил в 1988 г. с квалификацией инженера электросвязи. По окончании института, он работал по специальности в производственной лаборатории на Центральном Телеграфе.

Казалось бы, ничто не предвещало будущего ученого-гуманитария, но 23 февраля 1992 г. произошло событие, коренным образом изменившее жизнь Вячеслава: он принял св. крещение в одном из московских храмов. Вячеслав стал не просто крещеным, но воцерковленным человеком, т.е. соблюдающим церковные таинства и обряды. Желание жить церковной жизнью, окунуться в глубину православной духовности пробудило у молодого человека живой интерес к их устройству и истории православия, Русской Православной Церкви, не оставлявший его более всю жизнь, и подвигло на то, чтобы получить второе высшее образование. В 1994 г. он поступил в Российский православный университет св. Иоанна Богослова (РПУИБ)¹, – сначала учился там на богословско-патрологическом факультете, затем на исто-

---

* к.и.н., Институт российской истории РАН.

рико-филологическом. Университет был создан в 1992 г. в ходе возрождения духовного образования в России по благословению Патриарха Алексия II на базе православных бухгалтерских курсов и находился в помещениях возрождающегося Высоко-Петровского монастыря. Ректором университета в годы учебы Лобанова (и до 2010 г.) был один из его основателей игумен Иоанн (Экономцев)² (1939 г.р.), яркая личность, церковный историк и богослов, видный деятель Московского Патриархата, – он возглавлял в нем отдел образования и катехизации. Большое влияние на формирование будущего историка оказали преподаватели этого вуза, в число которых входили талантливые и известные ученые, среди которых можно назвать известного филолога-классика, специалиста по истории античной литературы и древним языкам Андрея Чеславьевича Козаржевского (1918–1995) (курс введения в Новый Завет), лингвиста и слависта, профессора из МГУ Никиту Ильича Толстого (1923–1996) (курс истории древней философии), философа и богослова Виктора Николаевича Тростникова (1928–2017) (курс истории европейской философии), историка литературы Николая Ивановича Либана (1910–2007) (курс по древнерусской литературе), филолога-классика Николая Алексеевича Федорова (1925–2016) (курс латинской словесности), историка и патролога Алексея Ивановича Сидорова (1944 г.р.), декана историко-филологического факультета, преподававшего патрологию, – учение об Отцах Церкви.

Параллельно с учебой Вячеслав нес в 1994–1999 гг. послушание алтарника³ в Спасо-Преображенском храме на Песках на Арбате. Учеба в православном университете одарила Вячеслава не только захватывающим поглощением новых знаний, но и счастьем в личной жизни: 10 мая 1998 г. он сочетался браком со своей сокурсницей по РПУИБ Ириной Владимировной, также ставшей профессиональным историком⁴. 17 апреля 2004 г. у них родилась дочь Мария Вячеславовна.

В 2000 г. В.В. Лобанов успешно закончил свою «альма матер» с квалификацией «историк, преподаватель истории». Ему очень помогло, что в 1999 г. университет св. Иоанна Богослова получил государственную аккредитацию, и его дипломы стали

признаваться наравне с дипломами светских вузов. Перед молодым человеком встала проблема дальнейшего устройства в соответствии с его новой специальностью, знаниями и устремлениями.

Владимир Михайлович Лавров, доктор исторических наук, преподавал в университете св. Иоанна Богослова историю России синодального периода. Знакомство с ним многое определило в дальнейшей судьбе Лобанова. В.М. Лавров, бывший в 2000-е гг. в Институте российской истории РАН заместителем директора по науке и заведующем Центром истории религии и Церкви, принял активное участие в продвижении своего ученика. Он же стал его научным руководителем в период работы над кандидатской диссертацией.

В 2001 г. В.В. Лобанов поступает на очную аспирантуру Института российской истории РАН, одного из главных в стране академических учреждений по истории России, известного своей богатой научной традицией и большим количеством выдающихся ученых. Вскоре он прикрепляется к Центру истории религии и Церкви. Аспирантуру Вячеслав Викторович закончил в 2004 году и в январе 2005 г. был принят на работу в ИРИ РАН младшим научным сотрудником (зачислен в тот же центр, при котором был аспирантом). Позже последовали служебные продвижения: в январе 2008 г. он становится научным сотрудником, а в апреле 2010 г. – старшим научным сотрудником. Круг историков религии, сформированный в этом отделе еще при руководстве его создателя, выдающегося историка Церкви, члена-корреспондента РАН Ярослава Николаевича Щапова (1928–2011), был сам по себе хорошей школой для развития любого исследователя, задавал высокую планку для научных работ.

Защита кандидатской диссертации В.В. Лобанова на тему «Патриарх Тихон и советская власть: проблема компромисса» состоялась в стенах Института российской истории РАН 14 июня 2005 г. Три года спустя была издана первая монография Вячеслава Викторовича «Патриарх Тихон и советская власть» (М., 2008), – расширенный и переработанный вариант его кандидатской диссертации. Туда же, с дополнениями и изменениями, вошел объемный очерк «“Раскаяние” Патриарха Тихона: исто-

рические и источниковедческие аспекты», вышедший в 2007 г. в совместном сборнике ИРИ РАН и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета «Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху»⁵. Книга В.В. Лобанова о Патриархе Тихоне была не только высоко оценена специалистами, но и получила церковную награду. Автор был удостоен Почетной благодарности Макариевского фонда и Памятной медали митрополита Московского и Коломенского Макария.

Итак, святитель Тихон (Беллавин) (1865–1925), его жизнь и деятельность при советской власти, в экстремальных, трагических для судеб православной Церкви обстоятельствах, его исповеднический подвиг, – вот первый большой научный интерес Вячеслава Викторовича, как исследователя, как историка Церкви. Ему посвящены не только указанные выше его труды, но и целая серия его выступлений на конференциях и научных статей⁶. В.В. Лобанов не смущался тем, что фигура Патриарха Тихона уже была хорошо известна и что про нее уже было много написано. Как настоящий ученый-историк, он смело шел вперед по избранному им пути, не взирая на кажущуюся его проторенность, открывая новые источники и факты, новые грани и горизонты. Заслуга В.В. Лобанова при изучении этой темы заключалась в том, что им были исследованы первые послания Патриарха Тихона в 1918–1919 гг., его роль в ходе кампании по изъятию церковных ценностей 1922 г. и в результате установлено, что позиция святителя по отношению к большевизму, его деятельность в этой связи, не были подвержены политической конъюнктуре, не отступали от церковных канонов, а прямо вытекали из церковного учения о взаимоотношениях Церкви и государства. Основываясь на скрупулезном следовании источникам, Лобанов доказал, что курс Патриарха Тихона на аполитичность Церкви был последовательным. Первоиерарх не принимал большевизм, но, вместе с тем, и не был «контрреволюционером» (тот ярлык, который накладывала на него советская власть), не поддерживал ни красных, ни белых в ходе Гражданской войны, а заботился в первую очередь о сохранении и единстве Церкви. И одной из главных его забот стала борьба в 1922–1925 гг. с са-

моразрушением Церкви, в виду инспирированного большевиками «обновленческого» раскола. Обстоятельства этой борьбы, вклад в нее святителя Тихона, глубоко изучены и детально раскрыты в работах В.В. Лобанова, где показано, что сохранение церковного единства было главным в действиях Патриарха в этот сложный период. В.В. Лобанов изучил характер и границы компромисса патриарха Тихона с богоборческой властью в 1923–1925 гг. в итоге тюремного заключения, его «покаянного заявления», и определил, что главным в тех событиях оставалось сохранение единства церковной организации без уступок в области веры, восстановление канонического строя в Церкви, в чем святитель достиг определенных успехов. В.В. Лобанов дает и свое объяснение изменению линии советской власти по отношению к Патриарху Тихону в 1923 г. – от намерения его уничтожить до желания использовать в своих целях. По его выводу, это было вызвано реалиями тогдашней политической борьбы в руководстве страны.

Следующая большая тема, исследовавшаяся В.В. Лобановым (и как плановая в Институте российской истории РАН с 2009 г.), – история «обновленческого» раскола в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.). Она органически выросла из предыдущих работ Вячеслава о Патриархе Тихоне, где борьба святителя с расколом занимала важное место в исследовании, и мыслилась как основа будущей докторской диссертации. По истории обновленчества В.В. Лобанов опубликовал в 2009–2016 гг. в общей сложности двадцать статей в научных изданиях⁷. Кроме того, много докладов в ходе апробации его исследований им было сделано на научных конференциях, в том числе международных. Вячеслав Лобанов заслуженно утвердился, как крупный специалист по теме истории «обновленческого» раскола. В 2016 г. Ученый совет ИРИ РАН рекомендовал его итоговую монографию к изданию. В работе над редактированием книги при подготовке к печати В.В. Лобанова настигли внезапное обострение застарелой болезни и смерть. На время написания этого очерка эта его последняя книга готовится к посмертной публикации.

В трудах В.В. Лобанова по истории обновленческого раскола исследованы исторические предпосылки, предыстория этого раскола, заключающаяся в движении за церковное обновление 1905–1917 гг. Вместе с тем, автором четко понимается разница между церковными реформаторами тех лет и последующими, образовавшимися при большевиках раскольниками. Одним из главных отличий между этими двумя явлениями Лобанов видел в том, что если существовавшее до «Великого Октября» церковно-реформаторское движение «видело процесс освобождения церкви только силами самой церкви», то советское обновленчество «допускало, и даже считало желательным, вмешательство в него государства»⁸. Исследователем также обращено внимание на преодоление предвосхищавших будущее советское обновленчество тенденций на Поместном Соборе 1917–1918 гг. и на обстоятельства образования, как такового, «обновленческого» раскола в ходе кампании большевистской власти по изъятию церковных ценностей под предлогом помощи голодающим в 1922 г. Историк резонно отмечает, что большевики не играли в образовании этого раскола исключительную роль (хотя, безусловно, главную), – имели значение также уже существовавшие разногласия внутри самой Церкви, которые умело были использованы большевиками⁹. Далее В.В. Лобановым внимательно рассмотрены роль большевистских властей в распространении раскола, подготовка и проведение обновленческого «Поместного собора» 1923 г., вклад в это дело как партийных, так и чекистских инстанций, история успешной борьбы патриаршей Церкви во главе со святителем Тихоном с обновленчеством в 1923–1925 гг., угасание и распад раскола с середины 1920-х до 1940-х гг. Особо рассмотрены в работах В.В. Лобанова: история обновленческой Московской богословской академии (1923–1931 гг.); обновленцы, как жертвы антирелигиозных гонений советской власти, с конца 1920-х по конец 1930-х гг., – здесь им были разработаны такие подтемы, как ликвидация обновленческих храмов, репрессии священно и церковнослужителей и активных мирян. В ходе исследования последнего В.В. Лобановым были изучены многие следственные дела репрессированных обновленцев Москвы и Московской области, переданные в

ГА РФ из архива управления ФСБ РФ по Московской области. Многие документы из этих дел историком в виде публикаций или цитирования были впервые введены в научный оборот. Завершает исследование тема ликвидации «обновленческого» раскола в 1941–1946 гг. Здесь автором были изучены: вклад в этот процесс руководства страны, фактор принципиальной позиции Русской Православной Церкви по отношению к массово переходящим в те годы в ее лоно обновленцам и фактор деградации самого обновленчества, явленный еще в предвоенные годы и ускоренный обстоятельствами войны.

Важное направление исследовательской активности историка – его деятельность по публикации документов. Выдающимся свершением в этом отношении стал подготовленный В.В. Лобановым по фондам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) сборник документов «Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б)-ВКП (б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг.» (М., 2014), являвший собой первое на русском языке научное издание этого важнейшего для историков религии советского периода источника. Уникальность труда Лобанова заключалась не только в археографической подготовке документов к изданию, но и в написании им обстоятельного предисловия, содержащего очерк истории указанной комиссии, характеристику всех сторон ее деятельности, всех комментариев и всего научно-справочного аппарата. В.В. Лобанов единолично выполнил такую работу, которой обычно занимаются коллективы исследователей.

Редактирование научных сборников, – еще одна сфера приложения Вячеслава Лобанова, как неутомимого труженика на ниве науки. Он приглашал авторов-историков принимать участие в таких сборниках, присылать материалы, которые отбирал и внимательно редактировал, стремясь дать им наилучшую форму, определял содержание и структуру сборников. И в итоге поучались интересные и насыщенные ценными трудами исторические книги. Старанием В.В. Лобанова, как редактора, в 2007–2010 гг. были подготовлены к изданию 7–9 выпуски периодического издания нашего Центра истории религии и Церк-

ви ИРИ РАН «Церковь в истории России», а также в 2010–2014 гг. 2–7 тома «Русского исторического сборника».

По заданиям дирекции Института российской истории РАН В.В. Лобанов составлял некоторые важные экспертные заключения, касающиеся возвращения исторических названий. В декабре 2008 г. он принял участие в составлении справки о деятельности П.Л. Войкова для возможного переименования станции метро Войковская в Москве и некоторых московских улиц, также названных в честь этого известного большевика. Вячеслав Викторович по морально-этическим соображениям считал неприемлемым любое прославление в топографии России человека, чья причастность к убийству женщин и детей, беззащитных пленников, была очевидна. Он также подписывал соответствующие обращения общественности на эту тему. В 2009 г. Лобановым была подготовлена Историческая справка о деятельности Я.М. Свердлова для возвращения исторического названия железнодорожной станции «Свердловск». В этот раз переименование состоялось. Станции было возвращено название «Екатеринбург».

Историк Лобанов играл важную роль и в научном просветительстве, в популяризации отечественной науки. Проект под редакцией профессора А.Б. Зубова, двухтомник «Россия. XX век», собрал под свою крышу целую группу выдающихся и интересных историков советской эпохи. Первый том, вышедший в 2009 г., охватывал события с 1894 по 1939 г. В.В. Лобановым был написан для него целый ряд параграфов, посвященных положению различных сословий предреволюционного общества (дворянство, казачество, крестьянство и т.д.), национальному, рабочему, земельному вопросам, революционному движению, народничеству, террору «снизу» и террору правительства, положению промышленности, транспорта, финансов, обществу и государственной власти до революции 1917 г., а также распаду России в 1917 г., и коммунистической элите в 1918–1923 гг. Его авторский вклад в двухтомнике составил 2,5 печатных листа.

В.В. Лобанов поучаствовал также в выпущенном в 2007 г. под редакцией А.Н. Сахарова с грифом ИРИ РАН учебном пособии для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учрежде-

ний «История религий». Здесь сказалась широта интересов Лобанова в области церковной истории. Он написал первый раздел по древней христианской истории (от истоков христианства до разделения церквей), во втором разделе «Православие и Россия» выступил, как автор глав «О православной вере», начале русской святости, зарождении православной культуры и монашества, параграфов по истории Русской Церкви – от эпохи Ивана Грозного до старообрядческого раскола. Закономерно, что в этом учебном пособии Лобанов – также автор важных глав о Русской Православной Церкви в советскую эпоху (гонения на Церковь, новомученики и исповедники, РПЦ в годы Великой Отечественной войны, русские Патриархи XX в., церковная эмиграция). Те же его сюжеты, в переработанном виде, вошли в учебное пособие «История христианства», выпущенного с грифом ИРИ РАН для той же аудитории в 2008 г. Его авторский вклад в каждую из этих книг занимал по 7 печатных листов.

Участие в создании этих учебных пособий направило Вячеслава Викторовича к работе по методологии преподавания истории религии в школе в 2007–2009 гг. Он участвует в семинар-проекте по реализации спецкурса «История религий» в рамках работы ресурсного курса по профильному обучению, выступает на круглом столе «Знания о религии и практические работы обучения и воспитания детей в светской школе: пути развития», читает лекции по истории христианства для учителей в рамках работы Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. Совместно с супругой И.В. Лобановой, он подготовил в 2010–2016 гг. десятки экспертных заключений на учебники для начальной и средней школы по модулю «Основы религиозных культур и светской этики».

«Преподаватель истории» – вторая квалификация после «историка», обозначенная в дипломе В.В. Лобанова. И в этой области он также удачно себя реализовал. В 2000-е – 2010-е гг. он ведет лекционные и семинарские курсы по отечественной истории (как дореволюционного, так и советского периода) в Институте социальных наук, в Национальном институте бизнеса и в Николо-Угрешской семинарии. Студенты любили его за жи-

вость лекций, увлекательность изложения материала, доброе сердечное внимание к ним. За многолетнее участие в работе Московского Международного форума «Одаренные дети» в качестве члена жюри и председателя исторической секции Вячеслав Викторович был награжден в 2006 г. золотым знаком «Почетный меценат и благотворитель» и в 2007 г. медалью «За милосердие».

За заслуги перед Русской Православной Церковью в области исторического просвещения последовала и церковная награда: в 2016 г., незадолго до кончины, Вячеслав Викторович получил медаль ордена святого равноапостольного князя Владимира.

Научно-исследовательская работа В.В. Лобанова в ИРИ РАН дополнялась научно-организационной. В июне 2007 г. он стал ученым секретарем Центра истории религии и Церкви ИРИ РАН, обязанности которого исполнял до смерти в июле 2016 г. Эта его дополнительная работа позволяла поддерживать функционирование центра на высоком уровне. Обычные обязательность и организованность Вячеслава Викторовича помогали в проведении содержательных заседаний нашего отдела, формировании его планов, в правильном распределении наших сил. Работа ученого секретаря – это, прежде всего, работа с людьми, она требует особого умения, терпения и такта, то есть качеств, которыми, безусловно, обладал В.В. Лобанов. Его неизменную доброжелательность, приветливость, добросердечность, душевную открытость и, я бы сказал, какую-то особенную светлую веселость, отмечали многие, кто имел с ним дело в институте и вообще в жизни. Светлый человек, щедро делившийся своим светом с другими, – так правильно будет сказать про него.

Будучи мягок в общении с окружающими, Вячеслав бывал жестким и требовательным по отношению к себе. «Он был очень концентрирован на своей цели. Неизменно целеустремленный, всегда в работе», – вспоминала о нем его супруга И.В. Лобанова. И он много успевал, потому что был очень организован, умел распоряжаться временем и ресурсами.

Круг чтения Вячеслава Викторовича был строго направлен. Он не читал бессистемно широко, но главным образом то, что служило его научным интересам и устремлениям. Но в этом

русле его познания были глубокими, он знал древние языки – древнегреческий, древнееврейский и латынь, творения Отцов Церкви читал потому в подлинниках. Зарубежную историографию мог читать и по-английски, и по-немецки. Чтобы выучить немецкий язык, прошел специальные курсы при МИДе. В обычный круг чтения Лобанова входили многие духовные книги, классики русской религиозной философии (Владимир Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и прочие), авторы по церковной истории. Он высоко ценил труды известного богослова, протоиерея Александра Меня, видимо, внесшие вклад в формирование его личности как церковного историка. Находил Вячеслав время и для русской литературной классики, очень любил творчество М.А. Булгакова.

Могу заметить, что наука, как и вера, была «Альфой и Омегой» его бытия. В этой связи расскажу об одной характерной черте в отношении В.В. Лобанова к науке. Будучи сам последовательным противником большевистской утопии и сталинской системы, Вячеслав отрицательно относился к некоторым публичным выступлениям близких ему по взглядам популярных в обществе титулованных историков. С его точки зрения, они впадали в другую крайность, чем когда-то прежний советский официальный дискурс. В.В. Лобанов понимал, что, какими бы ни были убеждения у историка, нельзя в угоду им допускать искажения истории.

Вячеслав Викторович не выносил такое распространившееся в новом веке явление, как апеллирующее к церковности новое черносотенство, для него был неприемлем ура-патриотизм, поверхностный, крикливый, кичливый, с тягой к мракобесию, также как и сталинизм в церковной ограде. В этом отношении я, автор этого очерка, был с В.В. Лобановым единомышленником, хотя по ряду других вопросов, имеющих отношение к нашей современности, мы, бывало, остро спорили и расходились во мнениях.

И последний штрих к портрету В.В. Лобанова. Он любил шахматы, и в электронном шахматном клубе мы сыграли с ним, наверное, не одну сотню партий. Участвовал он в этом клубе под псевдонимом «Комиссар Катани», взятым им в честь его

любимого киногероя из итальянского сериала «Спрут», отважного борца с мафией. И этот выбор также отражал важную сущностную черту Славы, как ученого и человека, в его короткой, но насыщенной и яркой жизни, – стремление к правде и справедливости.

-
- ¹ В 2010 г. изменил название на Российский Православный институт святого Иоанна Богослова. С 2016 г. носит название Московский православный институт святого Иоанна Богослова
  - ² Теперь архимандрит Иоанн (Экономцев).
  - ³ Алтарник – мужчина-мирянин, помогающий священнослужителям в алтаре.
  - ⁴ Ирина Владимировна Лобанова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Центр «Историческая наука России»).
  - ⁵ Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008. Книга вышла в конце 2007 г.
  - ⁶ См.: Список опубликованных работ В.В. Лобанова в конце сборника.
  - ⁷ См.: Там же.
  - ⁸ *Лобанов В.В.* «Обновленческий раскол» в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.). Монография. Рукопись. С. 68.
  - ⁹ Там же. С. 93, 98.

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В.В. ЛОБАНОВА

Лобанов В.В.

Патриарх Тихон и борьба патриаршей Церкви с обновленческим расколом (1923–1925 гг.)*

Статья посвящена борьбе Патриарха Тихона с обновленческим расколом в 1923–1925 гг. – от его освобождения из-под стражи до смерти. Освещаются условия и методы этой борьбы, практические шаги Патриарха по преодолению раскола.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Патриарх Тихон, обновленческий раскол, антирелигиозная кампания, епископат, духовенство, приходы.

Lobanov V.V.

PATRIARCH TIKHON AND THE STRUGGLE OF THE PATRIARCHAL CHURCH WITH THE RENEWED SCHISM (1923–1925)

The article is devoted to the struggle of Patriarch Tikhon with the renewed schism in 1923–1925 – from his release from custody to death. The conditions and methods of this struggle, the practical steps of the Patriarch to overcome the split are highlighted.

Key words: Russian Orthodox Church, Patriarch Tikhon, renewed schism, anti-religious campaign, episcopate, clergy, parishes.

Одним из ключевых событий, повлиявших на дальнейшую судьбу обновленчества, стало освобождение 28 июня 1923 г. из-под стражи Патриарха Тихона. Принятое Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда решение, по сути, произвело на обновленцев ошеломляющее воздействие. Созванное 30 июня

---

* Статья представляет из себя параграф главы из подготовленной к печати рукописи монографии В.В. Лобанова «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.)» (2016 г.).

1923 г. на совместное заседание ЦК «Живой церкви» и ЦК «Союза Общин Древле Апостольской церкви» (СОДАЦ) не явилось почти более половины членов СОДАЦ, включая его лидера А.И. Введенского. В результате выработать какую-либо четкую программу действий в новых условиях заседание не смогло и ограничилось лишь призывом к объединению обновленческих групп. Усиление репрессий на местах, вплоть до составления обновленческими благочинными рапортов «с указанием организаторов, соучастников священного служения, священнослужителей и мирян поименно, как явных контрреволюционеров, углубляющих политику бывшего патриарха Тихона»¹, также не принесло желаемых результатов. Напротив, здесь началось движение в обратную сторону. Созданные обновленцами отделения «Живой церкви» и СОДАЦ распускались, а их члены переходили под юрисдикцию Патриарха.

Фактически, к середине июля 1923 г. ухудшение положения обновленчества стало настолько серьезным, что это заставило советское руководство искать новые пути для стимуляции и углубления раскола. Для этой цели 20 июля 1923 г. в Москву из Одессы прибыл обновленческий митрополит Евдоким (Мещерский). Своим появлением в столице он был обязан начальнику VI отдела ОГПУ Е.А. Тучкову, в планы которого теперь входило объединение обновленцев и тихоновцев под руководством послушного советскому правительству епископата. Как справедливо отмечает протопресвитер В.П. Виноградов: «Отношение Тучкова к патриаршему управлению – это было нечто вроде игры кошки с мышкой. С одной стороны, он дает постоянно чувствовать патриаршему управлению то, что оно и без того хорошо чувствовало и осознавало, а именно то, что оно – нелегальная организация, не имеющая в советской России права на существование, а с другой стороны, тот же Тучков ультимативно предъявляет к нему требования о проведении в церковную жизнь различных мероприятий и при том таких, проведение которых равносильно было актом сознательного саморазвала, самоуничтожения»².

Первым шагом в реализации этих планов ОГПУ стало отстранение от руководящих постов в обновленческом движении

епископа Антонина (Грановского). 22 июня 1923 г. на очередном заседании Московского Епархиального Совета деяния митрополита Антония (Грановского) были признаны «предательством и изменой церковному делу», а также было принято постановление просить избранный на соборе Высший Церковный Совет (ВЦС) «уволить его от должности председателя совета и лишить звания Московского митрополита»³. В результате 24 июня 1923 г. епископ Антоний (Грановский) был снят с должности председателя ВЦС, а на его место был выдвинут митрополит Евдоким (Мещерский).

Вторым шагом Е.А. Тучкова «ввиду толков неблагоприятных, распространяемых по городу Москве и даже в общественных местах и касающихся лично Высокопреосвященного Архиепископа Крутицкого Александра (Введенского)»⁴, стало временное удаление его из столицы, а вслед за ним – и лидера «Живой церкви» В.Д. Красницкого.

Итогом всей этой сложной комбинации стало открывшееся 8 августа 1923 г. заседание пленума ВЦС под председательством Евдокима (Мещерского). Согласно его постановлениям, новым высшим органом обновленческого церковного управления стал «Священный Синод Российской Православной Церкви»; декларировались ликвидация в обновленческом движении различных группировок и фракций и курс на единение Священного Синода с православными верующими.

Как действовал в данной ситуации Патриарх Тихон? Прежде всего, нужно было дать происходящему четкую духовную и каноническую оценку. Уже 28 июня 1922 г. Первосвятитель в своем послании, цитируя писателя-священника В. Свенцицкого, определял обновленчество, как «жалкую полуистину, теплопрохладное либеральное христианство, в котором нет ни правды Божией, ни правды человеческой»⁵. Однако наиболее развернуто и резко раскольники критикуются Предстоятелем Русской Церкви в послании от 15 июля 1922 г. Он пишет, что все заявления последних «о соглашениях с Нами и о передаче Нами прав и обязанностей Патриарха Российской Церкви ВЦУ, составленному священниками Введенским, Красницким, Калиновским и Белковым, есть ложь и обман!» Ибо «перечисленные лица овла-

дели церковной властью путем захвата, самовольно, без всяких установленными правилами Нашей Церкви законных полномочий». Патриарх особо указывает, что захваченную церковную власть обновленцы употребили «не на созидание Церкви, а на то, чтобы сеять в ней семена пагубного раскола». Наиболее резким выглядит определение Первосвященителя, что всей своей деятельностью схизматики «отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной властью... недействительны и ничтожны!» Одновременно было отмечено, что «все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны... верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе»⁶.

Следует напомнить, что это были подцензурные послания Патриарха, опубликованные в советских газетах. Изменение политической ситуации, определенная либерализация (при жестком идеологическом контроле) внутренней жизни страны, способствовали решительным действиям Предстоятеля РПЦ. Как уже говорилось, имел место своего рода переходный период, когда один руководитель государства уже фактически лишился власти, а другой только начинал брать ее в свои руки; это, наряду с нэповской либерализацией внутренней политики, сопровождалось ощутимым ослаблением давления на Церковь и во многом объясняет сравнительно «легкое» освобождение Первосвященителя, а также и то, что он получил возможность сделать реальные шаги по восстановлению патриаршей власти. С другой стороны, советская власть, отойдя от линии на прямое искоренение религии, делала особый акцент на углубление церковного разделения, на самоослабление и саморазрушение Церкви. В одной из московских газет в те дни появилась карикатура, где был изображен Патриарх, который дрался с другим священником. Рядом, сунув руки в карманы, стоял смеющийся рабочий. Надпись была следующей: «Когда двое дерутся, у третьего руки свободны»⁷.

В июле 1923 г. повсеместно началось массовое возвращение отпавших клириков и мирян в патриаршую Церковь. В том же номере «Известий» от 13 июля положение охарактеризовано так: «Вражда Тихона и тихоновцев к церковным обновленцам доходит до того, что они считают оскверненными те храмы, в которых служили обновленцы, и потому, будучи приглашенными, для службы в этих храмах, Тихон и его сослуживцы предварительно окропляют их святою водою и только потом уже служат в них. Так это было 6 июля в Сретенском монастыре, который был окроплен епископом Иларионом, и 8 июля в церкви Ваганьковского кладбища, которая была окроплена Тихоном и из которой тотчас же был удален приходским советом служивший там церковный причт состоящий из обновленцев».

В Российском государственном историческом архиве сохранилась подборка заявлений священнослужителей и верующих, примыкавших к расколу, с просьбой о присоединении их к патриаршей Церкви. Так, в письме от причта Покровской, что в Красном селе, церкви, датированном 4 июля 1923 г., указывается: «Мы нижеподписавшиеся... исполненные глубокой радости об освобождении Вашего Святейшества... долг имеем поведать... о нашей скорби: во время Вашего заключения, мы (неразб.) без всякого Духовного Начальства, под страхом угроз, вынуждены были формально признать образовавшееся Высшее Церковное Управление, выдававшее себя первое время уполномоченным от Вашего Святейшества <...> Не считая себя вправе приводить что либо в свое оправдание и признавая за собой глубокую вину за недостаток духовного мужества и проявленное малодушие, приносим Вашему Святейшеству – искреннее раскаяние, просим милостиво простить нас и, покрыв наш грех Отеческою любовью, снова принять нас под Свое духовное руководство»⁸.

«Выражая живейшую радость по случаю вступления Вашего Святейшества в управление Православною Российскою Церковью, – пишут Патриарху представители церкви Петра и Павла в Лефортово, – Приходской совет просит ВАШЕ СЯТЕЙШЕСТВО принять настоятеля нашего храма Николая Скворцова... и других членов причта, а через них и весь приход... в церковное обще-

ние с СОБОЮ, свидетельствуя сим, что как священник Николай Скворцов, так и протоиерей Александр Березковский сего 17/30 июня за церковной службой перед народом церковным раскаялись в своем подчинении распоряжениям так называемого В.Ц.С... и дали обещание ни в каком общении с таковым не состоять, а за Церковную власть почитать Святейшего Патриарха Тихона»⁹.

«Приход храма, – обращаются 3 июля 1923 г. к Первосвятителю прихожане и члены церковно-приходского совета церкви Пимена Великого в Новых Воротниках, – ... ВСЕПОКОРНЕЙШЕ ПРОСИТ ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО принять их в общение с ВАМИ <...> Еще раз припадая к милости ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ВСЕПОКОРНЕЙШЕ ПРОСИМ... не отвергнуть нас, кающихся и сознающих свои вины»¹⁰.

7-м июля 1923 г. помечено заявление причта и приходского совета Николаевской в Кошелях церкви¹¹. В обращении указано: «находясь в духовном единении с Вашим Святейшеством и признавая Вас всегда законным и каноническим Главой Православной Российской Церкви, просим принять нас под Свое духовное руководство»¹².

Прошение Николаевской, что в Дербентском, Уланском пер. церкви (от 24 июля): «Припадая ко стопам Вашего Святейшества мы искренно просим Вас принять наше глубокое раскаяние и милостиво благословить нас на дальнейшую службу и работу в Православном храме Божиим. В нашем храме, благодаря желанию и стараниям некоторых прихожан и членов Приходского Совета, допускались к служению новопосвященные Архиереи и священнослужители. Не имея никакого близкого отношения и не в чем не участвуя в “Живой Церкви” и в других “обновленческих” группах, мы в настоящее время, сознавая недопустимость служения новопоставленцев в нашем храме, впредь отказываемся от молитвенного общения с таковыми священнослужителями, и... просим Ваше Святейшество простить нам эту вину и вновь принять нас под свое милостивое покровительство»¹³.

Из письма духовенства Софийской, на Миусском кладбище, церкви: «Мы, нижеподписавшиеся, сим почтительно доводим до сведения Вашего Святейшества, что мы, как и все почти Мос-

ковское Духовенство (выделено мною. – В.Л.) приложили свои подписи к принадлежности к группе Живой Церкви, но эта подпись наша имела чисто формальную сторону. В настоящее время мы искренно раскаиваемся в этом, отказываемся от всякого участия в программе Живой Церкви и признавая Вас, Ваше Святейшество, единственным главою Всероссийской Церкви, покорно просим принять нас в каноническое общение с Вами. 7/20 июля 1923 года»¹⁴.

Очевидно, духовенство храма, по понятным причинам, все же несколько преувеличивает, когда пишет, что почти все московское духовенство признало обновленческое ВЦУ. Вместе с тем это указывает и на то, что так поступила более чем значительная его часть. Хотя, как мы увидим, очень часто такое подчинение было во многом формальным, а общение с представителями обновленчества носило эпизодический характер.

Сохранилось «всепокорнейшее прошение» от священнослужителей Николо-Пешношского монастыря иеромонаха Сергия и иеродиакона Макария. «Сознавая свою вину перед Вашим Святейшеством в том, что будучи командирован в село Трехсвятское я, иеромонах Сергий, принял участие в служении всеобщего бдения со ставленником иереем «Живой церкви», а я, иеродиакон Макарий, кроме того служил с ним евхаристию, мы, нижеподписавшиеся, каясь в этих проступках, всепокорнейше просим Ваше Святейшество принять нас в общение с Вами и с церковью Православной»¹⁵ (18 (?) июля 1923 г.). Здесь же приложено ходатайство настоятеля монастыря игумена Варнавы за указанных клириков¹⁶.

Заявление от причта, Приходского Совета и прихожан Московской Николаевской, в Голутвине, церкви: «До 27 июня ст. ст. настоятелем нашего храма был Г.И. Добронравов, который был членом нового церковного управления¹⁷, и, будучи сделан епископом, как настоятель, в сущем сане, совершил в нашем храме три богослужения. Узнав об освобождении из заключения ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, мы вознесли о том благодарственное моление Господу Богу и порадовались духовно о том, что снова мы будем иметь возможность стать под духовное руководство своего Архипастыря... мы... собравшись и обсудив-

ши вопрос о неканоничности нового церковного управления, постановили порвать духовную связь с настоятелем нашего храма Г.И. Добронравовым, как членом этого управления, и просим ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО принять нас в свое каноническое общение»¹⁸.

Еще заявление: «Причт, Игумения с сестрами и приход Спасо-Бородинского женского монастыря, Московской губ., Можайского уезда, приносят Вашему Святейшеству свое раскаяние в том, что находились во внешнем общении с группой «Живая Церковь», которое выражалось в уплате взносов на содержание учреждений группы и причтом получены очередные награды от управления группы; членом же группы никто не состоял и причт общения в совершении богослужения с живоцерковниками не имел. Сознаем свой грех и просим разрешения и благословения Вашего Святейшества»¹⁹.

В этот период ближайшим помощником Патриарха становится архиепископ Иларион (Троицкий), который развертывает активную организационную деятельность по преодолению раскола: встречается со священнослужителями и мирянами, составляет чин покаяния для впавших в разделение, принимает воссоединяющихся с патриаршей Церковью священнослужителей. Некоторые обращения адресованы ему, как управляющему Московской епархией. В частности, настоятель храма Преподобного Сергия Радонежского в Пушкарях²⁰ священник Николай Толгский, завершая свой письменный доклад о предшествующих событиях пишет: «Прошу Ваше Преосвященство принять и меня и моих сослуживцев и прихожан в общение Св. Православной Церкви и снять с моей совести тяжесть малодушия»²¹. О. Михаил Смирнов, настоятель вышеупомянутой Николаевской церкви в Кошелях, также кается в обращении на имя владыки Илариона: «за допущенную за время заключения Патриарха и правящих законных епископов против воли и совести нашей самозванному Церковному Управлению видимую подчиненность»²².

Другое письмо (начало июля): «Мы нижеподписавшиеся члены причта Св. Троицкого собора г. Клина сим почтительнейше заявляем Вашему Преосвященству, что мы искренно раскаиваемся в том, что подчинились распоряжением так называе-

мого Высшего Церковного совета и обещаем прекратить раз навсегда всякие с ним сношения. Мы выражаем полную свою сыновнюю покорность Его Святейшеству Святейшему патриарху Московскому и всея России Тихону и Вашему Преосвященству как представителю Святейшего Патриарха управляющему Московской епархией»²³.

Еще прошение (5 июля) – от настоятеля и приходского совета Московской Спасо-Преображенской, в Наливках, церкви «Настоящим покорнейше просим принять нас в свое общение: при чем имеем честь заявить, что мы не были идейными последователями группы «Живая Церковь»: подчинялись лишь только таким ее распоряжениям, которые носили общий характер... От группы “Живая Церковь” и ей подобных мы совершенно отрицаемся и как раньше признавали, так и сейчас признаем главой Церкви Российской Святейшего Патриарха Тихона»²⁴.

От причта Знаменской, села Иевлева, церкви Клинского уезда «Мы, нижеподписавшиеся члены причта Знаменской, села Иевлева, церкви Клинского уезда сим почтительнейше заявляем Вашему Преосвященству, что мы искренно раскаиваемся в том, что подчинялись распоряжениям так называемого Высшего Церковного Совета и обещаем прекратить раз навсегда всякие с ним сношения. Мы выражаем полную свою покорность сыновнюю Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея России Тихону и Вашему Преосвященству, как представителю Святейшего Патриарха, Управляющему Московской епархией...»²⁵ (12 июля).

Однако на имя Патриарха поступали письма и другого рода. Так, приходской совет, церковный клир и община Московской Христорождественской, в Палашевском пер., церкви 9 июля сообщают: «настоящим свидетельствуем, что за все тяжелое минувшее время мы неизменно стояли всегда на страже истинного Православия, ни на одну минуту не порывая канонической и иерархической связи с ВАШИМ СВЯТЕЙШЕСТВОМ и Епископатом... Храм наш под сенью Царицы Небесной – “ВЗЫСКАНИЯ ПОГИБШИХ” сохранился неповрежденным – чистым, “ВЦУ” и “ВЦС” не поминалось за Богослужениями. Выражая по существу наше искреннее настроение и радуясь ВАШЕМУ освобождению

и освобождению многих других Архипастырей и пастырей, смиренно просим и впредь считать нас неизменно прибывающими в каноническом общении с ВАШИМ СВЯТЕЙШЕСТВОМ»²⁶.

Приходской совет Успенской, на Покровке, церкви²⁷ докладывает Святейшему, что «в древней церкви Успения Пресвятой Богородицы на Покровке гор. Москвы, служения красного священства не было и что, как притч наш, так и прихожане были далеки от всех обновленческих движений, посему просим ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО, принять нас в СВОЕ молитвенное общение»²⁸ (июль 1923 г.).

Приходской совет Николо-Перервинского монастыря просит Патриарха: «принять нас в Церковное общение возглавляемое Вашим Святейшеством. При этом считаем долгом заявить Вашему Святейшеству, что наша община не имела ни молитвенного, ни благодатного общения ни с одной из обновленческих групп. 1923 г. Июля 24 дня»²⁹.

От притча и прихожан Спасской села Косякова церкви, Бронницкого уезда Московской губернии (19 июля): «Свидетельствуем о своей преданности ВАШЕМУ СВЯТЕЙШЕСТВУ и о том, что ни притч, ни прихожане означенной церкви никогда не склонялись в сторону обновленческих церковных организаций. Имя ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА произносим за всеми богослужениями в нашем храме»³⁰.

В деле имеются и другие заявления и покаянные письма приходских советов и отдельных священнослужителей. В целом мы имеем несколько десятков обращений. Однако это очень небольшое количество, что вызывает ряд вопросов, в частности, какова судьба других общин уклонившихся в обновленчество, где их покаяние? Ответов, по-видимому, может быть несколько. Во-первых, не все письма, не все документы по разным причинам могли сохраниться в архиве патриаршей канцелярии, во-вторых, известно, что многих отпавших Патриарх принимал у себя и келейно прощал содеянный грех, очевидно, покаяние совершалось и при личном посещении Святейшим или владыкой Иларионом того или иного храма. И, наконец, в-третьих, обращаясь к архивным делам за 1922–1923 гг. обновленческого Московского епархиального управления (МЕУ) (ЦИАМ.

Ф. 2303), можно увидеть, что в этот период приходы еще четко не разделены на «тихоновские» и «обновленческие». Таким образом, в обновленческое МЕУ попадали документы, как адресованные непосредственно МЕУ, так и в патриаршую канцелярию. Это могло быть связано и с ошибками почты, и с ошибками самих отправителей, полагавших, что канцелярия Патриарха до сих пор находится на Троицком подворье. Таким образом, в регистрационных журналах МЕУ зачастую можно найти документы с жалобами на самих обновленцев, есть и заявления об их непризнании. Как, например, заявление от 13 августа Уполномоченных прихода Петропавловской, что у Яузских ворот, церкви о неподчинении и непризнании обновленческих ВЦУ и МЕУ³¹. С другой стороны, таких заявлений немного, но можно предположить и то, что корреспонденция на имя Патриарха могла просто уничтожаться в обновленческом епархиальном управлении.

Так или иначе, но и те относительно немногие сохранившиеся покаянные обращения ярко свидетельствуют как о начале в июле 1923 г. активного процесса возвращения уклонившегося в раскол духовенства в Патриаршею Церковь, так и о начавшемся после освобождения Патриарха серьезном кризисе обновленческого движения.

Активный процесс возвращения приходов под юрисдикцию Патриарха, начался и в Петрограде, куда, после хиротонии, был направлен епископ Мануил (Лемешевский). В ноябре 1923 г. к патриаршей Церкви присоединилась Александро-Невская лавра, тогда же обновленческий архиепископ Петроградский Артемий (Ильинский) заявил о своем разрыве с раскольниками.

Стали воссоединяться с Православной Церковью и иерархи старого (до 1922 г.) поставления, уклонившиеся в обновленчество. Так, в 1924 г. принесли покаяние епископы: Серафим (Мещеряков), Севастиан (Вести), Филипп (Ставицкий), Дмитрий (Галицкий), Алексей (Орлов), Софроний (Арефьев), Никон (Пурлевский), Серафим (Силичев) и др.³² Под угрозой краха обновленческая церковь была вынуждена взять курс на свертывание реформаторства: значительно сократилось число архиерейских хиротоний женатых священников, меньше стало количест-

во разрешений вдовым клирикам на второй брак, постепенно происходил отказ от нового стиля.

В кратком информационном отчете АРК Пленуму ЦК РКП (б) о работе за период с 1 мая по 15 сентября 1923 г. дается обзор итогов обновленческого собора, а также приводятся примеры последующего противостояния «тихоновцев» и обновленцев. Отмечено, что на этой почве обновленческое ВЦУ было преобразовано в Синод, который «повел борьбу против тихоновцев объединенным фронтом». Сообщается, что обновленцы стремятся укрепить свое влияние не только в советской России, но и за рубежом, усиленно добиваясь поддержки восточных патриархов (это во многом удалось), а также стремятся подчинить себе православную церковь за границей (здесь у обновленчества не было никаких перспектив). Говорится и о попытках некоторых епископов, из числа «приверженцев Тихона», найти «какую-то линию примирения с обновленцами», что, по-видимому, действительно имело место³³.

Вместе с тем власть не была заинтересована в окончательном поражении обновленчества. Антирелигиозная комиссия на заседании от 14 августа 1923 г. (Протокол № 33/а) рассматривала вопрос «о неправильно взятой линии Питерской прессой и некоторыми парторганами против «обновленцев» за Тихона». Было решено поручить В.Р. Менжинскому составить по этому вопросу циркуляр для парторганизаций, разослав его через ЦК по партийной линии³⁴. С другой стороны, обновленческий Священный Синод, для поднятия пошатнувшегося авторитета, в своих документах нередко ссылался на поддержку обновленчества властными органами. Последние, однако, покровительствовали обновленческому движению далеко не так как раньше, и тем более не хотели афишировать любую деятельность в этом направлении. 31 октября АРК (Протокол № 37) заслушала вопрос «О воззваниях священного Синода, указывающих на связь и поддержку его Соввластью». Материал постановили передать тому же зампреду ГПУ Менжинскому «для расследования и принятия соответствующих мер к недопущению подобных явлений»³⁵.

В июле 1924 г. АРК (Протокол № 53/54 от 02.07), рассматривая вопрос «о церковных группах», принимает решение, свидетельствующее о стремлении властей соборности определенным *status quo* по отношению к обновленцам и «Тихоновцам»: «а) Учитывая могущую быть опасность на почве явной поддержки обновленцев органами власти и ущемления Тихоновцев поручить ОГПУ дать директиву местам о прекращении репрессий применяемых в тактических целях к Тихоновцам... б) Поручить ОГПУ и т. СМИДОВИЧУ дать по своим линиям директивы о том, чтобы распределение храмов происходило с таким расчетом, чтобы староцерковники не оставались без таковых»³⁶.

Тем не менее «симпатии» власти, хотя и закамуфлированные, оставались на стороне обновленцев. Согласно решению АРК от 03.09.24 (Протокол № 55), ГПУ поручалось дать директивы на места, чтобы «последние в работе по усилению обновленческого течения действовали наиболее тактично и совершенно конспиративно, дабы у ... Тихоновцев не могло создаваться мнение, что Соввласть покровительствует обновленцам и по их указке преследует Тихоновцев»³⁷.

Материалы АРК содержат также информацию о мертворожденном проекте создания третьего ВЦУ, «параллельно с Тихоновским и Синодским» (Протокол № 41 от 05.12.23). Судя по тому, что на этом же заседании пока еще было отклонено предложение «о введении к Тихону КРАСНИЦКОГО», речь идет о структуре с участием последнего, еще ранее отделившегося от обновленческого Синода. Было принято решение: «Создание 3-го ВЦУ считать целесообразным и поручить т. ТУЧКОВУ – декларацию этого ВЦУ представить на комиссию»³⁸. Все это, однако, осталось нереализованным, у разделенного обновленчества просто не было внутренних ресурсов для воплощения в жизнь подобного плана. Одновременно можно заметить, что полулегальное патриаршее ВЦУ признается комиссией за силу, с которой приходилось считаться.

Более настойчивыми были усилия Комиссии повлиять на создание единой административной церковной структуры, соединяющей «тихоновцев» и обновленцев. По свидетельству не-

посредственного участника событий протопресвитера В.П. Виноградова, весной 1924 г. Е.А. Тучков неожиданно занял по важнейшему вопросу легализации Патриаршего управления весьма благожелательную позицию. Он заявил, что главное препятствие в том, что в Патриаршем управлении сидят люди, которым советская власть доверять не может, предложив включить в его состав хотя бы одного такого члена, который заслуживал бы доверия властей, а именно – В.Д. Красницкого, якобы готового покаяться. Действительно, В.Д. Красницкий в то время радикально разошелся с другими обновленческими группировками, в том числе и со «Священным Синодом», и его покаяние казалось вероятным. Он на самом деле явился к Патриарху Тихону и выразил готовность к подобному акту. Был составлен проект Высшего Церковного Управления (состоящего из Священного Синода и Высшего Церковного Совета) с участием Красницкого. Тем временем, последний самовольно поселился в Донском монастыре, компрометируя Первосвятителя не только неожиданной близостью с «бывшим» обновленцем, но, в частности, и своим интервью в советских газетах от лица ВЦС, из которого следовало, что не Патриарх принял покаяние Красницкого, а, напротив, как бы сам присоединился к личности и планам последнего³⁹.

Между тем, поскольку покаяние от В.Д. Красницкого так и не поступило, было созвано специальное заседание патриаршего Синода для окончательного решения вопроса. Там В.Д. Красницкий заявил, что согласен принести покаяние при условии, что он будет принят в общение в том «сане», который дал ему обновленческий Собор, а именно – «Протопресвитер всея России», и, кроме того, введен в ВЦС не в качестве рядового члена, а заместителем Председателя. Одновременно он отказался принести извинения за ложное интервью от лица ВЦС. Все это вызвало резкий протест. Часть предполагаемых членов Высшего Церковного Совета, в том числе и В.П. Виноградов, покинула помещение. По его заключению: «После этого заседания ни у кого не осталось ни малейшего сомнения, что ни Красницкий ни о каком «покаянии», ни Тучков ни о какой легализации Патриаршего Управления, а тем более в полном составе его обоих,

установленных Собором 1918 г. органов, вовсе не помышляют, а помышляют скомпрометировать патриарха и Патриаршее Управление в глазах церковного народа... Патриаршее Управление тогда окончательно пришло к решению, что переговоры с Тучковым и Красницким нужно прекратить...»⁴⁰.

Эта ситуация нашла отражение и в протоколах АРК. Первый раз вопрос «о введении к Тихону Красницкого» рассматривался еще 5 декабря 1923 г. (Протокол № 41). Тогда, как уже упоминалось, решение не было принято⁴¹. Следующий раз подобное предложение рассматривалось уже 26 февраля 1924 г. Решение также было отрицательным: «КРАСНИЦКОГО в Синод (“тихоновский” – В.Л.) пока не вводить»⁴². Однако вскоре планы АРК меняются. 25 марта 1924 г. (Протокол № 48) принимается постановление: «Поручить ОГПУ в имеющийся при Тихоне полуофициальный синод ввести ряд намеченных лиц, в том числе и КРАСНИЦКОГО, если Тихон не будет этому противиться»⁴³. Заметим, что в русле так называемого «религиозного нэпа» резолюция выглядела довольно «деликатно». И через две недели, на заседании от 8 апреля (Протокол № 49), принимается аналогичное по тону постановление: «Принимая во внимание, что введение КРАСНИЦКОГО к ТИХОНУ в Управление политически выгодно, поручить тов. ТУЧКОВУ, таковое осуществить и если одних словесных воздействий будет не достаточно, тактично применить другие меры, могущие оказать на Тихона и его приближ[енных] епископов соответствующее воздействие»⁴⁴.

Далее механизм происходящего вполне ясен. Е.А. Тучков заявляет о возможности скорой легализации патриаршего Синода, а В.Д. Красницкий о желании принести покаяние. Абсолютную неискренность последнего и прямую связь с карательными органами подтверждает, в частности, ряд опубликованных в материалах следственного дела Патриарха докладных записок В.Д. Красницкого в ОГПУ, в которых он, именно в указанный период, всячески пытается доказать «явно-контрреволюционную» основу «тихоновщины»⁴⁵.

22 мая 1924 г. АРК (Протокол № 51) вновь рассматривает вопрос «о Тихоне, Красницком и о Евдокимовском Синоде»⁴⁶. Информация ОГПУ принимается к сведению, а Тучкову поручает-

ся: «сегодня же опубликовать в газетах обращение Тихона по поводу совместной работы с Красницким». И здесь, в связи с газетными публикациями, возникает любопытная коллизия. Распространенная версия заключается в том, что в 20-х числах мая 1924 г. Патриарх все же учредил Высшее Церковное Управление, приняв в качестве члена Высшего Церковного Совета, якобы покаявшегося лидера «Живой Церкви» В.Д. Красницкого. Однако, ввиду общецерковного возмущения, через месяц распустил ВЦУ и отстранил Красницкого. В русле подобного представления излагают происходящее, например, А.Э. Левитин-Краснов и В.М. Шавров, ссылаясь на материалы советских газет и зависимые от них обновленческие источники. В частности, упоминается опубликованное в «Известиях» постановление Патриарха и Священного Синода об образовании ВЦУ с включением туда протоиерея В.Д. Красницкого и еще нескольких «живоцерковников». Кроме того, авторы ссылаются на помещенную в «Известиях» «беседу с Тихоном», в которой последний якобы заявляет: «Я пошел навстречу искреннему желанию Красницкого поработать со мной в деле водворения церковного мира, принял его покаяние, несмотря на отрицательное отношение верующих масс к прошлой его деятельности и назначил его в Высший Церковный Совет, но там он является лишь министром без портфеля, поскольку сам Совет не может функционировать ввиду объективных условий, а именно – отсутствия помещения. Хотя вопрос о создании органов церковного управления урегулирован и разрешен... но эти органы не могут приступить к работе по той простой причине, что еще не найдено соответствующее помещение не только для ведения работы, но даже для размещения членов Синода»⁴⁷.

По свидетельству же В.П. Виноградова, Е.А. Тучков напечатал текст несостоявшегося проекта ВЦУ в советских газетах как нечто совершенно реальное и принятое к исполнению. «Неудивительно, что большинство читателей, кроме хорошо знавших истинное положение дела., приняли, хотя и с удивлением, все сообщение за “чистую монету”»⁴⁸. Подобным образом восприняли данную информацию и некоторые из современных исследователей.

В связи с вводом в научный оборот материалов следственного дела Патриарха Тихона в распоряжении историков появились новые документы, подтверждающие свидетельства В.П. Виноградова. В частности, это заверенная копия послания ближайших к Патриарху иерархов, митрополитов Серафима (Александрова) и Петра (Полянского), опровергающих воззвания обновленческого Св. Синода и статьи обновленцев в печати⁴⁹. По их утверждению, подлинными являются заявление Красницкого от 19 мая о готовности принести покаяние и резолюция на нем Святейшего, что он «ради мира и блага церковного, в порядке патриаршей милости» согласен принять Красницкого в общение⁵⁰. Архипастыри указывают, что «оставалось только дело за принесением покаяния КРАСНИЦКИМ». Однако после ознакомления с опубликованным в № 117 «Известий» интервью Красницкого Патриарх сделал следующее распоряжение: «24/V-24 года вследствие заявления о. Красницкого, напечатанного в “Известиях” от 24/V-24 года за № 117, а также [“]Вечерняя Москва[”] от 23/V в коем он, между прочим заявляет о своем признании самочинного собрания 1923 г. Всероссийским поместным собором... что будто бы я вошел (а не он), в общение с ним и я вместе с ним ставлю целью проводить церковно-каноническую программу группы Ж[ивая] Ц[ерковь], установленную двумя съездами этой группы, предлагаю св. Синоду все мои резолюции и все акты св. Синода по делу о. КРАСНИЦКОГО и его группы, считать не состоявшимися – аннулированными»⁵¹.

По свидетельству вышеуказанных архипастырей, этот проект постановления об образовании ВЦУ Патриарх по надписанию положил в ящик письменного стола, не сдавая Синоду, и не пустил в ход, ибо еще не был принят в общение Красницкий, и напрасно последний именует себя членом ВЦС. В послании одновременно указывается, что не могло быть и беседы Патриарха в том изложении, какое она имеет в № 155 «Известий». И далее: «так как все дело с о. КРАСНИЦКИМ представлено неверно, ввиду того, что оно продолжало смущение св. патр[иарх] снова уже 26/VI в резолюции № 523 пишет: “Прошу верить, что я не пойду на соглашение и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости православия... почитаю благонамеренным пре-

кратить всякие переговоры о примирении с КРАСНИЦКИМ и подписи на журнале от 21/VI-24 года об организации при мне Высшего церковного Управления, считать не действительными”».

Вот истинное положение дела. КРАСНИЦКИЙ не принят в общении... Да не смущается же сердце Ваше разными газетными сообщениями»⁵².

Любопытно, что еще 17 июня 1924 г. (Протокол № 52) Комиссия полагала, что ее план осуществлен. «Ввиду примирения Тихона с “живой церковью” (Красницким)», указывалось в постановляющей части протокола, «признать возможным регистрацию врем[енных] тихоновских центральных церковных органов (синода и ВЦС) параллельно с Синодом обновленческим». Очевидно, не совсем прав В.П. Виноградов, рассматривающий маневр властных органов с Красницким, исключительно как провокацию. Во многом это было так, поскольку близость с обновленцами компрометировала Патриарха и близких ему иерархов, однако власть была готова на регистрацию ВЦУ, состоявшего большей частью из «тихоновцев».

Таким образом, мы видим, что и это, практически последнее крупное начинание АРК, имеющее отношение к «обновленческому» расколу, успехом не увенчалось, оказать же более сильное давление на Патриарха и его окружение не позволяла политическая конъюнктура. Да и в этом случае, вряд ли можно было рассчитывать на результат. В Протоколе АРК № 55 от 2 сентября 1924 г. упоминается о попытке Комиссии начать подготовительную работу «по соединению Тихона» с евдокимовским Синодом, но никаких конкретных последствий это решение не имело. И уже до смерти патриарха Тихона (апрель 1925 г.) в материалах Комиссии об обновленчестве почти не упоминается.

Реальную ситуацию по состоянию обновленческого раскола легко проследить по обширной информационной сводке VI отделения СО ГПУ на 1 января 1924 г. Несмотря на то, что во многих губерниях обновленчество еще сохраняло значительное влияние, общая тенденция вполне очевидна. Приведем несколько характерных выдержек из этого документа:

«...ТВЕРСКАЯ ГУБ.

Обновленческое движение продолжает уступать Тихоновскому течению, ввиду продолжающегося панического бегства попов обновленцев в Тихоновскую группу.<...>

ЧЕРЕПОВЕЦКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Борьба течений Тихоновского и обновленческого выразилась в том, что обновленческое течение в большинстве подавлено <...>

ПСКОВСКАЯ ГУБ.

...Почти все Псковское духовенство отмеживается от обновленцев признавая своим духовным вождем патриарха Тихона и создали даже свою организацию.<...>

ПЕТРОГРАДСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Среди церковников идет бешеная борьба. Поставленный патриархом Тихоном епископ Мануил **открыто громит** обновленцев.<...>

АКТЮБИНСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Ряды обновленческого движения все больше и больше редуют и наоборот реакционное духовенство привлекает в свои ряды верующую массу. <...>

УРАЛЬСКАЯ ГУБ.

Обновленческое духовенство на точке замерзания...»⁵³.

Общий итог деятельности Патриарха по борьбе с расколом и восстановлению церковной организации характеризует доклад Е.А. Тучкова о «состоянии группировок» и о проделанной работе с 1 ноября 1924 г. по 1 февраля 1925 г. Вот как он описывает ситуацию: «В настоящее время тихоновская церковь... приобрела вновь вид идеологического и органического целого. Иерархический аппарат значительно восстановлен: почти в каждой губернии есть один, а иногда и несколько тихоновских епископов... В настоящее время тихоновщина наиболее сильная и многочисленная из оставшихся в СССР антисоветских группировок»⁵⁴.

По утверждению Е.А. Тучкова: «Амнистированный Тихон стал значительно смелее и *наши советы для него стали не обязательны*. Обновленческое течение значительно упало духом, имея в лице Тихона весьма сильного и освобожденного от суда противника»⁵⁵.

Таким образом, мы видим, что именно освобождение Патриарха Тихона, который стал объединяющей фигурой в борьбе с расколом, резко изменило соотношение сил в пользу патриаршей Церкви. Дезориентированные и проявившие слабость под нажимом обновленчества церковные приходы и часть епископата после покаяния стали активно возвращаться в каноническую юрисдикцию. Этому способствовала и позиция властей значительно уменьшивших поддержку обновленческой церкви. Однако обновленчество еще оставалось значительной силой и предпринимало серьезные попытки не только к укреплению своего положения, но и вновь пыталось занять господствующие позиции в церковной жизни. Этому должны были способствовать такие масштабные мероприятия как «Великое предсоборное совещание» и обновленческий «собор» 1925 г.

---

¹ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

² *Василий Виноградов, протопресвитер. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925) // Церковно-исторический вестник. № 1. 1998. С. 16.*

³ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 4. Л. 76–77.

⁴ Там же. Л. 151.

⁵ Акты Святейшего Тихона... С. 284.

⁶ Там же. С. 290–291.

⁷ *Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1994. С. 230. Совершенно аналогично отражена ситуация в «Известиях», где в одном из номеров помещен обзор откликов читателей на церковные события: «Красноармеец 21 полка N-й дивизии А. Сухорук в конце своего письма по поводу полемики в рясофорном лагере образно замечает: «Ай да молодцы. А ну-ка еще.. Отгрызите у друг друга хвосты стучайтесь лбами!» А рабочий саратовских ж-д мастерских пишет: «Вот уж мы животки надорвали, читая как попы дубасят друг друга. Пускай и дальше упрекаются. Нам нечего им мешать» (Известия. 1923 г. 13 июля. № 155 (1892)).*

⁸ РГИА. Ф. 831. Д. 196. Л. 1–1 об. Речь идет о храме Покрова Пресвятой Богородицы в Красном селе. В 1920–1930 гг. здесь часто совершал службы и архиерейские хиротонии митрополит Сергей (Страгородский), о чем упоминается в начавшем выходить в 1931 г. и вскоре закрытом Журнале Московской Патриархии. В 1933 г. храм был закрыт и частично разрушен. Ныне восстановлен.

⁹ Там же. Л. 4. Здесь и далее – подчеркнуто в тексте письма. Также известный московский храм. В советское время не закрывался.

- ¹⁰ Там же. Л. 17. Храм не закрывался. С 1936 года Пименовский храм стал главным московским храмом обновленцев, а затем и их последним оплотом. Здесь в 1946 г. совершилось отпевание обновленческого «митрополита» Александра Введенского.
- ¹¹ Речь идет о храме Николая Чудотворца в Кошелях (у Яузских ворот). Снесен около 1937 г.
- ¹² РГИА. Ф. 831. Д. 196. Л. 7.
- ¹³ Там же. Л. 37. Речь идет о Храме Святителя Николая Мирликийского в Дербене. Он, тем не менее, был захвачен обновленцами. Закрыт в конце 1920-х гг., сильно перестроен. Богослужения возобновлены с 1994 г. В 2000 г. начались и продолжают по настоящее время реставрационно-восстановительные работы.
- ¹⁴ Там же. Л. 38. Храм в честь святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии на Миусском кладбище. Здесь до ареста в 1922 г. неоднократно служил Патриарх Тихон. Храм остался за обновленцами, был закрыт в 1934 г. Возвращен верующим в 1990 г.
- ¹⁵ Там же. Л. 44.
- ¹⁶ Там же. Л. 45. Православный мужской монастырь в Дмитровском районе Московской области. Закрыт в конце 1920-хх гг., в 2007 г. началось возрождение обители.
- ¹⁷ Имеется в виду будущий обновленческий «митрополит» Георгий (Добролюбов).
- ¹⁸ РГИА. Ф. 831. Д. 196. Л. 56. Храм Святителя Николая в Голутвине будет закрыт в 1923 г. В 1992 г. возобновились богослужения. В 1990-е гг. проведены ремонтно-восстановительные работы.
- ¹⁹ Там же. Л. 62. Бородинский во имя Нерукотворного Образа Спасителя женский монастырь. Закрыт в 1929 г., обитель открыта в 1992 г.
- ²⁰ Снесен в середине 1930-х гг.
- ²¹ РГИА. Ф. 831. Д. 196. Л. 6.
- ²² Там же. Л. 8.
- ²³ Там же. Л. 23. Речь идет о Троицком соборе (Собор. Св. Троицы) г. Клина. В мае 1924 г. Троицкий собор перешел в ведение обновленческой общины. В 1930-е гг. здания комплекса были отобраны государством и перестроены. В 2008 г. Троицкий собор был передан Русской Православной Церкви.
- ²⁴ Там же. Л. 28. Храм закрыт и снесен в 1929 г.
- ²⁵ Там же. Л. 59. Церковь Иконы Божией Матери «Знамение» в Иевлево. Московская губ. Клинский уезд. Разрушена в середине XX в.
- ²⁶ Там же. Л. 19. Храм будет закрыт не ранее 1929 г., разрушен во второй половине 1930-х гг.
- ²⁷ Церковь Успения Пресвятой Богородицы на Покровке (в Котельниках). Разрушена в 1936 г.
- ²⁸ РГИА. Ф. 831. Д. 196. Л. 39.
- ²⁹ Там же. Л. 42. Монастырь был закрыт в конце 1920-х гг. Богослужения в Никольском соборе совершались до 1941 г. С 1991 г. началось возрождение обители. С 1995 г. имеет статус Патриаршего подворья.
- ³⁰ Там же. Л. 82. Храм Спаса Нерукотворного Образа в Косяково был закрыт в 1935 г., вскоре разрушен.

- ³¹ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- ³² *Цыпин В., протоиерей.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). Издание Сретенского монастыря. М., 2012. С. 112.
- ³³ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 420–423.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 27.
- ³⁵ Там же. Л. 36.
- ³⁶ Там же. Д. 775. Л. 3.
- ³⁷ Там же Л. 6.
- ³⁸ Там же. Д. 565-а. Л. 47.
- ³⁹ В.Д. Красницкий заявил буквально следующее: «*Сведения о том, что патриарх Тихон вошел в общение со мной и с некоторыми другими членами революционной группы духовенства и мирян “Живая Церковь” совершенно справедливы.*» И далее, на вопрос о ближайших планах его и Патриарха обновленческого деятеля, в частности, заметил: «*Вообще мы будем проводить как политическую, так и церковно-каноническую программу группы “Живая Церковь”, установленную нашими двумя всероссийскими съездами.*» (Известия. 1924. № 117 (2152)).
- ⁴⁰ *Василий Виноградов, протопресвитер.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925). Мюнхен, 1959. С. 29.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 47.
- ⁴² Там же. Л. 55.
- ⁴³ Там же. Л. 58.
- ⁴⁴ Там же. Л. 59 об.
- ⁴⁵ Следственное дело Патриарха Тихона. Раздел II. Док. № 121, 122, 126.
- ⁴⁶ Обновленческий Священный Синод, организованный 8 августа 1923 г. возглавил иерарх старого (до мая 1922 г.) поставления, бывший митрополит Евдоким (Мещерский).
- ⁴⁷ *Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты: (20-е – 30-е гг. XX в.): В 3 т. Париж: Кюншахт (Швейцария): Glaube in der 2. Welt, 1978. С. 389; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сб.: в 2 ч. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 326; Известия. 1924. № 155 (2190).
- ⁴⁸ *Виноградов Василий, протопресвитер.* Указ. соч. С. 29.
- ⁴⁹ Следственное дело Патриарха Тихона. Раздел II. Док № 141. См. также: *Сафонов Д.В.* Указ. дис. С. 127–132.
- ⁵⁰ Следственное дело Патриарха Тихона. Док. № 123.
- ⁵¹ Там же. С. 777.
- ⁵² Там же. С. 778.
- ⁵³ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. Кн. 2. С. 365–394.
- ⁵⁴ Там же. С. 443–445.
- ⁵⁵ Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000. С. 50.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 [Текст]: сборник в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М., 1994.
- Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. [Текст]. Кн. 1. М., 1997; Кн. 2. Новосибирск; М., 1998.
- Виноградов Василий, протопресвитер.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925) [Текст]. Мюнхен, 1959.
- Виноградов Василий, протопресвитер.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1925) [Текст] // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1.
- Краснов-Левитин А.Э.* Очерки по истории русской церковной смуты (20-е – 30-е гг. XX в.) [Текст]: в 3 т. / А.Э. Краснов-Левитин, В.М. Шавров. Париж: Кюншахт (Швейцария): Glaube in der 2. Welt, 1978. 3 т.
- Милюков, П.Н.* Очерки по истории русской культуры [Текст]: в 3 т. Т. 2, ч. 1. М., 1994.
- Сафонов Д.В.* Патриарх Тихон и советская власть [Текст]: к проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг. М., 2004.
- Цытин, В., протоиерей.* История Русской Православной Церкви. Синопсальный и новейший периоды (1700–2005) [Текст]. Издание Средне-тенского монастыря. М., 2012.

Вопросы тайных выборов патриарха и отношений с зарубежным духовенством в материалах следственного дела митрополита Сергия (Страгородского)¹

В статье рассматривается содержательная сторона следственного дела митрополита Сергия (Страгородского). Показывается отражение в документах этого дела: обсуждения митрополита Сергия с епископатам Русской Православной Церкви вопроса о выборах Патриарха, международных связей митрополита Сергия, его контактов с зарубежным духовенством.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, митрополит Сергий (Страгородский), карательные органы, ОГПУ, репрессии, антирелигиозная кампания, Декларация митрополита Сергия, епископат, духовенство.

Lobanov V.V.

ISSUES OF SECRET ELECTIONS OF THE PATRIARCH AND RELATIONS WITH FOREIGN CLERGY IN THE MATERIALS OF THE METROPOLITAN'S INVESTIGATION SERGIUS (STRAGORODSKY)

The article deals with the content of the investigation of Metropolitan Sergius (Stragorodsky). The article shows the reflection in the documents of this case: the discussion of Metropolitan Sergius with the episcopate of the Russian Orthodox Church on the election of the Patriarch, international relations of Metropolitan Sergius, his contacts with foreign clergy.

Key words: Russian Orthodox Church, Metropolitan Sergius (Stragorodsky), punitive organs, OGPU, repressions, antireligious campaign, Declaration of Metropolitan Sergius, episcopate, clergy.

После смерти Патриарха Тихона 7 апреля² 1925 г. избрание нового предстоятеля на Поместном Соборе было невозможно. На погребении Патриарха в присутствии 56 архиереев было оглашено завещательное распоряжение «В случае нашей кончины, наши Патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового Патриарха, представляем временно Высокопреосвященнейшему Митрополиту Кириллу. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященнейшему Митрополиту Агафангелу. Если же и сему

Митрополиту не представится возможность осуществить это, то наши Патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященнейшему Петру, Митрополиту Крутицкому»³ вышеозначенные митрополиты в тот момент находились в лагере и обязанности Патриаршего Местоблюстителя были возложены на митрополита Крутицкого Петра (Полянского), что было засвидетельствовано и одобрено присутствующими архиереями. Но вскоре, 10 декабря 1925 г., под арест был заключен и Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский), который, в свою очередь, оставил распоряжение на случай своего заточения: «В случае невозможности, по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященному Сергию (Страгородскому) <...> Возношение за богослужением моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным»⁴. Таким образом, законным главой Церкви оставался митрополит Петр (Полянский), но фактическим главой Церкви стал Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), каковым он и останется вплоть до своей смерти в 1944 г. Но условия, в которых митрополит Сергей получил управление Церковью кардинально отличались от тех условий, которые были полгода назад на погребении Патриарха Тихона, митрополиту Сергию еще предстояло ознакомить иерархов Церкви с распоряжением Местоблюстителя Патриаршего престола и заслужить их признание.

Безусловно, в это время одной из главных забот митрополита Сергия, как фактического главы Русской Православной Церкви, было «устройство жизнеспособных и закономерных органов высшего церковного управления. После кончины патриарха Тихона прекратил свое существование учрежденный им Временный Патриарший Синод. Поэтому самой актуальной задачей церковной власти было образовать новый Синод и добиться его легализации»⁵. Летом 1926 г. митрополитом Сергием (Страгородским) в НКВД была направлена просьба о легализации Высшего церковного управления вместе с проектом

обращения к всероссийской пастве, где выражалась лояльность Церкви к Советскому правительству. Проект должен был быть подписан вслед за решением правительства о легализации Русской Православной Церкви с Советском Союзе. «В целях найти выход из такого положения и следуя примеру Святейшего Патриарха, я обратился к народному комиссару внутренних дел с просьбой о регистрации нашего Церковного Управления и теперь имею радость сообщить вам, что моя просьба удовлетворена. <...> Получая таким образом права легального существования, мы ясно отдаем себе отчет и в том, что вместе с правами на нас ложатся и обязанности по отношению к Советской власти, которая дает нам эти права. И вот я взял на себя от лица всей православной староцерковной иерархии и паствы засвидетельствовать перед Советской властью нашу искреннюю готовность быть вполне законопослушными гражданами Советского Союза, лояльными гражданами к его правительству и решительно отмежеваться от всяких политических партий и предприятий во вред Союзу»⁶. Но не умолчал заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола в своем обращении и о разногласиях между Церковью и советским правительством, коренящихся в самой его идеологии, о «глубоких расхождениях в самих основах мирозерцания между коммунистическим государством и Православной Церковью»⁷: «Но, будучи искренними до конца, мы не можем замалчивать того противоречия, какое существует между нами, православными, и коммунистами-большевиками, управляющими Союзом. Они ставят своей задачей борьбу с Богом, Его властью в сердцах народа; мы же весь смысл и всю цель нашего существования видим в исповедании веры в Бога и в возможно широком распространении и укреплении этой веры в сердцах народа. Они признают лишь материалистическое понимание истории, а мы верим в Промысел Божий, чудеса и т.д.»⁸. Но в проекте «Декларации» митрополит Сергей говорит о недопустимости для Русской Православной Церкви следить за политическими взглядами церковных иерархов и верующих людей. Уже здесь митрополит Сергей подчеркивает необходимость прекращения антисоветских выступлений дабы не бро-

сать подозрения на Русскую Православную Церковь. Но так же подчеркивал митрополит Сергей и возможность подчинения паствы государственной власти, в ответе на вопрос анкеты об отношении к Советской власти указал: «одинаково подчиняюсь как Сов. власти, как всякой другой, например царской, или подчинился бы демократической власти, если бы она была – притом добросовестно»⁹. Но проект Декларации не был принят властями и таким образом путь к Поместному Собору все еще был закрыт.

Одновременно с этим группа епископов во главе с Павлином (Крошечкиным) начала подготовку тайных выборов патриарха путем подачи письменных заявлений епископами Русской Православной Церкви. Именно эта инициатива и послужила поводом для ареста в ноябре 1926 года Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергея (Страгородского) и ряда иерархов: епископа Рыльского Павлина (Крошечкина П.К.), епископа Печерского Григория (Козлова В.С.), епископа Свердловского и Ирбитского Корнилия (Соболева Г.Г.), епископа Ковровского Афанасия (Сахарова С.Г.), а также диакона Успенского храма села Косино Ухтомского района Иоанна (Смирнова И.Я.).

Данное следственное дело хранится в Центральном архиве ФСБ РФ. Серьезный обзор этих документов содержится в статье отца Александра (Мазырина) ««Духовный собор» епископов и вопрос о тайных выборах патриарха в 1926 г.»¹⁰. В следственном деле хранятся протоколы допросов арестованных священнослужителей, а так же митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых) и текст документа, названного декларацией Соловецких епископов. Первой и главнейшей темой допросов, вошедших в протоколы была деятельность по тайным выборам Патриарха.

По словам Александра Мазырина «попытка тайных выборов Патриарха в 1926 г. представляет собой одну из самых драматичных и в тоже время загадочных страниц новейшей истории Русской Православной Церкви»¹¹. Время, которое было выбрано епископом Павлином для проведения тайных выборов, трудно было назвать даже относительно спокойным, кроме пристального внимания со стороны государства, Церковь раздиралась

внутренними расколами. Весной 1926 г. митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) объявляет себя Местоблюстителем Патриаршего престола, что породило сильные волнения внутри Патриаршей церкви. Митрополит Агафангел считал, что на основании завещания покойного патриарха Тихона, в отличие от ВВЦС, он имеет определенные основания претендовать на высшую церковную власть, но его действия были не согласованы ни с православным епископатом, ни с действующим Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Петром «и, напротив, согласовано с ОГПУ»¹². Что привело к консолидации епископов вокруг митрополита Сергия, который вел достаточно жесткую полемику с митрополитом Агафангелом по поводу прав Местоблюстителя Патриаршего престола.

В протоколах ОГПУ зафиксированы различные темы, особенно при допросах митрополита Сергия, но все же главной темой оставались тайные выборы патриарха. Начал свою деятельность епископ Павлин с поездки в Нижний Новгород, где в то время находился митрополит Сергей, лишенный возможности выезда в Москву. О цели своей поездки епископ Павлин на допросе в ОГПУ показал: «В октябре месяце сего года я получил назначение, или, вернее, предложение стать епархиальным епископом Полоцко-Витебской епархии. Предложение исходило от заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия Нижегородского. По этому поводу я отправился в Нижний Новгород к митрополиту Сергию, так как официального уведомления об этом еще не получал, а ехать мне туда по некоторым причинам не хотелось. Эту поездку я использовал для разрешения с Сергием одного интересовавшего меня вопроса, а именно: я, как и многие церковные деятели, удручен неустройством в православной патриаршей церкви, возглавляемой в настоящее время митрополитом Сергием, ввиду заключения патриаршего Местоблюстителя Петра, ввиду отсутствия патриарха вообще, наличие которого я и некоторые другие епископы считаем необходимым»¹³. Епископ Павлин предложил провести избрание Патриарха путем подачи епископами письменных мнений о кандидатуре Патриарха. Тем не менее, на допросе митрополит Сергей признался, что не был полностью уверен в каноничности выборов патри-

арха предложенным способом: «Раньше ноября сего года (1926 г. – *В.Л.*) ко мне в Нижний [Новгород] приехал епископ Павлин Рыльский и повел беседу о необходимости для выхода из создавшегося церковного положения – выбора патриарха путем подачи голосов епископами, т.е. путем далеко необычным. Такое заранее было бы спорным, как применяющееся, по-видимому, в первый раз»¹⁴. В связи с этим митрополит Сергей указал, что для его обращения к иерархам ему необходим документ, подписанный 20–30 архиереями, составлением которого и занялся епископ Павлин, предварительный текст обращения, по его словам, имел приблизительно следующее содержание: «ввиду тревожного положения церкви желательно начать дело об избрании патриарха митрополита Кирилла, при чем способом избрания указывалось собрание мнений (письменных) только православных епископов»¹⁵.

Инициатор проведения тайных выборов был убежден в необходимости избрания в патриархи непременно митрополита Кирилла (Смирнова), в то время, как часть епископов, поддерживавших саму идею избрания патриарха, тем не менее, не считали кандидатуру митрополита Кирилла неперменной: «Павлин пошел с этим документом (обращением к митрополиту Сергию с просьбой дать делу ход. – *В.Л.*) к находящимся в Новгороде епископам Фаддею, Дионисию и Григорию. Последний подписал первым, причем, не возражая против выборов патриарха по существу, не соглашаясь с обязательностью кандидатуры Кирилла; Павлин считал, что единственным бесспорным кандидатом будет Кирилл, о чем и было указано в уже упомянутом документе на мое имя. Фаддей присоединился к мнению епископа Григория, с ним был согласен и епископ Дионисий»¹⁶.

Как говорил сам Павлин: «Не все писали одинаково, но на необходимости патриарха согласились все»¹⁷. Митрополит Иосиф (Петровых), в то время митрополит Ленинградский, на допросе показал, что, несмотря на то, что подал свое мнение, считая желательным кандидатом или митрополита Кирилла или митрополита Сергия, не был сторонником подобного решения вопроса об избрании патриарха: «вовсе не считал, что

давая свое мнение присоединяюсь к какому-то решению, долженствующему заменить соборное решение. Я имел в виду совещание, которое должно было состояться в г. Владимире, и полагал, что это просто предварительный обмен мнениями перед совещанием. Павлин мне не говорил, что сумма мнений по этому вопросу будет иметь характер постановления собора и я сам считаю “собор по переписке” нелепостью. Зная я это – я ни в коем случае своего мнения не подавал бы по указанной причине»¹⁸. Таким образом, мы можем видеть, что решение столь серьезного для Церкви вопроса как избрание патриарха было немыслимо по переписке еще и в связи с тем, что сами епископы далеко не всегда с точностью понимали за что происходит подача голосов, что могло лишь запутать дело.

Епископ Муромский Евгений (Кобранов), также допрошенный следователем ОГПУ по делу об избрании патриарха, рассказал о визите к нему епископа Павлина в марте 1926 г.: «В третий раз после моих указаний, что если он (епископ Павлин. – *В.Л.*) хочет что либо скрыт от меня, то пусть уходит, он рассказал мне о заявлении 22-х епископов митрополиту Сергию, о необходимости избрать митрополита Кирилла в патриархи, путем голосования среди епископата. Он же спросил у меня ученую справку, бывали ли в истории подобные примеры. Я указал только один случай – на Третьем Вселенском Соборе 49 епископов поставило Максима патриархом Константинопольским»¹⁹. Одновременно епископ Евгений отметил свое удивление о начале указанного дела, в связи с тем, что знал и разделял чаяния митрополита Сергия о легализации Церкви: «В то же время я удивился, как Сергей при его уме и дипломатичности решился одновременно с работами по легализации церкви, не дожидаясь результата, дать движение такому делу»²⁰. Епископ Павлин же на эти сомнения уверил в безнадежности дела легализации и «что весь епископат уже высказался за Кирилла, что в случае моего отказа – дело обойдется без меня и т.д.»²¹.

Говоря же о митрополите Сергии, следует признать, что все же своей главной задачей он видел в легализацию Церкви в

Советском государстве, о чем и показал на допросе в ОГПУ: «Во время моего пребывания в Москве для улаживания церковных дел, я с епископом Корнилием ((Соболевым). – В.Л.) имел беседы частного характера по этому вопросу, так как я у Корнилия жил. И я, и Корнилий – мы оба смотрели одинаково, что в случае, если бы мне удалась регистрация (юридическое оформление моего положения) – все Кирилловское дело – т.е. выборы его в патриархи, а вернее выборы патриарха вообще – отпало бы, так как в таком случае летом [19]27 года предполагался созыв поместного собора, где вопрос о патриархе был бы решен. В случае неудачи регистрации – дело продолжалось бы дальше, (т.е. собрание голосов), независимо ни от чего»²².

Епископ Печерский Григорий (Козлов) на допросе показал: «Я не знаю, кого бы там выбрали, но митрополит Сергей в качестве патриарха был бы для меня приемлемее. Сама постановка вопроса носила, по-моему, анкетный характер, о возможности избрания патриарха путем голосования записками на случай, если бы власть так и не разрешила бы нам собор, на котором в случае разрешения, вопрос об избрании патриарха явился бы одним из наиболее важных»²³. Таким образом, можно видеть, что даже епископы, давшие положительный ответ, все же не до конца разделяли саму идею подобного избрания патриарха, для большинства из них предпочтительнее был все же традиционный собор епископов Русской Православной Церкви, который был бы возможен лишь после легализации Церкви в Советском государстве, кроме того, далеко не все безусловно соглашались на кандидатуру митрополита Кирилла, а, значит, и этот вопрос требовал отдельного детального рассмотрения собором епископов.

Епископ Павлин так описывает свои поездки по стране для собирания подписей на допросе 9 декабря 1926 г. в ОГПУ: «Первым подписал документ епископ Корнилий Свердловский, согласившийся и на Кирилла, вторым – я; в Москве еще подписался к документу епископ Алексей Готовцев; был я в Курске у митрополита Назария, у Полтавского архиепископа Григория, в Ленинграде подписалось 4 епископа: Дмитрий, Гавриил и еще двое, имена, которых я позабыл. В числе по-

следних двух один вернулся из Соловков и сообщил, что “соловецкие епископы” (заключенные в Соловках) также беседовали по этому вопросу и вынесли решение также в пользу патриарха и Кирилла. <...> Был я в Киеве у находящегося на покое епископа Василия, видел у Сергия еп. Митрофана; они подписались. Подписался также Иосиф Петровых, митрополит Ленинградский, подписались Харьковские епископы Макарий и Аркадий, а за арестованного митрополита Константина подписался я, так как знал его мнение по церковному вопросу, в частности, по этому поводу»²⁴.

Вопрос о кандидатуре митрополита Кирилла следователь предложил и епископу Афанасию (Сахарову), на что он ответил, что считает митрополита наиболее достойным кандидатом. При замечании следователя о том, что митрополит Кирилл подвергся репрессиям за антисоветскую деятельность, епископ заметил: «при отделении церкви от государства, оформленного законом, я полагаю, для государства безразлично, кто будет стоять во главе церкви. В данном случае, я думаю, что политическая деятельность Кирилла нас, церковных деятелей, не касалась. Достаточно того, что он подходит, по моему мнению, для возглавления церкви; кроме того, я знал, что в последнее время власть облегчила его положение, а раньше отзывалась о нем как о человеке лояльном»²⁵. О доверии к митрополиту Кириллу со стороны церковных деятелей говорил и епископ Иосиф (Петровых), хотя отмечал, что лично его не знает и его настроений и отношений к Соввласти тоже не знает²⁶.

Сам Павлин не сомневался в безоговорочной поддержке митрополита Кирилла со стороны православного духовенства. «Беседовать по вопросу об избрании в патриархи Кирилла мне пришлось и с Корнилием, и с Кобрановым. И с тем и с другим я говорил предположительно, в частном порядке, что хорошо бы, если бы от имени Кирилла вперед составить обращение к русской иерархии и к восточным патриархам. Вернее, я говорил о подготовке послания для Кирилла, которое бы он подписал по вступлении, если бы пожелал послать. При этом я особенно содержания этого послания не развертывал, я

ограничился указанием на характер обращения, указывая, что первое, т.е. обращение к русской иерархии должно быть в виде благословения от первоепископа (если бы его признали). Которое, по моему предположению, должно было быть обращением о признании Кирилла восточными патриархами»²⁷. Уверенность епископа Павлина нашла свое выражение и в том, что в разговоре с епископом Евгением (Кобрановым) «требовал [от епископа Евгения] написать по историческим образцам обращение будущего патриарха к пастве, Константинопольскому патриарху и обращение епископов к Кириллу, чтобы он согласился»²⁸. Таким образом, по мысли епископа Павлина, епископ Евгений должен был одновременно подготовить тексты обращений будущего патриарха и текст, обращенный непосредственно к будущему патриарху, с целью убеждения его занять Патриарший престол. Сама подобная постановка вопроса представляется достаточно удивительной. Кроме того, следует в первую очередь отметить, что всю свою деятельность епископ Павлин начал, не получив согласия со стороны митрополита Кирилла, что удивляло следователей ОГПУ, на вопрос: «Как Вы взяли избирать Кирилла, не спрашивая его согласия?» – епископ Павлин сказал, что «мы об этом не рассуждали. Вернее, я об этом не рассуждал»²⁹, чем епископ Павлин подчеркивает лишь свою ответственность за деятельность по избранию патриарха подобным путем.

Но кроме неуверенности в каноничности подобного способа избрания главы Церкви, митрополит Сергей видел и иные сложности, связанные с таким способом избрания патриарха. Епископ Павлин следующим образом описал свою встречу с митрополитом Сергием: «Когда Сергей последний раз вернулся из Москвы, я поехал к нему с этим документом (подписанным обращением. – *В.Л.*) и снова стал просить его сделать обращение в том же роде, как я говорил выше. Сергей говорил, что таким образом мы можем возбудить неудовольствие гражданской власти; я его уверял, что контрреволюции здесь нет, а есть частное церковное дело и власть мы не затрагиваем»³⁰. «В беседах с Сергием я указывал, что раз у нас есть епископы с титулами архиепископов и митрополитов, то нет

ничего удивительного и преступного в том, если у нас будет первоепископ с титулом патриарха, если только на это согласятся епископы»³¹.

Митрополит Сергей справедливо указал епископу Павлину на то, что тайные выборы патриарха затевались без ведома канонического главы Русской Православной Церкви, временно отстраненного от фактического управления Церковью, митрополита Петра (Полянского). «Я – отмечал митрополит Сергей на допросе в ОГПУ – поставил Павлину условие *sine qua non* (необходимое условие, “то, без чего невозможно”) получить отзыв митрополита Петра Крутицкого». Священник Александр Мазырин трактует это условие следующим образом: «Этим “*sine qua non*” митрополит Сергей убивал сразу двух зайцев: снимал (до определенной степени) вопрос о каноничности выборов и слагал с себя политическую ответственность за происходившее. Если учесть, что митрополит Петр тогда был заключен в Суздальском политизоляторе и получить к нему доступ можно было только при помощи ОГПУ, в “условии *sine qua non*” митрополита Сергея можно увидеть ненавязчивую рекомендацию епископу Павлину урегулировать вопрос и с властью тоже»³². В действительности же очевидно, что говорить о законности выборов Патриарха без ведома главы Церкви было бы неправомерно.

Сам митрополит Сергей, понимая, что инициатива тайных выборов Патриарха является весьма спорной, настаивал на необходимости получения отзыва всех иерархов Церкви: «Я взял от Павлина его документ, прочитал его; написал обращение к иерархам с предложением высказаться по существу, не входя сам в рассмотрение этого вопроса. Отдал его Павлину. Отзывов по этому вопросу я еще до ареста не имел»³³. Таким образом, мы видим, что митрополит Сергей не инициировал проведения голосования, а лишь просил епископов высказаться по указанной проблеме. На это обратил внимание митрополит Сергей в своем ответе на вопрос следователя о причинах секретности деятельности по избранию патриарха: «Во-первых мы не хотели до времени предавать огласке вопрос об избрании патриарха в церковных кругах; пока не вы-

ясниться среди, хотя бы, епископов. Во-вторых исходили из соображений, что гражданская власть может в самой технике работы (разъезды и т.д.) усмотреть какой-нибудь заговор и предпочитали, чтобы она узнала об этом после, когда вопрос примет серьезный характер»³⁴. В этом можно видеть явное нежелание митрополита Сергия инициировать начало деятельность по избранию патриарха и, очевидно, одной из важнейших причин этому были попытки законной легализации Православной церкви в Советском государстве, чему могли повредить разъезды по стране и тайное собрание голосов православных епископов.

Епископ Павлин при разговорах с иерархами зачастую ссылался на утвердительное решение, принятое епископами, находившимися в Соловецком лагере, епископ Корнилий, говоря о возможности приписать ему инициативу по избранию патриарха отметил, что никакой связи между решением вопроса о патриаршестве на Соловках и подготовкой к избранию на практике, не было³⁵. Епископ Корнилий показал, что видел у епископа Павлина «документ за подписью одного лица, недавно вернувшегося из Соловков»³⁶. Имя этого лица епископ назвать отказался, поскольку показывать о других «считал непорядочным». «Это лицо удостоверяло, что все заключенные в Соловках епископы единодушны по вопросу о необходимости иметь в качестве кандидата в патриархи именно митрополита Кирилла. Эта кандидатура была обсуждена в Соловках гораздо раньше, чем началось дело по проведению самого избрания Кирилла»³⁷. На этот документ ссылался епископ Павлин и при посещении им митрополита Сергия: «Епископ Павлин, во время приезда ко мне с обращением, уже снабженным подписями, в беседе мне сообщил, что находящиеся в Соловках епископы думают также, что выборы патриарха необходимы, и произвести их можно путем подачи мнений епископами, т.е. так же, как думает епископ Павлин»³⁸.

Но избрание патриарха было не единственной темой, затронутой во время допросов митрополита Сергия, ему были предложены и вопросы, не имевшие отношения к тайным выборам Патриарха, а относившиеся к жизни Церкви вообще и деятель-

ности других организаций. Не обошли стороной следователи ОГПУ посещение митрополита Сергия англо-американскими общественными деятелями. На просьбу рассказать об этом визите митрополит показал: «Часов в 10 вечера этот посетитель (член делегации, вернувшийся за забытой шляпой. – *В.Л.*), сидевший с остальными делегатами молча, явился ко мне с переводчицей и завел здесь беседу о положении у нас в области церковной педагогики. Интересовался положением у нас детской проповеди и здесь я должен был ему разъяснить, что по Советским законам самая такая проповедь, независимо от ее политичности или аполитичности, невозможна. Говорили о состоянии у нас церковных пасторских школ. Он отрекомендовался клириком из Лос-Анжелеса, сообщил, что он член какого-то бюро: “Пробуждение Востока”, что у них есть отделения в Париже, Берлине, Америке и т.д., что сейчас главное их внимание обращено на армянскую и сирийскую церкви, что у них издаются журналы и литература, что они поддерживают некоторые восточные церкви и материально. Предложил мне помощь литературой, рекомендовал ее получить через какое-то консульство, посоветовал усилить проповедь и т.д. Много интересовался вопросами богословскими. <...> У меня создалось впечатление о нем, как о пасторе-миссионере что ли, желающем поудить рыбу в мутной воде – воспользоваться положением церкви православной в интересах своей церкви»³⁹. То есть митрополит Сергей заявил о возможной деятельности на территории России со стороны различных иностранных проповедников, что не только грозило ослаблением Православной церкви в России, но и проблемами внутривластного порядка, так как зачастую иностранные религиозные организации предполагают воздействие и управление извне.

Кроме того, важным вопросом, поднятым на допросах в ОГПУ, был вопрос о заграничном духовенстве и о контактах с ним митрополита Сергия.

Митрополит Сергей обращал внимание на отсутствие какой-либо официальной связи с эмигрантской церковью: «Я не отвечал на все попытки так или иначе связаться со мной за границы, так как считал обратившихся ко мне людей случайными, неиз-

вестно кем уполномоченными, а серьезных обращений ко мне не было. Во всяком случае, я сносился бы с православной церковью за границей вполне официально, в определенных формах и вполне открыто, старался бы не давать своего имени для прикрытия их (заграничников) планов и деятельности»⁴⁰. И таким заявлением митрополит Сергей отрекается от всей антисоветской деятельности заграничного духовенства, как он говорил это и в проекте декларации, именно это было одно из главных требований от Советских властей, сначала предъявляемых патриарху Тихону, а впоследствии митрополиту Сергию, как фактическому главе Русской церкви.

Но, тем не менее, митрополит Сергей вел частную переписку с представителями заграничной церкви. Письмо епископов Феофана (Быстрова) и Серафима (Соболева) было представлено ему на допросе в ОГПУ: «Я полагал, что говорить мне о нем, как об ответе на частное письмо на следствии не обязательно, почему и умолчал о нем. Прошу обратить внимание на соответствие этого письма с моими принципиальными взглядами, высказанными мною в проекте моей декларации правительству СССР, написанной мною в мае месяце и последними набросками декларации»⁴¹. В указанном письме епископы Феофан (Быстров) и Серафим (Соболев) спрашивали, как поступить в сложившейся ситуации православным епископам, оказавшимся в эмиграции и не примкнувшим к «карловацкому» расколу – остаться в подчинении Москве или же просить принять паству в лоно других Православных Церквей, а также «просит высказаться по вопросу о распре в заграничном синоде между Антонием и Евлогием; он просил меня официально вмешаться в этот вопрос. Больше ничего в этом письме не было»⁴². Митрополит Сергей сообщил, что рассчитывал через епископа Феофана повлиять в направлении ликвидации Карловацкого раскола, не вмешиваясь при этом официально, а кроме того, посоветовал пастве прикрепиться к местным православным церквям во избежание путаницы, ведь связь заграничного духовенства и Матери-Церкви не могла быть в тех условиях регулярной.

Связь с другими Поместными Церквями также ставили в вину Заместителю Местоблюстителя. При обыске у него было найдено письмо Антиохийского патриарха Григория IV, известного, как указал следователь, своими враждебными по отношению к Советской республике высказываниями. Согласно объяснениям митрополита Сергия: «В мае, примерно, 1926 года я получил ряд бумаг о состоянии Московской епархии; в числе этих бумаг я обнаружил письмо Антиохийского патриарха при препроводительном письме недавно появившегося в городе Москве архимандрита Антония, подчиненного этому патриарху и являющегося настоятелем антиохийского подворья в Москве. Я написал ответ, послал его в Москву с просьбой передать его Антонию, с тем, чтобы последний передал его патриарху. <...> Я считал, что получил документ от лица официального, представителя патриарха, и что оно являлось простою вежливостью, почему-то и счел своим долгом ответить»⁴³.

Очевидно, что принципиальная позиция, занимаемая митрополитом Сергием, позиция лояльности к существующей власти, и его попытка диалога между государственной властью и Церковью и было то, что интересовало следствие. Именно эта тема, видимо, и была ключевой во время бесед, не вошедших в протокол, которые, как можно предположить, существовали.

Арест митрополита Сергия продлился до марта 1927 г., когда он был освобожден из-под стражи. Формально – по причине слабого здоровья и преклонного возраста. Судьба остальных заключенных разнообразна, епископ Палин был освобожден в апреле 1927 г., вероятно по ходатайству митрополита Сергия, епископ Григорий (Козлов) в апреле 1927 г. был приговорен к трем годам лишения свободы, находился в Соловецком лагере особого назначения, епископ Корнилий (Соболев) вплоть до своей смерти в 1933 г. находился в ссылке, епископ Афанасий (Сахаров) также был приговорен к трем годам лишения свободы и отбывал срок в Соловецком лагере.

Из материалов следственного дела мы можем видеть, под сколь пристальным вниманием со стороны государства находилась Церковь и ее глава – митрополит Сергей, спецслужбы интересовали не только тайные выборы патриарха, но и взаимо-

связь Русской Церкви с Церковью эмигрантской, внутрицерковные отношения, позиция заместителя Местоблюстителя по отношению к власти. Можно утверждать, что Декларация митрополита Сергия, изданная им вскоре после освобождения, в июле 1927 г., была своего рода ответом на вопросы власти, на то, что на самом деле волновало государство, а так же и увещанием по отношению к пастве с призывом признать Советскую власть.

---

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639.

² Все даты указываются по новому стилю.

³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 413.

⁴ Там же. С. 422.

⁵ *Цыпин В., протоиерей.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). Издание Сретенского монастыря. М., 2012. С. 418.

⁶ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 473–474.

⁷ *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века: судьба Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999. С. 176.

⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 474.

⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 56.

¹⁰ *Мазырин Александр, священник* «Духовный собор» епископов и вопрос о тайных выборах патриарха в 1926 г. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 2 (45). С. 20–43.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Там же. С. 22.

¹³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 66.

¹⁴ Там же. Л. 57.

¹⁵ Там же. Л. 66.

¹⁶ Там же. Л. 57.

¹⁷ Там же. Л. 66.

¹⁸ Там же. Л. 94.

¹⁹ Там же. Л. 92.

²⁰ Там же. Л. 92.

²¹ Там же. Л. 92.

²² Там же. Л. 57.

²³ Там же. Л. 84 об.

²⁴ Там же. Л. 67.

- ²⁵ Там же. Л. 78.
²⁶ Там же. Л. 94.
²⁷ Там же. Л. 69.
²⁸ Там же. Л. 92.
²⁹ Там же. Л. 69.
³⁰ Там же. Л. 67.
³¹ Там же. Л. 68.
³² *Мазырин Александр, священник* «Духовный собор» епископов и вопрос о тайных выборах патриарха в 1926 г. С. 37.
³³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 57.
³⁴ Там же. Л. 58.
³⁵ Там же. Л. 82.
³⁶ Там же. Л. 82.
³⁷ Там же. Л. 82.
³⁸ Там же. Л. 59.
³⁹ Там же. Л. 60.
⁴⁰ Там же. Л. 61.
⁴¹ Там же. Л. 61.
⁴² Там же. Л. 62.
⁴³ Там же. Л. 63.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 [Текст]: сборник в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М., 1994.
- Мазырин, Александр, священник.* «Духовный собор» епископов и вопрос о тайных выборах патриарха в 1926 г. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 2 (45). С. 20–43.
- Одинцов, М.И.* Русские патриархи XX века [Текст]: судьбы Отечества и церкви на страницах архивных документов. М.: РАГС, 1999.
- Цытин, В., протоиерей.* История Русской Православной Церкви. Синопдальный и новейший периоды (1700–2005) [Текст]. Издание Средненского монастыря. М., 2012.

СТАТЬИ

Лобанова И.В.*

Наука по принуждению: становление и развитие церковно-исторической науки России в синодальный период

В статье на основе анализа наследия ряда видных церковных историков синодального периода рассмотрены некоторые важные особенности возникновения и развития церковно-исторической науки в этот период.

Ключевые слова: церковно-историческая наука, церковь, синодальный период, развитие, история, историк.

Lobanova I.V.

SCIENCE OF COERCION: THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CHURCH-HISTORICAL SCIENCE OF RUSSIA IN THE SYNODAL PERIOD

In article on the basis of the analysis of the heritage of several prominent Church historians of the Synodal period is considered some of the important features of the origin and development of Church-historical science in this period.

Key words: Church history, Church of the Synodal period, the development, history, historian.

«Церковно-историческая наука в нашем отечестве по своему развитию и успехам стоит на незначительной высоте», – писал в начале XX в. церковный историограф А.П. Лебедев¹. Он считал, что она уступает не только «первенствующим западным национальностям», вроде немцев или англичан, но и «второстепенным», как, например, шведам и норвежцам. Следует напомнить, что к этому моменту уже существовала многотомная «История Русской Церкви» митрополита Макария, в светских университетах были открыты кафедры общей церковной истории, при духовных академиях работали церковно-археологические кабинеты.

---

* к.и.н., Институт российской истории РАН.

ты, издавались научные журналы по церковно-исторической тематике, регулярно защищались диссертации по церковной истории, проводились совместные с Академией наук раскопки в Палестине, издавались источники по истории Церкви, окончательно оформилась специализация основных направлений в науке, а главное, именно в тот момент жили и работали на благо церковно-исторической науки по-настоящему крупные ученые и существовали уже целые научные школы со своими традициями и задачами. Откуда же такая уничижительная характеристика? Почему А.П. Лебедев называл современную ему отечественную церковно-историческую науку отсталой? Возможно, потому, что долгое время это была «наука из-под палки».

История, как сохранение памяти о людях и событиях, значимых для Церкви, – о мучениках, святых, о гонениях, ересь и Соборах – существовала изначально, с момента зарождения церковной общины. Но история Церкви, как наука, появилась только после Реформации. Именно протестанты взяли за ревизию сохранившихся в церковном предании исторических сведений. Их внимание в первую очередь привлекали евангельские сюжеты церковной истории. Их интерес к раннему, апостольскому периоду церковного бытия был продиктован стремлением доказать, что в процессе внешнего развития были искажены самые основы церковного устройства. Чтобы обосновать это положение, требовался критический – научный – подход к сохранившимся источникам.

В русскую духовную школу эта наука была «имплантирована» в петровскую эпоху уже сформированной – с готовыми авторитетами, исследованиями и выводами. Правда, история Русской Православной Церкви западных ученых того времени практически не интересовала, поэтому для преподавания подобной дисциплины пособий просто не было. В.Н. Татищев попытался применить новый критический подход к начальному периоду русской церковной истории, но был обвинен в очернительстве и кощунственном отношении к церковному преданию и надолго оказался единственным автором, на которого ссылались составители курсов церковной истории в духовных шко-

лах, вынужденные преподавать этот предмет по наитию, хронографам и немецким книжкам.

Церковная история вплоть до 70-х годов XIX в. изучалась и преподавалась только в духовных школах, которые были замкнутыми сословно. Этот факт тоже не способствовал развитию церковно-исторической науки. Дети духовенства, поступая в духовное училище, семинарию или академию, преследовали исключительно практические цели, им было не до отвлеченных предметов. Известный «летописец» бурсацкой жизни Н.Г. Помяловский вспоминал, что «науки были: *божественные*, которые ныне называются богословскими, и *внешние*, которые ныне называются светскими. Одни... отрицали только *внешние* науки и с усердием занимались законом Божиим, священною историей, церковным уставом и церковным пением. Эти специально готовились в дьячки и пономари»². Знание церковной истории оказывалось в этой системе ценностей обременительным и ненужным. Кому-то учение давалось тяжелей, кому-то легче, но для большинства оно все равно оставалось тягостной формальностью. Митрополит Вениамин (Федченков) откровенно признавался в своих воспоминаниях о годах обучения в духовной школе: «Как и везде, предметы нас не интересовали, мы просто отбывали их, как повинность, чтобы идти дальше. Классические языки не любили, да они оказались бесполезными. В семинарии часто учили “к опросу”... Науки нас не обременяли, на экзаменах усиленно зубрили и сдавали. В академии, куда поступали лишь первые... многие слегка проходили ее (академию), напрягаясь лишь во время экзаменов»³.

Большинство «кутейников» с юных лет знали, что им придется выживать, и что их будущей пастве нужны от них не духовные наставления, а грамотное исполнение треб, потому и не желали забивать себе голову ненужными сведениями. Латынь и философия вряд ли могли прокормить их в будущем, так зачем тратить на эти дисциплины душевные силы? Позволить себе подобную блажь могли немногие. Например, такой чудак, как сын ректора Московского университета, известный русский философ В.С. Соловьев, который проучился в Московской духовной академии целый год. Он с досадой замечал о своих сокурс-

никах, что «они сами весьма низко ценят себя и свое дело, и никак не могут поверить, чтобы постороннему человеку, дворянину и кандидату университета, могла прийти фантазия заниматься богословскими науками»⁴.

Такое отношение можно было изменить только извне – поощряя тех немногих учеников, которые были не только способны к наукам, но и выказывали искренний интерес к научным исследованиям. Синодальная реформа создала этот внешний механизм воздействия. Уже в «Духовном Регламенте» была поставлена задача реформирования духовной школы и необходимости культивирования научного исторического знания, но это мало изменило реальную ситуацию – на протяжении целого столетия церковная история оставалась чем-то вроде довеска к основным предметам. Истории (и гражданской, и церковной) отводилось в духовных училищах очень скромное место. Это понятно хотя бы из того факта, что в 1785 г. св. Синод в очередной раз напомнил о необходимости преподавания истории будущему духовенству и предлагал включить ее, по примеру народных училищ, вместе с географией в курс риторики⁵. В академиях к концу XVIII столетия курс краткой церковной истории входил в программу богословских классов вместе с герменевтикой и т.п. предметами⁶.

Дореволюционный исследователь Б.В. Титлинов верно заметил, что «состоя в непосредственном заведывании епархиальных архиереев и называясь даже “архиерейскими”, дореформенные духовные школы не имели ни определенной, твердо установленной программы, ни единства внутренних распорядков, ни удовлетворительной системы обучения. Будучи чисто епархиальными учреждениями, они отражали на себе все многообразие местных условий и архиерейских вкусов»⁷. В этой ситуации личная заинтересованность архиерея в изучении студентами истории оказывалась решающей. Как это было в случае с Московским митрополитом Платоном (Левшиным), который в подведомственных ему учебных заведениях активно внедрял курс истории и даже написал первое в отечественной историографии учебное пособие по истории Русской Церкви⁸ как раз потому, что новую дисциплину нужно было как-то преподавать.

Владыка Платон любил историю, с энтузиазмом собирал книги по русской истории. Он был человеком начитанным, но при этом независимым в своих суждениях. Исследователи единодушно отмечают его критический подход и к источникам, и к чужим концепциям. С.М. Соловьев с уважением констатировал, что хотя митрополит Платон «занялся своим трудом в преклонной старости, 68 лет, но запечатлел свое сочинение печатью могучего, юного таланта»⁹. Во введении к своей «Краткой церковной истории» митрополит Платон перечисляет использованные им при написании курса труды: летописи, «Историю» князя М.М. Щербатова, труды В.Н. Татищева, И.В. Нехачина – словом, все, что было тогда доступно российскому читателю.

Следующее пособие, посвященное уже общей церковной истории, написал архиепископ Мефодий (Смирнов) – ученик и пострижник митрополита Платона. «Liber Historicus»¹⁰ также еще нельзя было назвать самостоятельным исследованием. Владыка Мефодий проделал огромную работу, перечитал все лучшее, что можно было найти в то время в иностранной литературе, относящееся к изучению первых трех веков христианства, и корректно это пересказал. Однако он также еще не имел возможности написать оригинальное исследование.

Обе книги вышли в 1805-м г. Можно сказать, что именно в этот год родилась отечественная церковно-историческая наука, и у истоков ее стоял неординарный человек, который своим личным энтузиазмом сделал то, что в течение почти столетия не могли сделать распоряжения Синода. Правда, и время уже изменилось – государство вплотную занялось системой образования будущего духовенства, озаботившись ее структурой и единообразием учебных программ. В этой ситуации учебники по истории Церкви оказались как нельзя более кстати. Но по-прежнему личная инициатива была в остром дефиците. Так, в 1817 г. в Петербурге было издано «Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века»¹¹ епископа Иннокентия (Смирнова), который честно признавался в предисловии к своему труду, что за написание этого учебника его заставило взяться исключительно распоряжение начальства.

Здесь следует отметить еще один важный для церковной историографии феномен – это роль ученого монашества в развитии церковно-исторической науки. Человек, избравший для себя иноческий путь и оставшийся проходить свое служение в качестве инспектора или ректора семинарии, получал редкую возможность заняться учеными изысканиями, которой у семейных учителей и профессоров не было. Последние часто не имели никаких стимулов профессионального роста, из года в год повторяя одно и то же и заставляя студентов тупо зубрить ненавистный, неинтересный предмет.

Здесь хочется привести обширную, но исключительно выразительную цитату из повести И.С. Никитина «Дневник семинариста», несмотря на художественную форму, построенную на совершенно реальных фактах из семинарской юности автора. В предлагаемом отрывке описывается урок истории в Воронежской семинарии, где в сороковые годы учился Никитин: «Что за милый человек наш Яков Иванович, профессор, читающий нам русскую историю! Он смотрит на исполнение своей обязанности как на что-то священное и в этом отношении заслуживает безукоризненную похвалу. В класс он приходит своевременно, спустя две-три минуты после звонка, при чтении молитвы молится усердно и, плотно запахнув свою поношенную шубу, скромно садится за стол. И вот развязывает свой клетчатый платок, и мы видим его неизменного спутника, можно сказать, его верного друга – старую, почтенной толщины книгу, в прочном кожаном переплете, с красным обрезаем. Яков Иванович вынимает из кармана очки, дышит на них, протирает платком и осторожно надевает на свой нос. Все это делается не спеша, не как-нибудь: сейчас видишь, что человек приступает к исполнению трудной обязанности, к решению великой задачи. “Гм!.. гм!..” – откашливается муж, поседевший в науке, и разворачивает книгу именно там, где нужно. Ошибиться ему нельзя, потому что недосчитанная страница каждый раз закладывается продолговатой, нарочно для этого вырезанной бумажкой, место же, где ударом звонка было закончено чтение, отмечается слегка карандашом, который вытирается потом резиною. Как видите, всё рассчитано благоразумно и строго. И начинается тихое, мерное

чтение. Читает он полчаса, читает час, порою снова протирает очки, – вероятно, глаза несчастного подергиваются туманом, – и опять без умолку читает. И нет ему никакого дела до окружающей его жизни, точно так же, как никому из окружающих его нет до него ни малейшей нужды. Ученики занимаются тем, что им нравится или что они считают для себя более полезным. Некоторые ведут рассказы о своих взаимных похождениях и проказах, некоторые переписывают лекции по главному предмету, а некоторые сидят за романами. <...> Если чей-нибудь неосторожный возглас или смех прервет мирное чтение почтенного наставника, он поднимает свои вооруженные глаза на окружающую его молодежь и громко скажет: “Пожалуйста, не мешайте мне читать!..”¹².

По свидетельству И.С. Никитина читал Яков Иванович своим ученикам уже упомянутую книгу В.Н. Татищева, писанную за сотню лет до этого. Вот и вся наука.

И Никитин, и Помяловский, создавший свои «Очерки бурсы» вслед за ним и по его примеру, оказались очень хорошими психологами. Оба они единодушно указали причину, по которой из духовной школы ученые выходили только вопреки системе, а не благодаря ей. «Главное свойство педагогической системы в бурсе – это долбня, долбня ужасающая и мертвящая. Она проникла в кровь и кости ученика. Пропустить букву, переставить слово считалось преступлением», – писал Помяловский¹³. Никитин, у которого главным героем повествования является его рано умерший сокурсник Яблочкин, показывает на его примере, как планомерно уничтожался в духовной школе самый интерес к свободному исследованию и критическая направленность ума. Так, когда его товарищ в ответ на вопрос ректора бойко пересказал содержание лекции своими словами, тот презрительно обозвал его дураком, а преподавателя отчитал: «У вас в классе восемьдесят человек! Этак нельзя, нельзя! Если каждый из них будет сочинять ответы из своей головы, вавилонское столпотворение выйдет... Пусть основательно знают то, что для них напечатано или написано; в их возрасте и этого достаточно, очень достаточно...»¹⁴.

От семинаристов требовали воспроизведения наизусть написанного по любому предмету в утвержденных цензурой учебниках строго слово в слово – за это хвалили, за это поощряли и ставили в верхнюю часть списка успеваемости учеников. Соответственно легко учиться было тем, кто обладал хорошей памятью и здоровой долей цинизма, необходимой для того, чтобы не принимать близко к сердцу те глупости и противоречия, которые в семинарских учебниках встречались. Митрополит Вениамин и много лет спустя с уважением вспоминал своего товарища по семинарии, который учебник по основному богословию в 90 страниц знал наизусть¹⁵. А если эта способность сочеталась с умением в правильном порядке эти вызубренные определения составлять, обладателю ее не было цены – на любом поприще и духовном, и светском, он мог применить эти таланты с выгодой для себя. Никитин приводит пример подобного дарования. Семинарист, которому во время студенческой попойки предложили написать сочинение на тему «пьянство пагубно», не моргнув глазом, тут же выдал структуру сочинения: «Приступ: взгляд на пороки вообще, на пьянство в частности. Деление: первое, пьянство низводит человека на степень бессловесных животных; второе, пьяница есть мучитель и стыд своей семьи, третье, вредный член общества, и, наконец, четвертое, пьяница есть самоубийца». Завершил он свою речь гордым восклицанием: «Я, брат, что хочешь напишу!»¹⁶.

Преподаватели, в которых любовь к живой мысли еще не погасла, под давлением начальства были вынуждены расставаться со своими идеалистическими планами оживить семинарские будни. Тот же Никитин вспоминает профессора, который пытался на его памяти ввести новый метод преподавания, советовал ученикам читать современных писателей и выписывать вкладчину журналы. «Начальство поставило ему на вид, что он читает не в светском учебном заведении, и приказало ему вперед не умничать. Иван Ермолаич покорился не вдруг. Ему снова сделали замечание. Он решил оставить семинарию и занять место гражданского чиновника; к сожалению, места не нашлось, и бедняга притих, стал запивать и заниматься делом спустя рукава»¹⁷.

Это была оборотная сторона синодальной «науки из-под палки»: изначально государство стремилось изгнать из сферы духовного образования произвол и дикость, но ничего, кроме порядка и единообразия, оно предложить взамен не могло, поскольку церковная наука, как и любое творчество, бюрократическими инструкциями отнюдь не оплодотворяется. Где бюрократия и инструкции, где «показатели» и «отчетность», там страх, уничтожающий творческую мысль и поощряющий пустое воспроизведение «одобренного» и «утвержденного» в погоне за этими самыми «показателями».

Откуда же, в таком случае, взялись те ученые, чьи труды ныне составляют золотой фонд церковной историографии? Очевидно, все дело в силе личности, которую не в силах уничтожить даже подобная система. Даже в ее рамках периодически возникали и отдельные, несокрушимые в своем желании *знать*, ученики, и талантливые, человеческие педагоги, и даже целые коллективы, в которых культивировалась творческая мысль и поощрялась любовь к самостоятельному исследованию. Но чаще сама система порождала в мыслящем студенте протест и тем самым стимулировала в нем критическое отношение к действительности.

Помяловский выводит в своих «Очерках» любопытный персонаж примерно с такими характеристиками личности и убедительно показывает нам его духовную эволюцию: «Он возненавидел вколоченную в него науку, и она поместилась в его голове как непрощенный гость; значит, в существе дела, он продолжал отрицать ее – разница в том, что прежде он не понимал, что такое отрицал, а теперь, выучив урок, знал, что вот именно этот урок, эти страницы, эти слова ему не нужны. Тогда он стал следить и изучать каждый урок как злейшего своего врага, который без его воли владел его мозгами, и постепенно, с каждым днем открывал в учебниках множество чепухи и безобразия; это развил в нем анализ и критицизм, и впоследствии, отвечая бойко урок, он в то же время думал про себя: “Этакую, святые отцы, я дичь несущую”. Карась после долгих личных исследований вполне убедился, что бурсацкая наука, изучаемая иначе, может погубить человека и что только при его методе она послужит мате-

риалом, поработав над которым как над уродливым явлением, можно, не заразившись чепухой, развить в себе мыслительные способности, анализ, остроумие и даже опытность житейскую. И не догадывались богومудрые педагоги, что многие хорошие ученики относились к их учебникам, как психиатр относится к печальному явлению сумасшествия. Вот чем и объясняется то странное обстоятельство, каким это образом из бурсы выходят так много дельных и даровитых людей, несмотря на то, что они поглощали учение, ставшее посмешищем всех образованных людей»¹⁸.

Следующим уровнем несвободы для церковного историка оказывается его конфессиональная принадлежность. Достаточно вспомнить Титлинова или Н.Ф. Каптерева, которых обвиняли в очернительстве, пособничестве раскольникам, предательстве интересов православия, подменяя научную дискуссию выискиванием злонамеренных искажений исторической действительности в угоду врагам Церкви. Показательна в этом отношении история с докторской диссертацией профессора МДА Н.Ф. Каптерева, который в 1885 г. выпустил в свет сочинение с нейтральным названием «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях». Однако Н.И. Субботину – тоже крупному ученому, но при этом известному борцу со старообрядческим расколом – эта работа сразу показалась подозрительной, и он написал о своих сомнениях тогдашнему обер-прокурору Победоносцеву: «Эта книга направления вообще нехорошего, (а глава X просто возмутительна), представлена автором на соискание докторской степени, и еще прежде решения дела о степени нашим советом (я уклонился от присутствия на этом совете) удостоена Макарьевской премии. <...> Теперь дело отложено, и такое-то сочинение печаталось с разрешения цензуры в журнале “Чтения в Обществе любителей духовного просвещения”! Хорошо, что о нем мало знают, или совсем не знают греки и раскольники!»¹⁹.

Обратим внимание: научное сообщество сочло книгу Каптерева достойным и весомым в научном отношении исследованием. И к чему же призывает Субботин? Вмешаться, повлиять, запретить. На каком основании? Н.И. Субботин аргументирует

свою точку зрения так: «Здесь проводится мысль, что содержаемые нашими раскольниками обряды будто национально-русские и древние и будто Никон, подчинившись грекам, возненавидевшими русских за утрату своего влияния над ними, безрассудно заменил эти национальные и древние русские обряды *тогдашними* греческими. Эта мысль, совершенно неверная исторически и крайне вредная, оправдывающая раскол»²⁰. Между тем, как справедливо замечает, например, церковный историк И.К. Смолитч, доказательства, приведенные Каптеревым, являются весьма весомыми и никем опровергнуты не были²¹. Кроме того, Каптерев в симпатиях к раскольникам замечен не был и никакого личного интереса в оправдании старых обрядов не имел. Но с точки зрения Субботина Каптерев не прав уже потому, что его мнение, как ученого, совпадает с мнением раскольников. Подтверждая научными аргументами доводы старообрядцев, Каптерев тем самым причиняет вред Церкви, считает Субботин. Допустить, что Каптерев может быть объективен, он не хочет. В его понимании научной дискуссии не место там, где речь идет о догматах и вероучении.

Если бы дело было только в личности Каптерева, как-нибудь по-особенному неприятной Субботину (бывает и такое), можно было бы списать эту историю на личную неприязнь и человеческие слабости. Однако Субботин однозначно высказывается против свободы научных исследований в целом: «Но ужели нельзя положить предела, чтобы протопопы и профессора духовной академии не печатали того, что, что вредно именно Церкви и роняет достоинство церковной власти», – восклицал он²². В своих коллегам и единоверцам он видел врагов и предателей, дающим противнику в руки оружие против Церкви. «Кто теперь не пропагандирует раскол! В его пользу трудятся профессора духовных академий, и оо. протоиереи, и редакторы православных журналов, – не говоря уже о светских писателях и ученых и неученых, о разных фельетонистах и беллетристах», – возмущался он в очередном письме Победоносцеву²³.

А факты распространения вредоносного воздействия каптеревских безответственных выводов множились. Субботин с глубоким негодованием делился с Победоносцевым этими свиде-

тельствами своей правоты: «На сих днях от одного, лично незнакомого мне, священника-миссионера Донской области я получил письмо, где он с ужасом рассказывает, что при встрече один из местных православных священников стал утверждать ему преимущественную древность и правильность двуперстия, и когда миссионер выразил удивление, слушая его, тот сказал, что это недавно доказал научным образом проф. Каптерев...»²⁴.

Непредвзятому читателю трудно будет понять, чем так страшно признание правоты Н.Ф. Каптерева. Для Субботина – тем, что его выводы возьмут на вооружение раскольники, у которых раньше не было такого неотразимого аргумента. И возмущенному профессору не приходит на ум, что выводы его коллеги не только не вредят, но даже помогают в деле преодоления раскола, восстанавливая историческую справедливость и помогая установить правду, а значит, критически взглянуть на собственную позицию, которая вовсе не так уж абсолютно непогрешима. Что для преодоления раскола уступки нужно делать обеим сторонам, поэтому объективное историческое исследование проблемы необходимо для того, чтобы непредвзято взглянуть на казавшиеся неоспоримыми факты.

А выводы Каптерева, между тем, были уже усвоены церковно-исторической наукой. Опираясь на них, строили свои исследования другие ученые. Каждое такое упоминание Н.И. Субботин принимал как удар лично для себя. Прочитав очередной выпуск «Богословского вестника», он с горечью отмечает: «Одни эти четыре строки в статье Голубинского: в минуту (?) принятия нами христианства от греков у сих последних было в *общем употреблении* для крестнаго знаменія *двуперстие*, которое, разумеется, заимствовали у них и мы, – одни эти строки приведут в восторг раскольников, и теперь нашим собеседникам предстоит слышать ссылки на знаменитого историка, доктора богословия, поддержавшего, даже усилившего мнение другого доктора богословия – Каптерева! Как же нам вести дело с успехом, когда свои разрушают это дело?»²⁵.

Справедливости ради надо отметить, что Николай Иванович Субботин был выдающимся ученым. Он опубликовал огромное количество исторических памятников по истории старообрядче-

ского раскола, написал множество статей (отнюдь не примитивно-полемиических) на эту тему. При этом он искренне негодовал, что его коллеги своими безответственными действиями мешают ему бороться с расколом. Его авторитет способствовал укреплению подобной позиции в отношении науки. Десять лет спустя после смерти Н.И. Субботина, в 1914 г., другой борец со старообрядцами – В.С. Марков также уверенно заявлял: «История должна отметить, как один из факторов, способствующих жизнненности и устойчивости раскола, ученую церковно-историческую литературу, в той ея, правда небольшой, части, которая так или иначе дает предпосылки для оправдания раскола, тем самым подрывая авторитет Церкви и затрудняя борьбу с ним православия»²⁶. Очень скоро подобные методы борьбы с идеологическим противником будут направлены уже против самой Церкви: искажение исторической картины, замалчивание действительных фактов, недоступность источников. То, что выглядело оправданным в отношении определенной группы потенциально опасных для Церкви людей, в приложении ко всем проявлениям инакомыслия оказалось страшным.

Однако подобные явления вовсе не демонстрируют низкого уровня развития научно-исторического знания того времени. Скорее, наоборот: наличие подобных конфликтов свидетельствует о достаточной степени внутренней свободы, которой обладали упомянутые историки, и доказывает существование научного сообщества, которое способно системе сопротивляться. Любые человеческие институты с течением времени деградируют, превращаясь из силы стимулирующей в силу тормозящую развитие того, для развития и поддержания чего она была создана. Синодальная система не исключение. Безусловно, в сфере духовного образования государством, посредством этой системы, был наведен относительный порядок, который был необходим для того, чтобы появились условия для систематизации исторического знания и появились стимулы это знание преумножать и развивать. Без государственной поддержки энтузиазм отдельных личностей и их таланты остались бы не востребованы. И несправедливы обвинения Лебедева к отечественной церковно-исторической науке – это по прошествии времени мы яс-

но видим. Но долгие десятилетия косность синодальной системы духовного образования препятствовала свободному развитию творческой мысли, внушала отвращение к учению и к науке. Потому и черпали отечественные историки вдохновение у своих западных коллег, потому и учились критическому отношению к материалу у них, потому и создавалось впечатление зависимости российской церковной истории от немецкой или французской. Возможно ли было эти тенденции изжить, мы никогда не узнаем, потому что синодальная система рухнула вместе с породившим ее политическим строем, а вместе с нею зачахла и церковно-историческая наука, на долгие годы изгнанная вместе с прочими чуждыми новому строю науками в эмиграцию.

-
- ¹ *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 2001. С. 397.
  - ² *Помяловский Н.Г.* Очерки бурсы // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М., 1988. С. 324.
  - ³ *Вениамин (Федченко), митрополит.* Россия между верой и безверием. М., 2003. С. 106–107.
  - ⁴ *Соловьев В.С.* Письма. С. 105.
  - ⁵ *Титлинов Б.В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1: (Время Комиссии Духовных Училищ). К столетию духовной реформы 1808-го года. Вильна, 1908. С. 8.
  - ⁶ Там же. С. 9.
  - ⁷ Там же. С. 8.
  - ⁸ *Платон (Левшин), митрополит.* Краткая церковная российская история, сочиненная преосвященным Платоном митрополитом Московским. Т. 1–2. М., 1805.
  - ⁹ Цит. по: *Карташов А.В.* Очерки по истории русской Церкви. Т. 1. М., 1993. С. 16.
  - ¹⁰ *Мефодий (Смирнов), архиепископ.* Liber historicus de rebus, in primitiva, sive trium primorum et quarti ineuntis seculorum, Ecclesia Christiana, praesertim quum prima Christi nati aetas floreret, gestis = (История первоначальной Христианской Церкви (трех первых и начала четвертого веков), и особливо о том, как процветала она в первый век по Рождеству Христову).
  - ¹¹ *Иннокентий (Смирнов), епископ.* Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII в. Т. 1–2. СПб., 1817.
  - ¹² *Никитин И.С.* Дневник семинариста // *Миражи.* М., 1988. С. 147–149.
  - ¹³ *Помяловский Н.Г.* Очерки бурсы // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М., 1988. С. 273.
  - ¹⁴ *Никитин И.С.* Дневник семинариста // *Миражи.* М., 1988. С. 108.
  - ¹⁵ *Вениамин (Федченко), митрополит.* Указ. соч. С. 113.
  - ¹⁶ *Никитин И.С.* Дневник семинариста // *Миражи.* М., 1988. С. 120.

- ¹⁷ Там же. С. 107.
- ¹⁸ *Помяловский Н.Г.* Очерки бурсы // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М., 1988. С. 362–363.
- ¹⁹ *Марков В.С.* К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка проф. Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства. (1865–1904 гг.). М., 1914. С. 420.
- ²⁰ Там же. С. 428.
- ²¹ *Смолич И.К.* История русской церкви (1700–1917). Ч. 2. М., 1997. С. 165.
- ²² *Марков В.С.* Указ. соч. С. 481.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 484.
- ²⁵ Там же. С. 553.
- ²⁶ Там же. С. 100.

ЛИТЕРАТУРА

- Вениамин (Федченков), митрополит.* Россия между верой и безверием [Текст]. М., 2003.
- Иннокентий (Смирнов), епископ.* Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII в. [Текст]. Т. 1–2. СПб., 1817.
- Карташов, А.В.* Очерки по истории русской Церкви [Текст]. Т. 1. М., 1993.
- Лебедев, А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. [Текст]. СПб., 2001.
- Марков, В.С.* К истории раскола старообрядчества второй половины XIX столетия [Текст]. Переписка проф. Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). М., 1914.
- Никитин, И.С.* Дневник семинариста [Текст] // *Миражи.* М., 1988. С. 147–149.
- Платон, (Левшин), митрополит.* Краткая церковная российская история [Текст], сочиненная преосвященным Платоном митрополитом Московским. Т. 1–2. М., 1805.
- Помяловский, Н.Г.* Очерки бурсы [Текст] // *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М., 1988.
- Смолич, И.К.* История русской церкви (1700–1917). Ч. 2. М., 1997.
- Соловьев, В.С.* Письма [Текст].
- Титлинов, Б.В.* Духовная школа в России в XIX столетии [Текст]. Вып. 1: Время Комиссии Духовных Училищ: к столетию духовной реформы 1808-го года. Вильна: тип. «Рус. почин», 1908. [2], 383, [2] с.

Была ли Софья Ковалевская нигилисткой?

Статья посвящена жизненному пути знаменитой Софьи Ковалевской. Сквозь призму ее художественной прозы, воспоминаний, писем, фактов биографии исследуются особенности ее мировоззрения, делается попытка понять, какое место в нем занимал нигилизм, – можно ли о нем говорить, и если да, то в каком отношении.

Ключевые слова: *Софья Ковалевская, нигилизм, Достоевский, художественная проза, социализм, брак, воцерковленность.*

Lavrov V.M.

WAS SOPHIA KOVALEVSKAYA A NIHILIST?

The article is devoted to the life of the famous Sophia Kovalevskaya. Through the prism of her artistic prose, memoirs, letters, facts of her biography, the features of her worldview are studied, an attempt is made to understand what place nihilism occupied in it – whether it is possible to talk about it, and if so, in what respect.

Keywords: *Sofia Kovalevskaya, nihilism, Dostoevsky, fiction, socialism, marriage, apartment to the Church.*

Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук Софья Васильевна Ковалевская является самой известной женщиной, причисляемой к так называемым нигилисткам. Например, министр внутренних дел И.Н. Дурново считал, что она «в конечной счете была нигилистка»¹. Да и сама Софья Васильевна являлась автором повести «Нигилистка», которую запретили в дореволюционной России и которую можно охарактеризовать как нигилистически-революционную, к тому же написанную от первого, от своего лица, а главная героиня повести нигилистка Вера имела черты биографии Софьи Ковалевской. Все так. Вот только не понятно, почему столь нетерпимый к нигилисткам Ф.М. Достоевский по-доброму и даже дружески относился к ней? Попробуем разобраться.

---

* д.и.н., Николо-Угрешская семинария, до мая 2018 г. – Институт российской истории РАН.

С.В. Ковалевская (в девичестве Круковская, Корвин-Круковская) родилась 3 января 1850 г. в Москве в семье православного полковника, затем генерал-лейтенанта артиллерии Василия Васильевича Круковского (с 1858 г. – Корвин-Круковского) и Елизаветы Федоровны (в девичестве Шуберт), образованной немки-лютеранки. Изменение фамилии связано с тем, что в 1858 г. документально доказано: Круковский ведет свою родословную от старинного польского рода Корвин-Круковских. Кроме того у Софьи Васильевны была русская и цыганская кровь и, по семейному преданию, ее польский предок был женат на дочери венгерского короля Матвея I Корвина (XV в.), являвшийся покровителем наук и литературы². Что касается Елизаветы Федоровны Корвин-Круковской, то она была дочкой генерала, героя Бородинского сражения, ученого-геодезиста, почетного члена Санкт-Петербургской академии наук Ф.Ф. Шуберта, который, в свою очередь, являлся сыном выдающегося астронома, академика Петербургской академии наук, директора библиотеки академии наук Ф.И. Шуберта. Причем Ф.И. и Ф.Ф. Шуберты были и математиками, а В.В. Корвин-Круковский тоже любил и знал математику. Поэтому не удивительно, что у Софьи Васильевны проявилась ранняя склонность к математике.

Детские, девические годы Софьи Васильевны запечатлены в ее замечательных «Воспоминаниях детства», впервые изданных на русском языке в 1890 г. в петербургском литературно-политическом журнале с умеренно-либеральной направленностью «Вестник Европы». Воспоминания были написаны и изданы в Стокгольме в 1889 г. на шведском языке как повесть «Из русской жизни. Сестры Раевские». По свидетельству Софьи Владимировны Ковалевской, дочка Софьи Васильевны, с русского на шведский повесть перевела сестра одного шведского писателя, владевшая русским³. Причем в повести шло повествование в третьем лице о русской девочке Тане Раевской. И повесть имела большой успех, как у взрослых, так и у юных шведских читателей.

После этого Софья Васильевна несколько переработала свое произведение для русского издания. Оно уже вышло под названием «Воспоминания детства» от первого лица (автора). Для

этого издания Ковалевская написала несколько новых глав, но они не были опубликованы «вследствие различных причин и отчасти цензуры», сказано в письме С.В. Ковалевской к М.В. Мендельсон от 7 октября 1890 г.⁴ Эти главы не сохранились. Судя по письмам и последующему литературному творчеству автора, в них уже могло быть что-то с революционным оттенком, например, сочувствие польскому восстанию 1863 г.

Замечательные по литературно-художественному уровню, по откровенности и искренности, по тонкому психологическому анализу «Воспоминания детства» воспроизводят прежде всего события 1858–1865 гг., когда Софье Васильевне было от 8 до 15 лет. В это время семья отставного генерала жила в большом доме в его родовом имении Полибино, что в Невельском уезде Витебской губернии, недалеко от Литвы и Польши. В последней – блестяще написанной – главе воспоминаний рассказывается о поездке Софьи Васильевны с мамой и старшей сестрой Анной в Петербург и встречах там с Ф.М. Достоевским.

Воспоминания представляют чрезвычайный интерес для воспитателей и педагогов по призванию, для вдумчивых и любящих родителей. В принципе все сложилось как нельзя лучше у девочки-девушки: достойные, добрые, образованные и богатые родители, в хорошем смысле патриархальная семья, живущая в прекрасном имении у огромного леса. При этом родители исходили как из само собою разумеющегося, что дочки будут подобны маме – домашней и светской женщине, прежде всего кроткой жене. А дочки, Софья и Анна, оказались весьма своеобразными, с явными способностями, требующими реализации. Причем новые веяния, связанные с масштабными реформами императора Александра II, проникли и в Витебскую провинцию. Но родители и не подозревали, какие при этом переживания и потребности у их любимых дочек. Соответственно, дочкам не уделялось необходимого внимания, отсутствовал дружеский откровенный диалог родителей и детей. Воспоминания Софьи Васильевны свидетельствуют о том, как непросто вырастить незаурядных детей даже тогда, когда, казалось бы, все хорошо.

В результате читаем в воспоминаниях С.В. Ковалевской: «Вообще во всех моих воспоминаниях детства черною нитью

проходит убеждение, что я не была любима в семье»⁵. Конечно, это не совсем или далеко не так, что видно по ее же воспоминаниям, по ее последующим отношениям с отцом. Да отец отдал бы за нее жизнь! Но она откровенно и честно написала о том, что ей представлялось в детском и подростковом возрасте. А ощущение, что «не любима», ощущение одиночества способствовали... саморазвитию ее внутреннего мира.

Между тем, «в этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х годов, все интеллигентные слои общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми. О какой дворянской семье ни спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали споры, а единственно из-за вопросов чисто теоретического, абстрактного характера. “Не сошлись убеждениями!” – вот только и всего, но этого “только” вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей – отречься от детей.

Детьми, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то – убегать из родительского дома. В нашем непосредственном соседстве пока еще, Бог милостив, все обстояло благополучно; но из других мест уже приходили слухи: то у того, то у другого помещика убежала дочь, которая за границу – учиться, которая в Петербург – к “нигилисткам”», – вспоминала Софья Васильевна.

И как обычно происходило – должен был объявиться, найтись он, «змей-искуситель». Причем в данном случае таковым оказался сын священника: «У приходского священника, отца Филиппа был сын, всегда прежде радовавший сердца своих родителей добронравием и послушанием. И вдруг, окончив курс в семинарии чуть ли не первым учеником, этот примерный юноша ни с того ни с сего превратился в непокорного сына и наотрез отказался идти в священники, хотя ему стоило только руку протянуть, чтобы получить выгодный приход. Сам его преосвященство, архиерей, призвал его к себе и уговаривал не покидать лона церкви, ясно намекая, что стоит ему захотеть, и будет он приходским священником в селе Иванове (одном из богатейших

в губернии). Конечно, для этого ему надо наперед жениться на одной из дочерей прежнего священника, потому что уж исстари так водится, что приход идет, так сказать, в приданое за одной из дочек покойного батюшки. Но и эта заманчивая перспектива не прельстила молодого поповича. Он предпочел уехать в Петербург, поступить своекоштным в университет и обречь себя в течение четырех лет ученья на чай да на сухую булку.

Бедный отец Филипп потужил о неразумении своего сына, но он еще мог бы утешиться, если бы этот последний поступил на юридический факультет, как известно, самый хлебный. Но сын его вместо того пошел в естественники и в первые же каникулы, приехав домой, такую понес ахинею, якобы человек происходит от обезьяны и якобы проф. Сеченов доказал, что души нет, а есть рефлексы, что бедный, огорошенный батюшка схватил кропильницу и стал кропить сына святой водой...»⁶.

Вот с этим поповичем, с «не всегда чистыми ногтями», и познакомилась Анна Васильевна, которая была на шесть лет старше своей сестры Софьи. Он передавал Анне журналы «Современник», «Русское слово» и запрещенный «Колокол» Герцена. «Нельзя сказать, – вспоминала младшая сестра, – чтобы Анюта сразу и без критики приняла все новые идеи, проповедуемые ее приятелем. Многие из них возмущали ее, казались ей слишком крайними, она восставала против них и спорила. Но во всяком случае под влиянием разговоров с поповичем и чтения доставаемых им книг она развивалась очень быстро и изменялась не по дням, а по часам...

Она изменилась даже наружно, стала одеваться просто, в черные платья, с гладкими воротничками, и волосы стала зачесывать назад, под сетку. О балах и выездах она говорит теперь с пренебрежением. По утрам она призывает дворовых ребятишек, учит их читать, а встречая на прогулках деревенских баб, останавливает их и подолгу с ними разговаривает.

Но всего замечательнее то, что у Анюты, ненавидевшей прежде учение, явилась теперь страсть учиться. На место того чтобы, как прежде, тратить все свои карманные деньги на наряды и тряпки, она выписывает теперь целые ящики книг, и при том

вовсе не романов, а книг с такими мудреными названиями: “Физиология жизни”, “История цивилизации” и т.д.

Однажды пришла Анюта к отцу и высказала вдруг совершенно неожиданное требование: чтобы он отпустил ее одну в Петербург учиться».

Отец пытался отшутиться, а затем отказал, сказав, что «долг всякой порядочной девушки жить со своими родителями, пока она не выйдет замуж». И «с этого дня отношения между нею и отцом стали очень натянутые; у них у обоих явилось взаимное раздражение друг против друга, и раздражение это росло с каждым днем». А «гувернантка с самого начала выступила яркой противницей всех новых идей. Анюту она окрестила нигилисткой...»⁷.

Получив отказ, Анна Васильевна написала повесть «Сон» и отправила ее Ф.М. Достоевскому. Семейное положение героини повести в общих чертах перекликалось с положением автора, то была вариация на тему «отцы и дети»: уже доживающие жизнь «отцы» и рвущиеся жить дети, однако героиня Лиленька не решилась сойтись ближе со знакомым студентом, который умер в бедности, а героиня вскоре увяла и тоже умерла. Во всем этом просматривался эмансипационный уклон, но от Федора Михайловича пришел позитивный отзыв, и повесть была опубликована в его литературном и политическом журнале «Эпоха» (СПб., 1864. № 8) под мужским псевдонимом, т.е. для Достоевского литературно-художественные способности автора оказались на первом месте.

В семье А.В. Корвин-Круковской о публикации знала только ее младшая сестра Софья. «Бедный мой отец! – вспоминала Софья Васильевна. – Он так ненавидел женщин-писательниц и так подозревал каждую из них в поступках, ничего не имеющих общего с литературой! И ему-то было суждено стать отцом писательницы»⁸.

А воодушевленная успехом Анна Васильевна написала повесть «Послушник», которая получила более чем позитивный отзыв Ф.М. Достоевского: «Вам не только можно, но и *должно* смотреть на свои способности серьезно. Вы – поэт. Это уже одно многого стоит... Одно – учитесь и читайте. Жизнь сделает

остальное»⁹. Повесть под названием «Михаил» и под мужским псевдонимом была оперативно опубликована в журнале «Эпоха» (1864. № 9).

Героем этой повести стал молодой человек, воспитанный в монастыре. При этом стоит забежать вперед и сказать, что в 1880 г. в журнале «Русский вестник» был опубликован великий роман Достоевского «Братья Карамазовы». Причем при встрече Федора Михайловича с С.В. Ковалевской последняя высказала мысль, что между Алешей Карамазовым и Михаилом в повести сестры есть некоторое сходство. Интересен ответ писателя, переданный в воспоминаниях Софьи Васильевны: «А ведь это, пожалуй, и правда! – сказал Федор Михайлович, ударив себя рукой по лбу, – но, верьте слову, я и забыл о Михаиле, когда придумывал своего Алешу. Разве, впрочем, бессознательно он мне пригрезился, – прибавил он подумав»¹⁰.

Но вернемся в 1864 г. Переписка Анны Васильевны и Ф.М. Достоевского велась тайно через экономку, однако очередное письмо Федора Михайловича, причем с большим гонораром за повести, попало на глаза главе семьи В.В. Корвин-Круковскому. Не может экономка быть в переписке с журналом «Эпоха»... Все вскрылось и грянула гроза. Однако дочка генерала стояла насмерть, отказавшись дать обещание более не писать. А генерал был-таки образованным человеком – велел дочке прочитать повести перед семьей. И Анна Васильевна дрожащим голосом читала. А когда дошла до смерти Лиленьки, то у генерала выступили слезы, он молча встал и вышел. Требование не писать было снято, Анна Васильевна получила разрешение переписываться с Достоевским при условии, что будет показывать свои письма отцу. Отцовская любовь к дочке взяла верх над всем!

Таковыми оказались обстоятельства, при которых отец узнал о внутреннем мире собственной дочери, о том, что у нее на сердце и на уме. Мог ли узнать не столь драматично и ранее? Вряд ли. Достойные люди с трудом договариваются друг с другом. Разве что образованный и мудрый семейный духовник мог бы смягчить и подправить ситуацию. Однако о таком ни слова в воспоминаниях Софьи Васильевны. А смягчающую посредническую роль сыграла ее мама-лютеранка. Впрочем, по воспоминаниям,

никак не проявлялась ее конфессиональная принадлежность. Просто она была доброй женой и мамой. И семья выстояла. Конфликт «отцов и детей» разрешился разумным компромиссом.

Наконец, о последней, виртуозно написанной главе воспоминаний Софьи Васильевны «Знакомство с Ф.М. Достоевским». Это личное знакомство состоялось в 1865 г. в Петербурге, куда Е.Ф. Корвин-Круковская прибыла на несколько месяцев с дочками Анной и Софьей. Федор Михайлович многократно бывал у Корвин-Круковских и подружился не только с Анной и Софьей, но и с Елизаветой Федоровной. При этом, по «Воспоминаниям детства», «постоянный и очень жгучий предмет споров между ними был нигилизм. Прения по этому вопросу продолжались иногда далеко за полночь, и чем дольше оба (Достоевский и Анна. – *В.Л.*) говорили, тем больше горячились и в пылу спора высказывали взгляды гораздо более крайние, чем каких действительно придерживались.

– Вся теперешняя молодежь тупа и недоразвита! – кричал иногда Достоевский. – Для них всех смазные сапоги дороже Пушкина!

– Пушкин действительно устарел для нашего времени, – спокойно замечала сестра, зная, что ничем его нельзя так разбесить, как неуважительным отношением к Пушкину.

Достоевский, вне себя от гнева, брал иногда шляпу и уходил, торжественно объявляя, что с нигилисткой спорить бесполезно и что ноги его больше у нас не будет. Но завтра он, разумеется, приходил опять как ни в чем не бывало»¹¹.

Переписка, личное знакомство и страстные споры Федора Михайловича и Анны Васильевны достигли кульминации, когда он признался ей в любви и сделал предложение. Причем их объяснение случайно подслушала Софья Васильевна, сама влюбленная в Достоевского. Старшая сестра отказала Достоевскому, так объяснив сестре младшей: «Он такой хороший! Вначале я думала, что, может быть, полюблю. Но ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем, совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нем и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить! К тому же он такой нервный, такой требовательный. Он постоянно как будто захватывает ме-

ня, всасывает меня в себя; при нем я никогда не бываю сама собою»¹².

Что касается драматичной влюбленности пятнадцатилетней Софьи Михайловны (в «Воспоминаниях детства» она ошибочно пишет, что ей было тринадцать лет), то воспоминания содержат такую ее милую девичью молитву: «Господи Боже мой! пусть все, пусть весь мир восхищается Анютой, – сделай только так, чтобы Федору Михайловичу я казалась самой хорошенькой!» Одновременно воспоминания содержат и подлинно женскую реакцию Софьи на объяснение сестрой отказа Достоевскому: «Я делала вид, что понимаю и сочувствую, но в душе думала: “Господи! Какое должно быть счастье быть постоянно при нем и со всем ему подчиниться! Как может сестра отталкивать от себя такое счастье!”»¹³.

«Воспоминания детства» С.В. Ковалевской были тепло встречены в России при их публикации в 1890 г. Пожалуй, наиболее высокую и авторитетную оценку им дал крупный историк, редактор и издатель «Русской старины» М.И. Семевский, который в начале 1860-х был в Полибино у гостеприимных Корвин-Круковских. Михаил Иванович написал в своем журнале: «Это превосходные очерки быта богатой помещицкой семьи 1850–1860-х годов, очерки в высшей степени верные... набросаны мастерской кистью писательницы-художника... Эти “Воспоминания” могут быть поставлены с лучшими в этом роде страницами из произведений И.С. Тургенева и гр. Л.Н. Толстого»¹⁴.

Своеобразным продолжением «Воспоминаний детства» стала повесть «Нигилистка», опубликованная в 1892 г. в Женеве. Там же она переиздавалась в 1895 и 1899 гг. В России это революционное произведение смогло увидеть свет в 1906 г. в Москве. А впервые в СССР повесть была издана в 1928 г. в Харькове. Она переведена на многие европейские языки.

С.В. Ковалевская в письме к М.В. Мендельсон от 7 октября 1890 г. сообщила, что «Нигилистка» была сначала написана пошведски, а затем по-русски – после «Воспоминаний детства», т.е. в 1889–1890 гг.¹⁵ Окончательную редакцию повести в корректуре автор повести не смогла, поскольку умерла в начале 1891 г.

«Нигилистка» написана от первого лица, от имени самой Софьи Васильевны, и повествует о ее знакомой, молодой красавице-графине Вере Баранцовой, приехавшей из дальнего имения ее отца в Петербург. Описание этого имения, окружающей его замечательной природы и самого семейства Баранцовых – самые высокохудожественные страницы повести, они перекликаются с «Воспоминаниями детства» С.В. Ковалевской, с обстоятельствами ее биографии. В остальном повесть рассказывает о мировоззренческом поиске нигилистки Веры Баранцовой. Эта – основная и главная – часть повести в художественно-психологической плане значительно уступает первой части, тем более «Воспоминаниям детства».

Одновременно С.В. Ковалевская присутствовала на политическом «процессе 193-х» над участниками «хождения в народ», арестованными за революционную пропаганду; процесс состоялся в октябре 1877 – январе 1878 г. И повесть содержит интересные впечатления Ковалевской о происходившем в зале суда. Также в ее воспоминаниях ярко описаны объявление царского Манифеста 18 февраля 1861 г. об отмене крепостного права, последующие нерадостные перемены в помещичьей жизни.

Но сконцентрируем наше внимание на главной героине все-таки художественной повести Вере Баранцовой. Юная провинциальная графинечка Вера «всецело была занята одной мыслью – найти назначение, цель в жизни»¹⁶. Из прочитанных ею журналов и книг наибольшее впечатление произвел номер петербургского журнала «Детское чтение» с трогательным рассказом об английских миссионерах в Китае, которых недавно сожгли язычники. Прочитав, девушка в волнении и восторге бросилась на колени с молитвой: «Господи! Это ты сам надоумил меня! Ты сам указываешь мне путь и призываешь меня!»¹⁷.

Между тем в соседнем имении объявился петербургский профессор Степан Михайлович Васильцев, оказавшийся в административной ссылке лишь за то, что отстаивал свое достоинство в конфликте с одним великим князем. Профессор стал давать бесплатные уроки соседке Вере. Естественно, девушка лет 14–15-ти влюбилась в своего незаурядного учителя. А когда не смогла скрыть влюбленности, Васильцев ответил, что это недо-

разумение: он в три раза старше и уже отлюбил. И в знак доверия к своему юному другу профессор рассказал о любимой девушке, которую по ошибке арестовали за какие-то неосторожные слова, через полгода выпустили, но она в тюремном подвале подхватила тяжелое воспалительное заболевание и умерла через три года. «В стране, где подобные вещи возможны, и права почти не имеешь думать о личной любви, о личном счастье», – закончил свою исповедь Васильцев. А вскоре показал Вере портрет своей покойной невесты. «Вере показалось, что никогда в жизни не видала она лица лучше этого; с благоговением прикоснулась она к портрету губами, как к лику мученицы, и со слезами на глазах повторила свой прений детский обет добиваться мученического венца. Только не в Китай она за ним отправится; теперь она знает, что венец этот составляет удел многих в России»¹⁸.

Занятия Степана Михайловича и Веры продолжались еще три года. Профессор был материалистом, ознакомил ученицу «со всеми новыми теориями», и благодарная ученица подумала, что «совсем больше не верует в бога. Но тем не менее в эту минуту душа ее преисполняется страстной, беспредельной благодарности к кому-то, кто даровал ей счастье, и по старой, детской, неизгладимой привычке она обращается с горячей мольбой к богу, существование которого не признает:

– Господи! Я знаю, что на свете есть много горя, много несправедливости, много нужды! Я хочу послужить людям, я готова жизнь за них отдать! Только после, Господи! Теперь так хочется, так мучительно хочется счастья!»¹⁹.

Однажды ночью к профессору нагрянули жандармы. С.М. Васильцев решением губернатора подлежал административной высылке в Вятку как неблагонадежный. На сборы давались три дня и три ночи. Подвело профессора то, что он консультировал крестьян, мешая местным помещикам облапошивать мужиков при проведении крестьянской реформы.

В последнюю ночь Вера решила одна прийти к Степану Михайловичу и добилась, чтобы жандармы пропустили ее. Между ними состоялось горячее любовное объяснение.

Затем между ними началась тайная переписка. Они договорились соединить свои судьбы, когда Вера станет совершеннолетней. А профессору намекали на освобождение из ссылки. Но наступил момент, когда письма из Вятки перестали приходить... Наконец, в соседнее имение приехали родственники Степана Васильевича, сообщившие, что он умер от чахотки.

Через несколько лет у Веры умер отец, мама ушла в монастырь, старшая сестра вышла замуж за офицера и уехала вместе с другой сестрой, а родовое поместье купил бывший управляющий. Родовое гнездо перестало существовать, и совершеннолетняя Вера, получив свою часть наследства, приехала в Петербург, где пришла познакомиться к уже известной С.В. Ковалевской. Они подружились.

Софья Васильевна так пишет о Vere: «В ее глазах быть полезной значило или работать лично над разрушением деспотизма и тирании, или поддерживать тех, кто работает в этом направлении. Она не понимала, что можно быть полезной и другими простейшими способами... Благодаря Васильцеву Вера прочла ряд революционных изданий. Сам Васильцев в своих разговорах представил ей поразительную картину всех бедствий, от которых страдает человечество, и указал ей источник этих бедствий в том факте, что современная жизнь построена на угнетении и конкуренции, а не так, как следовало бы, – на свободе и единении. Не раз заводил он с нею речь о мучениках, о всех современных героях свободы, пожертвовавших жизнью и счастьем ради торжества святого дела. И она страстно полюбила этих героев и пролила не одну слезу над их судьбой». И далее: «Ее всегда поглощала мысль о ближайшей задаче, о разрыве всяких связей с семьей, об оставлении того тесного круга, в котором проходила ее жизнь. Ее незнание действительных условий жизни было так велико, что в ее воображении нигилисты являлись чем-то вроде правильно организованного тайного общества, работающего по определенному плану и стремящегося к достижению ясно обозначенных целей»²⁰.

Вера стала слушательницей высших женских курсов в Петербурге, открытых в 1878 г. Однако ее не увлекли ни естественные науки, ни политическая экономия. Принимаясь за реко-

мендованные книги, «она наперед уже была убеждена в том, что интересующая их авторов задача – устроить человеческое благополучие – будет достигнута только тогда, когда люди разделят все между собой и не будет более ни угнетения, ни собственности. Она считала это неоспоримой истиной, не допускающей сомнения, не требовавшей доказательств». По мнению Веры, в настоящее время порядочный человек «может только интересоваться выбором кратчайшего пути, ведущего к достижению общей цели. Для русского такой целью может быть только социальная и политическая революция». Вера «находила социализм единственным средством к решению всех вопросов». А «спорить с ней не было возможности»²¹.

С.В. Ковалевская с намеком на неодобрение подметила характерное свойство подлинных социалистов: веру (а сказать точнее – псевдоверу) в социализм как в волшебную палочку, как в лекарство от всех болезней. Такая псевдовера, равно псевдорелигиозность, свойственны и народникам времен Ковалевской, и большевикам, и современным убежденным коммунистам. И спорить с ними действительно невозможно. Они не принимают аргументов и исторических фактов, отторгают их, как бы не слышат, а можно нарваться и на агрессивную реакцию. Они не стремятся познавать и познавать, они раз и навсегда правы во всем.

Что же касается псевдорелигиозности Веры, то она выросла из поверхностной воцерковленности (или даже невоцерковленности) и благих намерений. При этом недоучившаяся и неопытная девушка воспринимала существующий в России режим как деспотический и тиранический, что было эмоциональным преувеличением. Режим, разумеется, являлся авторитарным или авторитарно-теократическим, однако далеко не самым жестким из авторитарных режимов в русской истории. И какой из режимов не являлся авторитарным?

Одновременно С.В. Ковалевская от своего имени писала в повести о «частых арестах», о том, что «теперь выступили на очередь социалистические задачи»²². Она не считала ходивших «в народ» пропагандистов преступниками. При этом ставила знак равенства между этими пропагандистами, нигилистами и

революционерами²³. А говоря о «процессе 193-х» над пропагандистами-народниками (в повести он назван процессом «семидесяти пяти»), Ковалевская вспоминала, что пришедшая в зал суда образованная публика постепенно проникалась все большей и большей симпатией к обвиняемым, «видя, что эти страшные нигилисты далеко не те чудовища, каких рисовало их воображение, а несчастная, полная самоотвержения молодежь»²⁴.

Главная героиня повести «Нигилистка» графиня Вера Баранцова обвенчалась в тюрьме с одним из подсудимых по этому процессу евреем Павленковым, чтобы облегчить его участь на каторге. Причем уже в тюрьме подступил момент, когда, «если бы в эту минуту пришел кто и предложил мне отказаться от свадьбы, я бы охотно убежала назад без оглядки», призналась Вера своей подруге С.В. Ковалевской²⁵. Но никто не пришел и не предложил. Ковалевская была поставлена перед свершившимся фактом.

Заканчивается повесть тем, что Софья Васильевна провожает Веру в Сибирь: «...раздался последний звонок, и поезд должен был тронуться, она из окна протянула мне руку на прощанье. В эту минуту мне так живо представилась та судьба, которая ожидает это прелестное юное существо, что мне сделалось тяжело на душе, и слезы так и покатались из глаз.

– Ты обо мне так плачешь? – проговорила Вера с ясной улыбкой. – Ах, если бы ты знала, как мне, напротив того, жалко вас всех, вас, которые остаетесь!

Это были ее последние слова»²⁶.

Прототипом студента Павленкова был также студент-медик И.Я. Павловский, который в действительности за свою революционную деятельность получил всего три месяца тюрьмы, с учетом уже отбытого перед вынесением приговора, а не 26 лет каторги, как сгущала краски С.В. Ковалевская. Затем нигилист-народник Павловский по решению министра внутренних дел был отправлен в административную ссылку в Архангельскую губернию, откуда бежал за границу, где был поддержан И.С. Тургеневым. Павловский сотрудничал в петербургской газете «Новое время» в качестве ее парижского корреспондента и в либеральной петербургской газете «Россия».

Прототипом Веры Баранцовой была Вера Сергеевна Гончарова, племянница супруги А.С. Пушкина и знакомая С.В. Ковалевской. Вера Сергеевна действительно вышла замуж за нигилиста Павловского из сострадания и в революционном порыве. Помощь в получении разрешения на этот брак оказали Ф.М. Достоевский и А.Ф. Кони.

Наконец, об одной из сцен в повести «Нигилистка» – сцене молитвы старого графа Ралова, бывшего министра, к которому обратилась за помощью Вера Баранцова и эту помощь получила. Сцена сатирическая, запоминающаяся, заставляющая задуматься о фарисейской вере сильных мира сего. Причем Вера говорит Софье Васильевна: «При его-то положении и влиянии на государя, сколько бы он мог сделать добра, пользы принести. А он что? Колотится лбом о землю, в надежде, авось и на небесах отведут ему такое же тепленькое местечко, как и здесь на земле»²⁷.

Конечно, есть и такие. И более, чем есть – это целое явление нашей прошлой и настоящей жизни. Но сцена коробит. Она недобрая. А добрых христианских сцен нет в повести.

«Воспоминания детства» явились первым и остались лучшим литературным произведением С.В. Ковалевской. Повесть «Нигилистка» в целом не дотягивает до литературно-художественного уровня воспоминаний, но помогает понять, почувствовать нигилисток – лучших из них – как психологический и мировоззренческий феномен нашего прошлого, русской жизни второй половины XIX в.

Третьим очень важным источником изучения мировоззрения и биографии С.В. Ковалевской являются воспоминания «Софья Ковалевская: (что я пережила с ней и что она рассказывала мне о себе)», написанные Анной Карлотой Леффлер, герцогиней ди-Кайянелло, сестрой ректора Стокгольмского университета (тоже математика), шведской писательницей, подругой и соавтором Ковалевской²⁸. Эти обширные воспоминания в переводе со шведского на русский были опубликованы в 1892 г. в петербургском литературно-научном и политической журнале «Северный вестник».

Анна Леффлер вспоминает об услышанных ею воспоминаниях С.В. Ковалевской и излагает последние. Получаются воспоминания о воспоминаниях, письменные об устных – такой жанр.

Говоря о пребывании Анны и Софьи Корвин-Круковских в Петербурге, очевидно в 1865 г., Леффлер со слов Софьи сообщает, что вокруг Анны образовался кружок молодежи, в котором одобрялись фиктивные браки. Такие браки «казались гораздо более идеальными, чем те вульгарные и низменные союзы, которые заключаются между молодыми людьми только для удовлетворения своих чувственных страстей; иначе сказать, своего эгоизма, и называются браками по любви. При идеальных стремлениях, одушевлявших всю эту молодежь, личное счастье казалось чем-то второстепенным, принесение всего себя в жертву ради высших духовных целей – единственную великою и достойною человека задачею. Учиться, заниматься, чтобы затем с удвоенными новыми силами служить родине, любимой всеми русскими с такою нежною, восторженною любовью, помогать ей в тяжелой освободительной борьбе [за продвижение, переход] из мрака и стеснения к свободе и просвещению – вот такие стремления одушевляли теперь молодых дочерей старинных дворянских фамилий...» «О, это было такое счастливое время!» – восклицала часто Софья, рассказывая об этом периоде своей жизни. «Мы были сильно увлечены новыми идеями, открывавшимися перед нами, мы были так глубоко убеждены, что существующее состояние общества не может долго продлиться, мы уже видели в недалеком будущем наступление нового времени, времени свободы и всеобщего просвещения, мы мечтали об этом времени...» Но «одна из подруг Анны позволили себе унижительный поступок – вышла замуж по любви. Как они презирали ее и как сожалели о ней! Как особенно сильно сжималось сердце Сони от негодования за такую жалкую измену своим идеалам! И как сама новобрачная стыдилась перед подругами своего поступка, точно падения! Она ни разу не осмелилась заговорить при них о своем супружеском счастье и запретила мужу выказывать ей при подругах какую бы то ни было нежность»²⁹.

Отец Софьи Васильевны одобрял ее стремление к знаниям, ее постоянно хвалили за успехи при домашнем обучении, но отец «пришел в ужас при первом подозрении о намерении дочери продолжить и дальше свои научные занятия, при ее первом робком намеке на желание ехать учиться в заграничный университет»³⁰. Тогда у сестер Анны и Софьи возник план: Анна фиктивно выходит замуж, и Софья с замужней сестрой едет за границу якобы не для учебы, а чтобы попутешествовать. Дело в том, что высшее женское образование в России еще не было развито, а женщина имела право выехать за границу только с мужем или родственниками.

Выбор пал на одного знакомого молодого профессора, которому Анна Васильевна сделала предложение о фиктивном браке. Но профессор не согласился. Второй раз старшая сестра сделала соответствующее предложение Владимиру Онуфриевичу Ковалевскому, молодому выходцу из Витебской губернии (из обрусевших поляков), окончившему училище правоведения, но в будущем ставшему незаурядным палеонтологом и геологом. Ответ был неожиданным: Ковалевский согласился на фиктивный брак, но не с Анной, а с Софьей. Вероятно, уже тогда она приглянулась больше.

В.О. Ковалевский просил руки Софьи у ее отца, но получил отказ. По предположению Софьи Васильевны, отец мог бы согласиться на брак Ковалевского с 23-летней Анной, но не с совсем молоденькой младшей сестрой. Тогда последняя решилась на вполне эмансипационную выходку: в момент званого обеда у Корвин-Круковских она ушла к Ковалевскому, оставив записку: «Папа, прости меня, я у Владимира. Прошу тебя не противиться больше моему браку с ним». И отец дал согласие на брак, который заключили 1 октября 1868 г.

Анна Леффлер так описывает В.О. Ковалевского: «Его густая рыжеватая борода и слишком большой нос делали его некрасивым, но стоило ему посмотреть на вас своими темно-синими глазами, и вы поражались выражением их, одновременно умным, приветливым и добрым, так что невольно чувствовали к нему сердечное влечение». А вот и описание Софьи Васильевны, сделанное одной ее подругой того времени: «Ей минуло уже

восемнадцать лет, но на вид она казалась гораздо моложе. Маленького роста, худенькая, но довольно полная в лице, с коротко обстриженными волосами темно-каштанового цвета, с необыкновенно выразительным и подвижным лицом, с глазами, постоянно менявшими выражение, то блестящими и искрящимися, то глубоко мечтательными, она представляла собою оригинальную смесь детской наивности с глубокою силою мысли. Она привлекала к себе сердца всех безыскусственною прелестью... Она не обращала ни малейшего внимания на свою наружность и свой туалет, который отличался всегда необыкновенною простотою, с примесью некоторой беспорядочности, не покидавшей ее в течении всей ее жизни». У Софьи Васильевны было тогда прозвище «воробышек». Ее фиктивный муж был старше на 7 лет.

В 1869 г. «супруги» выехали для учебы в знаменитый Гейдельбергский университет. Позднее к ним приехала Анна Васильевна. В квартире были еще две ученые подруги (двоюродные сестры Ю.В. Лермонтова и А.М. Евреинова³¹), так что для «мужа» не хватило места и ему пришлось поселиться отдельно. Но Софью Васильевну тянуло к Владимиру Онуфриевичу, она часто приходила к нему и проводила у него целые дни, они предпринимали вдвоем большие прогулки. Однако «Анна и ее подруги (особенно Евреинова. – *В.Л.*) часто не любезно обращались с Ковалевским. У них были на это свои причины: они находили, что раз брак фиктивен, Ковалевскому не следует придавать своим отношениям к Соне слишком интимный характер. Это вмешательство посторонних лиц в жизнь молодых супругов приводило не раз к мелким стычкам и испортило вскоре хорошие отношения...». Ковалевскому пришлось уехать в Йену и затем в Мюнхен, где он всецело отдался своим научным увлечениям. Но тогда Софья Васильевна «начала ревновать его к его занятиям, так как ей казалось, что они вполне заменяют ему ее и что она при этом отступает на задний план... она никак не могла примириться с тем, чтобы жить отдельно от мужа, и начала беспокоить его бесконечными требованиями...»³².

Много лет спустя Софья Васильевна жаловалась Анне Леффлер, что «никто меня никогда не любил искренно», а Владимир Онуфриевич «любил меня только тогда, когда я находилась воз-

ле него. Но он всегда умел отлично обходиться и без меня». При этом Леффлер берется объяснить, почему сам Ковалевский стал предпочитать жить отдельно: Софья «отличалась удивительным пристрастием к неестественным и обостренным отношениям. Ей всегда хотелось обладать, не отдаваясь самой». А по воспоминаниям одной неназванной подруги, Софья Васильевна «требовала всегда слишком многого от того, кто любил ее и кого она в свою очередь любила, и всегда как бы силою хотела брать то, что любящий человек охотно дал бы ей и сам, если бы она не завладевала этим насильно с страстной настойчивостью. Она чувствовала всегда непреодолимую потребность в нежности и задушевности, потребность иметь постоянно возле себя человека, который бы всем делился с нею, и в то же время она делала невозможную жизнь для человека, который вступал в такого рода близкие отношения к ней. Она сама была слишком беспокойного нрава, слишком дисгармонична по своей натуре, чтобы на долгое время найти удовлетворение в тихой жизни, полной любви и нежности, о которой она, по-видимому, так страстно мечтала»³³.

Осенью 1870 г. С.В. Ковалевская переехала в Берлин для продолжения занятий по математике с известным профессором Берлинского университета, членом Баварской академии наук Карлом Т.В. Вейерштрассом; в этом университете тогда не допускалось обучение женщин. В 1872 г. В.О. Ковалевский получил степень доктора философии в Йенском университете за работу по палеонтологии. При этом, по свидетельству Леффлер, Софья Васильевна уже стеснялась неестественности своих отношений с мужем. А подруга вспоминает, что «Соня все время была в самом грустном расположении духа; ничто, по-видимому, не радовало ее, ко всему относилась она равнодушно, исключая своих занятий. Посещения ее мужа всегда несколько оживляли ее, хотя радость свидания нередко омрачалась взаимными упреками и недоразумениями. Они и теперь делали вдвоем большие прогулки... Когда же Соня оставалась одна со мною, она ни за что не хотела выходить из дому, ни для того, чтобы гулять, ни для того, чтобы идти в театр, ни для того, чтобы делать необходимые покупки»³⁴.

В 1874 г. С.В. Ковалевская также получила степень доктора философии в Геттингенском университете за успешно защищенную диссертацию «К теории дифференциальных уравнений». В это время ее часто навещали родители, увозили с собой в Россию и, согласно свидетельству Леффлер, «мало-по-малу догадались о действительном положении дел между супругами. Они постоянно упрекали Софью за ее поведение относительно мужа и старались устроить между ними сближение, чему она всякий раз упорно сопротивлялась. Между тем в действительности ее изолированное положение сильно тяготило ее... она в душе не была нисколько похожа на синий чулок, каким она могла показаться тем, кто судил о ней по ее образу жизни; но ее застенчивость, непрактичность, сознание ложности в своих личных отношениях, боязнь скомпрометировать себя при своем одиноком положении, все это вместе заставляло ее вести ту вполне изолированную жизнь, в которой она впоследствии так горячо раскаивалась, вспоминая о своей молодости»³⁵.

Между тем А.В. Корвин-Круковской наскучило в Гейдельберге, и она одна отправилась в Париж. А поскольку такие одиночные женские путешествия не были приняты в России, сестры решили ввести отца в заблуждение: письма Анны к отцу пересылались через Софью так, что он был уверен в нахождении старшей дочери вместе с замужней младшей. Однако парижская жизнь захватила Анну Васильевну. Более того, она полюбила там французского журналиста, будущего активного участника Парижской коммуны и революционера Виктора Жаклара. Происходило это во время франко-прусской войны и осады Парижа. Почтовая связь сестер прервалась. Поэтому в январе 1871 г. Софья Васильевна с «мужем» отправилась в Париж на розыски сестры, что потребовало проникнуть через немецкие войска, идти в Париж пешком и плыть на лодке по Сене, рискуя быть обстрелянными. Воссоединившиеся сестры и В.О. Ковалевский приняли участие в политической жизни Парижской коммуны. Кроме того, сестры ухаживали за ранеными коммунарами в госпитале. Затем «супруги» Ковалевские покинули французскую столицу.

Однако после падения Парижской коммуны В. Жаклар был арестован и приговорен к смертной казни, а Анна Васильевна умоляла младшую сестру «заступиться за нее перед отцом, к которому она обратилась с просьбою простить ее за обман и помочь выпутаться из отчаянного положения». И отец вместе с супругой и с «супругами» Ковалевскими поспешил на помощь в Париж, а «при свидании с виновною дочерью он высказал так много любви и деликатности, что обе дочери, чувствовавшие, что они заслужили совершенно иного обращения, с этого времени еще сильнее привязались к нему»³⁶.

Генерал Корвин-Круковский имел связи с Луи Тьером, президентом Французской республики, бывшим премьер-министром и историком, поэтому «обратился тотчас к нему с просьбою о содействии в деле освобождения его будущего зятя. Тьер отвечал, что ничего не может для него сделать, но при этом как бы случайно упомянул о том, что пленных, среди которых находился и г. Ж.[аклар], переводят на следующий день в другую тюрьму. Дорога в эту тюрьму вела мимо здания выставки, возле которого толпилась всегда днем масса народу. Анна вмешалась в толпу и в то время, когда пленные проходили мимо, проскользнула незаметно через ряды окружавших их солдат, взяла г. Ж. под руку и исчезла вместе с ним в здании выставки, из которого они выбрались через другой выход и без малейших препятствий достигли станции железной дороги...»³⁷.

Через некоторое время все встретились в родном Полибино, где отец внешне спокойно выслушал революционные речи дочери-коммунарки и материалистические речи ученой дочери. Спустя несколько месяцев, в 1875 г., он скончался от разрыва сердца. «Это неожиданное горе глубоко поразило Софью. Она так тесно сошлась с отцом за последнее время... С его смертью она почувствовала себя страшно одинокою. У Анны был муж, на груди которого она могла выплакать свое горе. Но Софья оттолкнула от себя того человека, который мог служить ей истинною опорой и утешением в ее грустном положении. Теперь она как бы сразу прозрела и поняла всю неестественность своих отношений к мужу и все причиненное ими горе, ее жажда нежности и привязанности взяли перевес над всеми другими чувства-

ми и сомнениями, и среди тиши и уединения родного дома, погруженного в печаль, она сделалась истинною женою своего мужа»³⁸. Ей было 25 лет.

В следующую зиму, 1875–1876 г., все переехали в Петербург, где Софья Васильевна, как бы наверстывая упущенное, наслаждалась светской жизнью, празднествами и развлечениями, театрами и приемами. Супруги Ковалевские увлеклись коммерческой деятельностью, Софья Васильевна желала стать богатой. Однако перед закладкой их первого доходного многоэтажного дома ей приснился сон, в котором на плечи мужу сел бес³⁹.

В 1881 г. В.О. Ковалевский стал преподавателем Московского университета, и супруги переехали в первопрестольную. Но в Москве Владимир Онуфриевич познакомился с аферистом Н.А. Новосельским, выдававшим себя за внебрачного сына императора Николая I и занимавшимся финансовыми спекуляциями, и сам ими увлекся в надежде стать миллионером. За Ковалевского началась борьба нового знакомца и супруги, уговаривавшей мужа вернуться только к научной деятельности. Однако знакомец сумел заронить у Софьи Васильевны подозрение в измене мужа, а она оказалась весьма ревнивой женщиной, не способной здраво проанализировать происходящее, несмотря на свои способности к абстрактному математическому анализу. Она ушла... Еще в поезде познакомилась с молодым поляком, математиком, революционером и поэтом; они встречались. Жила она в предместье Парижа.

Тем временем В.О. Ковалевский обанкротился и накануне суда, в ночь с 27 на 28 апреля 1883 г., покончил с собой. По получении такого известия Софья Васильевна слегла в постель с «сильной нервной горячкой, после которой она встала совершенно разбитою, с чувством чего-то неотвратимого, наложившего свое мрачное покрывало на всю ее жизнь. Она самым горьким образом упрекала себя за то, что бросила мужа одного, вместо того, чтобы поддержать его... И благодаря перенесенной ею болезни и постоянной душевной борьбе, даже наружность ее утратила свою юношескую свежесть. Она вдруг постарела...»⁴⁰.

С.В. Ковалевская с маленькой дочкой, родившейся 5 октября 1878 г., и без средств явилась к своему учителю Карлу Вейер-

штрассу. Академик Вейерштрасс, ставший уже ректором Берлинского университета, с огромными усилиями устроил Софью Васильевну – женщину! – профессором Стокгольмского университета. Она преподавала высшую математику сначала на немецком, но за год выучила шведский язык и преподавала уже по-шведски. В этот период дочка Ковалевских Софья Владимировна была оставлена в Москве у своей крестной мамы Ю.В. Лермонтовой, у которой в подмосковном имении потом часто и подолгу гостила; крестным отцом девочки был И.М. Сеченов. Именно в Стокгольме С.В. Ковалевская познакомилась и подружилась с Анной Леффлер, которая после смерти Софьи Васильевны написала о ней ценные воспоминания.

Очень интересны и поучительны свидетельства Леффлер о Ковалевской как человеке, женщине и ученом: «С мужской энергией и мужским умом и с замечательным в некоторых случаях упорством в характере, она соединяла и значительную долю женской беспомощности. Она всегда чувствовала потребность в опоре, в друге, который помогал бы ей выпутаться из затруднительных обстоятельств и облегчал ей жизнь. И она почти всегда повсюду находила такого друга, а когда его не оказывалось, она чувствовала себя несчастною, беспомощною и смущенною, точно неопытное дитя. Она не могла сама купить себе платья, не могла сама смотреть за своими вещами, не могла сама найти дороги в городе – проживши столько времени в Стокгольме, она умела находить только те улицы, которые вели в высшую школу (до университета она преподавала в частной высшей школе. – *В.Л.*) и к ее ближайшим друзьям, – не могла сама заботиться ни о своих делах, ни о своем домашнем хозяйстве, ни о своей дочери...»⁴¹.

В 1886 г. С.В. Ковалевская говорила Анне Леффлер, что «работа сама по себе и в особенности научные занятия сами по себе ничего не стоят, так как не могут ни доставить радости, ни вести человечество вперед, что безумно тратить всю свою молодость на научные занятия, что обладание способностями к научным занятиям настоящее несчастье, особенно для женщины, вынужденной вследствие этого войти в сферу деятельности, которая никогда не может доставить ей счастья». Однако позднее она же

говорила, что «не было ничего на свете выше науки, для нее только и стоило жить; все другое, личное счастье, любовь, восхищение природою, мир фантазий, – все это пустяки...» Научная жизнь – «высшее из всех наслаждений»⁴².

В этих противоречивых утверждениях на самом деле нет противоречия в том смысле, что они принадлежат одному *подлинному ученому*, у которого, как у любого живого человека, бывают разные настроения, разные обстоятельства и периоды в жизни. Доля правды есть во всем сказанном Софьей Васильевной. Но, наверное, не стоит выводить из сказанного нечто среднее, золотую середину, поскольку и прорывы в науке, и любовные прорывы посылаются судьбой не середнячкам, не теплохладным, а увлеченным людям.

Стоит также упомянуть, что из женского кокетства Софья Васильевна не носила очков, хотя была очень близорука. Курила.

А в 1888 г. С.В. Ковалевская познакомилась с Максимом Максимовичем Ковалевским, родственником ее покойного мужа. По ее воспоминаниям, переданным Анной Леффлер, он был «самым даровитым из всех людей, когда-либо встреченных ею в жизни. При первом свидании она почувствовала к нему сильнейшую симпатию и восхищение, которые мало-по-малу перешли в страстную любовь». И эти слова о Максиме Максимовиче не лишены оснований. Он был на полтора года моложе ее, имел высшее юридическое образование, защитил докторскую диссертацию об общественном строе Англии в конце средних веков, до 1887 г. читал курс государственного права иностранных держав и истории учреждений в Московском университете, являлся масоном. Позднее Максим Максимович станет членом I Государственной Думы и Государственного Совета, профессором Петербургского университета, в Психоневрологическом институте создаст первую в России кафедру социологии. В 1914 г. станет академиком Санкт-Петербургской академии наук.

М.М. Ковалевский сделал предложение С.В. Ковалевской. Однако она ответила отказом. Согласно свидетельству Леффлер, «ей казалось, что его влечет к ней скорее преклонение перед ее умом и талантами, чем любовь, и она, понятно, отказалась вступить в брак с ним, а стала употреблять все усилия, чтобы вну-

шить ему такую же сильную и глубокую любовь к себе, какую она сама чувствовала к нему. Эта борьба представляет всю историю ее жизни в течение этих последних двух лет. Она мучила его и себя своими требованиями, устраивала ему страшные сцены ревности, они много раз совершенно расходились в сильном взаимном озлоблении, снова встречались, примирались и вновь рвали все отношения»⁴³. Софья Васильевна признавалась подруге, что между ею и Максимом Максимовичем становится ее работа, ее тщеславие и честолюбие; она понимала, что поступает неблагоприятно, но иначе не могла.

С.В. Ковалевская, «не смотря на все свои успехи в жизни, считала себя побежденной в борьбе за счастье... Она часто говорила, что в православном вероисповедании, в котором она была воспитана и к которому всю жизнь относилась с самым глубоким чувством, ее больше всего привлекает сочувствие к страданию, в гораздо большей степени преобладающее в этой религии, чем во всех других... Она говорила не раз, что только неизвестность относительно наказания, могущего постигнуть после смерти самоубийц, удерживала ее много раз от того, чтобы наложить на себя руки и самовольно покинуть этот мир. У нее не было какой-либо определенной религиозной веры, но она верила в вечную жизнь для отдельных индивидуумов, верила в нее и страшилась ее: больше всего страшилась она той ужасной минуты, когда прекращается жизнь»⁴⁴.

Осенью 1891 г. С.В. Ковалевская возвращалась из Берлина в Стокгольм. Но впереди, в Дании, началась эпидемия оспы, и Софья Васильевна изменила обычный маршрут. А для объездного маршрута нашелся только открытый экипаж, и в пути она простудилась, затем началось воспаление легких. К тому же у нее был врожденный порок сердца. «Друзья, окружавшие ее постель в немногие дни болезни, не могли достаточно нахвалиться ее добротой, кротостью и терпением: она так много заботилась о других, так боялась обеспокоить окружающих, выражала такую сердечную благодарность за малейшую оказанную ей услугу». Последние ее слова: «Мне кажется, со мной должна произойти какая-то перемена»⁴⁵. Умерла С.В. Ковалевская 29 января 1891 г. Ей был 41 год.

Анна Леффлер пишет: «Мне казалось всегда, что ее могло бы успокоить хоть немного присутствие священника, который прочитал бы над ней отходную на русской языке»⁴⁶. Но священника не было, она умерла ночью на руках у нерусской сиделки. А на ее могиле в Стокгольме стоит крест⁴⁷.

Дочка Софьи Васильевны и Владимира Онуфриевича Ковалевских – Софья – закончила Петербургский медицинский институт, трудилась врачом и позднее в научной медицинской библиотеке, переводила работы своей мамы со шведского на русский язык. Семьи и детей у Софьи Владимировны не было. Она умерла в 1952 г. в Москве.

Анна Васильевна Жаклар (Корвин-Круковская) умерла еще в 1887 г. в Париже после неудачной операции. Ее муж Виктор Жаклар умер там же в 1903 г. Их сын Юрий работал в основном конюхом на ферме у французского крестьянина, чья сестра служила у его отца. Затем следы Юрия Викторовича теряются.

Из откликов известных людей на смерть С.В. Ковалевской выделяется слово в ее память идеолога народничества П.Л. Лаврова, произнесенное 6 апреля 1891 г. в Париже и опубликованное отдельной брошюрой в том же году в Женеве. В брошюре: «Ее близкие приятели прямо говорят, что “она была социалисткой”, между рукописями, ею оставленными, находится, как слышно, роман “из жизни нигилистов”, где она с теплым сочувствием относится к русскому революционному движению». И далее: «Она была женщина мысли и женщина впечатлительная ко всем явлениям жизни. Формулируя это одним словом, она была женщина *развитая*. Она, по свидетельству самых близких друзей, осталась “русской” в глубине своих убеждений и симпатий; “осталась верною союзницею молодой России”»⁴⁸.

И еще о взглядах, мировоззрении С.В. Ковалевской. Согласно воспоминаниям ее подруги, польской революционерки М.В. Мендельсон, Софья Васильевна говорила: «В детстве (не ранее 1863 г. – *В.Л.*) я не мечтала так горячо ни о чем, как только о том, чтобы принять участие в каком-нибудь польском восстании»⁴⁹. В 1877 г. она писала, что «демократическое, а не социалистическое государство представляет величайший ужас, какой только может иметь место!»⁵⁰. А в 1883 г., после посеще-

ния Парижа, Ковалевская утверждала: «Задачи теоретического социализма и размышления о методах практической борьбы так сильно и упорно заняли меня, что я лишь с большим трудом могу заставить себя думать о своей работе, так далеко отстоящей от жизни. По временам я не могу избавиться от мучительного сознания, что все то, чему я отдала все свои мысли и способности, представляет интерес только для немногих, тогда как каждый обязан свои лучшие силы посвятить служению массам»⁵¹.

Теперь кратко о научных достижениях С.В. Ковалевской. Она первая в мире женщина-профессор, преподававшая математику; первая женщина-профессор в России и североевропейских странах. Две ее работы, в которых открыт третий классический случай разрешимости задачи о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки, удостоены премий Парижской и Шведской академий наук (1888 и 1889 гг.). Также в 1889 г. получила большую премию Парижской академии за работу о вращении тяжелого несимметричного волчка. И в 1889 г. избрана членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук по физико-математическому отделению!

Так, была ли С.В. Ковалевская нигилисткой? Прежде всего отметим, что любое краткое и односложное определение, «ярлык» не лучшим образом вяжется со сложными, многогранными, противоречивыми и талантливыми людьми. Да и незаурядный министр внутренних дел, позднее председатель комитета министров И.Н. Дурново называл ее не просто нигилисткой, а «в конечном счете... нигилисткой».

Вот в этом уточнении и все дело. И оно, на мой взгляд, состоит в том, что Софья Васильевна состоялась. Если многие революционеры, «отрешившиеся от старого мира» (прежде всего победоносные революционеры), не состоялись в своих профессиях, по которым получали образование, и потому – не в последнюю очередь – ринулись совершать революцию и революционную карьеру, то Ковалевская состоялась в своей профессии с триумфом. Состоялась она и как не фиктивная жена, родившая хотя бы одного ребенка. У нее очень трудно происходило преодоление распространенного среди нигилистов отношения к браку, но все же произошло, жизнь взяла свое.

Одновременно нельзя не сказать, умолчать, что без фиктивного брака С.В. Ковалевская не получила бы прекрасного образования... Она немного опередила время, российское правительство уже в догонку за Ковалевской и ей подобными пошло на развитие высшего женского образования в нашей стране, чтобы желающие учиться женщины не уезжали за границу и не попадали там под влияние революционных идей.

По политическим взглядам или симпатиям С.В. Ковалевскую можно назвать народницей-социалисткой. Для нее, как и для Ф.М. Достоевского, народники, революционеры, нигилисты и социалисты представляли единое целое. Но Достоевский прозрел в них бесов, а Ковалевская восхваляла их, сочувствовала им, была близка к ним, даже хотела быть с ними, несмотря на то, что подметила их неспособность к критическому и объективному анализу-спору, их незнание действительных условий жизни.

С.В. Ковалевская не стала профессиональной революционеркой-народницей, потому что состоялась в своей творческой профессии. Это все-таки перевешивало, хотя ее тянуло в революцию, и поэтому она мучилась от раздвоенности своих стремлений. А Ф.М. Достоевский, не терпевший нигилисток, от всего сердца поддержал обеих сестер Ковалевских не как находившихся под влиянием нигилистических настроений, а как подающих надежды и способных людей, вне зависимости от их пола.

Господь создал женщину для мужчины, семьи и деторождения, для Малой Церкви, но он же создает и исключения, когда дает и другое призвание, когда призывает стать тем же математиком, как в случае с Софьей Васильевной. Отторгнуть Божественное призвание – грех, но как трудно, почти невозможно плодотворное сочетание женского и научного призваний!

О математическом призвании Софьи Васильевны свидетельствуют ее «Воспоминания детства». В ее доме в Полибино для одной из комнат не хватило обоев, и комнату обклеили страницами из учебника математики по дифференциальному и интегральному исчислению, на которых были различные формулы и т.п. И девочка-подросток часами просиживала в этой комнате, ее завораживали загадочные страницы, она пыталась сама разо-

браться. Так впервые проявилось подлинное призвание, замечательные унаследованные гены. Позднее преподаватель математики удивлялся, что он дает новый материал, а она как бы и знает его. А она зрительно помнила эти наклеенные страницы, при объяснении преподавателя тут же вспоминала их⁵².

С.В. Ковалевская принадлежала к тем замечательным людям XIX в., которые из лучших побуждений и намерений разделяли или были близки взглядам народников-социалистов. Как порядочный образованный человек она, конечно, не одобрила бы страшные репрессии, имевшие место в социалистическом СССР. Но реальный социализм построят потом, а ей досталась та эпоха, которая досталась. В свою эпоху, не ведая что творит, она революционной повестью «Нигилистка» объективно работала на будущую революцию.

Однако ее неведение относительно. Ведь при ней происходили грандиозные реформы императора Александра II, который даже жизнь отдал за народ. При ней народники-народовольцы устроили охоту на этого мужественного и дальновидного государя. Сколько террористических актов, при которых гибли и совершенно ни в чем не виновные, совершили народовольцы. Все это для Ковалевской как бы не существовало, она не писала повестей об этом, но поддерживала народников. То был интеллигентский максимализм, который послужил не столько развитию России, сколько приближению революционной катастрофы.

Причем прославление народников в «Нигилистке» естественным образом сочеталось с недоброй сатирой на православную молитву старика. *Размышляя о русской революции, можно говорить об аграрном вопросе, вопросе о власти и других подобных и важных материалистических вопросах, а можно погрузиться в духовную глубину – и обнаружить, что источник революции в богоотрицании, маловерии и в формальной вере.* Верующая христианка не написала бы «Нигилистку», как не рассталась бы с венчанным мужем из-за весьма сомнительного подозрения. Одновременно воспоминания Анны Леффлер сохранили и свидетельство о сочувственном отношении Ковалевской к православию, впрочем, не более того. А в конце концов

как не вспомнить Дмитрия Карамазова: «Широк человек, слишком даже широк...»⁵³.

-
- ¹ Цит. по: *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. М., 1951. С. 533.
  - ² Софья Васильевна Ковалевская, доктор философии и профессор высшей математики, в «Воспоминаниях» первого, по времени, ее учителя И.И. Малевича. 1858–1868 гг. // *Русская старина*. Ежемесячное историческое издание. Кн. XII. СПб., 1890. С. 638; *Корвин-Круковский Ф.В.* Письмо к М.И. Семевскому, издателю-редактору «Русской Старины» // *Русская старина*. СПб., 1891. Сентябрь. С. 638; *Леффлер А.К., герцогиня ди-Кайянелло*. Софья Ковалевская. (Что я пережила с ней и что она рассказывала мне о себе). Пер. со швед. яз. // *Северный вестник*. СПб., 1892. № 9. С. 49.
  - ³ *Ковалевская С.В.* Воспоминания о Софье Васильевне Ковалевской // Памяти С.В. Ковалевской. Сб. статей. М., 1951. С. 153.
  - ⁴ *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. С. 311.
  - ⁵ *Ковалевская С.* Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1960. С. 53.
  - ⁶ Там же. С. 82–83.
  - ⁷ Там же. С. 82–83, 84, 85.
  - ⁸ Там же. С. 93.
  - ⁹ *Достоевский Ф.М.* Письма. Т. I. М.; Л., 1928. С. 382.
  - ¹⁰ *Ковалевская С.* Воспоминания детства. Нигилистка. С. 96.
  - ¹¹ Там же. С. 112.
  - ¹² Там же. С. 121.
  - ¹³ Там же. С. 114, 121.
  - ¹⁴ *Русская старина*. СПб., 1890. № 12. С. 714.
  - ¹⁵ *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. С. 311.
  - ¹⁶ *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства. Нигилистка. С. 140.
  - ¹⁷ Там же. С. 159.
  - ¹⁸ Там же. С. 171.
  - ¹⁹ Там же. С. 177–178.
  - ²⁰ Там же. С. 195.
  - ²¹ Там же. С. 199, 206.
  - ²² Там же. С. 199.
  - ²³ См.: Там же. С. 199–200.
  - ²⁴ Там же. С. 206.
  - ²⁵ Там же. С. 220.
  - ²⁶ Там же. С. 222.
  - ²⁷ Там же. С. 215.
  - ²⁸ С.В. Ковалевская и А.К. Леффлер совместно написали наивную драму «Борьба за счастье», которая опубликована на шведском языке в Стокгольме в 1887 г. и на русском – в Киеве в 1892 г. Драма состоит из двух частей: в первой повествуется о реально произошедшем, во второй – рассказывается, как подобное происходило бы в светлом будущем, где люди помогают друг другу. Что касается шведки Леффлер, то она – дочь директора школы;

первого мужа оставила после двенадцати лет супружества из-за того, что он не разделял ее передовые взгляды; вторично вышла замуж за итальянского герцога, но вскоре умерла в Италии.

²⁹ *Леффлер А.К., герцогиня ди-Кайянелло*. Софья Ковалевская. (Что я пережила с ней и что она рассказывала мне о себе). Пер. со швед. // Северный вестник. СПб., 1892. № 9. С. 108, 109, 112.

³⁰ Там же. С. 110.

³¹ Ю.В. Лермонтова была дочкой генерала, являвшегося троюродным братом великого поэта; в Геттингенском университете она защитила докторскую диссертацию по химии и в России работала в лаборатории А.М. Бутлерова в Петербургском университете. А.М. Евреинова также была дочкой генерала, нелегально по болотам перешла границу, чтобы учиться вместе с С.В. Ковалевской в Гейдельберге; стала доктором права в Лейпцигском университете и, соответственно, первой женщиной доктором права в России; являлась страстной феминисткой, поборницей равноправия женщин и лесбиянкой, открыто жившей в однополем «браке».

³² Там же. С. 119.

³³ Там же. С. 119–120.

³⁴ Там же. С. 122–123.

³⁵ Там же. С. 124.

³⁶ Там же. С. 127.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 130.

³⁹ Там же. С. 132.

⁴⁰ Там же. С. 138.

⁴¹ *Леффлер А.К., герцогиня ди-Кайянелло*. Софья Ковалевская. (Что я пережила с ней и что она рассказывала мне о себе). Пер. со швед. // Северный вестник. 1892. № 10. С. 190.

⁴² *Леффлер А.К., герцогиня ди-Кайянелло*. Софья Ковалевская. (Что я пережила с ней и что она рассказывала мне о себе). Пер. со швед. // Северный вестник. 1892. № 11. С. 45, 46.

⁴³ Там же. С. 63–64.

⁴⁴ Там же. С. 75, 87.

⁴⁵ Там же. С. 89.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Кочина П.Я.* Софья Васильевна Ковалевская. 1850–1891. М., 1981. С. 224.

⁴⁸ [Лавров П.Л.] Русская развитая женщина. В память Софьи Васильевны Ковалевской. [Женева, 1891.] С. 1, 2.

⁴⁹ *Мендельсон М.* Воспоминания о Софье Ковалевской // Современный мир. СПб., 1912. № 2. С. 152.

⁵⁰ *Кочина П.Я.* Указ. соч. С. 223.

⁵¹ *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. С. 264.

⁵² См.: *Ковалевская С.* Воспоминания детства. Нигилистка. С. 63–64.

⁵³ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Т. 1. М., 1970. С. 127.

ЛИТЕРАТУРА

- Достоевский, Ф.М.* Письма [Текст]. Т. I. М.; Л., 1928.
- Достоевский, Ф.М.* Братья Карамазовы [Текст]. Т. I. М., 1970.
- Ковалевская, С.В.* Воспоминания и письма [Текст]. М., 1951.
- Ковалевская, С.В.* Воспоминания о Софье Васильевне Ковалевской [Текст] // Памяти С.В. Ковалевской: сб. статей. М., 1951.
- Ковалевская, С.* Воспоминания детства [Текст]; Нигилистка. М., 1960.
- Корвин-Круковский, Ф.В.* Письмо к М.И. Семевскому, издателю-редактору «Русской Старины» [Текст] // Русская старина. СПб., 1891. Сентябрь.
- Кочина, П.Я.* Софья Васильевна Ковалевская. 1850–1891 [Текст]. М., 1981.
- [*Лавров, П.Л.*] Русская развитая женщина [Текст]: в память Софьи Васильевны Ковалевской. [Женева, 1891].
- Леффлер, А.К., герцогиня ди-Кайянелло.* Софья Ковалевская [Текст]: (что я пережила с ней и что она рассказывала мне о себе): пер. со швед. яз. // Северный вестник. СПб., 1892. № 9.
- Леффлер, А.К., герцогиня ди-Кайянелло.* Софья Ковалевская [Текст]: (что я пережила с ней и что она рассказывала мне о себе): пер. со швед. яз. // Северный вестник. СПб., 1892. № 10.
- Леффлер, А.К., герцогиня ди-Кайянелло.* Софья Ковалевская [Текст]: (что я пережила с ней и что она рассказывала мне о себе): пер. со швед. яз. // Северный вестник. СПб., 1892. № 11.
- Мендельсон, М.* Воспоминания о Софье Ковалевской [Текст] // Современный мир. СПб., 1912. № 2.

Гражданская позиция равноапостольного Николая Японского (1836–1912 гг.)

в контексте эпохи

Статья посвящена особенностям гражданской позиции святителя Николая (Касаткина), анализируются его общественно-политические взгляды, отличавшиеся и патриотизмом, и критичностью к некоторым существующим в стране порядкам.

Ключевые слова: святитель Николай Японский, патриотизм, русско-японская война, внешняя политика, гражданственность, монархизм, либерализм.

Savchuk R.A.

CIVIC POSITION OF EQUAL-TO-THE-APOSTLES SAINT NICHOLAS OF JAPAN (1836–1912) IN THE CONTEXT OF THE EPOCH

The article focuses on specificities of civic position of Saint Nicholas (Kasatkin). It analyses his public and political opinions notable for patriotism and criticism toward certain orders existing in the country.

Key words: Saint Nicholas of Japan, patriotism, the Russo-Japanese war, foreign policy, civic engagement, monarchism, liberalism.

Труды основателя Русской духовной миссии в Японии святого равноапостольного архиепископа Николая (Касаткина) имели большое значение не только на церковной ниве. Просветитель Японии сделал много и для общественного развития, как своей Родины, так и дорогой его сердцу Японии. Его образовательная деятельность, помощь в развитии дипломатических отношений между двумя странами, организация помощи военнопленным и другие начинания свидетельствовали о заметной роли в общественной жизни России и Японии¹. Признавая это, представители дипломатических кругов двух стран с большим уважением и внимательностью относились к личности владыки².

---

* аспирант Киевской духовной академии. В 2015–2016 учебном году был студентом В.В. Лобанова в магистратуре Николо-Угрешской духовной семинарии.

Равноапостольный Николай всегда оставался патриотом своей Родины. В тяжелые годы русско-японской войны святой признавался на страницах дневника: «Несчастливая эта война с мысли не идет, ко всему примешивается, все портит»³. Он хотя и остался в Японии ради пастырского долга, но глубоко сопереживал любимой Родине, разделяя тревожные чувства соотечественников. Дневниковые записи владыки в этот период исполнены свидетельствами о его глубоких душевных страданиях: «Слишком наболело сердце от непрерывных наших неудач» (25 сентября 1904 г.); «Бедные порт-артурцы! Помогите им, Боже, отсидеться до выручки!» (29 сентября 1904 г.); «Тоска давит! Ходишь, говоришь, делаешь свое дело, а червь непрерывно гложет там, в глубине сердца: война тому виною, кровавая, непрерывно неудачная для России...» (19 октября 1904 г.)⁴ и проч. Как отмечал один из современников, архиепископ Николай, хотя и посвятил Японии 50 лет своей жизни, «не перестает в то же время оставаться вернейшим сыном России и истинным русским патриотом»⁵. Святой сердцем и душой был неотделим от глубоко любимой им России. Чувство патриотизма для него стояло на том же моральном уровне, что и чувство ответственности или чувство собственного достоинства⁶.

В своих оценках внутренних нестроений в России начала XX в. архиепископ Николай, осознавая существование и внешних факторов, прежде всего, обращал внимание на ответственность самого народа за происходящее в стране: «Бьют нас японцы, ненавидят нас все народы, Господь Бог по-видимому, гнев Свой изливает на нас. Да и как иначе? За что бы нас любить и жаловать?.. И при всем том мы – самого высокого мнения о себе: мы только истинные христиане, у нас только настоящее просвещение, а там – мрак и гнилость; а сильны мы так, что шапками всех забрасаем <...> Нет, недаром нынешние бедствия обрушиваются на Россию – сама она привлекла их на себя»; «Не бросил ли Господь Россию, как бросил иудейский народ, когда он впадал в идолопоклонство? Да и заслуживает ли Россия в самом деле милости Божьей? Много ли найдется в ней боголюбивого?»⁷. Он с любовью, но абсолютно честно смотрел на общественное развитие своей Родины: «А ты, мое бедное Отечест-

во, знать, заслуживаешь того, что тебя бьют и поносят. Зачем же тебя так дурно управляют? Зачем у тебя такие плохие начальники по всем частям? Зачем у тебя мало честности и благочестия? Зачем ты не привлекаешь на себя любовь и защиту Божью, а возбуждаешь ярость гнева Божия? Да вразумит тебя, по крайней мере, бедствие нынешнего поражения и посрамления. Да будет это исправляющим жезлом в руках Отца Небесного!»⁸ Это была позиция патриота, который осознавал ответственность за свои слова и мысли, поэтому не мог молчать, видя болезни отечества.

В этом смысле, по мнению японского исследователя проф. Накамура, равноапостольный Николай, как и его друзья по академической лаве, были «шестидесятниками», «современниками эпохи, примечательной расцветом идеализма и реформаторскими настроениями». Молодые академисты были близко знакомы с взглядами диссидентствующего интеллигента Н.А. Добролюбова (1836–1861) и, как считает японский ученый, «несомненно, разделяли идеализм, критическое отношение к современной ситуации, надежды на возрождение России»⁹. Как отмечали современники, двадцатилетие реформ, «столь богатое возбуждением», дало сильный толчок к активизации критической мысли, поддерживаемой даже в среде государственных деятелей империи¹⁰. Несомненно, что владыка Николай был воспитанником своего времени. Он не боялся критики, даже самой резкой, но считал, что она должна быть конструктивной, исходить из добрых побуждений совести. Вот как он вспоминал о своих академических годах: «Наше время было живое: тогда в жизни зарождались разные направления; тогда поднимались разные литературные толки о том, как жизнь сделать получше. И мы весьма увлекались всем этим и горячо обсуждали разные течения общественной мысли. Но все было на религиозной и церковной почве <...> У нас были живые интересы к общественной жизни и не было или мало было отрицания»¹¹. Слова владыки были оправданы. Критика его времени отличалась от критики последующих поколений. Уже буквально через два десятилетия молодые люди совсем по-другому выражали свое недовольство существующими порядками. Так, в ноябре 1878 г. некий московский юноша М. Кузьмин во время разговора о предстоявшем

тогда приезде императора сказал: «Надо бы купить револьвер и, когда проедет Государь, выстрелить»¹². Подобные суждения были не редкостью в те времена. И если в юности святителя «не было или мало было отрицания», то уже в 1870-е и последующие годы «отрицания» было много.

Чтобы лучше понять сущность гражданской позиции равноапостольного Николая Японского в контексте конструктивной критики общественных порядков, проанализируем несколько документов той эпохи. Так, неизвестный автор записки «О современном положении русской печати» (1896 г.) говорил о важности критического осмысления происходящего в обществе: «Неосновательные мысли не обязательны к выполнению и быстро гаснут под давлением критики и общего осуждения <...> Это не просьба, это не испрашивание какой-либо милости, а воззвание к патриотическому долгу»¹³. А Бильбасов В.А. в своем докладе «Нужды русской печати» предупреждал об отрицательном опыте Франции, когда в условиях запрета любой критики «под защитой предостережений во все части французской администрации вкрались и укоренились такие злоупотребления, что организм империи оказался совершенно расшатанным и никуда не годным»¹⁴. Как видим, многие из современников равноапостольного Николая считали, что честный взгляд на происходящее в стране, умеренная демократизация и здоровая критика являются действительно патриотическим долгом верных сынов своего отечества. С таким взглядом соглашался и владыка. Так, среди его записей находим и такую: «Вставши в девятом часу, за чаем слушал соображения графа Евфимия Васильевича о мерах, которые следовало бы принять в теперешнее смутное время. Одна из них очень разумная: “Дать свободу печатать что угодно, а между тем правительству привлечь лучших писателей и чрез них самому издавать несколько весьма дельных газет и журналов, которые пустить возможно дешевле, почти за ничто, и в которых опровергать все нелепое и учить истине – и религиозной, и гражданской”»¹⁵. В письме к графу Ф.Р. Остен-Сакену святой восхищался японской прессой: «Взглянули бы Вы, как она жива и самостоятельна, как смело и трезво обсуждаются правительственные действия, как иногда острит или негодует

над тем, что находит достойным порицания, как властно высказывает свое одобрение тому, в чем видит пользу!»¹⁶

Мысль о том, что для общественного развития необходима не косность выхолощенного формального консерватизма, а живая действенная струя, витала в обществе уже во времена студенчества будущего просветителя Японии. Так, в 1855 г. автор критической записки «Мысли в слух об истекшем тридцатилетии России. Слова русского сердца», Валуев, начинал свои размышления словами: «Постараемся отдать себе отчет в прожитом с должным уважением к памяти усопшего (имеется в виду император Николай I. – *Р.С.*) и с горячей любовью к нашей общей великой матери России». Далее он писал: «Консерватизм такая же крайность, как и учения радикалов: жизненного прогресса нельзя ни перегнуть, ни остановить...»¹⁷. Равноапостольный Николай также считал разумную критику и активность в исправлении общественных пороков лучшим способом избежать тех нестроений, которые в конце 1870-х – начале 1880-х он видел в России. Так, во время своего пребывания в Санкт-Петербурге в 1879–1880 гг. владыка замечал по поводу одного публичного выступления: «Казалась мне неправдивую речь лектора в приложении к современности. – Ну, что тут смутные времена, подобные самозваншине? – Притом правительству нужно исправиться и быть современнее – и дело пойдет хорошо. В противоположную сторону следовало бы направить речь, да видно хитрить – безопасней и выгодней. Ну и пусть! Только от этого все тошней: конец смутам нескоро предвидится»¹⁸. В другом месте о проповеди в Исаакиевском соборе святой писал: «Проповедь – односторонняя, как и вся журналистика, и вся гомилетика, и вся неоткровенная речь нынче»¹⁹. Подобное политическое мировоззрение можно отнести к либеральному консерватизму, духовной традиции здоровой консервативной мысли, наличием которой, по мнению исследователей, вполне могла «похвастаться» Россия XIX в.²⁰ Равноапостольный Николай Японский в этом смысле принадлежал именно к либеральным консерваторам, как это можно заключить из анализа его дневников и прочих источников.

О том, что такая позиция конструктивной критики и трезвого отношения к либеральным политическим идеям вполне вписывалась в мировоззрение преданных монархии деятелей, ясно свидетельствуют некоторые циркуляры Великого князя Константина Николаевича. Так, в одном из них Великий князь говорил по поводу упомянутой критической записки Валуева: «Прошу <...> сообщить эти правдивые слова всем лицам и местам морского ведомства, от которых в начале будущего года мы ожидаем отчетов за нынешний год и повторите им, что я требую в помянутых отчетах не похвалы, а истины, и в особенности откровенного и глубоко обдуманного изложения недостатков каждой части управления и сделанных в ней ошибок...». В другом циркуляре Константин Николаевич говорил: «В продолжение будущего года я желал бы видеть в “Морском сборнике” ряд нравственно-философических рассуждений, написанных весьма смело и сильно, доступных для каждого языком, с целью: с одной стороны, опорочить те недостатки, которые мы принуждены сознавать между морскими офицерами и чиновниками, и которые должны быть заклеены общественным мнением; а с другой стороны, указать и растолковать, как следует понимать некоторые предметы и отношения...»²¹. Как видим, критический взгляд на существующие порядки в обществе был присущ эпохе, в которой воспитывался Просветитель Японии. И в этом смысле он всегда был честным в своих суждениях относительно той или иной проблемы. Но это было именно «воззванием к патриотическому долгу», а не презрением или слепым недоверием.

В этом контексте мы должны рассматривать те нелестные отзывы равноапостольного Николая о современной ему государственной системе в Российской империи, которые содержатся в его дневниковых записях. Так, в январе 1882 г. святой, описывая заботы по поводу покупки земли для православной миссии в Токио, замечал: «...но дипломатия наша согласится ли? Вот еще болячка России! Ее пролежень, ее вонючий струп, заставляющий подозревать, что Россия больна и слаба»²².

Чтобы более полно раскрыть позицию равноапостольного Николая, в этом случае обратимся к одному интересному доку-

менту. Это записка редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова по поводу его статьи, касавшейся деятельности Министерства Иностранных Дел Российской империи, в № 121 редактируемой им газеты от 14 мая 1878 г. Данная записка является хорошим объяснением сути той критической позиции, ее глубоко патриотического характера, которую занимал в данном случае Просветитель Японии. Тем более она важна для нас, что равноапостольный Николай и Михаил Никифорович состояли в дружественных отношениях и в газете Каткова часто публиковались ведомости о японской миссии²³.

«У газеты Times есть в Петербурге ловкий корреспондент, знающий по-русски, имеющий знакомства и связи, – с возмущением и справедливой откровенностью писал М.Н. Катков в публикации. – Говорят, что он днюет и ночует в Министерстве Иностранных Дел; насмешники прибавляют, что он там исправляет должность советника, если не более»²⁴. Когда же этой публикацией заинтересовался сам император, то М.Н. Катков объяснял свою патриотическую и верноподданническую позицию московскому генерал-губернатору: «Воля Государя Императора для меня священна, и я предпочел бы вовсе умолкнуть нежели не соответствовать ей в моей общественной деятельности. Я не принадлежу ни к какой партии и не имею других побуждений кроме желанья служить органом чисто русского мнения в оценке событий и дел, касающихся нашего Отечества»²⁵. В своих объяснениях по поводу критики имперской дипломатии, изложенной в публикации, Михаил Никифорович писал: «В трудные минуты, какие мы теперь переживаем, было бы преступным хранить равнодушие при виде шагов, которых ошибочность представляется нам ясно и в пагубных последствиях которых мы убеждены... Нашим дипломатам мало служить представителями России; они стараются быть представителями Европы. Они руководствуются чужеземным мнением под именем Европейского и с высока относятся к своей нации, почти не признавая ее. Они так привыкли к иностранному образу мыслей, что сами инстинктивно опасаются, как бы Россия не стала слишком могущественна в ущерб Европе. Следовать мнению чужеземному под видом Европейского легко; тут все готово и всем будешь

приятен и угоден. Следовать Русскому мнению тяжело: надо вырабатывать его своим трудом и быть готовым, на всякие неприятности и на тяжелую борьбу. Дело в том, что мы, к сожалению, не имеем еще поистине национальной политики»²⁶.

Даже известный педагог С.А. Рачинский, казалось бы, совсем далекий от дипломатии, и тот считал необходимым при разговоре о просвещении Японии упомянуть о проблемах внешней политики империи. Так, в письме К.П. Победоносцеву от 7 октября 1884 г. Сергей Александрович писал: «Присутствие в Японии, именно теперь, преосвященного Николая приобретает громадное значение. Но наша дипломатия, но Давыдов! Я его знаю хорошо. Он человек по-своему и добрый, и умный, и был бы прекрасен при каком-нибудь второстепенном европейском дворе. Но на Востоке, и в такую минуту! Это презрительно-уклончивое, это брезгливо-учтивое отношение к предметам веры, весь этот дипломатический шаблон тут никуда не годится»²⁷. Среди современников равноапостольного Николая, по свидетельству М.Н. Каткова, существовало распространенное мнение, что «Россия имеет две политики, идущие врознь, одну царскую, другую министерскую»²⁸.

Как видим, у патриотов были веские основания для критики имперской дипломатии. И смысл этой критики сводился к близкому для самого архиепископа Николая требованию проводить действительно национальную, глубоко народную и патриотическую политику. В этом смысле владыка говорил японскому корреспонденту о чувстве патриотизма в России: «У настоящих русских людей совершенно так же, как в Японии. Но в России много иноплеменников, которые часто этого чувства не проявляют, а, напротив, ненавидят свое отечество <...> Счастлива Япония тем, что она целостна, как глыба чистого мрамора или крепкого гранита. В России, к несчастью, много конгломерата: евреи, поляки, немцы, татары; у многих из них сердца не бьют в такт с настоящим русским сердцем, полным такой же горячей любви к своему отечеству, как сердце японца к своему»²⁹.

Рассмотрев гражданскую позицию равноапостольного Николая Японского в контексте документов эпохи, свидетельств современников, мы приходим к выводу, что в общественно-

политических взглядах святого нашел отображение идеалистической настрой периода великих перемен в России в 1860–1870-е гг. Патриотизм архиепископа Николая был устремлен в будущее, он верил в прогресс и желал во всех сферах общественной жизни возбудить живую струю перемен. Святой не боялся критиковать гражданские порядки своего Отечества, однако делал это с позиций конструктивного диалога, с целью созидать, а не расшатывать, клеймить. В целом его общественно-политические взгляды можно отнести к либеральному консерватизму.

---

¹ См.: *Щербина А.А.* Николай Касаткин – один из первых русских японоведов // Народы Азии и Африки. 1977. № 4. С. 154–163; *Хохлов А.Н.* Роль токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. Памяти свт. Николая, Апостола Японии. СПб.: Изд. СПб. Университета. 1996. С. 64–78; *Kharin I.N.* Self-realization of the Japanese Orthodox Church, 1912–1956. A dissertation presented to the faculty of Princeton University in candidacy for the degree of doctor of philosophy. November 2011. P. 55.

² См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 818. Оп. 1. Д. 216. Л. 2, 2 об., 8 об.

³ *Николай Японский.* Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 5. СПб.: Гиперион, 2004. С. 127.

⁴ Там же. С. 147, 148, 157.

⁵ Русская духовная миссия в Японии и начальник ее, архиепископ Николай (1880 г. – 30 марта 1910 г.). Казань, 1910. С. 11.

⁶ *Накамура К.* Годы душевных страданий. Строки из дневников святого // Япония сегодня. 2005. № 2. С. 27.

⁷ *Николай Японский.* Дневники святого Николая Японского... Т. 5. С. 119, 157.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ *Накамура К.* Дневники св. Николая Японского // *Николай Японский.* Дневники святого Николая Японского. В 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 1. СПб.: Гиперион, 2004. С. 19–20.

¹⁰ См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 181. Д. 1010. Л. 2, 6 об.

¹¹ Воспоминания преосвященного Николая, миссионера Японского (из дневника архимандрита Андроника) // Православный собеседник. 1900. Октябрь. С. 432.

¹² Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 16. Оп. 68. Д. 44. Л. 50–50 об.

¹³ РГАДА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 380. Л. 2 об.

¹⁴ Там же. Д. 379. Л. 5 об.

¹⁵ *Николай Японский.* Дневники святого Николая Японского... Т. 5. С. 174.

- ¹⁶ РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1592. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Ф. 181. Д. 976. Л. 3, 3 об.
- ¹⁸ *Николай Японский*. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 1. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 1. С. 178.
- ¹⁹ Там же. С. 180.
- ²⁰ *Струве П.Б.* О мере и границах либерального консерватизма. URL: <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/struve.htm> (дата обращения 16.02.2017).
- ²¹ РГАДА. Ф. 181. Д. 995. Л. 2, 2 об., 3.
- ²² *Николай Японский*. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 2. СПб.: Гиперион, 2004. С. 131.
- ²³ См., например: *Николай Японский*. Дневники святого Николая Японского... Т. 1. С. 242.
- ²⁴ Известия и заметки // Московские ведомости. 1878. 14 мая. № 121. С. 2–3.
- ²⁵ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 68. Д. 120. Л. 5.
- ²⁶ Там же. Л. 10, 13.
- ²⁷ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 230. Победоносцев. К. 4412. Ед. хр. 1. Л. 103–103 об.
- ²⁸ НИОР РГБ. Ф. 120. Катков. К. 52. Ед. хр. 22. Л. 1 об.
- ²⁹ *Николай Японский*. Дневники святого Николая Японского... Т. 5. С. 560.

ЛИТЕРАТУРА

- Николай Японский*. Дневники святого Николая Японского [Текст]: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 5. СПб.: Гиперион, 2004.
- Известия и заметки [Текст] // Московские ведомости. 1878. 14 мая (№ 121).
- Накамура, К.* Годы душевных страданий [Текст]: строки из дневников святого // Япония сегодня. 2005. № 2. С. 24–27.
- Накамура, К.* Дневники св. Николая Японского [Текст] // *Николай Японский*. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 1. СПб.: Гиперион, 2004.
- Русская духовная миссия в Японии и начальник ее, архиепископ Николай [Текст] (1880 г. – 30 марта 1910 г.). Казань, 1910.
- Хохлов, А.Н.* Роль токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов [Текст] // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2: Памяти свт. Николая, Апостола Японии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та. 1996. С. 64–78.
- Щербина, А.А.* Николай Касаткин – один из первых русских японоведов [Текст] // Народы Азии и Африки. 1977. № 4. С. 154–163.
- Kharin, I.N.* Self-realization of the Japanese Orthodox Church, 1912–1956 [Текст]: A dissertation presented to the faculty of Princeton University in candidacy for the degree of doctor of philosophy. November 2011.

Смирнова И.Ю.*

К истории типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (1894–1919)

Статья посвящена истории типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в 1894–1919 гг. Показана ее роль в книгоиздании и издании церковной периодики, обстоятельства ее закрытия в результате революционных событий 1917 г.

Ключевые слова: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, типография, Троицкие листки, книгоиздание, духовенство, революция, захват.

Smirnova I.Y.

TO THE HISTORY OF THE HOLY TRINITY-ST.SERGIUS LAVRA PRINTING HOUSE (1894–1919)

The article is devoted to the history of the Holy Trinity-st.Sergius Lavra printing house in 1894–1919. It shows the role of the printing house in book publishing and publication of religious periodicals, as well as circumstances of its closure after the events in 1917.

Key words: the Holy Trinity-st.Sergius Lavra, printing house, Troitskie Listki (the Holy Trinity Lavra flyers), book publishing, clergy, revolution, seizure.

На протяжении всей истории Троице-Сергиевой Лавры в ее стенах осуществлялась активная книгоиздательская работа. К 1865 г., по сведениям ректора Московской духовной академии протоиерея А.В. Горского, библиотека Лавры состояла «из 823 рукописей и 10 000 печатных книг, преимущественно относящихся к богослужению церковному и духовно-исторического содержания»¹. При этом, несмотря на устройство различных мастерских, оборудованных в соответствии с последними достижениям науки, в том числе литографической (1844) и фотографической (1859) мастерские, до конца XIX в. Лавра не имела собственной типографии, пользуясь для напечатания своих изданий услуга-

---

* д.и.н., Институт российской истории РАН.

ми различных московских типографий – синодальной, университетской, типографией Медико-хирургической академии и др.

Издание «Троицких листков». Типография была учреждена в Троице-Сергиевой Лавре лишь в 1894 г. Но еще задолго до того, как заработали первые печатные станки, в 1879 г., начали выходить «Троицкие листки» – первое собственно лаврское издание, направленное на религиозное просвещение верующего народа. Инициатива издания листков принадлежала митрополиту Иннокентию (Вениаминову), который много делал на поприще духовно-нравственного воспитания православной паствы. При его поддержке в 1869 г. была основана первая газета московского духовенства «Московские епархиальные ведомости», ежемесячно стали выходить «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», налачился еженедельный выпуск издания «Воскресные беседы», в Обществе любителей духовного просвещения была устроена типография и открылась типографская школа. Но прежде всего выпуск Троицких листков обязан своим появлением известному церковному историку и духовному писателю архимандриту Леониду (Кавелину) (1822–1891) и послушнику Николаю Ивановичу Рождественскому, будущему архиепископу Никодиму (1851–1918).

3 июня 1877 г. отец Леонид был назначен наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, и одним из первых его деяний было основание лаврского издания под названием «Троицкие листки». Ответственным за издание и редактирование Троицких листков был назначен помощник библиотекаря послушник Николай Рождественский, который в 1878 г. последовал за архимандритом Леонидом в Троицю Лавру из Ново-Иерусалимского монастыря.

Первый номер «Троицких листков» вышел 1 февраля 1879 г. «Признаюсь, – вспоминал в 1910 г. преосвященный Никон, – в 1879 году я робкою рукою ставил № 1 на листке, неуверенный, выйдет ли № 2. Бог благословил это начинание: по сей день вышло более №№ 1300 листков в количестве более 140 миллионов оттисков»². В течение первого года вышло десять номеров, тираж которых составил 64 тысячи экземпляров, из них 11 тысяч листков было продано по низким ценам и около 40 тысяч было

роздано бесплатно богомольцам из простого звания в качестве духовной милостыни от обители в странноприимной палате Лавры «во время трапезования богомольцев»³. Если за 1879 г. на издание листков было затрачено 194 руб., то на следующий год расходы по печатанию составили 984 руб. 50 коп.

Содержание листков в 1879 г. составляли поучения св. Димитрия Ростовского, св. Иннокентия Херсонского, духовника Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне старца Иеронима (Соломенцова), а также исторические и литургические объяснения церковных праздников и толкования Священного Писания. В течение следующего, 1880 г., в свет вышло уже 38 номеров общим тиражом 419 тысяч экземпляров. Для назидательного чтения, помимо прежних поучений, предлагались наставления и проповеди св. Тихона Задонского, митрополита Филарета Московского, выдержки из писаний старца Паисия Величковского, письма старцев Льва и Макария Оптинских, а также избранные места из сочинений Аввы Дорофея, Анастасия Синаита и Патериков. Как в первые, так и в последующие годы издания Троицкие листки, ориентированные на простых богомольцев из разных сословий, представляли собой полезное чтение для тех, кто не имел возможности читать объемные святоотеческие и назидательные книги, а благодаря высокой духовности и полноте содержания их называли «Добротолюбием для простого народа, не теряющим своей ценности во все времена»⁴.

Учреждение лаврской типографии. Летом 1886 г. заведующий изданием «Троицких листков» иеромонах Никон поставил вопрос об устройстве при Лавре собственной типографии. В докладной записке на имя митрополита Московского Иоанникия (Руднева) от 24 июня 1886 г. отец Никон признавался: «Занимаясь, по благословию в Бозе почившего митрополита Московского Иннокентия, более семи лет изданием “Троицких листков”, я ... каждый раз приходил к мысли о необходимости устройства особой типографии при Лавре Преподобного Сергия со специальным назначением издавать духовно-нравственные книжки и листки с целью возможно дешевого их распространения в народе»⁵.

Решение обратиться к правящему митрополиту, было вызвано рядом причин. К тому времени назрела насущная необходимость не только в увеличении тиража листовок, но и в издании новых книг православного содержания. «Широкое развитие грамотности, в связи с развитием церковно-приходских школ, – говорилось в докладной записке, – пробудило в среде простого народа усиленную жажду к полезному и назидательному чтению. На эту потребность указывает увеличившийся в последнее время спрос на книги и листки, предназначенные для народного чтения; о ней свидетельствуют ... сельские священники и разные Церковные Братства». Вместе с тем большое беспокойство православного духовенства и монашества вызывало брожение умов и ослабление православных начал в обществе, чему способствовала активная антирелигиозная пропаганда. Как отмечал отец Никон, стремление простого народа к чтению «подметили и спекулянты книжного рынка, а равно и люди противцерковного направления, как граф Л. Толстой и подобные ему, которые спешат воспользоваться этой потребностью в своих видах: одни – чтобы нажиться, другие – чтобы оторвать народ от Церкви и увлечь в сети своих мудрований».

В записке также обращалось внимание на распространение в России различных сект и вредных для православия обществ: «На юге России штундистское движение достигло уже Киева – сей колыбели Русского Православия, на юго-востоке особенно заметна молоканская пропаганда. Все это указывает на необходимость противодействовать замыслам всякого рода сектантов ... изданием и возможно широким распространением дешевых книг, поучительных картин и листовок строго-церковного направления, по преимуществу в духе нашей древне-русской письменности».

Как никто другой понимая состояние отечественного издательского дела, где все больше ощущалась конкуренция с антицерковными изданиями, отец Никон был убежден, что «Церковь и ее служители должны поспешить предложением народу здоровой духовной пищи взамен отравленной, которая усердно предлагается ему со стороны, – поспешить для того, чтобы сия отра-

ва не испортила вкуса простецов-читателей к духовно-нравственному чтению».

Открытие в Лавре собственной типографии благоприятствовало то обстоятельство, что нашлись люди, готовые принять в этом деле самое активное участие. «Бог послал мне человека, – сообщал иеромонах Никон, – который за все время издания мною листков относился к моему делу с живым участием и который на сей раз откликнулся на мои заботы полною готовностью помочь мне в деле устройства при Лавре типографии. Это лицо – арендатор той типографии, в которой печатаются “Троицкие листки” с начала их издания, – Александр Павлович Зеленков; он имеет собственную благоустроенную хромолитографию и занимается типо-литографским делом более сорока лет».

А.П. Зеленков не только изъявил желание в ближайшее время перенести в одно из зданий, принадлежавших Лавре, свою хромолитографическую мастерскую, выплачивая Лавре необходимую арендную сумму за помещение, но и брал на себя устройство типографии «без всяких со стороны Лавры на оную издержек», кроме того, он был готов бесплатно руководить типографским делом, а также подготовить из насельников Лавры мастеров «для успешного продолжения типо-литографского дела». Принимая во внимание «ежегодно возрастающий, особенно в осенние месяцы, спрос на листки» и желая избежать излишних расходов при продолжении печатания их в Москве, отец Никон обращался к митрополиту с просьбой «не умедлить официальным движением дела, дабы заблаговременно можно было заказать шрифты, купить машину и подыскать мастеров». По его расчету на это могло потребоваться не менее двух месяцев⁶.

Однако предположения лаврского издателя не оправдались – типография так и не была открыта ни через два месяца, ни через год, когда Учрежденный Собор Троице-Сергиевой Лавры сообщил о своем согласии на открытие типографии на тех условиях, что «типография будет сдана в полное распоряжение монастырскому правлению за условный процент с доходного рубля владельцу ее имущества, при даровой для него квартире в помещении типографии»⁷. Незадолго до этого редакция «Троицких листков» обратилась к Учрежденному Собору с просьбой, чтобы

Лавра взяла на себя заведывание хозяйственной частью и складом, а также всю отчетность по приходу и расходу изданий листов, книжек и образков «в виду сложности и трудности дела издания», оставив за иеромонахом Никоном литературно-художественную часть и общее руководство. Собор удовлетворил прошение, предписав передать всю печатную продукцию для ведения учета и сбыта монаху Порфирию и послушнику Петру Редзко⁸. 19–22 мая 1887 г. вышло постановление Святейшего Синода о передаче цензуры листов в Московскую духовную академию, в котором говорилось⁹.

Вопрос об устройстве типографии по неясным причинам был отложен на несколько лет, и лишь в 1894 г. Учрежденный Собор Свято-Троицкой Сергиевой Лавры обратился с докладом к митрополиту Московскому Сергию (Ляпидевскому), в котором говорилось о целесообразности учреждения при Лавре собственной типографии. В качестве главных доводов, прежде всего, как и в 1887 г., указывалось «распространение грамотности в простом народе» и «усиленная потребность в чтении». Отметив, что до настоящего времени в обители издавались только «Троицкие листки», ежегодный тираж которых составлял от семи до восьми миллионов экземпляров, Собор указал и на имевшуюся «насушную потребность в книгах с более серьезным историческим и духовно-нравственным содержанием». При развитии издательской деятельности, говорилось в докладе, «есть возможность удовлетворять и этой потребности: несколько таких сочинений уже готовятся к печати редакцией “Троицких листов”, другие могут быть приобретаемы в полную собственность Лавры от их авторов»¹⁰.

Основания, на которых Учрежденный Собор предполагал открыть типографию, были следующие:

1. Типография должна печатать «Троицкие листки», «Троицкие копеечные книжки» и книги духовно-нравственного, исторического и православного содержания.

2. Заказы на печатание книг могут приниматься только по дозволению духовной цензуры.

3. В Лавре имеется необходимый первоначальный капитал в 10 тысяч руб. на приобретение машин, шрифтов и проч., полу-

ченный от издания «Троицких листков», поэтому «никакой затраты на это дело из монастырских сумм не предполагается».

4. Все расходы на содержание типографии предполагалось отнести на счет доходов, получаемых от издания «Троицких листков», поэтому со временем, когда типография начала бы приносить доход от посторонних заказов, половину от него, исключив издержки на содержанию типографии, планировалось отчислять к капиталу «Троицких Листков», и проценты с того капитала позволили бы «обеспечить существование типографии на будущее время и тем содействовать удешевлению всех изданий Лавры для большего их распространения в народе».

5. Непосредственный контроль за типографией должен осуществлять редактор «Троицких листков» казначей Лавры архимандрит Никон, которому в помощь должен быть назначен иеромонах, «способный следить за всею хозяйственною и техническою стороною заведения».

6. Главным по организации всей технической работы следует назначить московский типограф Иван Ефимович Ефимов, печатавший «Троицкие листки» с самого начала их издания.

7. Ефимову же предполагалось поручить набор «способных, честных и трезвых мастеров», в обязанности которых должно входить обучение к работе монастырских послушников, чтобы те впоследствии могли вести дело самостоятельно, по возможности без помощи мирских людей.

8. В качестве необходимой меры при типографии предполагалось открыть переплетную для брошюровки и переплета книг.

9. И типографию и переплетную поместить в новом здании, строившимся в Пафнутьевском саду, напротив западной стены Лавры, куда по плану предполагалось сделать проход «из Лавры сквозь ограду около помещения Учрежденного Собора».

Предоставляя проект и примерную смету по устройству типографии на благоусмотрение митрополита, Учрежденный Собор во главе с наместником Лавры архимандритом Товией просил его ходатайства «пред кем следует» о разрешении на открытие типографии и переплетной мастерской¹¹.

После обращения митрополита Сергия в Св. Синод с донесением от 7 июля 1894 г. о ходатайстве лаврского Учрежденного

Собора, возможность открытия типографии при Троице-Сергиевой Лавре, в соответствии с установленным порядком, была согласована с московским генерал-губернатором великим князем Сергием Александровичем, который уведомил Синод, что «он со своей стороны не встречает препятствий к открытию при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре собственной типографии для печатания “Троицких листков” и других изданий и что им дано соответствующее предложение московскому губернатору о подчинении означенной типографии установленному для подобных заявлений надзору в губернии»; после чего последовало определение Св. Синода, в котором отмечалось, что с его стороны также нет возражений против учреждения типографии, но что Учрежденный Собор должен соблюсти «все существующие постановления и распоряжения, до действий типографий относящиеся»¹².

28 декабря 1894 г. (по н. ст. 10 января 1895 г.) Учрежденным Собором Лавры из канцелярии московского губернатора А.Г. Булыгина¹³ было получено свидетельство за подписью губернатора и управляющего канцелярией, следующего содержания:

«Дано сие Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Учрежденному Собору вследствие его о том ходатайства в том, то как это видно из предложения Его Императорского Высочества Московского генерал-губернатора, от 25 сентября сего года за № 2065, разрешено ему открыть и содержать при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре типографию для печатания Троицких Листков и других духовно-нравственных изданий, чтобы она подчинялась как всем существующим на этот предмет узаконениям и правилам, так и могущим быть впредь устанавливаемым, в чем и удостоверяется подписом с приложением казенной печати»¹⁴.

В 1895 г. с московского склада принадлежностей Ивана Флора на типографию поступили две скоропечатные машины с железнодорожным ходом. Стоимость первой машины в полной комплектации составляла 5000 руб., а второй – 4700 руб. В июне 1895 г. обе машины были готовы к работе. В воскресенье 2 июня 1895 г. было совершено освящение и открытие лаврской типографии для печатания «Троицких листков», духовных брошюр и книг. После 1895 г. типография постоянно обновляла техниче-

ский парк новыми машинами и станками¹⁵, и в 1905 г. в ней имелось уже четыре немецких печатных машины с ручным приводом.

Располагалась типография в так называемом Переходном, или мастерском, корпусе, который соединял здание больницы-богадельни с древней монастырской оградой, а через нее с Лаврой. Оба здания вместе с окружающей их кирпичной стеной составляли единый архитектурный комплекс, выстроенный в так называемом русском стиле по проекту архитектора А. Латкова в 1893–1896 гг. О переходном корпусе в историческом описании Лавры за 1910 г. сказано, что «здание устроено в 1895–1896 гг. и имеет в длину 69 саженей, а в ширину 5 саженей^{*}. Оно перекинуто чрез широкий и довольно глубокий овраг, по которому протекает речка Кончура. Поэтому высота здания, по положению местности, различна: на оконечностях оно имеет с одной стороны один этаж, а с другой – два, а в середине – три этажа; у самой же лаврской стены оно поднимается до шести этажей. Верхний чердачный этаж представляет собой длинную полутемную переходную галерею – из Лавры в больницу-богадельню^{**}. По сторонам этой галереи расположены разные кладовые. Посередине здания, внизу, поперек его, перекинута арка чрез речку Кончуру, которая при построении этого здания направлена на это место по прямой линии, а ранее русло ее проходило извилинами в разные стороны. В этом здании внизу помещается баня, разделенная на две половины – для братии и для рабочих; затем идут мастерские: слесарня, столярня, плотничная; здесь же помещается лаврская типография, открытая в 1895 году для печатания “Троицких листков” и других лаврских изданий, и переплетная мастерская. Над типографией находится редакция “Троицких листков” и помещения для братий, состоящих при названных издательских учреждений, обязанных своим происхождением бывшему казначею оной архимандриту Никону (ныне – епископу Вологодскому)»¹⁶.

Под корпусом в первом этаже был устроен проезд, по обеим сторонам которого были сделаны выступы «в виде полукруглых

---

^{*} В современных единицах измерения длина здания составляет 147,20 м, ширина 10,70 м.

^{**} Ныне корпус семинарии.

башен по обе стороны корпуса, над проездом и башнями возвышается высокая шатровая крыша с башенкой над князьком; над десятью выступами на фасадах здания расположены возвышенные шатровые крыши»¹⁷. К корпусу примыкало два тесовых сарая для хозяйственных нужд, а на среднем этаже был устроен балкон «мерюю 6 на 3 аршин*». Для освещения помещений были устроены многочисленные окна не только в самом корпусе, но также в шатрах и бойницах¹⁸. Благодаря многочисленным архитектурным деталям здание Переходного корпуса имело нарядный вид и прекрасно вписывалось в общий ансамбль около монастырских строений.

Издательская деятельность Лавры в 1895–1917 гг. Продолжая издание «Троицкие листки», редакция под руководством архимандрита Никона, приступила к напечатанию первых книг церковно-исторического и духовно-нравственного содержания, которые, по мнению священноначалия Лавры, «могут быть с особенной пользою распространяемы в народе для утверждения в них веры и благочестия, любви к отечеству и доброй нравственности»¹⁹. Первыми книгами, с печатания которых началась работа новой типографии, стали «Луч Духовный» в новом переводе на русский язык протоиерея М.В. Хитрова, «Сказания Авраамия Палицина об осаде Лавры» и «Троицкий Патерик, или жития святых угодников Божиих, бывших учениками Преподобного Сергия или вышедших из обителей, им основанных».

Для напечатания Троицкого Патерика, редакция, в соответствии с докладом Учрежденного собора от 23 марта 1894 г., заключила договор с составителем Патерика, графом М.В. Толстым, о приобретении рукописи в полную собственность Лавры. К октябрю 1895 г. возникла необходимость пересмотреть порядок назначения цензоров лаврских изданий. Дело в том, что цензоры назначались Святейшим Синодом из инспекторов Московской духовной академии, но иногда эту должность занимали ректоры Вифанской духовной семинарии; были случаи, когда обязанности цензора сохранялись при переводе с должности инспектора МДА в ректоры Вифанской семинарии, как это было

---

* В современных единицах измерения длина балкона составляет 4,26 м, ширина 2,13 м.

в случае архимандрита Антония (Каржавина). При этом каждое новое назначение требовало прохождения длительной процедуры согласования со Св. Синодом. Когда в сентябре 1895 г. отец Антоний был хиротонисан во епископа Великоустюжского, викария Вологодской епархии, его приемник, новый ректор Вифанской семинарии архимандрит Парфений (Левицкий), по распоряжению московского митрополита Сергия, был назначен временно исполняющим обязанности цензора, что требовало очередного синодального определения.

В связи с этим, Учрежденный Собор Свято-Троицкой Лавры обратился к митрополиту Сергию с докладом, в котором разъяснялись затруднения для издательского дела, связанные с необходимостью частых согласований с Синодом. В конце концов, вышло синодальное определение о том, «чтобы должность цензора всех изданий, какие будут печататься от имени Троице-Сергиевой Лавры, навсегда была соединена с должностью ректора Вифанской духовной семинарии, чем и будут навсегда устранены затруднения в издательском деле Лавры»²⁰.

В 1896–1899 г. в «Троицких листках» было напечатано «Толкование Святого Евангелия от Матфея с толкованием святых отцов». Решение обратиться к этому труду пришло в связи с многочисленными благосклонными отзывами читателей на предыдущие выпуски листков с похожим содержанием. О подходе к изложению толкований, главный редактор «Троицких листков» писал: «Мы желали дать книгу не для “научных справок”, что означает то или другое выражение, а для духовной пользы читателей, а потому и предлагаем толкование не в сухом, научно-точном изложении евангельских истин, а, по возможности, или в форме или исторического рассказа, или назидания, чтобы на душе читателя оставалось впечатление более живое и прочное, чем какое получается от чтения обычных толкований... Объясняя великие нравственные истины Евангелия, мы приводили, где можно, и примеры из житий святых Божиих, дабы читатель мог видеть, как понимали и прилагали к жизни ту или другую истину угодники Божии». В 1900 г. за издание «Троицких листков» архимандрит Никон был удостоен Макарьевской премии.

С ноября 1901 г. началось издание нового ежемесячного журнала «Божия нива» с подзаголовком «Троицкий собеседник для церковно-приходских школ» (1902–1905) и «Троицкий собеседник для православной школы и семьи» (1906–1917). По решению Училищного Совета при Св. Синоде в марте 1903 г. издание было одобрено для выписки в библиотеки народных школ, а в 1908 г. Всероссийский миссионерский съезд включил «Божью ниву» в число изданий, рекомендованных для миссионеров. В 1903–1917 гг. в качестве приложения к «Божией ниве» выходил ежемесячный журнал «Зернышки Божией нивы: Троицкое чтение для детей». Всего за весь срок его издания вышло 173 номера.

Главное назначение «Божией нивы» с ее приложениями состояло в «оказании нравственной поддержки всем, кто трудится в церковноприходских школах, в великом деле воспитания детей народа в духе христианского благочестия и родных преданий старины». Чтобы сделать журнал полезным и доступным для широкого круга читателей, его авторы и корреспонденты, в основном привлекавшиеся из среды сельских учителей и священников, старались соблюдать простоту стиля и содержания.

С 1 февраля 1910 г. в лаврском издательстве выходило еще одно еженедельное издание – «Троицкое слово», ставшее, как в свое время и «Троицкие листки», ответом Православной Церкви на новые вызовы времени. «Мы живем в тяжелые времена, – писал епископ Никон в первом номере журнала. – Со всех сторон мрак сгущается: всюду есть великая потребность возжигать свечи... Если наше издание внесет хоть самую малую искру Божьего света в народную русскую душу, которая так исстрадалась от окружающего ее ядовитого тумана, – и за то слава Богу. Чувствуешь, как все дальше и дальше мы уходим от источника света – от святого нашего Православия. И что особенно прискорбно – даже в среде верующих, считающих себя православными, теряется основное начало православного мировоззрения, православной жизни»²¹.

В последний год издания листков архиепископ Никон отмечал, что «Троицкое слово», представлявшее «по своему содержанию духу и направлению то же, что и известные “Троицкие

листки»), было «встречено православными русскими людьми с таким же чувством благодарности и любовью»²². Всего же за все время работы лаврской типографии до ее закрытия было напечатано «для распространения в народе», как сообщалось в докладе Учрежденного Собора Лавры митрополиту Московскому Тихону от 6 июля 1917 г., «Троицких листков и книжек до 1500 названий* в количестве до двухсот миллионов экземпляров, до 100 названий брошюр под общим заглавием “Троицкие цветки” (для интеллигенции), также до 100 названий “Троицкая народная беседа”, до 20 000 книг “Житие преподобного Сергия”, 45 000 книг “Толковое Евангелие”, “Луг духовный”, до 15 000 “Троицкий Патерик”, “Жизнь пустынных отцов” и т.п.». Отмечая, что в лаврской типографии с 1908 г. печатались не только свои журналы – «Троицкое слово» и «Божия нива», – но увеличилось и число посторонних заказов, таких как «Богословский вестник», «Христианин», «Православно-народный листок», члены Учрежденного Собора подчеркивали, что «исполняя сию работу, она (типография) всецело служила делу религиозного просвещения народа»²³.

Борьба за типографию (1917–1919). С начала 1917 г. издательство и типография начали испытывать трудности в связи с ростом цен и были вынуждены поднять цены на троицкие издания. Приглашая читателей и подписчиков, которых издатели считали «одной семьей», подписываться сразу на оба журнала – «Троицкое слово» и «Божию ниву» с приложением «Зернышек», архиепископ Никон объяснял причины подорожания журналов «небывалой дороговизной бумаги и типографских работ»²⁴. При этом «Троицкие листки» по-прежнему «выдавались для бесплатной раздачи в праздничные дни богомольцам из простого народа, приходящим на поклонение Преподобному Сергию», хотя имелись и в продаже с тем, чтобы выручаемая за них сумма шла на их же издание.

Напряженный ритм работы лаврской типографии был прерван событиями 1917 года. 26 мая 1917 г. Московский Совет

---

* По сведениям, приводимым высокопреосвященным Никоном, «по 1 января 1917 г., вышло более 1360 “Троицких листков”, в которых помещено более 1700 статей со множеством рисунков».

солдатских депутатов направил в типографию Троице-Сергиевой Лавры телеграмму, в которой сообщалось, что туда «послан заказ для печати 1000 <экземпляров книги> “Крестьянские воины” Бебеля; по 1000 Ренана “Жизнь Иисуса. Апостол Павел. Антихрист”; по 5000 “Декларация прав солдата”. “Пауки и мухи”»²⁵. 29 мая 1917 г. в типографию явился председатель Издательской Комиссии Московского Совета солдатских депутатов М.М. Прокофьев (он же руководил изданием новой ежедневной газеты «Солдат-Гражданин»)²⁶, который заявил, что вместо книги Ренана он привез: 1) две книги сочинения Л. Толстого «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий», 2) «Христианство и патриотизм», его же, и 3) две брошюры толстовца Черткова – «Наша революция» и «Страница из воспоминаний». Прокофьев требовал напечатать по 500 тысяч экземпляров книг графа Льва Толстого и по 20 тысяч экземпляров брошюр Черткова²⁷.

На возражение заведующего типографией иеромонаха Ираклия (Попова; 1875–1938)*, «что в учреждении Православного Ведомства нельзя печатать антихристианскую литературу», Прокофьев ответил, что «если лаврская типография откажется печатать книги Толстого и другие, то Совет солдатских депутатов реквизирует типографию», кроме того последовали угрозы о применении силы и аресте неподчиняющихся²⁸. Поскольку о. Ираклий не согласился принять заказ, для окончательного ответа ему был дан суточный срок. В тот же день он обратился в Духовный Собор Свято-Троицкой Сергиевой Лавры с рапортом, в котором писал: «В виду того, что над типографией повисла мрачная туча насилия и это учреждение Православного Ведомства, имеющее целью просвещение народа в духе Православной Церкви, заставляют работать не только против Святого Православия, но даже и вообще против христианства, почтительнейше прошу Духовный Собор принять меры к ограждению Лаврской типографии от печатания богохульной, антихристианской литературы»²⁹.

---

* Впоследствии епископ Пензенский.

Назначенный после удаления с московской кафедры митрополита Макария (Невского) и его викарного епископа Алесия (Кузнецова) (20 марта 1917 г.) новый епископ Дмитровский Иоасаф (Каллистов) 30 мая направил обер-прокурору Св. Синода В.Н. Львову телеграмму с просьбой защитить типографию³⁰. Другая телеграмма такого же содержания была послана на имя архиепископа Платона (Рождественского), бывшего с 14 апреля 1917 г. первоприсутствующим Святейшего Синода.

Между тем, в Духовный Собор Лавры поступило отношение комиссара Сергиева Посада Н.А. Королева, обеспокоенного слухами, будто «администрация Лавры намеревается сократить работу типографии и увольняет наиболее ответственных служащих, без которых правильная работа типографии едва ли возможна». Указывая на «крайнюю нужду в типографиях для печатания изданий, имеющих своею задачею политическое просвещение народных масс», и призывая Духовный Собор «срочно уведомить о своих предположениях относительно типографии», Королев заявлял о недопустимости «закрытия или сокращения работы типографии» и необходимости «сохранить весь запас бумаги, имеющийся в типографии, и отнюдь не передавать его в частные руки»³¹. На отношение комиссара наместник Лавры архимандрит Кронид (Любимов) отвечал, что «типография Лавры не сокращает свою работу, не увольняет служащих и не передает в частные руки запасы бумаги»³².

2 июня к отцу Крониду явился Прокофьев в сопровождении председателя Сергиево-Посадского Совета рабочих и солдатских депутатов прапорщиком Францевичем с заявлением, что «Московский совет солдатских депутатов постановил предложить Лавре сдать лаврскую типографию в аренду Совету». На слова наместника, что «типография не может быть сдана в аренду», Прокофьев объявил, что в таком случае «типография ... поступает в ведение Московского Совета солдатских депутатов и Сергиево-Посадского Совета рабочих и солдатских депутатов»³³.

Несмотря на протесты лаврского начальства и заведующего типографией, были самоуправно захвачены помещения типографии, переплетной и склада бумаги, находившиеся в лаврском

корпусе, вместе со всеми принадлежностями и запасами бумаги, принадлежавшими как Лавре, так и другим издателям, печатавшим в лаврской типографии. Ко всем помещениям был приставлен военный караул Совета солдатских депутатов, и запрещен доступ как работникам типографии из монашествующей братии, так и духовному начальству Лавры»³⁴.

Так, 2 июня 1917 г., по указанию представителей Московского и Сергиево-Посадского Советов солдатских депутатов, лаврская типография перешла в руки рабочих и солдат без выдачи какой-либо расписки и без составления описи принятого имущества. «Лица, потребовавшие передачу типографии и ключи от нее, не представили постановлений Советов, от лица которых они действовали и даже не представили ... прав тех Советов и в частности права прибегать к реквизиции имущества частных лиц и учреждений»³⁵. По свидетельству архимандрита Кронида, после того как Прокофьев с Ворониным «угрозами прекратили доступ в типографию всем монашествующим, имевшим отношение к типографии, переплетной и складу, скрывая от наместника и иеромонаха Иракия, как, сколько и на что расходуется достояние Лавры», они перестали обращать какое-либо внимание на нас как на владельцев типографии»³⁶.

Спустя несколько дней после захвата типографии, 5 июня, из Канцелярии обер-прокурора Св. Синода на имя преосвященного Иоасафа был отправлен ответ с изложением мер «к ограждению Лавры от всяких насилий и посягательств ... на ее покой и неприкосновенность»³⁷. Практически одновременно на имя архимандрита Кронида поступило отношение директора хозяйственного управления при Св. Синоде от 6 июня 1917 г., в котором «уважаемому отцу настоятелю» (sic!) рекомендовалось «оказать всякое содействие к предоставлению издательству “Солдат Гражданин” Московского Совета солдатских депутатов находящейся в Вашем ведении типографии»³⁸. Ту же позицию разделял и обер-прокурор Св. Синода В.Н. Львов, который, посетив Троице-Сергиеву Лавру 9 июня вместе с участниками Всероссийского съезда православного духовенства и мирян, проходившего в Москве с 1 по 12 июня 1917 г., «согласился с пред-

ставителем Совета солдатских депутатов о сдаче типографии в аренду Совету солдатских депутатов»³⁹.

Тому, что Львов быстро нашел общий язык с представителями новых властей, удивляться не приходится. Назначенный после Февральской революции на пост обер-прокурора Св. Синода, он относился к тем, кто «говорил об отделении Церкви от государства, а на деле стремился, контролируя церковную жизнь, реформировать ее в духе популярных в то время либеральных идей». Вступив в должность, новый обер-прокурор, не считаясь с православными традициями и церковными канонами, первым делом сместил с Московской и Санкт-Петербургской кафедр двух старейших митрополитов, а вслед за тем распустил Синод, «чтобы новый состав сделать для себя более удобным»⁴⁰. Выступая 11 июня перед участниками съезда, Львов заявил, что «лаврская типография была “на краю гибели” и что она отдана в аренду Московскому Совету солдатских депутатов с согласия епископа Иоасафа, управляющего Московской епархией, наместника Лавры архимандрита Кронида и заведующего типографией иеромонаха Ираклия»⁴¹.

Преосвященный Иоасаф действительно в своих распоряжениях следовал «пожеланиям» обер-прокурора. Так, на доклад Духовного Собора с донесением о захвате типографии Советом солдатских депутатов последовала следующая резолюция епископа Иоасафа от 10 июля: «При создавшемся положении не остается другого исхода, как сдать типографию в аренду Совету солдатских депутатов», правда, при этом оговаривались определенные условия: «чтобы в лаврской типографии не печатались книги противохристианского направления и Лавре предоставлена была возможность в прежнем размере печатать книги, брошюры и листки религиозно-нравственного содержания». В резолюции викарного епископа, управлявшего в то время Московской епархией, со ссылкой на сведущих юристов, указывалось и на то, что Совет солдатских депутатов не представляет собой юридического лица, которое могло бы нести ответственность за целостность сдаваемого в аренду имущества, а потому предлагалось «представить это дело на благовоззрение Св. Синода и

просить его разрешения на заключение договора с Советом солдатских депутатов»⁴².

Но если преосвященный Иоасаф не возражал против сдачи типографии в аренду, то позиция архимандрита Кронида и отца Ираклия в том виде как она была представлена в докладе обер-прокурора, не соответствовала действительности, о чем заведующий типографией, избранный депутатом от Лавры на Всероссийский съезд духовенства и мирян, составил особое заявление и просил присоединить этот документ к протоколу съезда. Отец Ираклий опроверг слова обер-прокурора, что лаврская типография якобы оказалась «на краю гибели», напротив, он подчеркнул как ее продуктивность, так и все более растущую потребность в ее работе, отмечая, что «лаврская типография, не перестававшая функционировать во все время войны, могла продолжать свою просветительскую деятельность и далее, не нуждаясь в опеке».

По поводу аренды типографии, на которую будто бы, как это было преподнесено Н.В. Львовым, дано «согласие архимандрита Кронида и заведующего типографией иеромонаха Ираклия», лаврский депутат также внес необходимые коррективы. Он подчеркнул, что «завладение Советом типографией со всем ее имуществом и материалами произошло без согласия Духовного Собора Лавры и вопреки его желанию», отметив при этом, что «согласие на аренду не предшествовало завладению типографией, а, наоборот, лаврская типография была отобрана, а потом уже стали добиваться признания, что она сдана в аренду»⁴³. Как справедливо утверждал депутат, «телеграмма не признает возможным допустить реквизицию даже и для законной власти, а Совет солдатских депутатов не представляет никакой власти», а потому, отметил он в заключение, «говорить об аренде такой организацией, объем прав которой неизвестен, нельзя»⁴⁴.

Поскольку «реальных мер для прекращения самоуправства сделано не было»⁴⁵, архимандрит Кронид, не рассчитывая на поддержку Св. Синода, начал борьбу за типографию своими силами. Для выяснения состояния захваченного имущества на 19 июня 1917 г. была назначена Комиссия от Духовного Собора Лавры, для чего в Лавру были вызваны председатель Издатель-

ской Комиссии Московского Совета солдатских депутатов М.М. Прокофьев и член того же Совета Николай Николаевич Воронин, принимавший участие в самоуправном захвате типографии, переплетной и склада со всем их содержимым, а после реквизиции назначенный над ними заведующим. Архимандрит Кронид обратился также к присяжному поверенному округа Московской судебной палаты Ивану Матвеевичу Глаголеву, пользовавшемуся полным доверием отца наместника, с просьбой «принять участие при составлении описи имущества Лавры, находящегося в занятых Московским Советом солдатских депутатов 2-го июня с.г. помещениях – типографии, переплетной, бумажного склада, а равно и в других помещениях Лавры для охраны и защиты интересов Лавры с правом приглашения комиссара Сергиевского Посада в случае надобности и составления подлежащих актов и переговоров от имени Духовного Собора Лавры». В конце записки отец Кронид добавил: «Во всем, что Вы по сему полномочию учините, Духовный Собор Вам верит, спорить и прекословить не будет»⁴⁶.

Однако из-за неявки представителей Московского и Сергиево-Посадского Советов солдатских депутатов работа Комиссии была перенесена на неопределенный срок.

По решению Духовного Собора, Воронину дан был недельный срок на предоставление обещанных сведений. Тогда же, по-видимому, при участии присяжных поверенных, был составлен проект соглашения Духовного Собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и Совета солдатских депутатов о пользовании лаврской типографией Советом солдатских депутатов. В тексте соглашения были прописаны условия временного совместного использования типографии и порядок взаимодействия двух ведомств⁴⁷. Предполагаемое соглашение было своего рода относительно приемлемым в сложившихся обстоятельствах компромиссом, в виду того, что заключение договора на аренду с Советом солдатских депутатов, не являвшимся юридическим лицом, не представлялось возможным.

Однако проект соглашения так и остался на бумаге. Ответа от Московского Совета солдатских депутатов в Лавру не поступило, а захваченные им типография и переплетная работали

круглосуточно, используя запасы лаврских материалов. Не видя выхода для восстановления справедливости, Духовный Собор Лавры обратился к избранному 4 июля 1917 г. на Московскую кафедру архиепископу Тихону (Белавину) за разрешением начать судебный процесс против Совета солдатских депутатов. Члены Духовного Собора обратили внимание нового архипастыря и священноархимандрита Лавры, что захват типографий, принадлежавших духовному ведомству, Советами рабочих и солдатских депутатов происходит повсеместно. «Между тем, – говорилось в докладе Духовного Собора, – в настоящее время крайне необходимо всемерно усилить издательскую деятельность Церкви и всех учреждений, работающих на защиту и утверждения церковного учения»⁴⁸. После подробного отчета о вышедших из лаврской типографии изданий, в котором московского святителя ознакомили с первостепенными проблемами, возникшими в результате захвата типографии, Духовный Собор обратился к будущему Патриарху с просьбой «соизволить на приглашение поверенных для ведения судебного дела против Совета солдатских депутатов и снабдить их надлежащими полномочиями для восстановления нарушенного владения собственностью для возвращения Лавре всего захваченного движимого и недвижимого имущества и возмещения убытков, понесенных Лаврою от сего захвата»⁴⁹.

После получения согласия высокопреосвященного Тихона на обращение в суд, в Московский Совет солдатских депутатов от имени Духовного Собора Лавры было послано нотариальное заявление с требованием «немедленно возвратить Лавре типографию и переплетную со всем имуществом, к ним относящимся, возвратить Лавре весь запас бумаги, находящийся на складе вместе со складом, и возместить Лавре все убытки»⁵⁰. Но вновь ни ответа, ни возвращения самоуправно захваченного имущества не последовало.

Однако через некоторое время в Лавру приехали председатель Совета солдатских депутатов Василий Ефимович Урнов и член Исполнительного Комитета Александр Львович Капустянский, которые признали, что реквизиция Прокофьевым и Ворониным лаврской типографии, переплетной и склада бумаги со

всем, что там находилось, была согласована с ними. Цель их приезда состояла не в том, чтобы возвратить Лавре ее помещения и имущество, а чтобы оформить его «под видом договора аренды»⁵¹.

Духовный Собор Свято-Троицкой Сергиевой Лавры во главе с архимандритом Кронидом от заключения договора аренды отказались, объясняя это тем, что типография и переплетная крайне нужны самой Лавре для «исполнения ее духовно-нравственных просветительных задач в отношении войска, народа и печатания трудов Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви»⁵². В ответ представители Совета солдатских депутатов, как ранее, при захвате типографии, пустили в ход «всякого рода угрозы и устрашения», которые, по словам отца Крониды, «грозили всевозможными репрессиями со стороны Московского Совета солдатских депутатов и указывали на большую их силу в преследовании сопротивляющихся, так что и министры и товарищи министров теряли свои посты, если шли против Московского Совета солдатских депутатов». Далее следует текст, который был удален при переписывании черновика набело: «Говорили обвиняемые об опасности для нашего служебного положения, которое зависит от обер-прокурора Святейшего Синода, а на обер-прокурора имеет влияние Совет солдатских депутатов»⁵³.

7 августа 1917 г. в Московский окружной суд поступила совместная жалоба заместителя Лавры архимандрита Крониды и заведовавшего типографией до ее захвата иеромонаха Иракия, в которой, после изложения сути дела, говорилось о возбуждении уголовного преследования против председателя Издательской комиссии Московского Совета солдатских депутатов М.М. Прокофьева, заведующего типографией от Совета солдатских депутатов Н.Н. Воронина, председателя Московского Совета солдатских депутатов В.Е. Урнова и члена Исполнительного комитета А.Л. Капустянского.

Общая сумма захваченного имущества оценивалась выше 300 тысяч руб. и такую же сумму составила цена гражданского иска, заявленного от имени Лавры. Стоимость материалов и бумаги, принадлежавших лаврской типографии, составляла около

70 тысяч руб. без учета стоимости бумаги редакции Троицких Листков и других заказчиков типографии. В жалобе отмечалось, что типография и переплетная продолжают функционировать в три смены, а, следовательно, «изнашиваются машины, шрифт и прочий типографский и переплетный инвентарь и материалы». В связи с этим истцы настаивали «сделать постановление о принятии мер к охранению целости захваченного имущества и обеспечению убытков, причиненных израсходованием лаврской бумаги и материалов»⁵⁴.

Там же подчеркивалось, что «гражданский иск является не только достоверным, но и доказанным, так как право собственности Св.-Троицкой Сергиевой Лавры на самое здание типографии, переплетной и склада и на самую типографию, переплетную и склад со всем имуществом не только не опровергается обвиняемыми, но и Советом солдатских депутатов, но прямо признается ими, и они лишь домогаются получить все в аренду». Отдельной строкой указывалось, что «г. обер-прокурор Св. Синода, на которого обвиняемые ссылаются в своих объяснениях, не имеет права распоряжения лаврским имуществом»⁵⁵. 30 августа должна была состояться встреча Прокофьева, Воронина, Урнова и Капустянского с судебным следователем «для склонения к миру», но ответчики не явились, и дело через прокуратуру было передано в Окружной суд, и о дальнейшем его движении сведений не сохранилось⁵⁶.

Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры осталась в руках Совета солдатских депутатов, разделив участь прочих типографий, относившихся к духовному ведомству. В адрес Поместного собора Русской Православной Церкви, открывшегося в день Успения, из разных мест поступали заявления и телеграммы о захвате синодальных, лаврских и некоторых монастырских типографий революционными организациями, «печатающими в этих типографиях несоответствующие назначению их издания». В связи с этим Собор постановил «обратиться к Святейшему Синоду и к Министерству исповеданий с просьбою сообщить все сведения о том, в каком положении находятся типографии Синодальные Петроградская и Московская, а также типографии Лавр: Киево-Печерской Успенской, Свято-Троицкой Сергиевой

и Почаевской Успенской и типография Дранского Успенского монастыря Сухумской епархии, а равно – сведения о том, какие уже сделаны ими распоряжения и какие предполагают они принять меры к восстановлению нарушенного порядка». Однако никаких иных распоряжений, кроме «доставления в срочном порядке вышеозначенных сведений в Святейший Синод», так и не последовало⁵⁷.

Реквизированная 2 июня 1917 г. лаврская типография, наряду с другими предприятиями, была национализирована осенью 1918 г. Денежные средства от продажи лаврских изданий, выпуск которых прекратился с захватом типографии, были сданы в лаврское казначейство. На складах и в лавках, согласно отчетной ведомости редакции «Троицких листков», на 1 января 1919 г. общая сумма оставшихся в складах и лавках изданий составила 161 222 руб. 87 коп.⁵⁸

Согласно декрету об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, изданному 20 января (по ст. ст.) 1918 г., Лавра, наряду с другими монастырями, была обращена в трудовую артель, но монашеская жизнь в ней продолжалась прежним порядком вплоть до 21 октября 1919 г., когда большая часть братии была переселена в Черниговский и Гефсиманский скиты. В самом конце 1918 г. произошло еще одно столкновение между новой властью и лаврским руководством, на этот раз поводом послужили книжные магазины, принадлежавшие монастырю.

10 декабря 1918 г. (по н. ст.) Духовному Собору Троице-Сергиевой Лавры было сообщено постановление Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением при Сергиево-Посадском Совете рабочих и крестьянских депутатов от 6 декабря, в котором сообщалось, что при обыске книжного магазина Лавры 21 октября и обыске Епархиального склада изданий Лавры и редакции «Троицких листков» 1 ноября 1918 г. «было обнаружено большое количество антисоветской литературы, приготовленной к отправке», в связи с чем, Комиссия постановила «оштрафовать Духовный Собор Троице-Сергиевой Лавры на пятьдесят тысяч рублей за хранение и распространение антисоветской литературы, а всю взятую литературу предать уничтожению. В случае неуплаты штрафа – кон-

фисковать имущество Духовного Собора Лавры». Взнос предлагалось внести не позднее 15 декабря⁵⁹.

Духовный Собор выступил в защиту Лавры от напрасных обвинений. Но Комиссия, получив сведения об осмотре лаврского магазина и склада летом 1917 г. Советом солдатских депутатов, в отношении от 16 декабря, потребовала от Лавры предъявить копию постановления произведенного осмотра, однако ни в Духовном Соборе, ни в Совете депутатов требуемых материалов не оказалось. Как пояснил Духовный Собор в очередном отношении в ЧК, «после осмотра в 1917 году редакции Троицких листков и книжной лавки Советом Сергиево-посадским солдатских и рабочих депутатов Духовному Собору копия осмотра не была выдана»⁶⁰. Тем не менее, Комиссия, не считаясь с обстоятельствами самочинного захвата типографии и складов, принадлежавших Лавре, сочла нужным оставить постановление от 6 декабря в силе⁶¹. Вердикт был вынесен 12/25 декабря 1918 г., а 30 декабря (12 января 1919 г. по н. ст.), по странному стечению обстоятельств, скончался архиепископ Никон (Рождественский), основатель и бессменный редактор «Троицких листков». По одной из версий, владыка подвергся нападению за воротами Лавры, был жестоко изуродован и убит⁶². Если эти сведения, полученные из уст людей, многие годы проживших в Сергиевом Посаде, верны, то будет справедливо сказать, что архиепископ Никон стал одним из первым из лаврских насельников, пострадавших в XX столетии. Его судьбу разделили и другие иноки, трудившиеся на поприще духовного просвещения

...За алтарем Духовской церкви Троице-Сергиевой Лавры находятся два надгробия белого и черного мрамора – на них имена маститого историка Церкви, наместника Лавры архимандрита Леонида (Кавелина) и архиепископа Вологодского Никона (Рождественского), стоявших у истоков лаврского издательского дела, возродившего в стенах Троице-Сергиевой обители семь десятилетий спустя после его закрытия в 1919 г.

---

¹ Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. М., 1879. С. 185 (Ч. 1).

- ² *Никон (Рождественский), архиепископ. Мои дневники // Никон (Рождественский), архиепископ. «Козни врагов наших сокруши...». Дневники. М., 2008. С. 15.*
- ³ Донесение наместника Лавры архимандрита Леонида митрополиту Московскому Макарию с приложением ведомостей о издании листков и о приходе и расходе денежных сумм за 1878–1879 гг. Октябрь 1880 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 24761. Л. 1об.
- ⁴ Троицкие листки. СТСЛ, 1896. С. 3.
- ⁵ Докладная записка иеромонаха Никона (Рождественского) митрополиту Московскому Иоанникию. 24 июня 1886 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 13869 (Дело о заведении при Лавре типографии в 1887 году). Л. 4.
- ⁶ Там же. Л. 3–5.
- ⁷ Доклад Учрежденного собора Лавры митрополиту Московскому Иоанникию. 8 июня 1887 г. // Там же. Л. 1–2.
- ⁸ Определение Учрежденного собора Лавры. Б. д. // Там же. Ед. хр. 25454. Л. 1–1 об.
- ⁹ Определение Св. Синода. С.-Петербург, 19–22 мая 1887 г. // Там же. Ед. хр. 24851. Л. 2.
- ¹⁰ Доклад Учрежденного Собора Троице-Сергиевой Лавры митрополиту Московскому Сергию (Ляпидевскому). 23 марта 1894 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 14786 (Дело об устройстве при Лавре типографии в 1894 г.). Л. 1–1 об.
- ¹¹ Там же. Л. 1об. – 2 об.
- ¹² Определение Св. Синода. С.-Петербург, 5 октября 1894 г. // Там же. Л. 6–6 об.
- ¹³ Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919), государственный деятель Российской империи; действительный статский советник. В 1887–1893 гг. – губернатор Калужской губ.; в 1893–1902 гг. – губернатор Московской губ.; с января по октябрь 1905 г. – министр внутренних дел; в 1913 г. – статс-секретарь и почетный опекун. 13 марта 1917 г., вскоре после Февральской революции перенес апоплексический удар и отошел от государственной деятельности. В 1919 г. был арестован и расстрелян по приговору ГубЧК «за реакционную политику в 1905 г.».
- ¹⁴ Свидетельство № 6927 об учреждении типографии при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Москва, 28 декабря 1894 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 14786. Л. 11.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 19045. Л. 4–4 об.
- ¹⁶ Историческое описание Свято-Троицкия Сегиевы Лавры. СТСЛ, 1910. С. 39–40.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 25158. Л. 25 об. – 26 об.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Доклад Учрежденного Собора Троице-Сергиевой Лавры митрополиту Московскому Сергию (Ляпидевскому). 1 октября 1895 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 14960. Л. 1–1 об.
- ²⁰ Там же. Л. 1 об. – 2.
- ²¹ *Никон (Рождественский), архиепископ. Мои дневники. С. 15.*
- ²² Новгородские епархиальные ведомости. 1917. 1–15 января. С. 46.

- ²³ Доклад Духовного Собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архиепископу Московскому и Коломенскому Тихону. 6 июля 1917 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 25243 (Дело о передаче типографии Лавры Совету солдатских депутатов. 1917). Л. 15 об. – 16.
- ²⁴ Новгородские епархиальные ведомости. 1917. 1–15 января. С. 47.
- ²⁵ Жалоба в Окружной суд наместника Лавры архимандрита Кронида и иеромонаха Иракия. 7 августа 1917 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 25243. Л. 23.
- ²⁶ Издательская комиссия Московского Совета солдатских депутатов была учреждена 7/20 марта 1917 г. и просуществовала до 30 сентября / 13 октября 1917 г. Первым председателем Издательской комиссии был Михаил Михайлович Прокофьев (7/20 марта – 19 июля / 1 августа 1917 г.), его сменил Карп Онуфриевич Бабаненко (19 июля / 1 августа – 1/14 октября 1917 г.) (*Гарнюк С.Д.* Московская власть: Советские органы управления. Март 1917 – октябрь 1993: Справочник. М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2011. С. 56).
- ²⁷ Донесение заведующего типографией Лавры иеромонаха Иракия в Духовный Собор Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 29 мая 1917 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 25243. Л. 6.
- ²⁸ Жалоба в Окружной суд наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова) и иеромонаха Иракия (Попова). 7 августа 1917 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 25243. Л. 23.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Телеграмма епископа Дмитровского Иоасафа к обер-прокурору Св. Синода Львову. 30 мая 1917 г. // Там же. Л. 33.
- ³¹ Отношение комиссара Сергиева Посада Н.А. Королева в Духовный Собор Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 30 мая 1917 г. // Там же. Л. 7–7 об.
- ³² Ответ наместника Лавры архимандрита Кронида на отношение комиссара Сергиевского Посада Н.А. Королева. 31 мая 1917 г. // Там же. Л. 8.
- ³³ Доклад Духовного Собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры епископу Дмитровскому Иоасафу. 8 июня 1917 г. // Там же. Л. 1 об.
- ³⁴ Жалоба в Окружной суд наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова) и иеромонаха Иракия (Попова). 7 августа 1917 г. // Там же. Л. 23.
- ³⁵ Заявление заведующего типографией иеромонаха Иракия (Попова) в Президиум Всероссийского съезда духовенства и мирян. 14 июня 1917 г. // РГИА. Ф. 203. Оп. 748. Ед. хр. 135. Л. 1–3 об.
- ³⁶ Дополнение к жалобе архимандрита Кронида. 18 августа 1917 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 25243. Л. 21–21 об.
- ³⁷ Доклад Духовного Собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архиепископу Московскому и Коломенскому Тихону. 6 июля 1917 г. // Там же. Л. 14 об.–15.
- ³⁸ Отношение директора хозяйственного управления при Св. Синоде к наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Крониду. 6 июня 1917 г. // Там же. Л. 9.
- ³⁹ Доклад Духовного Собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архиепископу Московскому и Коломенскому Тихону. 6 июля 1917 г. // Там же. Л. 15.
- ⁴⁰ Следственное дело Патриарха Тихона / гл. ред. прот. Владимир Воробьев. М.: Изд-во ПСТБУ, 2000. С. 12.

- ⁴¹ Заявление заведующего типографией иеромонаха Иракия (Попова) в Президиум Всероссийского съезда духовенства и мирян. 14 июня 1917 г. // РГИА. Ф. 203. Оп. 748. Ед. хр. 135. Л. 1.
- ⁴² Доклад Духовного Собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архиепископу Московскому и Коломенскому Тихону. 6 июля 1917 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 25243. Л. 15–15 об.
- ⁴³ Заявление заведующего типографией иеромонаха Иракия (Попова) в Президиум Всероссийского съезда духовенства и мирян. 14 июня 1917 г. // РГИА. Ф. 203. Оп. 748. Ед. хр. 135. Л. 1 об. – 3 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 3 об.
- ⁴⁵ Жалоба в Окружной суд наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова) и иеромонаха Иракия (Попова). 7 августа 1917 г. // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 15. Ед. хр. 25243. Л. 23.
- ⁴⁶ Отношение наместника Лавры архимандрита Кронида к присяжному поверенному округа Московской Судебной Палаты И.М. Глаголеву. 19 июня 1917 г. // Там же. Л. 10–10 об.
- ⁴⁷ Соглашение Духовного Собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и Совета солдатских депутатов о пользовании Советом солдатских депутатов типографией Лавры. Июль, 1917 г. Копия // Там же. Л. 3–13 об.
- ⁴⁸ Доклад Духовного Собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архиепископу Московскому и Коломенскому Тихону. 6 июля 1917 г. // Там же. Л. 15 об. – 16.
- ⁴⁹ Там же. Л. 16–17.
- ⁵⁰ Жалоба в Окружной суд наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова) и иеромонаха Иракия (Попова). 7 августа 1917 г. // Там же. Л. 23 об.
- ⁵¹ Дополнение к жалобе архимандрита Кронида. 18 августа 1917 г. // Там же. Л. 21 об.
- ⁵² Жалоба в Окружной суд наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова) и иеромонаха Иракия (Попова). 7 августа 1917 г. // Там же. Л. 23 об.
- ⁵³ Дополнение к жалобе архимандрита Кронида. 18 августа 1917 г. // Там же. Л. 21–21 об.
- ⁵⁴ Жалоба в Окружной суд наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова) и иеромонаха Иракия (Попова). 7 августа 1917 г. // Там же. Л. 23 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 24.
- ⁵⁶ Выписка из донесения в Св. Синод митрополита Московского и Коломенского Тихона // Там же. Л. 34–34 об.
- ⁵⁷ Указ Святейшего Правительствующего Синода митрополиту Тихону. 6 сентября 1917 г. // Там же. Л. 28.
- ⁵⁸ Донесение заведующего редакцией «Троицких листков», «Божией нивы» и «Троицкого Слова» иеромонаха Димитриона в Духовный Собор Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 8/21 марта 1919 г. // Там же. Ед. хр. 19159. Л. 2 об. Последний отчет от редакции «Троицких листков» был запрошен наместником Лавры от заведующего редакцией иеромонаха Димитриана 16/29 сентября 1919 г., незадолго до того, как президиум исполкома Сергиевского уезда принял решение о закрытии Троице-Сергиевой Лавры (10 ноября 1919 г.).
- ⁵⁹ Постановление Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлением по должности при Сергиево-Посадском Со-

- вете рабочих и крестьянских депутатов в Духовный Собор Троице-Сергиевой Лавры от 6 декабря 1918 г. // Там же. Ч. 15. Ед. хр. 25425. Л. 1–2.
- ⁶⁰ Отношение Духовного Собора Троице-Сергиевой Лавры в Чрезвычайную Комиссию при Сергиево-Посадском Совете рабочих и крестьянских депутатов. 25 декабря 1918 г. // Там же. Л. 6.
- ⁶¹ Отношение председателя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности при Сергиево-Посадском Совете рабочих и крестьянских депутатов в Духовный Собор Троице-Сергиевой Лавры. 25 декабря 1918 г. // Там же. Л. 7.
- ⁶² *Стрижев А.Н.* Никон (Рождественский) – великий святитель XX века // *Никон (Рождественский), архиепископ.* «Козни врагов наших сокруши...». Дневники. М., 2008. С. 13.

ЛИТЕРАТУРА

- Гарнюк, С.Д.* Московская власть [Текст]: советские органы управления, март 1917 – октябрь 1993: справочник. М.: Изд-во Глав. арх. упр. г. Москвы, 2011.
- Горский, А.В.* Историческое описание Свято-Троицкого Сергиевы Лавры ... [Текст]: [в 2 ч.]. М.: ОИДР, 1879.
- Никон (Рождественский), архиепископ.* Мои дневники [Текст] // *Никон (Рождественский), архиепископ.* «Козни врагов наших сокруши...»: дневники. М., 2008.
- Стрижев, А.Н.* Никон (Рождественский) – великий святитель XX века [Текст] // *Никон (Рождественский), архиепископ.* «Козни врагов наших сокруши...»: дневники. М., 2008.

**«Никаких эксцессов со стороны верующих
не проявлялось...»: изъятие церковных ценностей
в монастырях и храмах Свяжского кантона
Татарской республики¹ в 1922 г.**

Статья посвящена истории изъятия церковных ценностей в монастырях и храмах Свяжского кантона Татарской республики в 1922 г. в рамках общей кампании по изъятию церковных ценностей в РСФСР того же года. Рассмотрены предпосылки, особенности и итоги этого процесса.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, изъятие церковных ценностей, храмы, монастыри, антирелигиозная кампания.

Stepanov A.F.

**“NO EXCESSES ON THE PART OF THE BELIEVERS OCCURRED...”:
CONFISCATION OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH PROPERTY IN THE
MONASTERIES AND TEMPLES OF SVIYAZHISKY CANTON, THE REPUBLIC
OF TATARSTAN IN 1922**

The article reveals the history of confiscation of church property in the temples and monasteries of Sviyazhsky Canton, the Republic of Tatarstan in 1922 within general campaign of confiscation of church property in RSFSR carried out that year. It considers preconditions, peculiarities and outcomes of the process.

Key words: the Russian Orthodox Church, confiscation of church property, temples, monasteries, antireligious campaign.

Одной из наиболее трагических страниц в истории борьбы советской власти с верующими, религией и Церковью стали события первой половины 1922 г., когда из православных храмов были изъяты богослужебные предметы из драгоценных металлов, главным образом из серебра, а также культовые вещи, имеющие историко-художественную ценность. В данной работе эта тема рассмотрена на примере православных приходов Свяжского кантона Татарской республики.

---

* председатель Координационного совета Казанского общества «Мемориал».

Со второй половины 1921 г. население Татарской Республики, как и всего Поволжья, погрузилось в пучину голода. Вначале население питалось в основном суррогатами – лебедой, дубовой корой, желудями, кореньями и проч., но зимой и они иссякли. «В связи с ежедневно увеличивающимся голодом и бешено растущими ценами на все предметы первой необходимости настроение населения кантона падает все ниже и ниже, уныние и полная безнадежность и даже равнодушное отношение ко всему окружающему наблюдается на каждом шагу, – отмечало руководство Свияжского кантона в отчете от 6 марта 1922 г. – Люди обезумели от голода и, ища спасение, бросаются на все и вся, обманывая друг друга на каждом шагу [...] Глухая ненависть видна во всех движениях голодной массы, и дает повод к дракам, ссорам и т.п. из-за ничтожной съедобной крупы. Все что только можно употребить в пищу даже с опасностью для жизни – приедено, даже такая гадость как мыши, кошки и собаки, но всего этого недостаточно: трупы разных павших животных представляют из себя почти ценное и недоступное для всех блюдо. Из-за случайного обнаруженного трупа собаки и других животных на почве дележа происходят драки [...], некоторые более предприимчивые заманивают случайно попавших в селение собак к себе во двор, где (те) тотчас же убиваются на мясо и употребляются в пищу вместе со шкурою, которая не снимается, а слегка подпаливается [...] Но что всего ужаснее, так это – поедание трупов умерших людей, каковые случаи наблюдаются наиболее в голодных селениях кантона [...] Все, что только можно было продать и обменять на хлеб – ушло в хлеботорговые губернии, скот – также и теперь все взоры и надежды голодного населения устремлены на центральную власть и рабочих других стран – ожидая от них помощи [...] Забастовок, контрреволюционных выступлений, открытого недовольства не было, за исключением недовольства на быстро растущие цены на все продукты, все и вся [...] На почве голода стало много краж, грабежей и даже убийств [...]

По официальным данным на почве голода в феврале месяце умерло от тифа 361 и от голода 233 человека. [...] Но в действительности цифры эти значительно выше, т.к. регистрация не охва-

тывает все случаи и много из них проходят нигде не записанными. [...] Смертность настолько велика, что в каждом селении есть много забытых домов, обитатели которых все поголовно вымерли. Поодиночке каждого погребать не успевают, а потому готовят общие братские могилы, в которых и хоронят по несколько человек»².

В предшествовавшей двухнедельной информсводке № 65/с от 31 января 1922 г. свияжские руководители – согласно предложенной центром формы отчета – отмечали: «3). Забастовок – не было. 4) Контрреволюционных явлений – не было. 5) Духовенство. За отчетное время в этой области ничего не замечалось. 6) Политические партии и группы. За отчетное время в этой области ничего не проявлено. 7) Заговоры – не было. 8) Волнения – не было»³.

В такой обстановке большевистское руководство озаботилось прежде всего укреплением собственной политической власти и разгромом своих реальных и потенциальных противников. Ведущих представителей российской интеллигенции переписали и выслали за рубеж без права возвращения на родину, руководителей и активистов небольшевистских политических партий, прежде всего социалистов, – репрессировали, настал черед православной церкви. Поводом к наступлению на РПЦ послужил факт наличия в приходских храмах и монастырях уже национализированных декретом от 2 февраля 1918 г., но в последующие месяцы предоставленных в пользование общинам верующих богослужебных предметов, изготовленных из серебра, золота, драгоценных и полудрагоценных камней. В условиях экономической разрухи, когда значительная часть экспроприированного советской властью имущества в стране была распродана и расхищена, хорошо сохранившиеся по большей части церковные ценности стали тем капиталом, с помощью которого власть была намерена решать текущие задачи: поддержку мировой революции, возможную выплату иностранных долгов на предстоящей Генуэзской конференции, решение текущих экономических и политических проблем.

26 февраля в «Известиях ВЦИК» был напечатан декрет «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голо-

дающим», а через день – «Инструкция» о порядке проведения его в жизнь на местах. Данные документы оформляли «по советской линии» часть уже принятых решений в рамках тайно проводившейся РКП(б) кампании борьбы с религией, церковью и верующими. Помимо официальных советских комиссий в центре и в регионах создавались строго секретные комиссии «по изъятию» церковных ценностей (часто почти в том же составе), которые и руководили реально всей административно-политической, агитационно-пропагандистской и технической работой в этом направлении. В ходе кампании в марте 1922 г. по настоянию В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого произошла ее дальнейшая радикализация. Помимо усиления акцента на раскол епископата и священнослужителей с целью создания параллельной обновленческой иерархии РПЦ (с последующим разгромом обеих организаций по частям), было решено экспроприировать все имеющиеся ценные богослужебные предметы из монастырей и почти все – из приходских церквей.

Последнее противоречило положению декрета ВЦИК о том, что изъятию подлежат богослужебные предметы, «изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа». Тем не менее, на практике изымались даже медные богослужебные предметы с целью перераспределения их в другие храмы взамен изготовленных из серебра.

Юридически это не противоречило нормам декрета об отделении церкви от государства, как его именовали сами разработчики, статьи 12 и 13 которого гласили: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. 13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ являются народным достоянием»⁴. Чисто технически вопрос сводился к повторному учету и переучету церковного и монастырского имущества, уже сданному в 1918–1920 гг. в пользование религиозным общинам, изъятию и передаче на баланс наркомфина того, что в данный момент стало нужным соввласти.

Однако политически это должно было вылиться в конфликт с Русской Церковью, которая хоть и не обладала юридическими правами и не была официально зарегистрирована, де-факто, од-

нако, существовала как единая, строго иерархически устроенная организация с действующим патриархом, органами управления, клиром и паствой, состоявшей из формально советских граждан, которые, собственно, и не позволяли ее уничтожить. Вдобавок, традиционное для XIX в. представление о социалистическом строе как о безгосударственном сообществе самоуправляющихся общин и ассоциаций производителей еще не было окончательно вытравлено из головы даже некоторых партийных функционеров – вспомним дискуссию о профсоюзах 1920–1921 гг.

Поэтому-то перед верующими и был поставлен вопрос о якобы *добровольной* передаче церковных ценностей государству. Но здесь вопрос упирался в каноническую традицию, которую не в силах был преодолеть даже патриарх Тихон, в своем воззвании от 6 февраля 1922 г. указавший на «возможность духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, *не имеющие богослужебного употребления* (выд. мною. – А.С.) на помощь голодающим»⁵. Слово «государство» патриархом не было произнесено, это был призыв к верующим поступать самостоятельно и по совести.

Как отмечал современник событий, активный прихожанин, юрист по образованию А.А. Соловьев: в воззваниях Патриарха «не было призыва сдавать (государству) добровольно церковные ценности. Скорее в нем чувствовалось отрицательное отношение к этому. [...] Во-первых, само право мирян распоряжаться церковным имуществом, в особенности освященными предметами, было очень сомнительно. Во-вторых, поскольку почти все имущество церкви: здания, деньги, драгоценности – были уже изъяты государством на основании декрета “Об отделении церкви от государства”, то представлялось справедливым, чтобы были изысканы иные способы и средства для оказания помощи голодающим. В-третьих, церковные предметы принимались на слом, между тем их основная ценность заключалась не в металле, а в художественной работе. [...] Вместе с тем, предстоящее при сломе уродование и уничтожение освященных предметов болезненно затрагивало религиозное чувство. Несравненно

лучше и выгоднее было продать или заложить церковную утварь заграничным православным церквам»⁶.

Кстати, выкуп изымаемых богослужебных предметов с оставлением их в действующих храмах и монастырях был предложен тогда же Папой Римским Пием XI⁷, но подобное решение противоречило планам властей.

В сложившейся нетривиальной ситуации многое зависело от позиции местных церковных иерархов. Митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) занял строго каноническую позицию, был арестован, обвинен в контрреволюции, судим и по решению политбюро расстрелян. Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов), понимая, что дело идет о политической провокации властей, предпочел вывести клир и паству из-под удара и занял формально как бы строго юридическую позицию. В ответ на обращение благочинного Тетюшского округа епархии он дал 5 марта 1922 г. следующее указание своей пастве (через газету оно было доведено и до всех граждан республики): «Со времени отделения церкви от государства и с объявлением всего церковного имущества народным достоянием никаких драгоценных вещей, принадлежащих церквам, нет. Существует государственное достояние, сданное во временное пользование религиозным общинам. Поэтому на воззвание Отдела местного управления о добровольном пожертвовании в пользу голодающих драгоценных вещей, принадлежащих церквам, надо смотреть как на недоразумение. Государство, если находит нужным взять из церковного имущества как уже объявленного государственным, укажет только какие драгоценные вещи, находящиеся в пользовании и на хранении религиозных общин, признает оно нужным изъять из этого пользования; и общины должны будут представить требуемое полностью. Если же они отважились бы жертвовать, кому бы то ни было находящееся у них на хранении бывшее церковное имущество, то это явилось бы растратой государственного достояния. [...] Членам приходских советов надо позаботиться о том, чтобы все принятое ими в пользование церковное имущество оказалось в целости. 1922 года 20 февраля – 5 марта. Кирилл»⁸.

Эта же позиция была подтверждена Кириллом в присутствии группы верующих и духовенства на общегородском собрании, состоявшемся 9 апреля в актовом зале Казанского университета. Владыка заявил, что он не может идти на службу к советской власти и брать на себя роль полицейского, а также не имеет ни морального, ни иного права одобрять или не одобрять изданный декрет, так как находящийся в церквях и монастырях инвентарь после отделения церкви от государства стал собственностью государства, а не церкви, и что «в изъятии нам, духовенству, славно не участвовать»⁹.

Добавим, что перед общегородским собранием 4 апреля митрополит Кирилл с несколькими священнослужителями был вызван в Татполитотдел ГПУ, где, по словам нач. Татполитотдела ГПУ, церковники «были принуждены обещать полное содействие в изъятии церковных ценностей, о чем была отобрана подписка»¹⁰.

Малоизвестно, что позиция Казанского архиерея получила одобрение Св. Патриарха Тихона, который был уведомлен о позиции Кирилла известным казанским ученым Иринархом Стратоновым тогда же в марте 1922 г.¹¹

Созданная в ТАССР центральная комиссия «по изъятию» руководила в свою очередь кантонными комиссиями, а те – волостными. Свяжская канткомиссия приступила к работе 26 марта 1922 г. с предписания предоставить описи церковного имущества. Представителям православных общин семи храмов и монастырей г. Свяжска, а также Макарьевской пустыни была разослана повестка кантисполкома о том, что 27 марта в 12 часов начинается проверка церковного имущества, «сданного общине по договору. Ввиду этого предлагается при посещении комиссий быть по одному представителю от общины верующих, а также и настоятелю общины».

В инструкции подкомиссиям по изъятию церковных ценностей по Свяжскому кантону указывалось, что в г. Свяжске и в волостях создаются подкомиссии во главе с уполномоченным кантисполкома (КИКа), члена президиума волисполкома (ВИКа), «один представитель из местной ячейки РКП(б), один *предста-*

витель от духовенства, относящийся сочувственно к изъятию ценностей (выделено мною. – А.С.)».

Пункт 2-й инструкции гласил, что «при изъятии руководствоваться неуклонно следующими указаниями: предметы, существенные для богослужения как-то: антиминс, иконы (без ценных риз) и другие ценные металлические предметы вообще изъятию не подлежат. Подлежат изъятию все предметы, происходящие из серебра, золота, драгоценных камней». Как это бывало часто у большевиков, первая часть указания прямо противоречила второй, заключительной части и требовала умелого исполнения на основе дополнительных указаний и согласований или «забывчивости», «пропуска» в отчете и т.п. Пункт 3-й инструкции допускал замену предметов богослужения (кадил, чаш и т.д.) на равное им по весу количество серебра/золота «в том случае, если нет других не ценных предметов, могущих заменить их». «Подкомиссия в конце акта перечисляет оставленные предметы с точной мотивировкой причины оставления, приобщив письменное ходатайство верующих к акту»¹². Решение комиссии должно было быть «окончательно санкционировано» вышестоящей комиссией или пересмотрено ею в любой момент и по любым мотивам, о чем представители верующих, правда, позднее уведомлялись. Копию акта об изъятии сдавали не религиозной общине, а в волисполком, что создавало почву для позднейших недоразумений и претензий к верующим, церковно- и священнослужителям.

Сохранившиеся документы зафиксировали смену тактических установок по ходу кампании, проявившихся в деятельности как центрального, так и низового административного аппарата. Так, еще в апреле 1922 г. из Свяжска по волостям были направлены уполномоченные кантисполкома, которые проводили собрания верующих с разъяснением «текущего момента». Судя по дошедшим до нас актам обследования церковей тех дней, местные руководители, ссылаясь на декрет и инструкции к нему, убеждали верующих, что необходимые богослужебные предметы изыматься не будут, в крайнем случае, они могут быть заменены на равное им по весу количество серебра – ломом и монетой. То, что в последнем случае эти предметы по-прежнему бу-

дуг находиться в собственности государства и могут быть изъяты в ходе последующих кампаний, как это и произошло в 1930-х годах, естественно, начальством не артикулировалось.

Деятельность канткомиссии «по изъятию» сопровождала так называемая «публичность», т.е. публикация в официальных изданиях такой информации, которая указывала бы на «основательную» работу местного руководства по преодолению сопротивления контрреволюционного духовенства. Так, в «Известиях ТЦИК» от 6 апреля 1922 г. под заголовком «Работа Свяяжской комиссии по изъятию церковных ценностей» была напечатана заметка, в которой указывалось, что «из представленной комиссии описей церквами и монастырями г. Свяяжска было усмотрено злоупотребление церковной администрацией монастырей Св. Германа и Макарьевского. В представленных этими монастырями описях *буквально никаких ценностей не значилось* (выд. мною. – А.С.)». Бдительная комиссия произвела осмотр монастырей, обнаружив в них церковные ценности, уложенные в специальные шкафы под замком, – около 200 предметов в Успенском мужском монастыре и до 70-ти в Макарьевской пустыни. В сохранившихся делах комиссии, правда, этот крамольный факт никак не отражен, напротив, при изъятии церковных ценностей из Макарьевского монастыря 5 мая 1922 г. в акте было записано, что «комиссия отмечает, что причт Макарьевского монастыря к изъятию ценностей отнесся очень доброжелательно...»¹³.

Изъятие церковных ценностей в г. Свяяжске производилось с 1 по 5 мая 1922 г. В результате было изъято чистого серебра – 32 пуда 5 фунтов 19 золотников; золотых предметов весом 33 золотника 35 долей; серебряных монет на 3 рубля 40 копеек; шкатулка с разными камнями, серебром и мелкими камнями весом 24 фунта, разных риз шитых жемчугом и бисером, 10 митр общим весом 33 фунта¹⁴. Если вначале было намечено к изъятию 352 богослужебных предмета, то на 5 мая их количество составило 684 предмета (подсчет наш)¹⁵. Временно оставляли не более трех предметов из драгметаллов с последующей заменой их на медные.

Чуть позже, очевидно, было получено указание на практически полное изъятие всех богослужебных предметов из ценных металлов. Так, уже 8 мая Свяжская канткомиссия по изъятию церковных ценностей, «рассмотрев представленные Свяжской городской подкомиссией акты [об изъятии церковных ценностей], из коих усматривается, что подкомиссией с целью недопущения прекращения в церквах богослужения оставлены там некоторые ценные вещи, но принимая во внимание, что таковые без ущерба могут быть заменены таковыми же, сделанными из материалов менее ценных, как например: меди, олово и том[у] под[обное], ПОСТАНОВИЛА: 1) Оставленные временно в церквах города Свяжска ценности должны быть изъяты, но [после] поступлений в распоряжение комиссии из сельских церквей кантона [так]их же предметов, сделанных из неценных [металлов]; 2) Предложить волостным подкомиссиям имеющиеся в сельских церквах богослужебные принадлежности (чаши, кадила и т[ому] под[обное]) в количестве 2–3 и более экземплярах – 1 экземпляр оставить в церкви, а остальные переслать в канткомиссию для обмена на ценные предметы»¹⁶.

Вслед за Свяжском очередь дошла до сельских приходских церквей. В них некоторые богослужебные предметы (чаши, престольные кресты, дарохранильницы и дароносицы), как правило, оставались – временно впредь до замены на серебро прихожан. Верующие подписывали с волостными комиссиями обязательства («Условия») о сборе в трехдневный срок нужного количества серебра (лом и монеты) в обмен на сохранение в приходе богослужебных предметов¹⁷. Многое зависело от уполномоченного канткомиссии. Так, в волостях, где уполномоченным был кантвоенком Пучковский, таких послаблений было больше. Там, где руководил чекист Нагаткин, указанных случаев было намного меньше, старательно забирали все.

В Ташевской волости еще в начале апреля была сформирована комиссия под председательством кантуполномоченного Мартюкова. За «мягкотелость» он был заменен чекистом Нагаткиным, который и организовал полномасштабную конфискацию в начале июня 1922 г. После образования Ташевской волостной подкомиссии «по изъятию» ВИКом был заготовлен типовой

«Акт об изъятии церковных ценностей» для каждой церкви, в конце которого содержалась обязательная фраза: «По изъятии вышеуказанных вещей оставлены необходимые для совершения церковной службы следующие серебряные вещи», но часто никаких оставленных вещей в актах указано не было¹⁸.

Так, 9 апреля 1922 г. члены Ташевской волкомиссии по изъятию церковных ценностей под председательством Мартюкова, члена ВИКа Гладышева в присутствии священника Константина Львова и двух представителей Покровской церкви составили акт о том, что в Покровской церкви с. Ташевки согласно главной описи 1897 г. и дополнительной описи, начатой в 1899 г., «ценностей, кои бы подлежали изъятию и передаче в кантфинотдел, не оказывается». Однако комиссия во главе с Нагаткиным 8 июня 1922 г. изъяла 5 предметов: два напрестольных креста, потир с приборами, кадило и ковш для теплой воды с заменой части (?) предметов на серебряный лом весом 5 фунтов 50 золотников¹⁹.

Во вновь открытой часовне Богородицкой церкви с. Ст. Рус. Маткозино Ташевской волости согласно описи от 9 мая 1922 г. была одна серебряная дарохранительница «без задней стенки под стеклянным колпаком», остальные богослужебные предметы «в основном медные». Тем не менее, комиссия Нагаткина сумела получить с прихожан серебряной монеты и лома общим весом 1 фунт 30 золотников в обмен на изъятые 6 июня 1922 г. в церкви предметы (дарохранительница, венчик с плащаницы, два крестика с брачных венцов) весом 1 фунт 36 золотников²⁰.

Аналогичный акт был составлен той же волостной комиссией при обследовании Троицкой церкви с. Сеитово в присутствии священника Михаила Смелова, церковного старосты Василия Алексеевича Злобина, члена церковного совета Демьяна Андреевича Маленкина и председателя православной общины Сергея Козьмича Козлова. «Произведя в порядке требований Инструкции ВЦИК о порядке изъятия церковных ценностей обследование и проверив наличие церковных ценностей, находящихся в пользовании религиозной общины при Троицкой церкви села Сеитово по описи, составленной в 1921 году, нашли, что ценностей, кои бы подлежали изъятию и передаче в кантфинотдел, не оказывается, почему и постановили изложенное написать в на-

стоящий акт, который представить по принадлежности...», приобщив копию к делам церковного совета. Не найдя ценностей, комиссия под председательством Нагаткина 6 июня 1922 г. изъяла всю наличность из свечного ящика в размере 24 рубля 45 копеек в виде серебряной монеты достоинством 1 рубль, 50, 20 и 15 копеек. «По заявлению председателя церковного совета Козлова и церковного старосты Лопухова, священника Смелова – было предъявлено то, что имеется в свечном ящике жертвованных денег – серебряных монет», записано в акте²¹.

В Христо-Рождественской церкви с. Шеланга комиссия Мартюкова 20 апреля 1922 г., «произведя проверку церковного имущества в порядке требований Инструкции ВЦИК», нашла, что «ценностей, кои бы подлежали изъятию и передаче в кантфинотдел не оказывается...». Но 6 июня того же года Нагаткин изъял 4 предмета: крест, потир с приборами, ковш и блюдечко общим весом 3 фунта 10 золотников²².

Аналогичный акт составлен комиссией Мартюкова 22 апреля 1922 г. после обследования Иоанно-Предтеченской церкви с. Ключищи. По описи 1920 г. ценностей в церкви не оказалось. Однако 7 июня того же года новый председатель Ташевской волкомиссии чекист Нагаткин нашел и изъял 3 креста, 4 угольника с Евангелия, среднее изображение (?) – 1, крышку с Евангелия, чашу, дискос, звездицу, дарохранительницу, кадило, круглый образ Спасителя, 2 блюдечка, 3 ризы с икон, 5 венчиков с икон, два золотых нательных крестика, 3 рубля серебряной монеты общим весом 14 фунтов 75 золотников. Сведений об оставлении необходимых для богослужения предметов в акте нет²³.

На 23–24 июня 1922 г. Свияжским кантфинотделом было принято конфискованных ценностей из церквей четырех волостей кантона (по весу): Верхнеуслонской волости общим весом 1 пуд 22 фунта 25 золотников 12 долей серебра на 11 950 000 рублей; Косяковской волости – 1 пуд 11 фунтов 76 зол. 72 доли серебра на 9 940 000 рублей; Азелевской волости – 2 пуда 23 фунта 2 золотника на 19 780 000 рублей (приблизительно) и один золотой крест (крестик) весом 1 золотник 78 долей на 500 000 рублей, всего на 20 280 000 рублей; Юматовской волос-

ти – 2 пуда 18 фунтов 16 золотников 15 долей стоимостью 18 840 000 рублей и золотого ордена Св. Владимира весом 3 золотника 14 долей, оцененного в 1 000 000 рублей, всего – на 19 840 323 рубля²⁴.

Сохранившиеся документы отнюдь не свидетельствуют о большом количестве драгметалла, выявленного в сельских церквях. Так, в акте комиссии по приему церковных ценностей при кантфинотделе от 24 июня 1922 г. о «приеме на перевес» 5,5 фунтов «серебра в монете, мелких изделиях и ветхих церковных предметах», поступивших из с. Бишбатман Косяковским волости, «оказалось 18 золотников 36 долей сомнительного металла, в приеме какового комиссия отказала, возвратив его [уполномоченному] тов. Денисову». Та же комиссия указала в акте от 23 июня 1922 г. после перевеса ценностей, изъятых из церкви Верхнеуслонской волости, что общий вес серебра сократился на 70 золотников 84 доли – против указанных в копиях актов «об изъятии» веса (1 пуд 23 золотников); по Косяковской волости – на 31 золотник 62 доли серебра меньше против веса, указанного в копиях актов (1 пуд 12 фунтов 38 золотников); по Азелевской волости – на 1 фунт 51 золотника серебра меньше против веса, указанного в копиях актов (2 пуда 24 фунта 53 золотников); по Юматовской волости – на 1 фунт 46 золотников 81 доли серебра меньше против веса, указанного в копиях актов (2 пуда 19 фунтов 63 золотника). «Причинами несоответствия в весе» оказалось наличие среди конфиската изделий из металла сомнительного качества, а также не драгоценный, а медный оклад с Евангелия и медное кадило²⁵.

В работе Свияжской кантонной комиссии по изъятию церковных ценностей четко прослеживается установка на частичное удовлетворение ходатайств сельских жителей о замене конфискованных из церквей богослужебных предметов на серебро. Например, в начале июня 1922 г. были удовлетворены просьбы о замене изъятых из церквей сел Кичкеево, Ульяновско Ульяновской волости, Макулово Клянчинской вол., Матюшино и Ключищи Ташевской волости, Введенской слободы, Тихого Плеса Юматовской волости, Красновидово Теньковской волости культовых предметов из серебра: большого и малого напре-

стольных крестов, дарохранильниц, звездиц, лжиц, чаш с прибором, кадил, ковшей, риз с икон, обложек с Евангелия и др. – таким же по весу количеством серебра через кантфинотдел. 8 июня 1922 г. была удовлетворена просьба общины верующих с. Берлибаш Кушманской волости о замене изъятых из их церкви культовых предметов: напестольного креста, двух серебряных блюдец и звездницы – таким же по весу количеством серебра через кантфинотдел²⁶.

Прихожане церкви Ризоположения Господня из с. Тихий Плес и деревень Ломовка, Волково, Гордеевка, Чухманка и Крутой овраг Юматовской волости к 14 июня собрали почти 9 фунтов серебряных монет, вещей и лома в обмен на возвращение ризы оклада иконы «Страдание Спасителя» весом 8 фунтов 84 золотника, а также внесли взамен серебряной ризы с иконы Св. Николая 1 фунт серебра в монете и ломом²⁷. И это несмотря на то, что в акте от 14 мая 1922 г. было зафиксировано, что священник этой церкви Катешев «заявил при изъятии, что центром издан новый декрет, отменяющий изъятие ценностей из церкви». Тем не менее, верующим удалось выкупить серебряный оклад на иконе Страданий Спасителя (Положение Ризы Господней). «Эта икона, – писали они, – нашего престольного праздника и является чтимой не только в нашем приходе, но и во всей округе, из всех икон нашего храма почти только она одна украшена серебряным окладом. Происхождение этого оклада связано с воспоминанием о холере, бывшей в 1892 году: чувство особого благоговения руководило нами, когда мы собирали денежные пожертвования и сделали для этой иконы ценный оклад, и в настоящее время и мы, и приходящие в наш храм посторонние богомольцы находили утешение, видя икону благоукрашенной»²⁸.

Однако в просьбе общины верующих Вознесенской церкви с. Егидерево Ивановской волости о замене изъятых из их церкви «больших серебряных сосудов на малые с добавлением (недостающего по весу) серебра» было отказано: «Имея ввиду, что в распоряжении верующих с. Егидерево оставлены малые сосуды из серебра, за которые общиной также должна быть внесена замена, в замене больших сосудов отказать»²⁹.

Иное дело – Свяжские монастыри и храмы: их судьба была уже, видимо, предрешена и руководители кантона не считали себя связанными никакими обещаниями. Так, в заявлении в канткомиссию от 23 июня 1922 г. священник Анатолий Романовский указывал, что «при изъятии ценностей из Царе-Константиновской церкви **была взята последняя чаша, которую заменили худой и к делу не пригодной** (выделено мною. – А.С.). Своевременно я подавал заявление в исполком т. Кудряшеву³⁰ о возврате взятой чаши...». Священнику и общине было тогда обещано «заменить (чашу) более подходящей, привезенной из кантона», т.е. конфискованной в другой церкви. «Ввиду того, что в кантоне изъятие ценностей уже закончилось, – напоминал священник, – **я просил бы кантонную комиссию заменить мне худую чашу другой** (выделено мною. – А.С.)». Однако, вопреки уже выданному предписанию в кантфинотдел от 27 июня 1922 г. за № 1191 о замене конфискованной серебряной чаши на равное ей по весу количество серебра – согласно решению канткомиссии – обещанный обмен не состоялся под тем предлогом, что все ценности уже упакованы и отправлены в Казань³¹. 8 мая Свяжская канткомиссия отказала верующим мужского монастыря в сохранении за ними права пользования богослужебными предметами на основании того, что (в ответ на четыре обращения: верующих мужского Успенского монастыря от 4 и 23 апреля, женского Иоанно-Предтеченского монастыря – от 26 и 27 апреля. – А.С.) в конце апреля им была предоставлена возможность внести в финотдел за изъятые церковные ценности соответствующее по весу количество серебра и золота, но «верующие не пожелали воспользоваться представленным им правом», и их ходатайство было отклонено. Община Софийской Тихвинской церкви, не имея возможности компенсировать из своих средств изъятую ризу местнотчимой иконы Тихвинской Божьей Матери, 15 мая 1922 г. ходатайствовала об оставлении ризы общине, но получила отказ³².

Заявление группы верующих – 29 членов общины Никольской церкви г. Свяжска с просьбой оставить в церкви изъятое облачение иконы Св. Николая, «ценное как по своей древности (в описи имеется дата – 1831 г.), так и по своей необходимой

связи и сохранности самого образа. Образ же служит дорогой святыней не только для нас, членов Николаевской общины, но и для всех верующих граждан, как города (Свияжска), так и кантона, – ежегодно он принимается верующими селений кантона в свои места. Отсутствие же облачения, – писали верующие, – ввиду ветхости образа и невозможности в данное время какой бы то ни было реставрации, заставит верующих лишиться принятия к себе дорогой для них святыни – Образа Св. Николая. К тому же образ без облачения оставляет весьма неприятное впечатление и для глаз по своему внешнему виду. А потому мы, верующие, члены Никольской общины ходатайствуем перед комиссией о возвращении нам ризы-облачения с иконы Св. Николая. Мая 9 дня 1922 г.». В просьбе верующим было отказано и кантонной и республиканской комиссией (13 и 22 мая соответственно, когда в волостях кампания еще продолжалась) на том основании, что они своевременно не внесли нужное количество серебра взамен серебряной ризы, а «предметы (культы) изъяты и уже поступили в распоряжение Татнаркомфина». Верующим было предложено обратиться в центральную комиссию при ВЦИК³³.

Всего в Свияжском кантоне было изъято церковных ценностей общим весом 51 пуд 21 фунт 55 золотников 39 долей серебра, золотых предметов и монет весом более 45 золотников, 10 архиерейских митр в серебряной оправе, несколько риз, шитых жемчугом и бисером, другая церковная утварь³⁴.

Что же касается арестованных священнослужителей и мирян (Дело № 6645 на **Акрамовского Николая Петровича, Власова Алексея** – в сокрытии церковных ценностей, **Стешина Семена** (и др.?) – «в соучастии» в сокрытии церковных ценностей), 16.06.1922 поступившее в Татревтрибунал из Татполитотдела ГПУ, то они были переданы Татревтрибуналом в особую сессию нарсуда г. Свияжска не позднее 17.07.1922 и скорее всего (дела нарсуда в архивах не сохранились) «виновные» были приговорены к небольшим срокам наказания либо были в конце года даже помилованы или амнистированы³⁵. По крайней мере, священник с. Клянчино Николай Акрамовский значится в списке действующих священников в списке на 1925 г.

А в ответ на запрос Отделения Верховного Трибунала ВЦИК при ТАССР и ЧувАО «срочно сообщить о делах по изъятию церковных ценностей: количество возбужденных дел, сколько привлечено лиц: из них осужденных к расстрелу и фактически расстрелянных. Осужденных к лишению свободы до 3-х лет и свыше трех лет, а также – отдельно – количество осужденных другими видами наказания. По всем пунктам выделить сведения [на] духовных и гражданских лиц отдельно», Татревтрибунал сообщил 23.07.1922 за № 9924, «что им возбуждено и рассмотрено всего два дела по изъятию церковных ценностей: 1) Дело № 216 по обвинению бухгалтера 3-го механического государственного завода³⁶ в агитации против изъятия церковных ценностей – ПРИГОВОРЕН к заключению (в) концентрационный лагерь сроком на 1 год со строгой изоляцией; 2) Дело 1-ой Выездной сессии в гор. Мензелинске по обвинению в том же игуменьи Мензелинского женского монастыря **Родионовой** и монахини того же монастыря **Ферапонтовой**; первая приговорена к 1-му году лишения свободы условно, вторая к 3-м годам лишения свободы условно. Других дел по изъятию церковных [ценностей] в производстве Трибунала не было и в настоящее время не имеется»³⁷.

Закончим наше краткое описание событий также выдержкой из официального документа, «Информационного отчета Свияжского кантонного отдела управления о политическом положении кантона за май месяц 1922 года». Согласно ему, «изъятие церковных ценностей по городу и по 4 волостям кантона закончено без всяких эксцессов и ценности отправлены по назначению. Несколько попов в числе 5 человек разных селений пытались скрыть ценности и даже проделали это, также отказывались (выдавать их за) отсутствием описей, но благодаря энергичности членов комиссии, все спрятанное найдено, а виновные попы арестованы и п[е]реданы судебной власти. Помимо скрытия ценностей некоторые попы агитировали в церквях не давать ничего большевикам, т.к. все это пойдет не на хлеб, а жидам, но население отказалось благоразумнее своих пастырей и никаких претензий к работе членов комиссии не чинило [...]. Открытых

контрреволюционных проявлений и выступлений, а также неудовольствия к Соввласти не наблюдалось»³⁸.

В информационном отчете свияжского руководства за июнь 1922 г. отмечалось, что «изъятие церковных ценностей закончено по всему кантону и все собранное отправлено в Казанскую контору Госбанка. Ввиду отсутствия специалистов в комиссии по изъятию ценностей допущено много неправильных изъятий: признаны за ценный металл вещи, не имеющие ровно никакой ценности, а также собраны вещи, представляющие из себя историческую или художественную ценность. Присланный из Казани специалист по сортировке ценностей не был допущен к их осмотру, т.к. таковые были уже сложены в ящики для отправки. Никаких эксцессов со стороны верующих не проявлялось, за исключением некоторых попиков, коим дано надлежащее направление по их заслугам. Некоторые вещи, особенно необходимые для богослужения, заменялись таковым же количеством по весу серебром в монетах и друг[ими] предметами хозяйства, причем в большинстве случаев обменивались ризы с местно чтимых икон и чаши. Военное положение в кантоне не снято, хотя особой необходимости в нем не встречается»³⁹.

Так закончилась в Свияжском кантоне одна из наиболее позорных акций большевистской власти против верующих, религии и церкви. Следующим актом стало закрытие свияжских монастырей и вскрытие святых мощей Св. Германа в 1923 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1922 года, августа 3 дня я, пом. уполномоченного 1-го Спец. отделения БЕКМАН допросил сего числа гр-на СТРАТОНОВА Иринарха Аркадьевича в качестве обвиняемого и, принимая во внимание, что гр-н СТРАТОНОВ достаточно изобличается в приписываемом ему преступлении, выразившемся в принятии активно-скрытых мер к установлению связи казанских духовных властей с патриархом ТИХОНОМ, передачей ему письма во время изъятия церковных ценностей, и принятии активного участия в срыве общего собрания граждан, созванного в целях выяснения отношения к последним событиям [в] церкви, ***подходя к этому с политической стороны.***

ПОСТАНОВИЛ: мерой пресечения способом (так!) уклонения от следствия и суда избрать – гр. СТРАТОНОВА содержать под стражей, дело для ведения дальнейшего следствия передать в 1-е Спец. отделение.

Пом. уполномоченного *М. Бекман*
Начальник 1-го Спец.отделения *П. Журавлев*

«УТВЕРЖДАЮ»:
врид. НАЧСЕКРОПЧАСТИ *Штахановский*
Обвинение объявлено <Стратонов>

Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2–20128. Л. 29. Машинопись, подписи – автографы; выделенные слова и фразы вписаны чернилами.

**Из протокола допроса И.А. Стратонова
2 августа 1922 года в ТО ГПУ**

С момента издания ВЦИК декрета о изъятии церковных ценностей я был в Москве 2 раза.

1 раз я был командирован правлением Казан[ского] у[ниверсите]та и попутно с этим мне было поручено Каз[анским] митрополитом Кириллом и другим духовного звания лицами привезти от Тихона списки награды (так!) (какой не знаю и кому не знаю), у которого я был на квартире, беседовал я с ним несколько минут, беседы с Тихоном я сейчас не помню.

Второй раз я ездил в конце марта, в этот раз мне было поручено правлением у[ниверсите]та выяснить вопрос о пайке и задолженности личному составу у[ниверсите]та за январь и февраль м-цы и в этот раз я от Кирилла получил один пакет, с чем для меня совершенно не известно, для передачи патриарху Тихону, которому я отнес и передал через его прислугу. А перед этим я с ним виделся, но только передать [пакет] ему не мог, так как я забыл его на квартире, в этот раз я его информировал о том, что Кириллом опубликовано в казанской газете письмо на имя одного благочинного о том, что ценности церковные как составляющие народное достояние должны быть сданы власти; больше по вопросу об изъятии в Татарской Республике я ему [ничего] не говорил. Патр. Тихон после моей информации никаких указаний каз[анскому] духов[енству] не давал, только сказал: пусть будет так, как распорядился Кирилл.

По приезде из Москвы я на 2-й или 3-й день был у Кирилла, сообщил ему, что о его письме Тихон не возражал.

У Кирилла я бывал во время изъятия цер[ковных] ценностей несколько раз по вопросу о служении митрополита Кирилла в Благовещенском соборе и между прочим велся разговор о изъятии церковных ценностей. Кирилл придерживался той точки зрения, которая им была высказанная в вышеуказанном письме.

Я лично на изъятие [церковных] ценностей смотрю [как] на необходимость, вызванной голодом, {за *исключением* – зачеркнуто, А.С.}, [но] такие ценности, являющиеся историческими, должны быть сохранены, и я эту точку зрения высказывал.

И.А. Стратонов.

Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2–20128. Л. 37–38 об.

Стратонов Иринарх Аркадьевич (01.1881–1942), историк русской церкви, приват-доцент, затем проф. Каз. ун-та, в 1919–01.1921 уполн. Главного управления архивным делом по Казан. губ. В 1919 г. церковный староста Кафедрального Благовещенского собора. На общем собрании уполномоченных общин верующих и приходских храмов г. Казани 2.04.1922 Стратонов был избран членом правления Союза приходов. Арестован в ночь с 1 на 2 авг. 1922 года. 8.09.1922 выслан из России в числе др. представителей русской интеллигенции, до Риги добирался самостоятельно за свой счет. Жил и работал в Берлине. Сохранил гражданство СССР, был старостой прихода РПЦ Московского патриархата, осуждал «карловчан». Арестован гестапо 30.11.1938 и выслан из Германии. С 1939 г.(?) жил в Париже. В марте 1942 г. арестован гестапо за антифашистскую пропаганду и сбор средств в помощь советским гражданам, бежавшим из плена. Погиб в концлагере в Берлине.

-
- ¹ Кантон – административно-территориальная единица в составе Татарской АССР, существовавшая в 1920–1927 гг.
  - ² НА РТ. Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 2. Л. 13–13 об. Орфография подлинника сохранена.
  - ³ Там же. Л. 11.
  - ⁴ «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 2 февраля 1918 года // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. С. 374.
  - ⁵ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. В 2 кн. Кн. 2. Новосибирск, М., 1998. С. 11.
  - ⁶ Саратовская епархия в 1917–1930 гг. Мемориальная записка А.А. Соловьева // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 93–94.
  - ⁷ Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. Новосибирск: М., 1998. С. 258; 515; *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР. 1917–1968. М., 1977. С. 67–70.
  - ⁸ НА РТ. Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 28. Л. 92; Церковное имущество – народное достояние // Известия ТЦИК. 1922. 25 марта.
  - ⁹ Известия ТЦИК. 1922. 11 апреля; 13 апреля.
  - ¹⁰ *Федорова Н., Абрамов Л.* «Голод 1921–1922 годов и казанское духовенство» // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1998. № 3/4. С. 88–94. Давал ли сам Кирилл такую подписку или нет – достоверных сведений нет.
  - ¹¹ Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2–20128. Л. 37–38 об. См. ниже: Приложение № 1.
  - ¹² НА РТ. Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 28. Л. 95.
  - ¹³ Там же. Л. 104–104 об.
  - ¹⁴ Там же. Л. 80, 90, 226.
  - ¹⁵ Известия ТЦИК. 1922. 6 апреля; НА РТ. Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 28. Л. 98–105 об.
  - ¹⁶ НА РТ. Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 28. Л. 52.
  - ¹⁷ Там же. Д. 87. Л. 106, 116, 118, 123.
  - ¹⁸ Там же. Л. 10, 12, 13, 14 об и др.
  - ¹⁹ Там же. Л. 184; 8, 10. В акте вес предметов не указан.

- ²⁰ Там же. Д. 87. Л. 212; 8.
- ²¹ Там же. Л. 185, 8, 14.
- ²² Там же. Л. 186, 8, 12.
- ²³ Там же. Л. 7, 187, 8, 13.
- ²⁴ Там же. Д. 28. Л. 27–32.
- ²⁵ Там же. Л. 32.
- ²⁶ Там же. Л. 2–2 об., 11.
- ²⁷ Там же. Л. 254–257; Д. 87. Л. 3, 5–6, 150–151.
- ²⁸ Там же. Д. 87. Л. 127, 121, 150–150 об.
- ²⁹ Там же. Д. 28. Л. 2–2 об., 11.
- ³⁰ *Кудряшев Ф.И.* – председатель Свяжского кантисполкома.
- ³¹ НА РТ. Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 28. Л. 4, 5–5 об.
- ³² Там же. Л. 93–95; 76–77. Акты об изъятии и церковные ценности были отправлены в Казань 11 и 13 мая (Там же. Л. 69, 71, 72–73).
- ³³ Там же. Л. 53–54 об.
- ³⁴ НА РТ. Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 2. Л. 51; *Хайрутдинов Р.Р.* «В церквах и монастырях по возможности ничего не оставлять...» (Кампания по изъятию церковных ценностей в Татарстане в 1922 г.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2006. № 2. С. 86.
- ³⁵ НА РТ. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 260. Л. 200.
- ³⁶ Дело по обвинению **Николаева А.Н.**, 1865 г.р., жителя г. Казани, бухгалтера 3-го механич. Гос. завода. Арестован 21.04.1922 по обвинению в дискредитации Соввласти, говорил: «Ценности поедут коммунистам, чтобы бежать за границу в случае падения власти, церковное золото поедет на уплату долгов Антанте, а также для выкупа помещений в Берлине». Осужден ревтрибуналом ТАССР 12.05.1922 на 1 год концлагерей с лишением избирательных прав.
- ³⁷ НА РТ. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 25. Л. 213–214.
- ³⁸ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 43–43 об.
- ³⁹ Там же. Л. 47 об.

ЛИТЕРАТУРА

- Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. [Текст]: в 2 кн. Кн. 2. Новосибирск, М., 1998.
- Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР, 1917–1968 [Текст]. М., 1977.
- «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 2 февраля 1918 года [Текст] // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957.
- Федорова Н.* Голод 1921–1922 годов и казанское духовенство [Текст] / Н. Федоров, Л. Абрамов // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1998. № 3/4. С. 88–94.
- Хайрутдинов Р.Р.* «В церквах и монастырях по возможности ничего не оставлять...» [Текст]: (кампания по изъятию церковных ценностей в Татарстане в 1922 г.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2006. № 2.

Бирюкова Ю.А.*

Обновленческий раскол на Северном Кавказе в 1922–1926 гг.: генезис, специфика, статистика**

Статья посвящена анализу идейных и организационных оснований обновленческого раскола Русской Православной Церкви, который был результатом партийной антицерковной политики, реализуемой в 1922 г. Анализируются методы организации и поддержки обновленчества, выявляется его специфика, в том числе региональная. Даются оценки масштабам распространения раскола на Северном Кавказе в сопоставлении с численностью канонических и «григорианских» общин, а также по сравнению с соседними регионами.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, обновленческий раскол, антирелигиозная кампания, Северный Кавказ, Донская область, григорианский раскол, Временный высший церковный совет (ВВЦС), церковные общины, духовенство.

Biryukova Y.A.

THE RENEWAL SCHISM IN THE NORTH CAUCASUS IN 1922–1926: GENESIS, SPECIFICITY, STATISTICS

The article analyzes the ideological and organizational grounds of the renewal schism in Russian Orthodox Church, which was a result of the party's anti-religious policy implemented since 1922; it analyzes organizational methods of the renewal schism and reveals its specificity, including the regional one. The author provides estimates of the prevalence of schism in the North Caucasus in comparison with canonical and «Gregorian» communities, as well the neighboring regions.

Keywords: Russian Orthodox Church, the renewal schism, the anti-religious campaign, the Northern Caucasus, the Don region, the gregorian schism, a Temporary Supreme Church Council, Church community, clergy.

В 1922 г. руководством советского государства были организованы две крупные кампании против Православной Российской Церкви, которые обозначили новый этап в государственно-церковных отношениях, исключивший любые компромиссные

---

* к.и.н., Православный Свято-Тихоновский государственный университет.

** Статья подготовлена с использованием материалов, любезно предоставленных В.В. Лобановым.

стратегии в политике региональной власти в отношении канонической организационной структуры православной Церкви, усиливший напряженность между властью и верующими. Это кампания по изъятию церковных ценностей и инспирирование обновленческого раскола.

К настоящему времени не осталось сомнений в том, что обновленческий раскол 1922 г. был результатом целенаправленной деятельности Политбюро ЦК РКП(б) и ГПУ-ОГПУ по идеологическому и организационному разложению Церкви, фактором антирелигиозной политики советского государства [1, 2, 3, 4]*.

Анализ связи идей христианского модернизма начала XX в. и обновленческих программ, проведенный в работах И.В. Воронцовой, позволяет утверждать, что эти идеи имели опосредованную связь с советским обновленчеством – они были лишь материалом, который использовал Л.Д. Троцкий, бывший в курсе идей «нового религиозного сознания» для организации раскола [5]. Троцкий стал, пожалуй, главным его идеологом. Все реформаторские нововведения обновленцев вносились в их программы и изымались из них по команде из Политбюро, что было связано с изменением стратегии в рамках взятого руководством страны политического курса в отношении религии и Церкви [5, с. 62]. То, что обновленчество – это насильственный захват церковной власти и формирование альтернативной церкви-двойника, никак не связанное с дискуссиями о реформах начала XX в., подтверждается и новейшими исследованиями [6]. Троцкий хотел представить обновленческое движение как эволюцию церковности (поэтому обновленцы стремились найти и показать генетическую связь данного феномена с историческими явлениями), но это была, конечно, не эволюция, а сознательная эксплуатация большевиками религиозных идей в своих политических целях. Идеи Троцкого о расколе духовенства в зависимости от отношения к изъятию церковных ценностей, изложенные в его мартовских письмах в Политбюро [1, с. 31, 133–139, 153–155], легли в основу конкретных действий партийных и чекистских органов на местах, начавших создание условий для узурпа-

---

* Здесь и далее приводятся номера списка использованных источников и литературы в конце статьи.

ции церковной власти подконтрольной им группой духовенства. Внедрение и поддержка раскола на местах осуществлялась, главным образом, репрессивными мерами, и тем набором средств, который имелся в распоряжении ГПУ–ОГПУ, а также с помощью создания благоприятной законодательной базы и пропаганды.

Теме обновленческого раскола в последнее десятилетие посвящено немало публикаций [1–5, 7–10]. В этих публикациях уточняются такие вопросы, как причины его стремительного распространения, мотивы и взгляды его представителей. Тем не менее, из статьи в статью все еще кочует миф, созданный некогда организаторами раскола от ВКП (б), о том, что обновленцы – это лояльное советской власти духовенство, а вот их противники – это консерваторы и «черносотенцы». Это, конечно, не имеет ничего общего с исторической действительностью, что будет показано далее. Обновленческий раскол в епархиях Северного Кавказа рассматривал Д.А. Горбачев, который впервые изучил возникновение раскола в Донской области [11, 12]. Однако в его работе, посвященной государственно-церковным отношениям в целом, данной теме отведено немного места, сведения носят общий характер, не выявляется специфика обновленчества. Я подробно и всесторонне рассмотрела данную тему на конкретно-историческом материале в трех монографиях и целом ряде статей [13–17]. Теме обновленческого раскола посвящена монография А.М. Пантюхина [18]. Однако выводы автора не вышли за рамки созданных еще в советское время штампов о данном движении, когда его стремились представить результатом эволюции церковности под влиянием модернизационных процессов. В книге не был выявлен и показан насильственный характер распространения обновленчества, не были учтены новые достижения историографии по данному вопросу. Темам обновленческого и григорианского расколов в Донской области посвящен сборник документов, вышло также несколько публикаций других авторов об обновленчестве в Донской и Кубанской областях [19–23]. Таким образом, существуют предпосылки для систематизации накопленных сведений и более глубокого

го анализа феномена обновленчества с привлечением новых, не введенных до сих пор в научный оборот, документов.

Донская область вступила в кампанию по расколу Церкви одной из первых, одновременно с созданием московскими чекистами по решению Политбюро центральных органов обновленческого движения [1, с. 31, 77]. 24 марта 1922 г. ростовское ГПУ первым в стране рапортовало Лубянке об успехах по сталкиванию между собой групп духовенства и начале организационного оформления раскола. Телеграмма из Ростова-на-Дону сообщала, что по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей были арестованы «сподвижники» епископа Арсения (Смоленца), а «лояльное духовенство организовало бюро для оказания противодействия епископской власти. Бюро было намерено: «разоблачить епископа Арсения и епископскую власть вообще», вместо епископства ввести иную форму правления – комитет и содействовать изъятию ценностей» [1, с. 77; 24, л. 1]. Примерно в то же время был арестован и сам епископ Арсений. В Ростовской епархии появился, таким образом, одним из первых обновленческих комитетов в России. Своей главной задачей он считал полное признание в Донской области Высшего церковного управления (далее – ВЦУ) обновленцев и содействие ему в создании «новой живой церкви» и созыве «Поместного Собора» [25].

16 мая, когда было образовано обновленческое ВЦУ, газета «Трудовой Дон» опубликовала обращение московской «прогрессивной группы духовенства», а на следующий день, 17 мая, трибуна предоставлялась ростовским обновленцам. Под заголовком «Воззвание против «князей церкви» ростовского духовенства» сообщалось о состоявшемся 26 апреля 1922 г. собрании духовенства и мирян Ростова и Нахичевани-на-Дону [26]. Газета опубликовала «акт» собрания. Ростовская группа, обвиняя донскую церковную власть в контрреволюционности, «корысти» и «политиканстве», учреждала в Ростове «Исполнительный комитет по делам православной церкви», а для его подготовки – «Временное исполнительное бюро по делам православной церкви». Комитету переходила вся полнота власти. В заключение «акта» отмечалось, что исполнительное бюро имеет санкцию гражданской власти, а потому будет действовать даже

в том случае, если ростовский епископ Арсений (Смоленец) откажется его благословить. Пресса назвала этот документ «актом раскрепощения и освобождения от «папизма», существовавшего на Дону». Наконец, газета писала о новом «Поместном Соборе», который готовилось «созывать правительство» [27]. Очевидно, всё происходящее служило подготовительным этапом более важных действий по трансформации церковного института.

В июне происходила организация так называемых «исполкомов по делам церкви» в Донской области – в Азове, Таганроге, Новочеркасске. Управление перешло в руки бывшего епископа Аксайского Модеста (Никитина), перешедшего на сторону обновленцев [24].

В чем был секрет такого стремительного распространения раскола? Несомненно то, что проводником и основной его движущей силой была гражданская власть: давление через ГПУ и уголовное преследование несогласных по сфабрикованным делам, административное давление, агитация.

Епископат епархий юга России подвергся мощному давлению со стороны ГПУ. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие события. 20 и 21 мая 1922 г. в Донском областном ГПУ (далее – ДОГПУ) допрашивали правящего архиерея Донской епархии митрополита Митрофана (Симашкевича). Он выразил своё негативное отношение к обновленцам и отметил незаконный захват ими власти: «На существующий переворот в церкви, как то: организация в Ростове Исполнительного комитета по делам церкви... епископ Арсений не дал своего благословения, то я считаю комитет противоканоническим и незаконным» [28, л. 347–347 об.]. Добиться его благословения на деятельность обновленческой организации так и не удалось [29, л. 350–350 об.]. Однако 23 июня в газете «Трудовой Дон» сообщалось о якобы состоявшемся признании митрополитом Митрофаном «Временного исполнительного комитета по делам церкви» и подписании им указа о передаче этому органу всей церковной власти, о благожелательном отношении митрополита к комитету [30]. Данное утверждение представляется фальсификацией, как в свете приведенной выше стенограммы допроса митрополита, так и следующих фактов. Митрополит, в конце

концов, отказался от управления епархией и, передав его епископу Аксайскому Митрофану (Гринёву), ушел на покой. Арестованный священник В. Волагурич свое неподчинение обновленческому архиепископу на допросе пояснял так: «Мелхиседек не может быть правящим, потому что митрополит отказался не в его пользу, а в пользу епископа Митрофана». То же самое засвидетельствовал и священник И. Артемьев [31, л. 89, 98, 127 об, 128, 331].

15 ноября 1922 г. в соборе св. Александра Невского открылся Ростовский епархиальный съезд духовенства и мирян, результатом которого должно было стать признание обновленческого ВЦУ [32, л. 1]. После осуждения епископа Ростовского Арсения (Смоленца) Донским трибуналом 30 августа 1922 г. и отказа обновленческого епископа Модеста от управления Ростовской епархией, её временно возглавил Прилуцкий епископ Феофилакт (Клементьев). Таганрогским викарием стал бывший епископ Ставропольский Александр (Бялзор) [24, л. 1 об.]. (Через некоторое время после освобождения Святейшего Патриарха Тихона из-под ареста, по совету православных г. Таганрога епископ Александр выехал в Москву, где после покаяния был принят в лоно Русской Православной Церкви в сущем сане).

Но в стане обновленцев не было единства – Таганрогское викариатство провозгласило независимость от Ростовской обновленческой епархии [24, л. 1 об.].

Престарелый епископ Феофилакт оказался в Ростове-на-Дону случайно, проездом. Здесь его арестовало ГПУ. После восьмидесяти дней заключения он заболел и почти ослеп. Непосредственно перед съездом епископа выпустили, запретив выезд из города. Феофилакт возглавил епархиальный съезд как кандидат на Ростовскую обновленческую кафедру. По воспоминаниям священника П. Чехранова, «всей душой он был против этого съезда» [27]. На съезде так и не состоялось объявленного в местной печати осуждения Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., не были одобрены нововведения, был сделан лишь робкий шаг в направлении ограничения архиерейской власти. Большое влияние на итог съезда оказала группа «Единая святая Соборная и Апостольская Церковь» (ЕССАЦ) [32]. В ре-

зультате «Живая церковь» так и не была признана съездом, однако, решение участников оказалось в пользу более умеренной обновленческой группировки «Союз общин Древлеапостольской Церкви» (далее – СОДАЦ) [24, л. 1].

В чем были причины такого половинчатого решения? Безусловно, они коренятся в сочетании факторов. С одной стороны, духовенство испытывало на себе давление со стороны власти, с другой – в воздухе витала идея поиска возможностей обеспечения легального существования в советском государстве, с третьей – невозможно было игнорировать и каноническую ущербность новой церковной власти. Об этом свидетельствуют и современники тех событий. В докладе общего собрания прихожан церкви Всех Святых г. Ростова-на-Дону патриарху Тихону говорится: «И епархиальный съезд Ростовской епархии, заседавший в этом же самом святом храме, в своем постановлении, оставляя за собой в делах веры право самоопределения, некоторым образом подозревает Священный Синод в его неканоничности и еретичестве, и только по малодушию и ложному страху не обратился к истинной церковной власти в лице патриарха Тихона, а признал Священный Синод как посредствующий орган между Церковью и государством. Таким образом, епархиальный съезд, в одно и то же время признавая и не признавая Священный Синод, ничего определенного не вынес, и как бы скрывая свое истинное поведение, внес ещё большую неясность и запутанность в церковную жизнь и показал свое колебание и нерешимость [24, л. 9 об.]».

Центральная власть стимулировала лояльное отношение партийных и советских органов на местах к практическим нуждам обновленческих общин. 15 августа 1922 г. в Донской облизполком, в ответ на обращение ростовских обновленцев, поступило распоряжение Президиума ВЦИК за подписью члена Президиума ВЦИК П.Г. Смидовича. (Смидович будучи членом Антирелигиозной комиссии, с 1924 г. курировал религиозные вопросы, в 1929–1934 гг. был председателем Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, в 1934–1935 гг. – председателем Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР [33, с. 46–47]). Смидович обращал вни-

мание местной власти на то, что: «“Живая Церковь”, лояльная по отношению к Советской Власти, должна встретить особенно внимательное и деликатное отношение к ее нуждам со стороны Советской Власти» [34, с. 310].

Вместе с тем, ДОГПУ препятствовало действиям противников обновленцев. В Новочеркасске архиепископ Мелхиседек потребовал от ДОГПУ пресечь деятельность не подчинившегося ему духовенства: епископа Митрофана (Гринева), священников Ивана Артемьева, Владимира Волагурина, Алексея Шишкина. Он писал: «Мы не ручаемся за то, что не может возникнуть даже война на церковном фронте» [35, л. 218]. И данная жалоба стала основанием уголовного дела, объединившего активных противников обновленцев Ростова и Новочеркаска – епископа Митрофана (Гринёва), священника А. Трефильева, протодиакона Д. Новочадова, священников П. Чехранова, И. Артемьева, В. Волагурина, А. Шишкина. Главным вопросом, интересовавшим следствие и постоянно фигурировавшим на допросах, был вопрос об их отношении к ВЦУ. Подследственные сами воспринимали арест как результат неподчинения обновленцам. А профессор А.Н. Бунаков в жалобе прокурору республики писал по этому поводу: «...для всех жителей Ростова, Нахичевани, а также Новочеркаска совершенно ясно, что такие действия Д [онского]ГПУ вызваны исключительно стремлением обеспечить легчайшее водворение в области так наз [ываемой] Живой Церкви» [36, л. 163].

Следственное дело было начато 20 января 1923 г. Причем донские чекисты получили санкцию на то начальника Секретного отдела ОГПУ Т.П. Самсонова, выраженную телеграммой от 15 января 1923 г. [36, л. 224].

Сразу после ареста этой группы Ростовское епархиальное управление, наконец, объявило о признании ВЦУ [37, л. 147].

ДОГПУ использовал различные средства для пополнения рядов обновленцев, с 1926 г. «григориан», а также разного рода своих агентов. В частности, предлагал «закрывать глаза» на некоторые, с его точки зрения, преступления перед властью в обмен на сотрудничество. В этом отношении интересны сами лидеры обновленчества в Ростове-на-Дону – священник Михаил Попов,

который был ранее убеждённым монархистом, и священник Андрей Сокальский, который до революции издавал антибольшевистский листок. Оба пошли в обновленчество, чтобы избежать суда [27; 38, л. 191].

Обвиняемым и осуждённым за противодействие изъятию церковных ценностей предлагали оправдательные приговоры или амнистию. Так, в ходе судебного процесса в Азове по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей защита просила оправдать подсудимых и предоставить им возможность «работать на благо Советской власти в новых теперь для них условиях (раскол церкви)... быть может, Советская власть приобретёт в их лице агитаторов» [39].

Ещё один яркий пример. Священник А. Гурич, осужденный за противодействие изъятию ценностей из церквей, был амнистирован, и стал секретным сотрудником Полномочного представительства ОГПУ. В 1927 г. его осудили по новому делу, по материалам которого, он «расконспирировал» свою работу и разглашал сведения «о полученных в П [олномочном] п [редставительстве] заданиях в области церковной политики и о предстоящих ему репрессиях в случае невыполнения этих заданий». В 1926 г. священник А. Гурич получил задание ввести в богослужение церковное поминовение митрополита Митрофана, на тот момент главы григорианского церковного управления на Дону. Храм, в котором служил священник А. Гурич, должен был стать, по задумке органов, главным храмом Временного высшего церковного совета григориан (ВВЦС) на Дону. Но это задание он не выполнил. Священника вызвали в ДОГПУ, где предупредили: «Или Вы завтра будете поминать Митрофана или приходите в ГПУ с вещами». На следующий день Гурич отслужил литургию, так и не помянув митрополита, и прощаясь с причтом, сказал: «... уйду садиться в ГПУ, так как отказался поминать Митрофана» [40].

По окончании съезда духовенства и мирян Ростовской епархии 21–23 ноября, газета «Советский Юг» поместила ряд статей о его работе, представив его итоги в искаженном виде [41, л. 27 а]. Съезд принял решение административно подчиниться Синоду, а в вероучительных и канонических вопросах иметь

самоопределение [24, л. 8]. В итоге была признана административная власть обновленческой группировки, альтернативной «Живой Церкви» – СОДАЦ.

В Ростове официально практически не осталось православных церквей. Однако это вовсе не означает, что не осталось тех, кто не подчинился обновленцам. Часть верующих утешалась участием в богослужении в греческой церкви. На свободе остались два протоиерея, не перешедших в обновленчество, которые были лишены возможности исполнять свои пастырские и служебные обязанности. К сожалению, сложно точно установить, кто это был. Вероятнее всего, это находившийся некоторое время в заключении с епископом Арсением ключарь ростовского кафедрального собора протоиерей Иоанн Цариненко (по освобождении патриарха Тихона из-под ареста в 1923 г., протоиерей Иоанн Цариненко написал письмо патриарху с описанием ситуации в Ростовской епархии, в котором демонстрирует приверженность патриаршей юрисдикции), и протоиерей Иоанн Домовский [24, л. 1 об.].

В январе 1924 г. греческое духовенство признало сложившееся положение в Ростовской епархии каноническим, одобрило возношение молитв за богослужением об управляющем обновленческой епархией епископе Назарии (Андрееве), признав, таким образом, и раскольническое управление [24, л. 2]. Оставшиеся православные Ростова прервали молитвенное общение с греческой церковью и перешли в лоно Донской (с центром в Новочеркасске) епархии.

Уполномоченный от церковных советов Свято-Троицкой, Скорбященской (монастырской) церквей г. Новочеркаска и Покровской церкви станицы Кривянской Григорий Арсеньевич Семянников 4 августа 1923 г. обратился к Святейшему Патриарху Тихону с докладом о положении Церкви в Донской епархии [42, л. 204–205]. Он сообщил, что в Донской епархии лишь три церкви не признали обновленческое ВЦУ, представителем которых он является. Данные церковные советы уполномочили его просить назначить православного епископа и рекомендовали на эту должность вдового протоиерея Захарию Лобова. Патриарх Тихон резолюцией от 4/17 августа благословил совершить хиро-

тонию, назначив его Нижне-Чирским викарием [43, л. 72–73], что и произошло 5 октября 1923 г. в Троицкой церкви, после принятия монашества с сохранением прежнего имени [44, л. 47; 45, л. 55]. Главным делом нового архиерея стало противостояние с обновленцами.

Донское ОГПУ сразу же инициировало поиск оснований для удаления епископа с кафедры, что, однако, по «правилам игры» начавшегося периода «религиозного нэпа» не должно было выглядеть как религиозное гонение. Начался поиск компромата на владыку. За Лобовым было установлено агентурное наблюдение. В деле указаны два информатора с характерными агентурными именами «Бокал-7» и «Идейный», которые сообщали в компетентные органы не только то, что тот говорил на проповеди в церкви, но и, что было сказано им в кругу ближайших сотрудников. Значит, эти люди были из ближайшего окружения епископа [15].

10 декабря 1923 г. помощник уполномоченного 1-го отделения СО ДОГПУ в постановлении по делу Лобова характеризовал его деятельность как создание «центра Донской тихоновщины» [46, л. 66].

ОГПУ использовало традиционный способ борьбы – устранение иерарха, успешно препятствовавшего развитию обновленчества. 28 февраля 1924 г. епископ Захария был арестован [46, л. 115].

Но эти меры не могли остановить процесс возврата общин под омофор Святейшего Патриарха Тихона. Решения принимались на общих собраниях прихожан. Письмо от 25 мая 1924 г., адресованное Патриарху, сообщало: «Божией помощью миряне кладбищенской Всехсвятской г. Ростова-на-Дону православной общины на общем собрании 13 апреля, подтвержденном общим собранием 11 мая с.г., постановили не признавать над собой власти Синода м [итрополита] Евдокима, а возвратиться к правильной церковной власти в лице Вашего Святейшества». Однако епископ Назарий и подчиненное ему епархиальное управление от этого пути отказались. Община просила Патриарха назначить православного епископа на Ростовскую кафедру [24, л. 4]. Переход этот не был безболезненным. Духовенство данной

церкви – 4 священника и 2 диакона – в то же самое время (10 апреля) приняло иное решение: «Ростовский-на-Дону епархиальный съезд – этот разум всей епархии – свое отношение к Священному Синоду определил так: административно подчиниться Синоду, а в делах веры иметь свободу самоопределения. Это постановление съезда принято и делегатами Всехсвятского прихода. В тех случаях, когда Священный Синод затрагивает вопросы веры, обсуждение этих вопросов должно происходить на епархиальном съезде» [24, л. 8]. Однако общее собрание мирян общины 12 апреля сделало доклад о положении церковного управления, в котором разъясняло ситуацию: «В настоящее время в Российской Православной Церкви, в Москве, вопреки 12 правила IV Вселенского Собора, существует два главных духовных начала: одно – Патриарх Тихон и его Синод, другое – митрополит Евдоким и его Синод. Патриарх Тихон – это законно-преемственная и каноническая духовная власть, а Священный Синод с митрополитом Евдокимом самозвано образовался после ВЦУ, т.е. Высшего церковного управления, бывшего предшественником и проводником еретического собора 1923 г., нарушившего церковные каноны (новый стиль, женатый епископат, второбрачие духовенства и др.) и учинившего раскол в Русской Церкви». Именно эта еретическая власть, как сообщается в докладе, желает созыва в Москве нового еретического «собора», подобного «собору» 1923 г., под вывеской «Православной греко-кафолической Церкви вселенского собора» [24, л. 9].

Несмотря на решение общего собрания общины о непризнании обновленцев, причт храма объявил собрание для избрания делегатов на предстоящий обновленческий «собор» и предварительного рассмотрения вопросов, изложенных в циркуляре Священного Синода митрополита Евдокима. Позиция духовенства прихода вполне объяснима и понятна. Причт по-прежнему считал своим архиереем епископа Назария и не мог не исполнять его распоряжений [24, л. 21, 22]. В случае неповиновения духовенство лишилось бы своих мест, и будущее их было бы туманно. Безусловно, в данном случае имело также место и давление со стороны органов советской власти. Об этом можно судить по косвенным данным. Записка диакона Всехсвятской

церкви Павла Анастасова сообщает: «Согласен со всеми постановлениями прихожан и комиссии, если эти постановления не будут противоречить законом советской власти и приказам местной администрации» [24, л. 30]. На приходе началась борьба прихожан с причтом.

Насколько типичной была ситуация, сложившаяся в Донской области? Для сравнения приведем данные о распространении обновленчества на Кубани и Тереке, а также в соседней Екатеринославской епархии, которая непосредственно примыкает к Северокавказскому региону и до 1919 г. имела в своем составе города Ростов-на-Дону, Таганрог и Азов с прилежащими территориями.

На Кубани в 1922 г. к расколу присоединились архиепископ Иоанн (Левицкий) и члены Кубанского епархиального совета [47, с. 161]. К 1923 г. почти все церкви Краснодара были захвачены обновленцами, Патриаршая Церковь лишь до 1924 г. сохранила приходы в Армавирском и Майкопском отделах. На Кубани осталось 113 патриарших церквей, 440 обновленческих, 289 представителей Патриаршего духовенства, 1116 обновленцев. В Кубанской области активное насаждение обновленчества сопровождалось антисоветскими выступлениями на религиозной почве в количестве 201 по официальным данным. Были зарегистрированы случаи противоборства православного и обновленческого духовенства, перераставшие в народные волнения. Так, в станице Раздольной волнения были прекращены усилиями эскадрона милиции, арестовавшего 60 сторонников Патриаршей Церкви. Была организована обновленческая Кубанская епархия, которую в 1923 г. возглавил Иоанн (Левицкий), просуществовавшая с 1922 по 1944 г. [Там же].

В Екатеринославской епархии в обновленчество перешел архиепископ Агапит (Вишневецкий), а также викарные епископы. Не принял обновленчество и организовал сопротивление обновленческому исполнительному комитету «Живой Церкви» епископ Донецкий и Бахмутский Иоанникий (Соколовский). В Екатеринославе из 14 церквей православные общины и духовенство остались только в трех – Благовещенская, Любве-Софиевская и Николаевская, в двух церквях причт остался православным час-

тично, – это были Вознесенская и Александро-Невская церкви, а также некий Совет союза православных общин [48, л. 1; 49, л. 4 об.]. Также сообщалось об угрозах и насилии, которые сопровождали внедрение обновленцев в церковные структуры, аресты непокорных, в том числе епископа Иоанникия [48, л. 1; 49, л. 4–5 об.]. Неподчинение обновленческому комитету расценивалось как саботаж и контрреволюция [49, л. 4]. Епископ Донецкий Иоанникий экзархом Украинской Православной Церкви был назначен управляющим Екатеринославской епархии, утвержден в этой должности патриархом Тихоном. К епархии стали присоединяться церковные округа Харьковщины и Дона, в том числе, оставшиеся православные из Ростовского и Таганрогского округов [49, л. 5 об.–6]. По мнению епископа, на июль 1923 г. православных можно было найти лишь в Горловке, Юзовке, Луганске, Гришино и Щербиновке [49, л. 6]. Тем не менее, все 14 приходов Екатеринославля остались православными, но после перерегистрации общин три из них были переданы обновленческим группам и один – автокефалистам, несмотря на то, что эти группы были весьма малочисленными [49, л. 14 об.]. Впоследствии епископ Иоанникий вышел из подчинения патриарху Тихону, уклонился в автокефалистский лубенский раскол, а затем в григорианский [50, л. 114].

Накануне, в октябре 1925 г. Ростовский епархиальный съезд духовенства почти единогласно постановил отойти от обновленческого Синода и принять каноническое управление [51, л. 467]. Но не имело всеобщего характера так же, как и некогда признание обновленческого Синода. По данным отчёта Донской прокуратуры за 1925 г., росла численность верующих и благосостояние общин, и канонического, и обновленческого толка, но наиболее влиятельным среди населения оказывалось каноническое духовенство [52, л. 512]. В середине 1920-х гг. его авторитет, особенно монашества канонической ориентации, у казаков-крестьян был весьма высок. Это объясняется тем, что казачье население многих округов Дона и Кубани негативно относилось к притесняющей их советской власти, что сближало его с каноническим православным духовенством, оказавшемся в таком же положении. Регистрация «тихоновских» общин почти не допус-

калась, они ушли в подполье, что создавало им авторитет страдающих за веру [53, л. 2]. Вместе с тем, понимая раскольнический характер обновленчества и будучи вполне последовательно и независимо в своем мнении, казачество не могло допустить общения с ним.

Появление григорианского раскола на Дону приходится на первое полугодие 1926 г., и на первом этапе его численность составляла всего 8% от общего числа представителей духовенства Северного Кавказа. Приведем данные статистики, характеризующие соотношение общин в 1926 г.

Соотношение канонических (тихоновских) и синодальных (обновленческих) общин на Северном Кавказе по данным Северокавказского краевого комитета ВКП(б) на 1 января 1926 г.

	Тихоновцы	Синодалы
Епархий	3	9
Церквей	727	934
Церковных советов	728	933
Духовенства	1916	2165
Монастырей	22	1
Монахов в монастырях	727	30
Монахов «бродячих»	972	38

Источник: [54, л. 4–5].

Соотношение канонических, синодальных и григорианских общин на Северном Кавказе на 15 октября 1926 г.

	Тихоновцы	Синодалы	ВВЦС
Митрополий	–	1	–
Епархий	3	8	2
Церквей	545	960	219
Церковных советов	545	951	219
Духовенства	1633	2159	330
Монастырей	23	1	1
Монахов в монастырях	750	30	80
Монахов «бродячих»	972	146	–

Источник: [55, л. 9].

По некоторым данным, в целом по стране на 1 октября 1925 г. у обновленцев было 9093 прихода – около 30% всех православных приходов, на 1 января 1926 г. – 6135 или 21,7%, на 1 января 1927 г. – 3341 или 16,6% [65], в 1928 г. – 11,8%.

На Северном Кавказе на начало 1926 г. обновленцам принадлежало 56,2% приходов – это 15,2% всех приходов обновленцев, и 53% духовенства.

Из сравнения данных двух таблиц следует, что численность храмов канонических общин за первое полугодие 1926 г. значительно снизилась до почти двукратного превосходства обновленческих церквей. Однако численность духовенства на начало 1926 г. мало отличалась. В середине года она уже заметно отличалась в сторону преобладания обновленцев, численность которых почти не изменилась. Но в это же время проявил себя григорианский раскол, который поддержала часть необновленческого духовенства. Этим и следует объяснять снижение численности «тихоновского» духовенства и приходов.

Практически всё монашество Северного Кавказа поддерживало каноническое священноначалие, что было вполне логично – одной из характерных установок обновленчества был антагонизм белого и черного духовенства. Странствующие и проповедующие в сельской местности монахи, которые лишились своих монастырей, стали активными противниками обновленцев. Данные свидетельствуют в пользу того, что, несмотря на всю поддержку власти, преимущественную передачу им храмов, обновленцы в пределах всего Северного Кавказа были в качественном отношении слабее, опирались в основном на административный ресурс власти, а не на искреннее сочувствие основного числа духовенства и мирян [55, л. 6]. На наш взгляд, едва ли не единственным их преимуществом, позволяющим привлекать массы верующих, было легальное существование.

Таким образом, мнение, что обновленцы – это только лояльное советской власти духовенство, а их противники – нет, следует признать ошибочным. Состав ушедших в раскол в политическом отношении был пестрым. Это было связано с тем, что раскол создавался искусственно, распространялся насильственными средствами со стороны ОГПУ. Способствовал расколу и

фактор поиска верующими способов существования Церкви в советском государстве.

Использованные источники и литература

1. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1.
2. *Воронцова И.В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008.
3. *Воронцова И.В.* Русский христианский модернизм в контексте церковного реформирования: 1-я четверть XX в. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2009.
4. *Степанов А.С.* Обновленческий раскол как средство антицерковной политики советской власти в 1922–1923 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 09.00.13. М., 2005.
5. *Воронцова И.В.* Л.Д. Троцкий как стратег обновленческой реформации // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II: 4 (33). С. 51–62.
6. *Балакишина Ю.В.* Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. 424 с.
7. *Головушкин Д.А.* Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. СПб., 2009.
8. *Лобанов В.В.* «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946) в новейшей отечественной историографии // История и историки, 2011–2012: историографический вестник. М., 2013. С. 14–31.
9. *Лобанов В.В.* Архивные источники по истории «обновленческого» раскола в Русской Православной Церкви (1922–1946) // Отечественные архивы. 2014. № 4. С. 70–78.
10. *Цыков И.В.* Обновленчество в Тверской епархии в 1922–1923 гг.: его сторонники и противники // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2010. № 1. С. 94–104.
11. *Горбачев Д.А.* Власть и Русская Православная Церковь 1917–1923 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
12. *Горбачев Д.А.* Донская Голгофа (Советская власть и Русская Православная Церковь Дона 1917–1923 гг.). Ростов-на-Дону, 2008.
13. *Бирюкова Ю.А.* Церковь и власть: приходы Шахтинского административного округа Донской епархии в документах 1920–1930 годов. Ростов-на-Дону, 2010.
14. *Бирюкова Ю.А.* Советская власть и православные общины Дона в 1920–30-х гг. Характер отношений на местах. Ростов-на-Дону, 2012.
15. *Бирюкова Ю.А., Овчинников П.А., диак.* Подвиг служения священномученика Захарии (Лобова), епископа Аксайского, архиепископа Воронежского и Задонского (1865–1937). Ростов-на-Дону, 2014.

16. *Бирюкова Ю.А.* Обновленческий и григорианский расколы на Дону и Северном Кавказе в 1920–1930-х годах. (В документах архивов Ростовской области) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург, 2010. С. 290–295.
17. *Бирюкова Ю.А.* Политика советского государства по организации церковных расколов на Дону в 1920–1930-е гг. // XXIV Ежегодная Международная Богословская конференция ПСТГУ. Материалы. М., 2014.
18. *Пантюхин А.М.* Обновленческое движение Русской Православной Церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя и Терека) [Текст]: монография / диак. Александр Пантюхин. Ставрополь, 2014. 280 с.
19. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год: Сб. документов / А.В. Шадрина, Л.В. Табунщикова; [отв. редактор А.В. Венков; науч. ред. Н.В. Киселева]. Ростов н/Д, 2013. 417 с.
20. *Беликова Н.Ю.* Эволюция Русской православной церкви в период постреволюционной модернизации России в 20–30-е гг. XX в.: на материалах Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области. Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2002.
21. *Беликова Н.Ю.* Развитие обновленческого движения в русской православной церкви в 20-е гг. XX в. на Юге России // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. 2004. № 3. С. 32–35.
22. *Кияшко Н.В.* Из истории возникновения и развития обновленческого раскола на Кубани в первой половине XX века // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Славянск-на-Кубани, 30 окт. – 1 нояб. 2015 г.) / под. ред.: Т.Г. Письменной, А.Н. Рябикова, Е.В. Манузина. Славянск-на-Кубани, 2015. С. 50–58.
23. *Табунщикова Л.В., Шадрина А.В.* Особенности обновленческого движения в Ростовской и Таганрогской епархии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 2 (52): в 2 ч. Ч. II. С. 193–196.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 210.
25. Обращение Исполнительного комитета по делам Ростовской епархии // Трудовой Дон. 1922. 27 июня.
26. Трудовой Дон. 1922. 17 мая.
27. *Чехранов П., свящ.* Две торжественные Пасхи. Из воспоминаний. – Публ. Н.Д. Егорова. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2827dve.htm (дата обращения: 22.09.2017).
28. Протокол допроса в ДОГПУ митрополита Донского и Новочеркасского Митрофана от 20 мая 1922 г. // Архив Управления ФСБ по Ростовской области (Архив УФСБ РО). Д. П-53110.
29. Протокол допроса в ЧерОкрДООГПУ митрополита Митрофана Донского и Новочеркасского от 21 мая 1922 г. // Архив УФСБ РО. Д. П-53110.
30. Поход против «князей церкви» // Трудовой Дон. 1922. 23 июня.

31. [Протоколы допросов в ДОГПУ] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110.
32. [Протоколы съезда] // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 21. Д. 90.
33. *Приказчикова О.Б.* Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II:2 (31).
34. Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1998. Кн. 2.
35. [Заявление Донского Епархиального Управления уполномоченному ДОГПУ] // Архив УФСБ РО. Д. П-53110.
36. Прокурору РСФСР профессору Бунакова Александра Николаевича // Архив УФСБ РО. Д. П-53110.
37. Протокол № 5 Церковно-приходского совета Ростовского-на-Дону Александро-Невского собора 1923 года 25 января/7 февраля. [Доклад о съезде] // ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 221.
38. В Донское областное политическое управление 27 августа 1922 г. // Архив УФСБ РО. Д. П-53110.
39. Суд над священниками в Азове // Советский Юг. 1922. № 133. 14 июня.
40. Архив УФСБ РО. Д. П-6372. Л. 6 об., 9, 13, 18.
41. Архив УФСБ РО. Д. П-53110. [Фрагмент газеты].
42. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197.
43. Там же. Д. 218.
44. Рапорт информатора «Бокал 7» уполномоченному ГПУ VI отдела, 7 октября 1923 г. // Архив УФСБ РО. Д. П-15250.
45. [Донесение архиепископа Мелхиседека начальнику Черкасского окружного ДОГПУ тов. Сизенцеву [А.С.] 5 октября 1923 г.] // Архив УФСБ РО. Д. П-15250.
46. Архив УФСБ РО. Д. П-15250.
47. Екатеринодарская и Кубанская епархия // Православная энциклопедия. М.: Православная Энциклопедия, 2009. Т. 18.
48. [Рапорт благочинного церквей г. Екатеринослава протоиерея Михаила Волошинова] // РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 201.
49. [Рапорт Иоанникия, епископа Донецкого и Бахмутского, управляющего Екатеринославской епархией, святейшему патриарху Тихону] // РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 201.
50. Иоанникий (Соколовский) // Православная энциклопедия. М.: Православная Энциклопедия, 2010. Т. 25.
51. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 17.
52. Там же. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42.
53. Там же. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 59.
54. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 389.
55. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 59.
56. *Катаев А.М.* Из истории возникновения обновленческого раскола в Русской Православной Церкви в первой половине XX в. // Православие и об-

разование: электронный журнал. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/obnovlen.htm (дата обращения: 22.09.2017).

ЛИТЕРАТУРА

- Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. [Текст]. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1.
- Балакишина, Ю.В.* Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907 [Текст]: документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. 424 с.
- Беликова, Н.Ю.* Эволюция Русской православной церкви в период пост-революционной модернизации России в 20–30-е гг. XX в. [Текст]: на материалах Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Армавир, 2002.
- Бирюкова, Ю.А.* Обновленческий и григорианский расколы на Дону и Северном Кавказе в 1920–1930-х годах [Текст]: (в документах архивов Ростовской области) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2010. С. 290–295.
- Бирюкова, Ю.А.* Политика советского государства по организации церковных расколов на Дону в 1920–1930-е гг. [Текст] // XXIV Ежегодная Международная Богословская конференция ПСТГУ: материалы. М.: ПСТГУ, 2014.
- Бирюкова, Ю.А.* Советская власть и православные общины Дона в 1920–30-х гг. [Текст]: характер отношений на местах. Ростов-на-Дону, 2012.
- Бирюкова, Ю.А.* Церковь и власть [Текст]: приходы Шахтинского административного округа Донской епархии в документах 1920–1930 годов. Ростов-на-Дону, 2010.
- Бирюкова, Ю.А.* Подвиг служения священномученика Захарии (Лобова), епископа Аксайского, архиепископа Воронежского и Задонского (1865–1937) [Текст] / Ю.А. Бирюкова, дмак. П.А. Овчинников. Ростов-на-Дону: Антей, 2014.
- Воронцова, И.В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века [Текст]. М., 2008.
- Воронцова, И.В.* Русский христианский модернизм в контексте церковного реформирования, 1-я четверть XX века [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2009. 281 с.
- Воронцова, И.В.* Л.Д. Троцкий как стратег обновленческой реформации [Текст] // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 4 (33). С. 51–62.

- Головушкин, Д.А.* Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века [Текст]. СПб., 2009.
- Горбачёв, Д.А.* Власть и Русская Православная Церковь на Дону 1917–1923 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д, 2006.
- Горбачев, Д.А.* Донская Гологофа [Текст]: (Советская власть и Русская Православная Церковь Дона, 1917–1923 гг.). Ростов-на-Дону, 2008.
- Катаев, А.М.* Из истории возникновения обновленческого раскола в Русской Православной Церкви в первой половине XX в. // Православие и образование: электронный журнал. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/obnovlen.htm (дата обращения: 22.09.2017).
- Кияшко, Н.В.* Из истории возникновения и развития обновленческого раскола на Кубани в первой половине XX века [Текст] // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Славянск-на-Кубани, 30 окт. – 1 нояб. 2015 г.) / под. ред. Т.Г. Письменной, А.Н. Рябикова, Е.В. Манузина. Славянск-на-Кубани, 2015. С. 50–58.
- Лобанов, В.В.* «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946) в новейшей отечественной историографии [Текст] // История и историки, 2011–2012: историографический вестник. М., 2013. С. 14–31.
- Лобанов, В.В.* Архивные источники по истории «обновленческого» раскола в Русской Православной Церкви [Текст] (1922–1946) // Отечественные архивы. 2014. № 4. С. 70–78.
- Пантюхин, А.М.* Обновленческое движение Русской Православной Церкви в 20–40-е гг. XX в. [Текст]: (на материалах Ставрополя и Террека): монография / диак. Александр Пантюхин. Ставрополь: АГРУС, 2014. 280 с.
- Приказчикова, О.Б.* Деятельность Постоянной центральной комиссии по вопросам культов [Текст] (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. II: 2 (31).
- Степанов, А.С.* Обновленческий раскол как средство антицерковной политики советской власти в 1922–1923 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 09.00.13. М., 2005.
- Суд над священниками в Азове [Текст] // Советский Юг. 1922. 14 июня. № 133.
- Табунщикова, Л.В.* Особенности обновленческого движения в Ростовской и Таганрогской епархии [Текст] / Л.В. Табунщикова, А.В. Шадрин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2 ч. Ч. II. С. 193–196.

- Цыков, И.В.* Обновленчество в Тверской епархии в 1922–1923 гг. [Текст]: его сторонники и противники // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2010. № 1. С. 94–104.
- Чехранов, П., свящ.* Две тюремные Пасхи: из воспоминаний / публ. Н.Д. Егорова. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_gpz/2827dve.htm (дата обращения: 22.09.2017).
- Шадрина, А.В.* Изъятие церковных ценностей в Донской области, 1922 год [Текст]: сб. документов / А.В. Шадрина, Л.В. Табунщикова; [отв. редактор А.В. Венков; науч. ред. Н.В. Киселева]. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 417 с.

Константинопольская патриархия и обновленческий раскол в период управления Русской Церковью Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром (1925)

Статья посвящена антиканонической деятельности Константинопольской патриархии в отношении Русской Православной Церкви, осуществлявшейся главным образом путем поддержки обновленческого раскола. Хронологические рамки исследования охватывают небольшой, но важный период – время правления Патриаршего Местоблюстителя Петра (Полянского), которого Фанар (Константинопольская патриархия) фактически отказался признавать, вступив вместо этого в общение с просоветской обновленческой организацией. Политика Вселенского престола была направлена на ослабление Русской Церкви и подчинение ее ему, однако результатом оказалась лишь его сильная дискредитация и возникновение сомнений в православности Константинопольской патриархии.

Ключевые слова: *Русская Православная Церковь, Константинопольская патриархия, обновленческий раскол.*

Mazyrin V.A.

THE CANONICAL DEGRADATION OF THE CONSTANTINOPLE PATRIARCHATE IN THE PERIOD OF THE ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN CHURCH BY THE PATRIARCHAL LOCUM TENENS METROPOLITAN PETER KRUTITSKY (1925)

The article is devoted to the anticanonical activity of the Constantinople Patriarchate in relation to the Russian Orthodox Church, carried out mainly through supporting the renewal schism. The chronological scope of the study covers a small but important period – the time of the reign of the Patriarchal Locum Tenens Peter (Polyansky), whom Fanar (the Constantinople Patriarchate) actually refused to recognize, having instead entered into communion with the pro-Soviet renewal organization. The policy of the Ecumenical Throne was aimed at weakening the Russian Church and subjecting it to it, but the result was only Fanar's strong discredit and the emergence of doubts in the Orthodoxy of Constantinople Patriarchate.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Constantinople Patriarchate, renewal schism.*

---

* доктор церковной истории, к.и.н., Православный Свято-Тихоновский государственный университет.

Последние годы правления Патриарха Московского Тихона (Беллавина) были ознаменованы стремительным ухудшением отношений с Константинопольской патриархией, которая, пользуясь трудностями гонимой большевиками Русской Церкви, попыталась резко усилить свои позиции в православном мире. Экспансионистская политика Константинополя проявилась прежде всего в диаспоре (в Америке и Европе) и в новообразованных на бывших окраинах Российской империи лимитрофных государствах (Польше, Финляндии, Эстонии), правительствам которых Фанар (неофициальное именование Константинопольской патриархии по ее местонахождению в Стамбуле) помог (причем не бесплатно) оторвать местные православные епархии от Москвы. Одновременно с этим Константинопольская патриархия развернула небывалую с XVII в. активность в отношении Православной Церкви собственно в России, подвергая остракизму канонического Московского Патриарха и морально поддерживая спровоцированный по инициативе Политбюро ЦК РКП(б) обновленческий раскол. В результате всех этих деструктивных действий греков общение между Московским и Константинопольским патриархатами с 1924 г. фактически прервалось¹. Неоднократно и недвусмысленно установленный Патриархом Тихоном факт отпадения обновленцев от Православной Церкви² был Фанаром демонстративно проигнорирован. В наступивший после кончины Патриарха Тихона непродолжительный период управления Русской Церковью Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром (апрель – декабрь 1925 г.) взаимоотношения двух патриархатов продолжили ухудшаться, что было вызвано уже открытым переходом Фанара на сторону обновленческого раскола. Рассмотрению данного процесса и посвящена предлагаемая статья.

Отношение Константинопольской патриархии к Русской Православной Церкви в момент кончины Патриарха Тихона вполне характеризует тот факт, что на его похоронах официального представителя Фанара в Москве архимандрита Василия (Димопуло) не было, равно как и представителя Александрии архимандрита Павла (Катаподиса). Это обстоятельство было особо отмечено финской газетой «Экклезиа» («Церковь») с указанием на то,

что они «и после того не приходили на могилу почившего, не совершали панихид по нему в своих храмах, и даже письменно не выразили своих соболезнований в адрес Местоблюстителя»³. Конечно, православные русские люди и сами едва ли были бы рады появлению у могилы святителя Тихона этих греческих архимандритов, с ноября 1924 г. состоявших почетными членами московского обновленческого лжесинода. Однако можно было соблюсти хотя бы минимальные нормы приличия.

Ставший в соответствии с завещанием Патриарха Тихона и решением православных епископов России Патриаршим Местоблюстителем митрополит Крутицкий Петр (Полянский) в свою очередь не стал рассылать главам других Поместных Церквей известительные грамоты о своем избрании, во-первых, по-видимому, в силу временности своей должности, а во-вторых, поскольку связи с границей были для него весьма небезопасны: ОГПУ тогда вело против него следствие по делу о мифической «Шпионской организации церковников», и он мог быть в любой момент арестован.

Тем временем раскольники-обновленцы заметно усилили свою международную активность, пытаясь привлечь представителей других Православных Церквей (Константинопольской, в первую очередь) к участию в своем очередном «Поместном Соборе», который в свою очередь должен был стать этапом подготовки анонсированного Фанаром нового «Вселенского Собора». В «Положении о созыве III Всероссийского Поместного Собора православных церквей на территории СССР» было прописано участие в нем представителей Восточных Патриархов и делегатов других автокефальных Православных Церквей. Хотя «Собор» заявлялся обновленцами как примирительный, «Положение» о его созыве уже на предварительном этапе подразумевало фактическое подчинение им «тихоновцев». Само наименование «III Всероссийский Поместный Собор» предполагало признание «II Всероссийского Поместного Собора» 1923 г., на котором Патриарх Тихон был объявлен лишенным сана и монашества, были утверждены женатый епископат, второбрачие клириков и т.д. «Собор» создал бы лишь иллюзию полноправного участия

в нем «староцерковников», решения же его были бы для них уже обязательными.

В том, что официальный представитель Фанара в Москве архимандрит Василий готов принять участие в затеваемом обновленцами лжесоборе, сомнений не было. С руководителями раскола он не только заседал в протокольных собраниях, но, что гораздо важнее с точки зрения церковного сознания, и сослужил, причем не только в Москве. Обновленческая печать с удовольствием описывала его гастроли. Так, например: «...высокопреосвященному Корнилию (Попову. – *А.М.*), архиепископу Ярославскому, пришла благая мысль для оживления церковной жизни в Ярославле и для наглядного выявления общения св. Синода с восточными вселенскими патриархами пригласить для сослужения с “благовестником правды христовой”, митрополитом Александром (Введенским. – *А.М.*), и представителя вселенского Константинопольского патриарха Константина VI высокопреподобного о. архимандрита Василия Димопуло, живущего в Москве и состоящего членом Св. Синода. Дорогие гости прибыли в г. Ярославль в 7 часов утра 26 апреля (1925 г. – *А.М.*), в Фомино воскресенье... Начальный и другие возгласы на литургии о. архимандрит проносил по-гречески, чем вызвал в богомольцах обмен мыслей: “и правда грек, не по-нашему говорит”». Как видно, богомольцы сомневались, что столь высокопоставленный грек в самом деле обновленец. Демонстрация оказалась весьма убедительной (во всяком случае, согласно описанию газеты «Церковное обновление»). В конце службы, после восторженных речей «митрополита» Александра и «архиепископа» Корнилия, «обратился к богомольцам, в числе которых довольно число было последователей б [ывшего] п [атриарха] Тихона, и **представитель вселенского патриарха** (выделено в публикации. – *А.М.*) о. архимандрит Василий, сказал: “христиане братие! Я, как представитель вселенского патриарха, приветствую вас и прошу прекратить разделение и раздор церковный; Всероссийский Священный Синод и вселенская Восточная церковь составляют единую, святую, соборную и апостольскую церковь, разницы между ними ни в вере, ни в богослужении, а тем более в таинствах, нет никакой...”»⁴.

Раскольники, как могли, благодарили греческого архимандрита, обратившись к нему со следующим отношением: «Постановлением Священного Синода РПЦ от 8 мая 1925 года вы, ваше высокопреподобие, за вашу преданность Священному Синоду и за установление тесного канонического общения последнего с Вселенской патриархией награждены бриллиантовым крестом для ношения на клобуке». Архимандрит «скромно» принял награду, обычно вручаемую архиепископам, и ответил обновленческому председателю: «Приношу вашему высокопреосвященству и всем членам Священного Синода мою сердечную благодарность за ту честь, которою меня удостоили. Мое постоянное внимание к нуждам церкви русской исходит от искреннего чувства любви к ней, как представителя матери церкви вселенской, которая всегда шла на помощь в трудные минуты церковной жизни и не требует за это никаких знаков отличия»⁵. От бриллиантов, однако, «бескорыстный» архимандрит Василий не отказался. В глубине души он, наверное, все-таки чувствовал, что участвует в клоунском действе, поэтому 30 мая известил Фанар о полученной «награде» и испросил благословение Вселенского Патриарха на ее ношение. Константинопольский Синод рассмотрел этот вопрос и решил его положительно, о чем московскому представителю было сообщено письмом от 10 сентября 1925 г. с «теплыми поздравлениями по случаю получения им такого знака отличия»⁶.

Чтобы еще больше расположить к себе Константинопольскую патриархию, обновленцы взялись хлопотать о возвращении ей бывшего подворья в Москве, ранее использовавшегося греками как доходный дом. 11 июня 1925 г. раскольнический «Синод» направил обращение во ВЦИК, в котором сообщал: «Вселенский Константинопольский Патриархат, в лице Патриархов Мелетия, Григория VII и Константина VI и их представителя в Москве, определенно стал в своей церковной деятельности за признание Советской власти. Несмотря на бешенную, злостную агитацию эмигрантов, патриархат строго осудил контрреволюционную деятельность их, осудил деятельность заграничного Синода в Карловцах, привлек к суду русских епископов в Константинополе и предложил бывшему патриарху

Тихону устранился от управления Русской Церковью. В Греции, Америке, Зап [адной] Европе и греческим церквам в СССР неоднократно патриархат предписывал “определенно опираться на церковные течения, верные Правительству СССР”, возбуждая этим против себя злобу врагов Советской власти. Принимая во внимание высокий авторитет Константинопольского патриарха, как религиозного главы всего Востока, учитывая особо напряженное настроение православного мира ввиду назначенного уже 8 Вселенского Собора, который будет иметь значение не только церковное, но и всемирно-политическое, Священный Синод считает, что великодушный акт правительства СССР – возвращение подворья – произведет глубочайшее впечатление: свяжет православный восток с СССР чувствами благодарности и рассеет ту тучу обвинений и клевет, которыми политические интриганы и здесь и за границей возбуждают общественное мнение против Советской власти»⁷. Советская власть, однако, спешить с возвращением подворья не стала: Константинопольская патриархия должна была еще «отработать» расположение к ней большевиков.

Тем временем ранее высланный турками из Стамбула Патриарх Константин VI официально отрекся от престола и 13 июля 1925 г. Константинополь обрел нового Патриарха, каковым стал митрополит Никейский Василий. «Новоизбранный патриарх Василий, по словам Василия Димопуло, является горячим сторонником СССР», – сообщили своим читателям «Известия ЦИК»⁸. Обновленцы сразу же начали прощупывать почву вокруг объявившегося «горячего сторонника СССР». 17 июля архимандрит Василий официально известил их об избрании Василия Никейского Вселенским Патриархом (сообщил ли Димопуло об этом митрополиту Петру, данных нет). Обрадованный, раскольнический лжеинод в тот же день предписал своим епархиальным управлениям «в ближайший воскресный или праздничный день в соборных храмах совершить молебствия о даровании новоизбранному Патриарху многолетия и Божией помощи в его ответственном служении Православной Церкви»⁹. 21 июля председатель обновленческого «Священного Синода» лжемитрополит Вениамин (Муратовский) направил ему поздравительную телеграмму, в которой после дежурного приветствия со

вступлением на Вселенский престол испросил «благословения Поместному Собору на дело устроения и умиротворения Русской Церкви»¹⁰. Патриарх Василий III ответил сдержанно почтительно: «Митрополиту Вениамину. Председателю Священного Синода. Благодарю за любезное поздравление. Молим Бога о благополучном окончании стремлений к умиротворению и соединению Святой Братской Русской Церкви»¹¹.

Этому ответу предшествовала весьма примечательная дискуссия на Фанаре. В основу ее легло отправленное еще 16 апреля 1925 г. письмо архимандрита Василия, в котором тот выражал мнение, что вместе со смертью Патриарха Тихона умерло и патриаршество и что единственной церковной властью в России осталась обновленческая «Синодальная Церковь», которая давно признана государственной властью. В то же время Димопуло, хотя и состоял почетным членом обновленческого лжесинода, принимал от него различные подношения и обращался за помощью, когда это ему было нужно, по вопросу об официальном признании Фанаром этого органа давал рекомендацию, что «Матери Церкви лучше не спешить предпринимать какие бы то ни было действия до того как не сложится ясного и четкого понимания того, что происходит в Русской Церкви»¹². При всей циничности такого призыва из уст Димопуло, сам по себе он был не лишен здравого смысла, и к нему поначалу прислушались, тем более что и повода выражать свое отношение к русским церковным делам у фанариотов в тот момент не было.

К вопросу вернулись после получения июльской телеграммы от Вениамина (Муратовского), в которой тот именовал себя «Митрополитом, Председателем Священного Синода Российской Православной Церкви». На заседании Синода в Стамбуле митрополит Кизический Каллиник от имени специальной комиссии, рассматривавшей русские дела, отметил, что «церковная партия Тихона в России слабеет с каждым днем, особенно после смерти последнего, это же следует и из факта не направления поздравлений по случаю патриаршего избрания со стороны этой партии, в то время как действующий в Москве Синод под председательством Митрополита Петроградского Вениамина укрепляет свое положение и вдобавок признан Советским

правительством особым постановлением в качестве официальной церковной власти в стране. На этом основании комиссия считает, что Церковь может направить телеграмму Митрополиту Вениамину, с обращением к нему как к Председателю Российского Священного Синода, благодаря и желая успеха в предпринимаемых усилиях к умиротворению и единству братской святой Российской Церкви»¹³. В итоге после долгого обсуждения был составлен текст ответной телеграммы, в которой Муратовский именовался «Митрополитом, Председателем Священного Синода», но без добавления «Российской Православной Церкви» (пройдет немного времени и оно появится тоже).

Телеграмма Патриарха Василия, как ни дозировали слова фанариоты, свидетельствовала о признании ими московского раскольнического лжесинода «Священным», а его председателя «Митрополитом». Обновленцы тут же попытались закрепить успех. 30 июля 1925 г. они направили новое письмо Патриарху Василию, – по-своему уникальный памятник лести и бесстыдства: «Священный Синод Российской Православной Церкви умоляет Вашу Святыню отечески-попечительно призреть на нашу церковную скорбь и подвигнуться на спасение болящей дочери – Церкви Русской. Нам – верным сынам Церкви – особенно важно излечиться теперь, когда приближается время Вселенского Собора, а Вам, Ваше Всесвятейшество, особенно небесполезно посетить Церковь Русскую в преддверии грядущего Собора, чтобы правильно судить о положении ее в современных условиях нового государственного строя. <...> Все мысли и сердца многомиллионного верующего русского народа обращены на Ваше Всесвятейшество, как на единственного Спасителя и Отца нашей Матери Церкви. Верим и уповаем, что Отец Отцов не оставит мольбы своих детей неуслышанной, и как некогда Христос-Спаситель прикосновением исцелил горячку тещи ап. Петра, так и Вы, Ваше Всесвятейшество, своим прибытием на наш Поместный Собор и прикосновением к язвам нашей страждущей Церкви поможете врачеванию соборным разумом ее недугов»¹⁴.

4 августа, возможно еще до получения обновленческого опуса, Патриарх Василий направил письмо своему московскому представителю, в котором поручил передать как главе обнов-

ленцев «митрополиту Ленинградскому» Вениамину, так и митрополиту Крутицкому Петру «горячее благопожелание и молитву Матери Св. Вселенской Церкви о том, чтобы в возможно скорейшем времени видеть в братской Русской Церкви конец разделению и распри ко благу Св. Православной церкви». Передавая это «горячее благопожелание» Василия III, Димопуло добавлял от себя: «Исполняя изложенное поручение Его Всесвятейшества, я с своей стороны прошу Вас принять все зависящие от Вас меры к миру, чтобы на деле осуществилось благопожелание Его Всесвятейшества ко благу Православной Русской Церкви и чтобы найдены были мужество, смирение и любовь к твердому выступлению по необходимым в сем деле путям примирения»¹⁵.

24 августа Патриарх Василий направил архимандриту Василию еще одно письмо. «Его Всесвятейшество, – пересказывал Димопуло письмо своего патрона, – в настоятельной форме требует окончания распрей, происходящих в Русской Церкви. Молю Господа Бога, чтобы голос св. Матери Церкви Вселенской был услышан и руководители братской Русской Церкви пошли бы по пути истинного христианского смирения и нашли меры к достижению мира и братского единения разрозненной Церкви Русской»¹⁶. Возможно, Патриарх Василий в Стамбуле не понимал, что в российских реалиях того времени «достижение мира и братского единения» с обновленцами для Русской Православной Церкви возможно было лишь посредством фактической полной капитуляции перед ними (никакого другого воссоединения богоборческая власть бы не допустила). Но его тезка-архимандрит, весьма неплохо освоившийся в советской действительности 1920-х гг., не мог не видеть, кто такие по сути своей обновленцы и чем чревато подчинение им «тихоновцев». Тем не менее, он продолжал делать все, чтобы подтолкнуть Русскую Церковь на гибельный для нее путь. Усилия его, однако, оставались тщетными. «Известно, – сетовал в конце 1925 г. раскольнический журнал, – сетовал в конце 1925 г. раскольнический журнал, – что и на эти призывы Вселенского Патриарха тихоновский Митр. Петр Крутицкий ответил прежней неприимостью, и какие бы то ни было переговоры о ликвидации

разделения ни с Всероссийским Синодом, ни даже со Всероссийским Свящ. Собором он не пожелал вести»¹⁷.

К тому времени, когда Василий III направил Димопуло свое «горячее благопожелание» по поводу русских церковных дел, позиция Патриаршего Местоблюстителя в отношении обновленцев уже была засвидетельствована с исчерпывающей ясностью. «Не о соединении с Православною Церковию должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях, – писал митрополит Петр в своем послании архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви от 28 июля 1925 г. – Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при условии, если каждый из них отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви»¹⁸. То есть обновленчество – *это не Церковь, обновленцы вне Церкви*. Вопрос можно было ставить лишь об их покаянном возвращении в Церковь, а не о каком-то примирении с ними.

11 сентября 1925 г. Патриарх Василий направил «Высокопреосвященнейшему Митрополиту Кир Вениамину, Председателю Священного Синода Православной Российской Церкви, возлюбленнейшему во Христе брату и сослужителю» письмо, в котором, согласно переводу Димопуло, писал: «Заочно сопresentуем с Вами и, поскольку возможно, посодеествуем к скорейшему и полному уничтожению печального разделения, которое, будучи вредно Православной Церкви Вашей, глубочайшей печалью исполняет и Великую Матерь Церкви». На главный призыв раскольников – приехать лично на их лжесобор в Москву – Вселенский Патриарх, однако, отвечал вежливым отказом: «Личное наше присутствие в настоящее время не может быть исполнимо по многим основаниям и, по нашему мнению, оно не столь даже необходимо. <...> Дух и любовь нашей и прочих братских церквей смотрит на вас и поможет Вам благополучно закончить дело»¹⁹.

Получив такое «благословение», раскольнический лжесинод разослал восторженное послание в епархии, в котором возвещалось: «Мы знаем твердо, что Священный Синод Православной

Российской Церкви, ведущий свои полномочия от собора 1923 г., находится действительно в общении с Православным Востоком в лице его представителя вселенского патриарха. Доказательством тому служат неопровержимые, опубликованные документы, вплоть до последней телеграммы нового вселенского патриарха Василия III. А если русская синодальная церковь находится в общении со вселенской патриархией, если последняя считает первую вполне православной и законной, то как после этого назвать инсинуации никем и ничем не апробированного “местоблюстителя патриаршего престола”? Называя синодальную иерархию самочинной, он бросает голословное и заведомо лживое обвинение не нам только, а и вселенской патриархии – высшей представительнице Православного Востока. Но мы предпочитаем быть в общении с исконным центром восточного православия, чем иметь “благословение” ничем не апробированного местоблюстителя упраздненного патриаршества”²⁰. По поводу же отказа Василия III лично приехать в Москву обновленцы не расстроились. По предложению лжемитрополита Александра Введенского он был объявлен «Почетным Председателем Президиума Собора»²¹ заочно.

Начало «Собора» было предварено 1 октября 1925 г. службой в захваченном раскольниками храме Христа Спасителя. «Божественную литургию, – сообщала обновленческая газета, – совершали 7 архиереев, по числу семи таинств святой церкви, – митрополиты: Председатель Священного Синода Вениамин Ленинградский, Серафим Московский, Александр благовестник (Введенский, состоявший к тому времени в “гражданском браке” со второй “женой”, впоследствии обзавелся еще и третьей, с которой уже “повенчался”. – *А.М.*), Петр (Сергеев, женатый. – *А.М.*) Закавказский, архиепископы Петр (Сысуев, женатый. – *А.М.*) Томский, Иосиф (Кречетович, женатый. – *А.М.*) Изюмский и Сергей (Корнеев, неженатый. – *А.М.*) Пермский, в сослужении представителя Вселенского Константинопольского патриарха архимандрита Василия (Димопуло) и 11-ти заслуженных протоиереев и целом штате протодиаконов и диаконов»²². То есть, из «7 архиереев, по числу семи таинств», в компании которых на «божественной литургии» оказался Димопуло, возглавив

пресвитерский чин, четверо были лжеепископами заведомо антиканонического поставления, но представителя Фанара это не смущало.

На самом «Соборе», как сообщала обновленческая печать, «прежде всего было оглашено обращение к Рабоче-Крестьянскому правительству с призывом всех православных христиан к добросовестному сознательному и лояльному отношению к власти, даровавшей церкви необходимую свободу своей внутренней религиозной жизни. Вслед за прочтением обращения было оглашено письмо Вселенского патриарха Василия III, который был приглашен на Собор, но не мог приехать в Москву как вследствие своего старческого возраста (70 лет), так и по другим случайным обстоятельствам, исходящим из особого политического состояния Турции в настоящий момент»²³.

На втором заседании лжесобора главным действующим лицом был А. Введенский, выступивший с провокационным докладом «О современном положении православия». «Я сознаю ту чрезвычайную ответственность, которую беру на себя в этом высоком собрании, где осеняет нас дух божий и где первым председателем состоит сам вселенский патриарх святейший Василий Константинопольский», – начал свое выступление Введенский. Далее в докладе он в изобилии сыпал именами различных писателей, профессоров и прочих разной степени известности лиц (упомянут, например, был «один ученый атеист психиатр Фреуд»), проводя мысль, что «атеизм прогрессирует», а «для профессора стало стыдом ходить в церковь». Причина же неверия интеллигенции, по Введенскому, заключалась в «нестественной связи церкви с государством» (монархическим, разумеется, не советским): «Крест Христов был не столько в руках святителей, сколько в когтях двуглавого орла». Далее «митрополит-благовестник» переходил к жанру доноса и заявлял, что «иерархическая верхушка тихоновщины является носителем тех же идеалов, какие развивались в царское время». В подтверждение этого тезиса Введенский сообщал: «Известно, что недавно наместник патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий, он же Петр Федорович Полянский, открыто бросил обвинение в неправославии даже вселенскому патриарху Васи-

лию III. Так, он произнес: “Надо еще проверить, православен ли сам вселенский патриарх”. <...> Уже и вселенский собор у тихоновцев перестал быть высшей церковной инстанцией!»

В конце своего выступления докладчик поделился «сенсацией», ради которой, собственно, и утруждал собравшихся слушанием своей пространной и путаной речи. Введенский огласил якобы полученное «Синодом» письмо «архиепископа всей Южной Америки» Николая Соловья. В мае 1924 г. Соловей был командирован раскольниками в США, но едва оказавшись за границей СССР, в Латвии, разразился серией антиобновленческих выступлений. Согласно Введенскому, Соловей выражал теперь обновленцам свое «полное глубокое раскаяние» и сообщал, что «к тихоновцам – подобным варварам» он не принадлежал, однако перед своим отъездом за границу «имел двухчасовое совещание с патриархом Тихоном и Петром Крутицким», в ходе которого якобы получил поручение передать зарубежным монархистам собственноручное патриаршее письмо о том, что «святая церковь не может благословить великого князя Николая Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола великий князь Кирилл». «Оказывается, таким образом, – восклицал Введенский, – что Тихон до самой смерти, каюсь пред всем миром, что бросил политическую борьбу, – все время обманывал – власть, народ и церковь. <...> Я вижу провидение, что бог предотвратил от опасного дела, когда Синод протягивал тихоновцам руку и они отвергли ее. <...> Не смею вас задерживать, мы будем жить без этой верхушки»²⁴.

Цель «разоблачения» Введенского была понятной: Патриарха Тихона уже не было в живых, и ему вся эта нелепая ложь повредить не могла, против же митрополита Петра, как бы вскользь упомянутого в письме Соловья, ОГПУ получало возможность выдвинуть тяжкое обвинение в сношениях с зарубежными контрреволюционерами. «Митрополит-благовестник» грязно, но с увлечением выполнял порученное ему задание. «Оказывается, что тихоновский корабль плавает в международных водах, – говорил он, – и трудно сказать, где главный капитан: за рубежом или “на Крутицах”»²⁵. Провокация Введенского, осуществленная в «заочном присутствии» Патриарха Василия и под при-

крытием его именем, сработала. 11 ноября 1925 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) постановила «в целях разоблачения монархических устремлений Петра (местоблюстителя патриаршества), поместить в “Известиях” ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора... одновременно с опубликованием ст. ст. поручить ОГПУ начать против Петра следствие»²⁶.

После скандального доклада Введенского обновленческий лжесобор обратился к другим важным вопросам. По поводу готовящегося «Вселенского Собора» он постановил по получении «окончательного извещения» о сроке его созыва избрать «делегатов от РПЦ» на общем собрании «Священного Синода». «Будущей делегации вменить в обязанность доложить Вселенскому Собору о современном положении Русской Церкви и тех обстоятельствах, которые вызвали некоторые изменения в нынешней практике Русской Церкви по сравнению с прежней, как то по вопросам о брачном епископате и второбрачии духовенства»²⁷. Как видно, раскольники рассчитывали, что их «некоторые изменения в нынешней практике Русской Церкви» будут «Вселенским Собором» восприняты вполне благосклонно.

Другим своим деянием октябрьский лжесобор в Москве «благословил» украинскую автокефалию. Присутствие при этом официального представителя Фанара вызывало у обновленцев Украины особый восторг. Передовая статья «Украинского православного благовисника» (официального органа харьковского раскольнического «Синода») гласила: «Чрезвычайно знаменательным и важным было участие в этом Деянии III Всероссийского Священного Собора представителя Вселенского Патриарха Архимандрита Василия Димопуло, который лично и душевно поздравлял с этим событием наших делегатов во главе с Митрополитом Пименом и сообщил о том, что он по долгу своего представительства от себя лично немедленно доложит Вселенской Патриархии об Автокефалии Украинской Церкви и о своей уверенности, что она теперь, облеченная полной канонической свободой, будет всегда оплотом чистого православия в союзе со Вселенским и прочими восточными Патриархами»²⁸.

Стоит, однако, отметить, что, поздравив «лично и душевно» украинских раскольников с автокефалией, хитрый грек самой грамоты «Поместного Собора» не подписал²⁹.

Через непродолжительное время, в том же октябре 1925 г., украинские обновленцы были дополнительно обрадованы Патриархом Василием. В ответ на посланную ему 5 сентября из Харькова поздравительную телеграмму по случаю восшествия на Вселенский Престол он отозвался самым теплым письмом: «Его Высокопреосвященству, Председателю Украинского Архидиоцезиса Кир-Пимену братское во Христе лобзание. <...> Выражаем горячее благодарение за честные молитвы Ваши и при настоящем случае взаимно заявляем, что Матьер наша Великая Христова Церковь с материнским неослабным вниманием зорко следит за Вашею местною Церковью... Препровождая через Вас и местный Священный Синод братское приветствие ко всей иерархии и благочестивой пастве Вашей отеческое и патриаршее наше благословение, взаимно приветствуем Ваше ревностное о Господе Святительство, на котором и да пребываете на многие лета здравы и спасительны. Вселенский Патриарх Василий, возлюбленный во Христе Брат»³⁰.

Не имело уже большого значения, что об украинской автокефалии в письме Патриарха Василия ничего не говорилось, а фраза: «Матьер наша Великая Христова Церковь с материнским неослабным вниманием зорко следит за Вашею местною Церковью» – могла пониматься по-разному. Главным было то, что Константинопольский Патриарх вступал в совершенно официальное письменное общение с харьковским «Синодом» и «братски» приветствовал его председателя «Кир-Пимена» (Пегова). Это, конечно, было большим достижением для раскольников и соответственно очередным падением Фанара. В составленном украинским ГПУ секретном обзоре религиозных группировок (по состоянию на январь 1926 г.) было особо отмечено, что «обновленцам сильно помогало в агитации против других полученное ими от Вселенского патриарха приветствие в адрес митрополита Пимена»³¹.

Не все православные в России (включая и Украину) верили в подлинность прообновленческих грамот Константинополя, по-

лагая, что их настоящий автор – сам подкупленный раскольниками Димопуло. Так, например, епископ Мариупольский Антоний (Панкеев) писал: «Грамоты патриарха Василия III московского происхождения, сочиняются Димопуло, он же Дурепопуло и Лестипопуло, по принципу: “вера без денег... мертва”»³². Действительно, бескорыстием архимандрит Василий в России не прославился, но это не было удивительным. Несомненно и то, что к своим представительским функциям он относился «творчески». Можно допустить, что, переводя послания с Фанара, он привносил в них и собственную игру слов, выгодную обновленцам, тем более, что написаны они обычно бывали таким тяжеловесным языком, что их адекватный перевод на русский требовал очень хорошей филологической подготовки, Димопуло же был политиком, а не филологом. Однако невозможно представить, что он доходил до того, чтобы «сочинять» грамоты своего священноначалия. Конечно, психологически легче было списать канонические бесчинства Константинопольской Патриархии на «Дурепопуло и Лестипопуло», но греческие источники свидетельствуют, что приветствия Патриарха Василия обновленцам, начиная с его первой телеграммы «Митрополиту Вениамину, Председателю Священного Синода», составлялись именно на Фанаре, а вовсе не в Москве, причем даже вопреки призыву Димопуло к большей осмотрительности³³.

Фактом остается и то, что вплоть до своей смерти в 1934 г. архимандрит Василий продолжал состоять в своей должности, и неизвестно, что кто-нибудь из Константинопольских Патриархов, которых он все это время представлял в Москве, выразил ему порицание за «самодеятельность» по отношению к обновленцам. Фанар при желании всегда мог бы от него публично отмежеваться. Случись такое, на это непременно обратили бы внимание русские эмигранты, но они свидетельствовали о другом. Так, действиями Константинополя был тогда крайне возмущен митрополит Евлогий (Георгиевский). Пройдет затем немного лет, и он сам перейдет на сторону поддерживающих обновленцев греков, но осенью 1925 г. он спрашивал в письме митрополита Петра: «Будете ли Вы писать Константинопольскому патриарху об его незаконном вмешательстве в дела русской церкви? Ведь не только его

Московский представитель архим. Василий перешел явно на сторону обновленцев, но и сам патриарх пишет приветственные грамоты лжесобору в лице их митрополита Вениамина и “автокефальному митрополиту” украинскому Пимену»³⁴.

Есть свидетельство, что известительная грамота митрополита Петра о вступлении в должность Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола все-таки существовала, и в ней он «выразил решительный протест Константинопольскому Патриарху Василию III по поводу незаконного вмешательства Вселенской Патриархии во внутренние дела Русской Церкви»³⁵. Однако не совсем понятно, кому и когда митрополит Петр эту известительную грамоту отправил и отправил ли вообще. В ночь на 10 декабря 1925 г. он был арестован. На свободу Местоблюститель больше не вышел и, проведя без малого 12 лет в заключении, был расстрелян в тюрьме в октябре 1937 г. Патриаршей же Церковью в России, согласно его завещательному распоряжению, с декабря 1925 г. начал управлять его заместитель – митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский).

Конечно, общение некоторых Восточных Патриархов с обновленцами с точки зрения подлинно церковного сознания несколько не добавляло раскольникам каноничности. Очень хорошо это выразил митрополит Сергей в 1926 г.: «Указание на то, что некоторые Патриархи, например Константинопольский и в последнее время Иерусалимский, обменялись с Синодом посланиями, нас мало убеждает. Мы знаем, что в единстве Церкви находятся лишь те, кто находится в общении со своим законным епископом и патриархом; что отлученный своим патриархом не может быть принят в общение другими ([Собора в храме] Премудр[ости], 1 прав[ило])... Да и сам вошедший в общение с отлученным подлежит отлучению (Апост[ольские] [правила] 10, 12). Значит, если Патриархи Константинопольский и Иерусалимский вошли в общение с обновленцами, тем хуже для Патриархов <...> и общение Константинопольского Патриарха с обновленцами может только Патриарха сделать обновленцем, а не обновленцев православными»³⁶.

Действительно, своим вступлением в общение с безблагодатными раскольниками Константинопольская патриархия в 1925 г.

выявила свою изрядную каноническую деградацию. В Книге правил (каноническом своде) Православной Церкви запрещение такого рода действий повторено многократно, причем и в отношении претендовавших на особую роль Константинопольских патриархов, а также и Римских пап (например, в упомянутом митрополитом Сергием правиле Софийского Собора 879 г.³⁷). В процитированном выше докладе Александра Введенского митрополиту Петру приписывалась фраза: «Надо еще проверить, православен ли сам вселенский патриарх». Конечно, провокатору Введенскому ничего не стоило пойти на любую ложь. Однако в данном случае представляется, что Местоблюститель с полным основанием мог высказаться в подобном ключе. В православности Фанара действительно возникали очень большие сомнения. Остатки чести ему в тот момент спасало лишь то, что турки не сочувствовали идее проведения под его эгидой «Вселенского Собора», на который собирались отправиться обновленцы, а на выезд высокопоставленной делегации российских раскольников в Стамбул не спешили давать добро большевики. Иначе можно было ожидать полного единения обновленцев и фанариотов на высшем уровне, уже не прикрываемого «самодеятельностью» московского «Дурепопуло и Лестипопуло».

---

¹ Подробнее см.: *Мазырин А.В., свящ.* Патриарх Тихон и Константинопольская Патриархия: к вопросу о причинах фактического разрыва отношений // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 9–37.

² Так, в своем послании к Русской Церкви от 15 июля 1923 г. Патриарх Тихон писал о раскольниках-обновленцах: «...они отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правившей Церковью в Наше отсутствие, недействительны и ничтожны! А все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе» (Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 291).

³ Ἐκκλησία Ῥωσσίας // Ἐκκλησία. 1925. 27 ἰουν. Σ. 206.

⁴ Посещение г. Ярославля представителем Вселенского патриарха // Церковное обновление. 1925. 15 июля. № 11. С. 90.

- ⁵ Награждение представителя Вселенского патриарха в России архимандрита Василия Димопуло // Церковное обновление. 1925. 15 июля. № 11. С. 91.
- ⁶ *Καλαϊτζῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ «Ο ἅγιος Σέργιος» καί οἱ ἡγούμενοι αὐτοῦ (1881–1936). Γενεῦη, Κατερίνη, 1991. Σ. 643–644.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 553–553 об.
- ⁸ Среди церковников: Новый вселенский патриарх // Известия ЦИК. 1925. 2 авг.
- ⁹ Указы Священного Синода // Тульские епархиальные ведомости. 1925. 15 июля. № 5. С. 5; Сведения о церковной жизни на 15 августа 1925 г. // Православный церковный вестник. 1925. 15 авг. № 3. С. 8.
- ¹⁰ Циркуляры Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 4. С. 4.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Καλαϊτζῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 720–722.
- ¹³ Αὐτόθι. Σ. 721.
- ¹⁴ Послание Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 4. С. 3–4.
- ¹⁵ Призывы Вселенского Патриарха Московских церковных верхов к примирению в августе месяце с. г. // Український православний благовісник. 1925. 15 дек. № 24. С. 2.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Божию милостию Местоблюститель Патриаршего Престола, Митрополит Крутицкий, смиренный Петр // Церковные ведомости. 1925. № 21/22. С. 3–4.
- ¹⁹ Письмо Вселенского (Константинопольского) Патриарха Василия III // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 7.
- ²⁰ Божию Милостию Священный Синод Православной Российской Церкви архипастырям, пастырям и всем чадам Церкви Православной // Церковный вестник: Орган Карельского Епархиального Управления. 1925. № 6/7. С. 53; Тульские епархиальные ведомости. 1926. № 1. С. 5.
- ²¹ Открытие собора. День первый // Церковное обновление. 1925. 25 нояб. № 14. С. 111.
- ²² Там же.
- ²³ Третий поместный Московский собор // Православный церковный вестник. 1925. 1 нояб. № 5. С. 4.
- ²⁴ Современное положение православия. Доклад митрополита Александра Введенского // Церковное обновление. 1925. № 14. С. 112–116.
- ²⁵ О современном положении православия. (Доклад митрополита Александра Введенского) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 10.
- ²⁶ Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)-ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В.В. Лобанов. М., 2014. С. 170.
- ²⁷ Постановление III Собора по докладу о подготовке к предстоящему Вселенскому Собору // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 7 (3). С. 1.

- ²⁸ Благословение Автокефалии Украинской Православной Церкви III Всероссийским Поместным Собором // Український православний благовісник. 1925. 15 окт. № 20. С. 1.
- ²⁹ См.: Грамата III Всероссийского Поместного Священного Собора 6 октября 1925 года об автокефалии Украинской Православной Церкви // Український православний благовісник. 1925. 1 дек. № 23. С. 1.
- ³⁰ От Вселенского Патриарха Украинской Православной Церкви // Там же. 1 нояб. № 21. С. 1.
- ³¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 510.
- ³² Там же. Л. 557.
- ³³ См.: *Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Σ. 720–722.
- ³⁴ Кифа – Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев. М., 2012. С. 793.
- ³⁵ *Бувеский А.* Патриарх Константинопольский Григорий VII и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4. С. 37; *Губонин М.Е.* «Кифа»: Очерк жизни и деятельности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) // Кифа – Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий. С. 92.
- ³⁶ Официальный ответ Заместителя Российского Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Сергия на письмо одного из обволченческих архиереев // Церковные ведомости. 1927. № 9/10. С. 1–2.
- ³⁷ «...Аще которые из италийских клириков или мирян, или епископов... подверглися или узам отлучения от таинств, или извержению из своего чина, или анафеме от святейшего папы Иоанна, те да будут и от святейшего Фотия, патриарха константинопольского подвержены тому же степени церковного наказания, то есть будут или извержены, или преданы анафеме, или отлучены» (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. СПб., 1912. Т. 2. С. 315). Далее в каноне говорилось, что и папа Римский должен поступать аналогичным образом в отношении отлученных патриархом Константинопольским. Хотя в каноне шла речь только о двух конкретных предстоятелях (Иоанне и Фотии), очевидно, что положенный в его основу принцип имел и имеет универсальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Бувеский, А.* Патриарх Константинопольский Григорий VII и Русская Православная Церковь [Текст] // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 4.
- Мазырин, А.В., свящ.* Патриарх Тихон и Константинопольская Патриархия [Текст]: к вопросу о причинах фактического разрыва отношений // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 9–37.
- Καλαϊτῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ «Ὁ ἅγιος Σέργιος» καί οἱ ἠγοούμενοι αὐτοῦ [Текст] (1881–1936). Γενεῦη, Καταρίνη, 1991. Σ. 643–644.

Веденеев Д.В.*

Православные легальные и катакомбные монастыри Украины как объект оперативной разработки и репрессий советских органов государственной безопасности (1920-е – начало 1960-х гг.)

В статье на основании широкого круга документов советских органов госбезопасности в Украинской ССР исследуется тактика, формы и методы агентурно-оперативной деятельности, направленной на разработку монастырей и монашества канонической РПЦ на землях Украины, а также нелегальных монастырей, протестных религиозных течений православной направленности

Ключевые слова: Православная Церковь, монашество, монастыри, государственно-церковные отношения, органы госбезопасности, незаконные репрессии.

Vedeneev D.V.

THE UKRAINE ORTHODOX LEGAL AND CATACOMBAL MONASTERIES AS AN OBJECT OF OPERATIONAL DEVELOPMENT AND REPRESSIONS CARRIED OUT BY SOVIET ORGANS OF STATE SECURITY (1920^s – EARLY 1960^s)

Based on a wide range of documents of Soviet organs of state security the article explores the tactic, forms and methods of agent operational activity aimed at development of canonical Russian Orthodox Church monasteries and monkery in Ukraine. It also considers illegal monasteries of protest orthodox-based religious movements.

Key words: the Orthodox Church, monkery, monasteries, State-Church relations, organs of state security, illegal repressions.

Преследование и репрессирование монашества, закрытие монастырей с начала 1920-х гг. являлось одной из важнейших составляющих агрессивного-атеистической политики и идеологии правящей партии большевиков, Советского государства в целом (к 1917 г. в России насчитывалось 1256 православных монасты-

---

* профессор, д.и.н., Национальная академия руководящих кадров культуры и искусств (Киев).

рей со 107 тыс. монахов и послушников)¹. Весьма продуктивным источником исследования государственно-церковных отношений, преследования Православия и православного монашества являются документы советских органов госбезопасности, в структуре которых с 1919 г. существовало направление деятельности (и специализированные подразделения) по «борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией».

Восстановление научной картины оперативной деятельности спецслужб по отношению к православным монастырям Украины требует привлечения широкого круга источников, прежде всего – материалов контрразведывательных, т.н. «секретно-политических» и профильных, антирелигиозных подразделений органов госбезопасности, а также массива архивных уголовных (следственных) дел на репрессированных священнослужителей. К сожалению, безвозвратно утерян ряд обобщающих документальных подборок. Так, на основании приказа КГБ УССР № 00150 в 1990 г. уничтожили массу многотомных агентурно-оперативных дел по разработке религиозных конфессий Украины. Среди них, например, многотомное дело (1952–1961 гг.) по «антисоветской деятельности» монашества РПЦ в Советской Украине.

Православным обителям Украины был нанесен катастрофический удар предшествующей целенаправленной богоборческой политикой советских властей, старт которой дал, в частности, печально известный декрет Совета народных комиссаров УСРР от 17 мая 1919 г. «О передаче имущества монастырских и церковных, и других религиозных учреждений в ведение Народного комиссариата социального обеспечения» (в том же году, например, началось изъятие ценностей и имущества старейшего на Руси монастыря – Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры, на территории которой стали расселять «инвалидный городок»).

С декабря 1924 г. повелось прямое наступление на Лавру (братия этой общерусской святыни тогда насчитывала 557 насельников). Зимой 1924/1925 г. по доносам о сокрытии Лаврских ценностей органы ОГПУ арестовали 28 монахов и 6 других граждан, фабриковалось уголовное дело «Жеретиенко и другие» по имени архим. Климента (Жеретиенко), избранного настояте-

лем монастыря в августе 1924 г. Тогда же чекисты конфисковали свыше 350 сокрытых лаврских ценностей, включая золотую ризу святыни монастыря – чудотворной иконы Успения Божией Матери (место нахождения ее подлинника ныне не установлено). Всего же за советский период (по подсчетам Л. Рылковой), подверглись репрессиям свыше 130 насельников Лавры².

Репрессиям способствовало и то, что Киев превратился в важнейший центр протестного «иосифлянского» движения на Украине: помимо четырех приходских общин города к иосифлянам присоединились многие бывшие насельники уже закрытых к тому времени монастырей: Киево-Печерской Лавры, Введенской, Фроловской и Покровской обителей. Это движение оказалось в основном разгромлено в 1931 г.: 15 января в Киеве арестовали всех выявленных ОГПУ по делу «Всесоюзной контрреволюционной организации монархистов-церковников “Истинно-православная церковь”» иосифлянских священников, часть представителей монашества и мирян, 14 декабря 1931 г. их приговорили к различным срокам заключения в концлагерь³.

Подразделения органов госбезопасности, занимавшиеся «церковной линией» (на то время – 3-я группа Секретно-политического отдела ГПУ УСРР) создавали в Лавре свои агентурные позиции. При этом одним из ведущих объектов оперативной разработки выступал живший в доме наместника Киево-Печерской Лавры Патриарший Экзарх Украины (с мая 1921 г.), митрополит Михаил (Ермаков). Спецслужбу, активно насаждавшую расколы и нестроения в «тихоновской» РПЦ, беспокоила принципиальная позиция владыки по отношению к обновленцам и автокефалам (УАПЦ) Украины (Экзарх категорически отказывался проводить епископскую хиротонию представителей УАПЦ, среда которой была пропитана «сексотами» ГПУ⁴). На его разработку нацелили информатора, заведующего охраной Лавры (в 1937 г. репрессирован по обвинению в «шпионаже»).

Негласные источники имелись в близком окружении митрополита, сообщая о его высказываниях и настроениях. Как докладывал, в частности, агент «№ 650», в «полуофициальной беседе» митрополит четко формулировал свою позицию: Украина является лишь частью России, для Православной Церкви в Ук-

раине достаточно автономного статуса, Церковь должна оставаться единой, с институтом Патриаршества, недопустимы «реформы» канонического строя. «Человек глубокого религиозного настроения, молитвенник и монах по призванию, – честно общал информатор, – ...уделяет незначительное внимание чуждым его духовному складу практическим деловым вопросам. Лаврская братия любит его за простоту, доброту и непритязательность». В феврале 1923 г. владыку Михаила арестовали, в Москве осудили на 2 года ссылки в Туркестан, вернувшись в Киев, умер 30 марта 1929 г.⁵ Отметим, что с 1918 по 1940 г. погибло или было казнено семь митрополитов Киевских.

Согласно постановления Всеукраинского ЦИК и СНК УСРР от 29 сентября 1926 г. началась работа по закрытию Лавры, превращению ее в музейное учреждение. 18 ноября 1929 г. Киевский окрисполком принял решение о закрытии Лавры и известного монастыря – Китаевской пустыни, было выселено 138 лаврских «монахов старославянской ориентации», и к 10 декабря того же года монашеская жизнь в основанной в середине XI ст. обители полностью пресеклась.

Фронтальные репрессии против духовенства и монашества оживились в связи с коллективизацией, когда социально-экономический протест против форсированного слома хозяйственного уклада переплетался у значительной части крестьянства с возмущением против преследований веры. В начале 1930-х в Киеве, где к 1917 г. имелось 130 храмов и до 30 тыс. священнослужителей и монашествующих, богослужение велось лишь в 12 храмах, закрытыми стояли 8 монастырей (в Никольско-Слупском монастыре, например, разместили швейную артель). Динамика была такова, что к 1932 г. в УСРР закрыли свыше 1000 храмов, а к 1936 г. из 12380 церквей уцелело 4487, причем лишь в 1116 осуществлялось богослужение (9%, при среднем подобном показателе по СССР в 28%). Начинается уничтожение монастырских храмов, показательным примером чего стал снос в 1934–1936 гг. Михайловского Златоверхого собора XII ст. в одноименном монастыре в центре Киева.

В целом в УССР к 1939 г. осталось 3% от дореволюционного количества действующих храмов (правда, значительное количест-

во православных приходов и 88 монастырей оказалось на территории вошедших в СССР и УССР в 1939–1940 гг. регионах Западной Украины). К 1941 г. на остальной территории республики действовало не более 3% храмов, в ряд областей (Винницкой, Ворошиловградской, Запорожской, Сталинской и других) – ни одного, служба велась лишь в двух киевских храмах. Киевская епархия РПЦ, например, до 1917 г. имела 1710 храмов, 1435 священников, 277 диаконов, 23 монастыря (5193 монашествующих), а к 1939 г. в ней уцелело и оставалось 2 прихода с 3 священниками и диаконом⁶.

Как отмечалось в отчете Народного комиссариата госбезопасности (НКГБ) УССР от марта 1944 г., к началу войны в ряде областей Украины не осталось ни одного действующего храма. Священники либо публично отреклись от сана, либо «тихо отошли» и работали в народном хозяйстве. Монашествующие «разбредлись» из закрытых обителей, трудились в артелях. Однако немало из них при этом открывали домовые храмы, отправляли требы и вели богослужение⁷.

Действительно, пресс государственной политики, системные гонения и физические репрессии загнали каноническую Православную церковь в подполье (что стимулировало, в том числе, рост «катакомбных» монашеских общин и подпольных монастырей, а также псевдоправославных, мистических течений) хотя при этом в закрытых информационных материалах НКВД УССР констатировался высокий уровень религиозности населения и распространение вынужденных форм «нелегального» богослужения. Как отмечалось в отчете об оперативно-служебной деятельности НКВД-НКГБ УССР за период Великой Отечественной войны, к 1941 г. «значительное количество попов, особенно монахов и монахинь, несмотря на свой формальный отход от церковной деятельности, а также сектантские авторитеты (протестантские пресвитеры и актив. – *Д.В.*) продолжают свою нелегальную деятельность, группируют вокруг себя антисоветски настроенную часть верующих, оборудуют нелегальные церкви, отправляют богослужения и выполняют различные религиозные требы». Кроме собственно подпольных или полуполюгальных (на дому у мирян и пр.) монашеских общин, нелегаль-

ные монастыри создавали представители неконформистских религиозных течений, прежде всего – «Истинно-православной церкви» (ИПЦ) и «подгорновцев» («стефановцев»)⁸.

Оперативно-следственные материалы НКВД-НКГБ описывают деятельность «церковно-монархической» нелегальной организации монастырского типа, созданную монахиней Михайлой в Киеве еще в 1924 г.⁹ Располагая значительными денежными средствами, Михаила¹⁰ приобретала на подставных лиц дома на окраинах Киева, куда поселялись ее единомышленники, заключались фиктивные браки и трудоустройство. Со временем образованная таким способом община стала основой самостоятельного «ставропигиального монастыря».

С началом массовых арестов монашествующих Лавры, по указанию схиигуменьи Михайлы, насельники рассредоточились по частным домам в Киеве и его пригородах. Сама игуменья поселилась с пятью монахинями в селе Борщаговка под Киевом, здесь архимандрит Михаил стал проводить тайные богослужения. Ее соратником стал Михаил Костюк, бывший врач Киево-Печерской Лавры, с 1919 г. постригшийся там же в монахи¹¹. В тайном монастыре о. Михаил стал служить, исповедовать, причащать и исполнять другие требы. В 1929 г. был Михайлой «помазан на царство», и почитался экзальтированными адептами как «Самодержец Всероссийский» и «Патриарх всея Руси», неоднократно задерживался милицией.

К декабрю 1930 г., по указанию архимандрита Михаила, монахи и монахини, живущие в Киеве и Ирпене, оформились на предприятия и в государственные учреждения, вступали в профсоюзы, чтобы создать для окружающих «видимость светского образа жизни». Все работающие должны были ежемесячно передавать в монастырскую кассу десятину, хотя в дальнейшем большинство передавало до $\frac{2}{3}$ своего заработка. На эти средства руководством тайного монастыря приобрели пятнадцать частных домов, где поселились насельники обители, которая постепенно разрасталась; приобреталась также церковная утварь, имущество для монастыря, продукты и одежда. Кроме того, в селе Зайцево Сталинской области существовала большая община во главе со схиигуменьей Серафимой, в ней было более ста

монахинь, в основном из бывшего женского монастыря. Раз в году в Киев оттуда привозились продукты и часть средств от доходов общины. Схиигуменья Михаиле помогала и игуменья Василиско-Златоустовского женского монастыря, ежегодно отчисляя 10% доходов для передачи Михаиле. С 1938 г. молодые монахини тайного монастыря, по указанию архимандрита Михаила, стали официально регистрироваться в «браках» с молодыми монахами, что позволяло прописывать новых членов общины в домах.

После смерти в 1939 г. монахини Михайлы (именовавшей себя «великой княгиней Елизаветой»), М. Костюк перенял полностью бразды управления нелегальной группой ИПЦ. Разумеется, существование общин ИПЦ не осталось вне внимания органов ГПУ-НКВД. В 1931 г. было возбуждено уголовное дело на 140 адептов ИПЦ. Велись агентурные разработки «Кроты» и «Отшельники» на киевское подполье ИПЦ, «реализованные» в 1939–1940 гг. осуждением свыше 10 его участников. 17 февраля 1940 г. обвиняемые были приговорены (в т.ч. к 10 годам лагерей – 8 человек). 1940 г. М. Костюк возглавил «нелегальный ставропигиальный монастырь» в Киеве. В города и села Киевской и других областей для сбора пожертвований и проповедования истины о «великих старцах» ИПЦ, направлялись монашеские с просфорами, святой водой, портретами схиигуменьи Михайлы, как «святой, чудотворной, прозорливой, чистосердечной и всевидящей», и фотографиями архимандрита, распространяемыми среди экзальтированных верующих как «благословения батюшки Михаила».

Особая ситуация сложилась в религиозной сфере на оккупированных гитлеровцами и их союзниками землях Украины в 1941–1944 гг.¹² Обстоятельные показания о политике Германии и действиях ее спецслужб по отношению к Церкви содержались в протоколах допросов руководителя подразделения по вопросам религии и культуры СД в Галиции Герберта-Эрнста Кнорра, содержавшегося после ареста в Следственной части Министерства госбезопасности (МГБ) УССР.

На допросе 21 января 1948 г. Г. Кнорр заявил: «Национал-социализм был непримиримым врагом христианства, а отсюда и

всех религиозных организаций», видя в них серьезного конкурента на пути установления тотального контроля над людьми, не признающего расового неравенства. Хотя изначально религиозные вопросы были отнесены в компетенцию министерства по делам религии, оно проявило, по словам Кнорра, «бессилие» (до 80% немцев тяготели к религии), и конфессиональные вопросы передали гестапо (контрольно-репрессивные функции) и СД (по сути – политической разведке и контрразведке, подчиненной с 1939 г. Главному управлению имперской безопасности). «СД, – показал ее бывший сотрудник, – через свою агентуру включалась в церковную жизнь и руководила церковными организациями», насаждала расколы и разложение в конфессиональной среде, компрометировала религиозных деятелей.

На оккупированных территориях СССР, свидетельствовал нацист, поначалу имитировалось покровительство Рейха религии и развитию церковной жизни, поскольку «массы еще преданы церкви... немцы еще не чувствовали себя настолько сильными, чтобы объявить себя вне церкви и религии вообще», хотя конечной целью оставалась ликвидация всех религиозных организаций¹³.

Не препятствуя открытию храмов и обителей по инициативе священнослужителей и населения, оккупанты и в религиозной сфере приступили к террору и насаждению расколов в Православии. При этом спецслужбы противника старались создать собственные агентурные позиции среди клира, ориентируя их, в т.ч., на противодействие партизанско-подпольному движению, выявление «нелояльных» к рейху граждан.

29 сентября 1941 г. инициативно возродилась монашеская жизнь в Киево-Печерской Лавре под руководством схиархиепископа Антония (князя Абашидзе, 1867–1942, ныне – местночтимый святой УПЦ). 3 ноября 1941 г. гитлеровцы варварски уничтожили мощным взрывом главную лаврскую церковь – Успенский собор, чем, в частности, покрывали предшествующее разграбление его святынь и ценностей (при этом оккупанты развернули пропагандистскую кампанию по обвинению «советов» в уничтожении святыни). Тщательным документальным исследованием исследователя С. Кота (Институт истории Украины

НАН Украины) доказана вина оккупантов и их спецслужб в гибели памятника церковного зодчества XII–XVII ст.¹⁴ По указанию рейскомиссара Украины Э. Коха массово вывозились ценности и предметы старины из православных храмов и монастырей.

Советские спецслужбы в течение всего периода оккупации (в т.ч. через возможности подполья и разведывательного отдела Украинского штаба партизанского движения) вели постоянный мониторинг и получали достаточно содержательную информацию о состоянии дел в конфессиональной среде и соответствующей деятельности спецслужб противника, об активных пособниках противника среди духовенства, а также отдельных участниках катакомбного движения.

Достаточно сказать, что только для передачи подобных сведений через линию фронта работало 20 агентов-маршрутников НКВД-НКГБ, в окружении сотрудничавших с немцами высокопоставленных священнослужителей действовало 18 квалифицированных агентов¹⁵. В октябре 1941 г. в число сотрудников 4-го Управления НКВД-НКГБ УССР (зафронтовая разведывательно-диверсионная работа) зачислили одного из лучших знатоков религиозных проблем Сергея Карина-Даниленко. Будучи уволенным в 1939 г. после более чем двухгодичного пребывания под следствием по ложным обвинениям, потеряв здоровье от пыток, он доблестно восстановился на службе. Участвовал в организации разведывательно-диверсионной работы, вернулся и к «разработке» религиозных проблем.

Ведущим органом сбора сведений о положении на оккупированной территории, включая и ситуацию в религиозной сфере, выступало 4-е Управление (зафронтовая разведывательно-диверсионная работа) НКВД-НКГБ УССР. Утвержденное НКВД СССР приказом от 1 июня 1942 г. № 001124 «Положение о работе 4-х отделов НКВД-УНКВД республик, краев и областей» возлагало на них функцию «организации и руководства агентурно-разведывательной и диверсионной деятельностью в тылу противника», сбора военно-политической информации о положении на оккупированной территории. Предусматривалось, что

добытые данные о положении в религиозной сфере будут передаваться в секретно-политические отделы НКВД-УНКВД¹⁶.

Оперативная работа органов НКВД-НКГБ на захваченных землях Украины по линии «церковников и сектантов» (как она именовалось в служебных документах) преследовала такие основные цели:

- приобретение оперативных источников для выявления среди православного духовенства раскольнических течений (насаждаемых противником), поиск среди служителей и актива других конфессий (как правило, протестантских деноминаций) лиц, которые стали на путь активного сотрудничества с оккупантами;

- сбор документально подтверждаемых данных о развитии ситуации в религиозной среде Украины, деятельности иерархов и священников РПЦ, течениях и настроениях в церковной среде, состоянии других религиозных общин;

- изучение через оперативные источники политики оккупационной администрации по отношению к религиозным институтам, прежде всего – об инспирировании немецкими и румынскими спецслужбами автокефальных и автономистских течений в Православии на Украине.

Конфессиональной ситуации на занятых врагом землях Украины НКВД посвящал отдельные информационные материалы, по крайней мере, с середины 1942 г. Так, 7 июля 1942 г. вр. и. о. наркома внутренних дел УССР С. Савченко подписал подготовленную 4-м Управлением разведсводку № 30/65 «О церковной политике немецких фашистов на оккупированной территории Украины»¹⁷. В основу подобных материалов ложились донесения агентуры и опрос лиц, перешедших линию фронта, данные партизан и военной контрразведки, изучение антисоветской прессы и других печатных источников, перехваты радиопередач. При определенной поверхностности и фрагментарности охвата и анализа проблемы, документ отразил определенные тенденции в развитии религиозной ситуации и использования ее оккупантами в своекорыстных целях.

Приводились данные о методах «религиозной политики» оккупантов, которые старались создать «строгую организационную систему»: учреждают «отделы культов» при городских

управах, которым подчиняются епархиальные советы и епископат, разрешают и контролируют открытие епархиальных советов.

Отмечалось, что отдельные армейские соединения (приводился пример немецкой 17-й армии) берут под охрану храмы и церковный инвентарь. Открываются отдельные монастыри, как, к примеру, женский монастырь в местечке Козельщина, причем при открытии были сожжены портреты «руководителей ВКП(б)», а игуменья заявила: «Пусть с дымом улетит их прах, а победоносная немецкая армия уничтожит живых дьяволов-коммунистов». Прилагался список открытых храмов и монастырей (38 позиций).

Содержательные сведения по религиозным вопросам поступали и по линии разведывательного отдела Украинского штаба партизанского движения. При этом, в частности, руководствовались утвержденным 16 октября 1942 г. начальником Разведывательного управления Центрального штаба партизанского движения «Перечнем вопросов, разработанных по темам, в соответствии с планом работы отдела политического информирования». Каждый из основных вопросов – включая положение религиозных конфессий и политики оккупантов в этой сфере – в свою очередь, делился на несколько конкретных подпунктов¹⁸.

Возрождение религиозной жизни в стране и заметное смягчение официальных государственно-церковных отношений привело к значительному росту сети храмов и монастырей православной Украины. К марту 1944 г. в освобожденных областях УССР действовало 2113 приходов РПЦ (более всего – в Полтавской – 326, в Киеве и области – 213), 7 мужских (до 100 насельников) и 12 женских (1020) монастырей. Совокупно на оккупированной территории УССР (по данным НКГБ) за период войны открылось около 6500 православных храмов и 45 монастырей. Со времени изгнания оккупантов на этих территориях Церковь, по неполным данным, собрала в фонд обороны 2693686 рублей¹⁹.

Показательна директива № 1341/с от 22 июля 1944 г. наркома государственной безопасности Украинской ССР. В НКГБ УССР, писал глава чекистов Украины, поступают сведения о том, что в Сумской, Киевской, Ворошиловградской и других областях местные органы власти и даже сельсоветы закрывают православные

церкви, отдают их под склады, клубы и колхозные конторы, что оскорбляет религиозные чувства граждан и создает почву для провокационных измышлений и слухов. Далее указывалось, что органы госбезопасности обязаны выявлять и расследовать подобные факты, информировать о них Киев. Предписывалось в дальнейшем не допускать закрытия церквей – разумеется, «без соответствующего разрешения вышестоящих директивных органов», а аресты православного духовенства проводить только с санкции НКГБ УССР, аресту же должна была обязательно предшествовать «компрометация того или иного лица перед массой верующих»²⁰.

Монашествующим отводилась спецслужбой определенная роль в противостоянии католицизму и унии на Западе Украины. Как отмечалось в директиве НКГБ УССР от 20 июня 1945 г. № 66/д, Московская Патриархия создает во Львове, Луцке и Черновцах «православные миссионерские братства», ставящих «основной целью и первостепенной задачей борьбу с происками и влиянием Ватикана», «подрыв влияния католической церкви», миссионерскую и благотворительную деятельность, издание «церковно-патриотической литературы», «широкую агитационно-пропагандистскую работу против римо-католиков и униатов». Наркомат госбезопасности через аппараты уполномоченных Совета по делам РПЦ приступает к подбору лиц из числа «богословски подготовленных православных монахов, способных вести миссионерскую работу». Органы НКГБ обязывались подключиться к этой работе и до 25 июля подать на кандидатов в миссионеры справки во 2-е (контрразведывательное) Управление НКГБ. Начальникам УНКГБ соответствующих западных областей УССР предписывалось внедрить в братства «проверенную агентуру, работающую по церковникам»²¹.

Одновременно, в рамках расследования деятельности религиозных объединений в период оккупации, сотрудничества отдельных священнослужителей с оккупационной администрацией, органы НКГБ провели ряд акций по отношению к монашествующим и монастырям. Так, во время оккупации упомянутый выше архимандрит Михаил (Костюк) открыто служил, зарегистрировал «ставропигиальный монастырь» в созданной окку-

пантами Городской управе. Богослужения в церкви Всех Святых привлекали все больше верующих, среди них были представители технической и творческой интеллигенции, профессура, увеличился поток верующих из провинции, привлеченных распространявшимися слухами об архимандрите Михаиле как «исцелителе» и «святом старце».

В 1943–1944 гг. арестовали 28 человек из окружения М. Костюка (в основном монахинь), из тайников монастыря было изъято 26 печатей и штампов, изготовленных художниками общины, которые использовались при изготовлении документов. Оставшиеся на свободе насельники монастыря пытались помочь арестованным, искали возможные пути освобождения архимандрита Михаила, стремились передать информацию о том, что он во время оккупации прятал в подвале церкви Всех Святых крещеных еврейских детей и «раскаившихся» коммунистов, спасал молодежь от угона в Германию. На допросах он заявил, что «принадлежит к Древне-Соборной Православной Кафолической Епископской Церкви», богослужения в монастыре совершались по монастырскому уставу, подтвердил, что поминовение императора Николая II во время богослужений делалось им сознательно, так как он «по убеждениям монархист и не признает советскую власть как отрицающую Господа и преследующую верующих».

В обвинительном заключении значилось, что М. Костюк «организовал антисоветскую монархическую группу»; «проводил антисоветскую пораженческую агитацию, «предсказывая гибель Советской власти и установление на территории СССР царской монархии». Ему же инкриминировалась «тесная связь с представителями карательных органов немецких властей, от которых он получал задания выявлять советских партизан», эти показания дал уже осужденный переводчик в гестапо, привезенный из лагеря на очную ставку с ним. По словам контрразведчиков, «сгруппировал вокруг себя монархически настроенных служителей церкви разных направлений и мирян (до 30 человек), проводил активную антисоветскую деятельность на Украине, Дону, Кубани, создал скиты и группы», намеревался свергнуть советскую власть и восстановить монархию. При всем распростране-

нии в Украине «церковно-монархического подполья», комплекс обвинений против архимандрита явно требует критического отношения. Архимандрит Михаил виновным признал себя лишь в том, что, «как руководитель тайного Киевского ставропигиального монастыря, на протяжении многих лет лично проводил активную монархическую работу против Советской власти». 30 декабря 1943 г. архимандрит был арестован, а 21 декабря 1944 г. расстрелян²².

По мнению органов следствия, под видом монахов в «группе Костюка» скрывались активные коллаборационисты. С. Савченко в директиве № 520/с от 23 марта 1944 г. указывал, что в ходе расследования удалось разоблачить нескольких оставленных «на оседание» агентов немецких спецслужб, а также завербовать «ценную агентуру по церковникам»²³. Впрочем, полностью доверять этим утверждениям нельзя, так как и в 1940-е гг. для органов госбезопасности была характерна массовая фальсификация следственных дел. На насельников тайного Киевского ставропигиального монастыря до конца 1940-х гг. продолжалась охота, по доносам они арестовывались и отправлялись в лагеря на 3–5 лет.

Как отмечалось в ориентировке НКГБ СССР от 28 апреля 1945 г. № 62, арестованный в 1944 г. агент гестапо, настоятель Михайловского монастыря в Киеве архимандрит Эразм (Довбенко) «предавал советских патриотов», в сотрудничестве с немецкими спецслужбами обвинялся настоятель Лебединско-Николаевского монастыря в Киевской области игумен Валентин. Ликвидированный в ноябре 1944 г. в Запорожской области скит укрывал дезертиров²⁴.

«Диким» приходам нарком С. Савченко посвятил отдельную директиву № 1328/с от 22 июля 1944 г. Ее стоит частично процитировать: «По имеющимся в НКГБ УССР сведениям, на территории областей Украины существуют “дикие” приходы, нелегальные монастыри и скиты православной церкви, не подчиненные Московской патриархии и считающие себя “истинно-православной церковью” на том основании, что руководители патриархии “продались” советской власти». Указывалось, что в Харьковской области и в Донбассе распространение получили

«подгорновцы», в Херсонской – «прокопиевцы», отказывающиеся от подчинения епископату РПЦ. Ставилась задача органам НКГБ «через проверенную агентуру» выявлять и брать на учет подобные общины, активно вести их оперативную разработку. «Не затягивая» с агентурным изучением, «катакомбные» организации ликвидировать путем ареста их руководителей (с санкции НКГБ УССР) и актива из мирян, выявлять среди них агентуру немецких спецслужб, дезертиров, активных пособников оккупантов. При этом указывалось, что церкви и молитвенные дома закрывать не следует, «принимая меры к назначению в них наших агентов-священников», а «дикие» приходы – компротетировать перед верующими²⁵.

Всего же до 1959 г., по данным КГБ УССР, удалось разоблачить свыше 100 агентов немецких спецслужб и репрессивных органов среди клира РПЦ, РКЦ, греко-католической церкви и украинских православных автокефалов (УАПЦ), активистов религиозного подполья²⁶.

Продолжалась работа по нелегальным монастырям. В начале 1945 г. чекисты по материалам агентурного дела «Святоши» в Сталинской области ликвидировали т.н. нелегальный Зайцевский монастырь подгорновского течения (с. Зайцево Горловского района.). Его участников осудили по обвинению в причастности к «подпольной антисоветской церковно-монархической организации». Как говорилось в материалах следствия по делу насельников монастыря, обитель основала в первые же годы советской власти «дочь крупного шахтовладельца – Пыжова Ефросинья Антоновна», создавшая затем «подпольную антисоветскую церковно-монархическую организацию». Она и бывший иеромонах Киево-Печерской Лавры Вениамин (В.Ф. Филиппов) «под видом отправления религиозных обрядов и богослужений» вели работу по «восстановлению монархии»²⁷.

Как показала 7 марта 1945 г. арестованная Екатерина (Ефросинья) Гавриловна Пыжова, в Зайцевском монастыре она пребывала с 1923 г. С 8 лет пела в церковном хоре, побывала в Киево-Печерской лавре, Святогорском монастыре, много читала духовной литературы. В 1923 г. ее отец (бывший шахтовладелец из Константиновки) иеромонахом Михаилом был пострижен в

монаха Михаила, брат Петр стал монахом Сысоем, брат Василий – монахом Иоанном.

В показаниях арестованных насельников Зайцевского монастыря довольно подробно описана его внутренняя организация. Как показала монахиня Ольга (Александра Чуйко), монастырь занимала площадь в один гектар, обнесенный забором, с постами охраны, цепными собаками. Насчитывалось до 30 постоянных обитателей. Имелось три жилых дома (в одном из них находилась церковь, при ней жили отцы Серафим и Вениамин), кухня, прачечная, сарай для инвентаря, загоны для скота. Запрещалось посещение кино, театров, «бесовских» учреждений, чтение газет. Монах Вениамин категорически запрещал посещения храмов РПЦ как «еретических».

Богослужение начиналось в 4 ч. утра и длилось до 10 ч., затем – в 17–20 ч. За проступки накладывалась епитимия в 100–500 поклонов. В город выходили только с разрешения священника, по одному, для легализации работали в государственных структурах, заключая между собой фиктивные браки для отвода подозрений в совместном проживании мужчин и женщин (Е. Пыжова состояла в таком союзе с А. Качановым, реально общаясь с ним «как с братом»).

Жили обработкой земли, совместным ведением хозяйства, имели общий стол и имущество, получали пожертвования (в месяц монастырь посещало до 100 человек). Поддерживали общение с нелегальным монастырем старца Якова Широкого в с. Кобыляки. Не приходится сомневаться, что столь длительное существование в сталинскую эпоху, в густонаселенном Донбассе подобной закрытой религиозной организации оказалось возможным только в силу неразглашения и поддержки со стороны местного населения. В свою очередь, это может рассматриваться не иначе как свидетельство глубокой латентной религиозности людей даже в период беспрецедентных гонений на веру.

После создания в марте 1946 г. Министерства государственной безопасности (МГБ) функции подразделения «по борьбе с антисоветскими элементами из числа духовенства, церковников и сектантов» возложили на отдел «О» МГБ СССР (во главе с ветераном этой линии, знаменитым генерал-майором Г. Карповым²⁸).

На Украине, соответственно, отделом «О» именовался 4-й отдел 2 Управления (контрразведка) МГБ УССР. В 1950 г. (и до временного слияния МГБ и МВД в марте 1953 г.) церковную линию передали в компетенцию 2-го отдела 5-го Управления МГБ (активные оперативные мероприятия, наружное наблюдение, оперативная установка подозреваемых лиц, охрана государственной тайны, розыск анонимных авторов «антисоветских» текстов, расследование терактов). С созданием в 1954 г. КГБ при СМ УССР религиозную линию до 1960 г. вел 6-й отдел 4-го (секретно-политического) Управления.

По состоянию на сентябрь 1949 г. штатная численность отдела «О» МГБ УССР составляла 27 единиц (из них 24 – оперативный состав). Возглавлял отдел полковник Леонид Готовцев, его заместителем служил подполковник Виктор Сухонин (будущий руководитель профильного подразделения МГБ-КГБ УССР в 1950–1960 гг.). Первое отделение отдела (начальник – подполковник Василий Савочкин, 5 оперативных работников) занималось разработкой РПЦ, ее духовных учебных заведений, старообрядцев, а также «церковно-монархического подполья» (ИПЦ, «иоанниты», «стефановцы» и др.)²⁹.

Антирелигиозное подразделение работало весьма напряженно, как правило, на связи у оперработника находилось не менее 10–15 негласных помощников. В основе оперативной работы лежало приобретение и использование агентов (добровольных негласных помощников, способных лично принимать участие в квалифицированных мероприятиях – вербовках, оперативных комбинациях и т.д.), осведомителей (поставлявших первичную, «сигнальную» информацию и иных сведения об объектах разработки), резидентов (квалифицированных агентов, посредников между оперработником и группой агентов или осведомителей)³⁰.

Активизации агентурно-оперативной работы по монастырям способствовало и новое наступление власти на Православие с середины 1948 г. За 1949–1951 гг. количество священников РПЦ в СССР уменьшилось от 13 483 до 12 254, монастырей – со 104 до 62³¹. В целом, отмечается в докладной записке КГБ при СМ УССР в КГБ СССР от 17 октября 1959 г. «О результатах агентурно-оперативной работы органов госбезопасности на Украине

по борьбе с вражескими элементами из числа церковников и сектантов за период с 1944 по 1959 год», за указанный период (и до 1961 г. включительно – в указанный документ позже внесли рукописные дополнения) органы госбезопасности арестовали 7235 участников религиозных организаций, из них – 462 представителя православного духовенства, 2194 «церковника» (актив мирян РПЦ, участники «церковно-монархического подполья») ³².

Агентурный аппарат по религиозной линии в республике к 1948 г. включал 1263 агента, 4912 осведомителей, 53 резидента, 107 содержателей явочных квартир (из которых 1279 было завербовано в 1947 г.) ³³. Согласно «Календаря встреч» на апрель 1950 г. сотрудники 2-го отдела провели 50 личных встреч с агентурой ³⁴.

Значительно больше конфиденентов состояло в агентурном аппарате 4-х отделов областных УКГБ. Так, по состоянию на октябрь 1954 г. в ведении 4-го отдела УКГБ по Киевской области состояли 457 оперативных дел. 4-е отделение отдела «обслуживало» Лавру, 347 православных храмов, 4 монастыря (800 насельников) Киевщины. В Киево-Печерской Лавре пребывает немало «странников, проповедников, кликуш, юродивых», использующих свое положение для «антисоветской работы», отмечалось в служебных документах ³⁵.

Одной из целей «оперативного обслуживания» Лавры и монастырей столицы УССР было обеспечение визитов по линии церковной дипломатии. Под контролем контрразведки находились и внешние церковные связи РПЦ, ее Экзархата в Украинской ССР. Об организации подобных мероприятий дают представление отдельные сохранившиеся документы антирелигиозного подразделения МГБ-КГБ УССР. С точки зрения изучения форм и методов работы чекистов по «церковникам» интересен эпизод с оперативным сопровождением визита в Киев (6–8 июня 1953 г.) верхушки поместной Антиохийской православной церкви ³⁶.

15 мая 1953 г. 7 отдел 4-го Управления МВД СССР (как известно, после смерти И. Сталина на непродолжительное время в состав МВД были переданы и органы госбезопасности) направил и. о. начальника 4-го Управления МВД УССР полковнику

Цветухину сообщение об ожидающемся с 20 мая визите в СССР (по приглашению Московской Патриархии) делегации Антиохийской православной церкви в составе митрополита Епифанитского Игнатия, митрополита Хауранского Афанасия и митрополита Эмесского Александра.

23 мая 1953 г. заместитель главы МВД УССР генерал-лейтенант П. Ивашутин утвердил «План мероприятий по обеспечению агентурного наблюдения» за делегацией иерархов. Агентурное наблюдение от МВД, УМВД по Киевской и Одесской областях должно было обеспечить изучение «настроений и связей» объектов слежки. Основные агентурные мероприятия возлагались на 1-е отделение 6 (антирелигиозного) отдела 4-го Управления МВД. К разработке иностранцев привлекались негласные помощники «Птицын», «Омега» (Экзархат РПЦ), «Орапов» и «Лотосов» (Владимирский собор, духовная семинария) и другие. На 2-й спецотдел МВД УССР возлагалась задача обеспечения оперативно-технических мероприятий, в частности – установки «литеры «Н» (прослушивания) номеров в отеле, где проживали архиереи. Силами 7-го отдела МВД выставлялось наружное наблюдение за гостями и велось скрытое фотографирование. Милиция должна была провести «очистку» территории монастырей от «бродячих, кликушествующих и нищенствующих элементов», поскольку график пребывания гостей в столице оказался весьма насыщенным: они посетили Лавру, Введенский, Флоровский и Покровский женские монастыри, осмотрели городские достопримечательности и Андреевскую церковь 18 ст.

Подобные меры оказывались «не лишними». Так, в июне–июле 1954 г. контрразведкой осуществлялся контроль за визитом в Киев и Одессу делегации Евангелическо-лютеранской церкви Германии во главе с председателем ее Синода, бывшим министром кабинета К. Аденауэра д-ром Густавом Хейнеманом. Как доносил в июле 1954 г. в 7-й отдел 4 Управления КГБ СССР источник «Кузнецов», приехавший с делегацией из Москвы, при посещении немцами Киево-Печерской Лавры к нему подошла неизвестная женщина, и, приняв источника за иностранца, стала быстро шептать ему: «Знаете, в деревнях нет хлеба, народ умирает от голода и каторжных работ, коммунисты разорили Ук-

раину». Молитесь, посоветовал ей «Кузнецов», и все будет преодолено. Надалее предписывалось перевести в Киево-Печерскую Лавру из монастырей Западной Украины «надежных» агентов-архимандритов для поставления их смотрителями Дальних и Ближних пещер, контроля за паломниками.

Под пристальным вниманием находилась основанная в XIII ст. Почаевская Лавра (в 1956 г. – 85 монахов, и еще 30 – в скиту), которую, к счастью, власти не решились закрыть из-за опасения негативного резонанса за рубежом. По обители «работало» 10 агентов, органы КГБ беспокоило большое количество богомольцев, прибывающих со всех концов СССР и Украины (в дни Пасхи, Троицы – до 10 тыс. человек). Пристально следили за духоносными старцами, прежде всего – игуменом Кукшей, «известным своими враждебными антисоветскими взглядами» (отец Кукша был переведен в монастырь в Черновицкую область)³⁷. В 1961 г. в Почаевской лавре было 140 монахов, через несколько лет их осталось лишь 35. Оперативные мероприятия и вербовки были произведены и по монастырю «Глинская пустынь» на Сумщине (в июле 1961 г. обитель закрыли).

Применялись изощренные приемы агентурной работы. Так, органы МГБ умело использовали духовный авторитет старцев среди верующих. Уникальным является пример агента «Степового», который по религиозной линии оказывал услуги спецслужбе с 1924 по 1956 г., жил на пособие, вел одинокий, бродячий, исполненный лишений образ жизни, потерял на фронте сына. Под видом «странника», «старца», маршрутировался чекистами по различным регионам СССР, где существовало подполье ИПЦ, имел высокую репутацию «страдавшего за веру», доверие верующих. На территории Киево-Печерской Лавры вступал в беседы с паломниками, поставляя информацию в органы МГБ-КГБ. По сведениям агента «реализовали» ряд оперативных дел (т.е. лишили свободы десятки людей)³⁸. «Проверенная агентура» в рамках общесоюзных мероприятий направлялась КГБ УССР в другие регионы страны, в частности – для разработки нелегального монастыря ИПЦ «Сухумская пустынь» в Гульрипшском районе Абхазской АССР.

В хрущевские годы органы КГБ стали ударным инструментом оголтелых гонений на православие³⁹. Чекистов, как свидетельствуют их служебные записки в ЦК КПУ и КГБ СССР, тревожило то, например, что лишь за 1955–1956 гг. в Украине появилось свыше 200 новых монашествующих (из них 42 постриглось в Киевском Флоровском монастыре), количество учащих духовных семинарий возросло на 140 человек, конкурс в Киевскую семинарию составлял 4 абитуриента на место. Укрепились и материально-финансовые возможности РПЦ – ее доход в Украине вырос за 1957 г. на 15 млн руб. и составил около 140 млн руб. Подчеркивалось, что на праздник Успения Пресвятой Богородицы в 1958 г. в Киево-Печерской Лавре собралось до 10 тыс. прихожан и паломников, не меньше – в Почаевской Лавре, Мучачевском женском монастыре, событиями для православных стали 14 случаев обновления икон (1956–1959 гг.). «Нелояльность», сигнализировали чекисты, проявляли отдельные архиереи, открывая у себя в епархиях нелегальные курсы подготовки молодежи к поступлению в духовные школы⁴⁰.

Особенно донимали идеологический аппарат и власть монастыри – «рассадники религиозного фанатизма», по выражению из документов КГБ УССР. В нем же отмечалось, что в обителях видят «концентрацию церковно-кликушеского элемента и приверженцев ИПЦ», «распространение фанатизма через схимников, затворников и «сестер духовных», открытие нелегальных курсов для подготовки ко вступлению в семинарии. Уже в плане работы антирелигиозного отдела 4-го Управления КГБ УССР на июль–сентябрь 1958 г. относительно деятельности РПЦ говорилось следующее: «...Духовенство и монашествующие монастырей русской православной церкви на Украине за последнее время проявляют особое стремление к расширению своего влияния среди населения и усилению миссионерской деятельности по обработке и привлечению к религии широких масс трудящихся», прежде всего – молодежи. Ставилась прямая задача «парализации и предотвращения» миссионерской и проповеднической работы Православия, закрытия 1448 «дочерних» приходов РПЦ. Планировалось принять «авторитетных агентов из числа епископата и руководства монастырей православной церкви»

(называлось 9 псевдонимов) для передачи им установки на «снижение активности попов и монашествующих в миссионерской деятельности».

Оперативным работникам предписывалось принять меры по пресечению «враждебной и миссионерской деятельности монахов... Почаевской лавры, Киево-Печерской лавры и Глинской пустыни». В ЦК Компартии Украины предполагалось направить информационные материалы с обоснованием необходимости «ограничения деятельности религиозных организаций». В КГБ СССР готовилась справка о росте доходов православных епархий Украины и увеличении ассигнований на миссионерскую деятельность. В 1955–1956 гг. свыше 200 человек пополнили братию монастырей Украины. Отмечалось и возрастание материальных возможностей РПЦ в Украине, в казну которой в 1957 г. поступило 167 млн руб., из них на миссионерскую работу и «расширение религиозной деятельности» потратили 78%⁴¹.

О циничном механизме действий спецслужбы по насаждению нестроений в монастырской жизни и подготовке ликвидации обители дают представление сохранившиеся материалы «контрольно-наблюдательного дела» Житомирского УМГБ-УКГБ на Овручский женский монастырь⁴².

К марту 1951 г. монастырь имел 56 насельниц (38 из них были старше 50 лет). «Обслуживал» обитель Овручский райотдел МГБ, имевший там 2 агентов и 6 осведомителей. С 1945 г. велись дела-формуляры на священника монастырского храма Елиазара Юзепчука и настоятельницу, игуменью Лукию (Наталию Дмитренко). При этом чекисты руководствовались директивой МГБ УССР № 55, направлявшей их на активизацию агентурной работы среди «монашествующего элемента». Бдительно отслеживались и пресекались «нежелательные» контакты сестринской общины. Так, была задержана и арестована «бродячая монашка» Вера Рассказова (бывшая монахиня монастыря в селе Липки Межеричского района Ровенской области), у которой изъяли и признали антисоветской (по заключению Главлита) литературу. Как отмечалось, Рассказова после разгона общины стала разъезжать по населенным пунктам и «заниматься антисоветской агитацией».

Одним из направлений усилий чекистов являлись попытки завербовать «на основе компрометирующих материалов» настоятельницу. Соответствующие задачи при этом ставились агентам «Гавриловой» и «Петровой». Последняя, в частности, характеризовалась оперработниками как особа, «по религиозным убеждениям не фанатичная, честная, откровенная, исполнительная, соблюдающая конспирацию, подробно информирующая о внутренней жизни монастыря, антисоветских высказываниях» сестер. Ее планировалось включить в группу отбираемых (по заданию разведки КГБ СССР) монахинь для направления их в общину Горненского женского монастыря в Иерусалиме.

Тревогу чекистов вызывал рост самой сестринской общины. Отмечалось, что иеромонах Савва (Остапенко)⁴³ направил туда из Псково-Печерского монастыря 18 своих духовных детей, в т.ч. – пятерых «с видениями». К 1959 г. из 82 монахинь 40 пришли в обитель в течение последних 5 лет, в возрасте 19–38 лет. Среди них были и те, кто пришел в Овручскую общину по благословению отца Саввы, схиигумена Кукши (преподобного Кукши Одесского), иеромонаха Полихрония из Киево-Печерской Лавры, иеромонаха Макария (Троице-Сергиева Лавра).

25 декабря 1958 г. начальник УКГБ по Житомирской области полковник В. Голик направил Председателю КГБ при СМ УССР генерал-майору В. Никитченко спецсообщение «о подготовке закрытия женского монастыря в городе Овруче». Монашеская община, по его словам, превратилась в «очаг распространения миссионерской деятельности и реакционного влияния монашесствующих элементов на верующее население». Шла речь о напряженной морально-психологической обстановке внутри самого сестринства. Однако именно чекисты сделали все, чтобы инспирировать и раздуть внутренние нестроения в обители.

По агентурным данным, оперработники обратили внимание на присутствие среди сестер группы «старых монахинь» во главе с сестрой О., которые третируют молодых инокинь, называя их «коммунистками, слугами дьявола, колдуньями». Ухватившись за это, оперативники сделали ставку на «действенную разложенческую работу среди монашесствующих, раскол среди фанатичной и влиятельной части и рядовыми монахинями, а также

между монахинями, православным духовенством и верующими». Агентессы «Петрова», «Орлеанская» и «Лилия» выявляли противоречия между сестрами, старались обострить их, «порождали постоянные скандалы внутри монастыря», втягивая в них «наиболее вредных в политическом отношении монахинь».

Одновременно проводились «мероприятия по компрометации перед основной частью монашествующих и всеми верующими руководящего состава монастыря и наиболее фанатично настроенных монахинь путем разжигания склок». Вспыхнул «крупный скандал», сопровождавшийся рукоприкладством и хулиганством. Вынашивались планы организации судебного процесса над «хулиганствующими». В газетах «Комсомольская правда», «Молодь України», районных и областных газетах появились серии антирелигиозных статей, направленных на дискредитацию «основного ядра монашествующих». 25 прихожан направили письмо в Житомирский облисполком с жалобами на скандалы и «изуверство» в монастыре. Параллельно негласные помощники из числа священнослужителей «Майский», «Николаев», «Славин» «обострили взаимоотношения между монастырем и церковниками, провели важную работу по дальнейшей компрометации монашествующих».

Агентура отслеживала все процессы в монастыре. В рамках подготовки к «беспроblemному» закрытию обители оперработниками проводились профилактические беседы с монахинями, «воспитательную работу» вели партийно-советские работники. В результате психологически подавленные, запуганные сестры в большинстве своем «безропотно и положительно восприняли решение о закрытии монастыря». 25 июня 1959 г. обитель закрыли, в течение дня были выселены сестры и вывезено соответствующее имущество (сама «операция» проходила под контролем оперработников-«водителей» и агентуры).

Такая схема работы по монастырям в арсенале чекистов была довольно типичной, что подтверждают и материалы по закрытию Тихвинского женского монастыря в Днепропетровске (до 1924 г. в обители было до 350 сестер, после возрождения в годы войны – 67). По монашествующим велось 14 дел-формуляров, 17 предварительных агентурных разработок, имелось 7 неглас-

ных источников УМГБ-УКГБ. При подготовке закрытия монастыря в соответствии с постановлением Совета Министров УССР № 914-45 от 17 июня 1959 г. использовалось 15 агентов из числа сестринства и духовенства. Активизировалась атеистическая работа, план мероприятий утвердил обком КПСС, в день закрытия 5 агентов в ограде монастыря уговаривали сестер спокойно выехать, среди грузчиков работало два оперработника. Настоятельница монастыря игуменья Ксения (Романовская) и две монахини выехали в Браиловский монастырь Винницкой области⁴⁴.

Применялись и откровенно грубые, противозаконные приемы давления на монахов с целью запугивания и «добровольного» закрытия обителей. Целую кампанию насильственных действий пришлось выдержать братии Почаевской Лавры.

«Сначала решили брать измором и бюрократическими мытарствами, – писали в жалобах монахи, – вызывали то в один кабинет, то в другой, то в милицию, то в местный КГБ. На одного человека набрасывалось несколько человек, чаще всего сильно выпивших, с криком, матом, оскорблениями, угрозами, а иногда и с кулаками: мол, время вашего мракобесия кончилось, монастыря уже, считайте, нет, уходите, пока не посадили. Чуть кто опоздал (все вызовы, как правило, по утрам, во время богослужений), как уже раздается топот сапог по коридору, милиция врывается в келью, печатывает, вешает замок или устраивает засаду прямо в келье. К игумену Иосифу, семидесятилетнему старцу, прожившему в Лавре более сорока лет и после всех угроз так и не пожелавшему из нее уйти, ворвались однажды 16 человек в милицейской форме и штатском, схватили за руки и за ноги и потащили. Отец Иосиф закричал, что из Лавры никуда не уйдет, ему зажали горло, так что он не мог ни кричать, ни дышать»⁴⁵.

Упомянутого о. Иосифа (в схиме – Амфилохия, ныне преподобного Почаевского) известного духовника и целителя, неоднократно избивали, третировали, насильственно помещали в психиатрическую лечебницу, выселили из Лавры к родственникам⁴⁶.

Гонения на монастыри особенно усилились после выхода 12 февраля 1959 г. постановления ЦК Компартии Украины «О

недостатках в научно-атеистической пропаганде и мероприятиях по ее улучшению». В 1959 г. в Украинской ССР было закрыто 12 обителей с 436 насельниками, в 1960 г. – 8 (425), в 1961 г. – 7 (688), в мир ушло 242 бывших монашествующих. Если к 1 января 1960 г. РПЦ в УССР имела 16 епископов, 8207 приходов, 5344 священника, 28 монастырей с 2610 насельниками, 311 семинаристов, то к 1 января 1962 г. оставалось 6463 прихода, 4347 клириков, 13 монастырей (1497 насельников), 126 семинаристов⁴⁷.

Постепенно закрывали храмы, пещеры и сворачивали жизнь братии Киево-Печерской Лавры, где к 15 февраля 1961 г. осталось 11 насельников. 10 марта того же года последовало полное закрытие Православной святыни (до лета 1988 г.).

В июле 1961 г. председатель Совета по Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР В. Куроедов инспирировал созыв Архиерейского собора, на котором одобрили антиканонические поправки к «Положению об управлении РПЦ» (от 1945 г.) для приведения его в соответствие с секретным постановлением правительства СССР от 16 марта 1961 г., секретной инструкцией к нему «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах».

Согласно ряду постановлений ЦК КПСС, принятых в 1958–1962 годах, государственные органы (с участием КГБ, МВД, прокуратуры) подвергли административному закрытию значительное число храмов, религиозных общин, приходов, монастырей, духовных школ. К 1963 г. число православных приходов по сравнению с 1953 г. сократилось более чем вдвое. Днепропетровской и Запорожской епархиях из 285 приходов к 1961 г. действовало лишь 49. Закрыли 5 семинарий, из 47 монастырей (1959 г.) к середине 1960-х гг. действовало 16. Число монашествующих сократилось с 3000 до полутора тысяч.

Исследователи отмечают, что наиболее сильный административный удар пришелся в тот период именно на восточные и центральные области Украины, по праву считавшейся оплотом православия (около 60% храмов (8091), 46,5% священников (5962) и 65% монастырей и скитов РПЦ в СССР к 1958 г.), а также 418 учащихся духовных школ⁴⁸. Натиск на монастыри и

приходу РПЦ (одновременно с «оттепелью»), не замедлил вызвать оживление «катакомбников» с их резким неприятием канонической Церкви, стремительным ростом рядов неправославных конфессий. Лишь в 1955–1956 гг. досрочно вернулось из лагерей около 3 тыс. «церковно-сектантских авторитетов», что привело к активизации деятельности ряда религиозных течений и подполья. В частности, ряды ЕХБ и адвентистов седьмого дня выросли за два года на 17,5 тыс., в т.ч. – на 5 тыс. молодых людей. Всего же в 17 деноминациях (проходивших по документам КГБ УССР как «секты») в 1958 г. состояло 158 тыс. человек (включая 14 тыс. незарегистрированных пятидесятников, 7,5 тыс. иеговистов и др. «нелегалов») ⁴⁹.

Таким образом, разработка и накопление «материалов» для репрессирования и административных мер по отношению к монашествующим и монастырям РПЦ на протяжении рассматриваемого периода оставалось одной из приоритетных задач подразделений органов ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ Украинской ССР, которые специализировались на оперативном контроле за религиозной сферой.

В основе «работы» по монастырям лежало создание агентурно-информационных позиций, включая привлечение к негласному сотрудничеству руководителей братий и епископата. Подобную ситуацию нельзя рассматривать вне обстановки беззакония, физических репрессий, запугивания (по крайней мере, до 1943 г.), тотального нажима на Церковь со стороны официально атеистического государства. Отметим, что сами чекисты часто вынуждены были признавать «неискренность», «неработоспособность», «двурушничество» конфиденентов, ставших ими вынужденно, и старавшихся использовать этот «статус» для обеспечения выживания обитателей, отстаивания интересов Церкви, пусть даже в минимально возможных формах. Правда, имелись и случаи вербовки на основе компрометирующих материалов (как правило, выявленные и задокументированные по линии милиции нарушения монашеских обетов, вынужденные контакты с оккупационной администрацией).

Приоритеты оперативно-служебной деятельности определялись содержанием текущей партийно-государственной полити-

ки, что ярко проявилось как во времена «сталинского конкордата» 1943–1953 гг., так и масштабных «хрущевских гонений» на РПЦ. Оперативные разработки нередко носили многолетний характер, «кураторы» старались использовать негласные источники для влияния на внутреннюю жизнь монастырей, управления «кадровыми» вопросами, обеспечения государственных мероприятий, а в послевоенный период – и определенных внешнеполитических акций СССР. Особенно суровыми (даже в послевоенный период) оказались репрессии (на основании предшествующих агентурных наработок) по отношению к «нелегальным» монастырям и общинам неконформистских течений, отколовшихся от Православия в рамках движения «непоминающих» («иосифлянства»). Практиковалось лишение свободы от 10 до 25 лет лагерей по групповым делам.

Правда, в послевоенный период деятельность активистов упомянутых течений, не пожелавших воспользоваться определенным смягчением государственной политики в конфессиональной сфере, приобрела политизированный характер, игнорировала гражданские обязанности. Насажение культа псевдостарцев и стариц не только привело к совершению авантюристами ряда общеуголовных преступлений, но облегчила органам МГБ-КГБ внедрение в их ряды агентуры, в т.ч. под видом «духовно авторитетных», «пострадавших за веру» личностей.

С учетом многовековой высокой духовно-цивилизационной миссии и молитвенного заступничества монастырей, гонения на Православие и его монашество (нередко – вопреки советским же конституционным нормам) имело долговременные негативные последствия для духовно-ментальной сферы советского общества и государственности. «Для советского проекта, – отмечает современный российский социолог В. Багдасарян, – конфронтация с религией имела самые негативные последствия. Из доктрины социального государства были изъяты идеальные основания, представление о вечной высшей жизни. Постепенно материалистичность становилась доминирующим основанием социума. Изъята была идеальная константа, которой в религиях выступал Бог. Идеал духовной солидарности был подменен потребительством, идеей «большой колбасы»⁵⁰.

-
- ¹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАГООУ). Ф. 1. Оп. 23. Д. 1642. Л. 14.
  - ² *Рылкова Л.П.* Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в 20 столетии. Киев: Феникс, 2008. С. 91–93. См. также: *Бабенко Л.* Участь органів ВЧК-ГПУ у вилученні церковних цінностей на початку 1920-х рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2004. № 1/2. С. 410–428.
  - ³ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 13. Д. 1037. Л. 84–85; Д. 387. Л. 84–85; *Шкаровский М.В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 90–97, 122–123.
  - ⁴ См. подробнее: *Веденеев Д.В.* Инспирирование церковных расколов 1920-х – начала 1930-х гг. на Украине: (страницы биографии чекиста Сергея Карина-Даниленко) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 208–220; *Киридон А.М.* «Щоб вороги топили один одного...»: Про причини церковних розколів у Радянській Україні. 1920-х років // Людина і світ. 2004. № 6. С. 25–37.
  - ⁵ По материалам уголовного дела митрополита Михаила: ЦГАООУ Ф. 263. Оп. 1. Д. 45504 фп.
  - ⁶ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 74. Л. 87; Ф. 13. Д. 375. Л. 33; Каталог зруйнованих храмів і монастирів України. Київ: Пріоритети, 2013. 512 с.; *Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Сталінізм на Україні: 20–30-ті роки. Київ: Либідь, 1991. С. 278; *Конквест Р.* Жива скорботи. Радянська колективізація та голодомор: Переклад з англ. Київ, 1993. С. 241.
  - ⁷ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 74. Л. 87.
  - ⁸ Там же. Ф. 13. Д. 375. Л. 32; О возникновении и развитии катакомбных течений в СССР см. также: *Веденеев Д.В., Шкаровский М.В.* Репрессивные акции органов государственной безопасности против общин Истинно-Православной Церкви в Украинской ССР (1944–1953 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. II, 2. С. 65–82; Вып. II, 3. С. 77–92; *Веденеев Д.В.* Релігійне підпілля «підгорнівців» Лівобережної України як об'єкт оперативної розробки органів державної безпеки (1945–1950 рр.) // Держава і Церква в новітній історії України. Полтава, 2015. С. 13–20; *Шумило С.В.* В катакомбах. Православное подполье в СССР. Конспект по истории Истинно-православной церкви в СССР. Луцк, 2011. 272 с.; *Логінов О.* Ліквідація «іоаннітського» руху в 1920–1950-х рр. на Вінничині // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. № 2. С. 18–38; *Тригуб О.* Переслідування антисергієвської опозиції в РПЦ: з історії «істинно-православної церкви» (1932–1941 рр.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. № 2. С. 39–61 і др.
  - ⁹ Обзор дан по: ЦГАГООУ. Ф. 263. Д. 46502 (на Костюка А.В.); ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 511. Л. 28; *Осцова И.И.* Обзор следственных дел по «к.-р. организациям ИПЦ» на Украине. Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/192/20200.php>

- ¹⁰ *Щелкина Елизавета Федоровна* (1862–1939). С семнадцати лет – послушница Антолептовского монастыря под Двинском. Окончила земскую фельдшерско-акушерскую школу в Ровно, работала помощницей, затем заведующей монастырской больницей. В 1889 г. пострижена в мантию с именем Мария. В 1900 г. медсестра в составе русской экспедиционной армии в Китае, в 1904–1905 гг. – участница Русско-японской войны, по возвращении игуменя Антолептовского монастыря. С 1906 г. в Феодосиевском подворье Киево-Печерской лавры. В 1917 г. приняла схиму с именем Михайлы.
- ¹¹ *Костюк Михаил Васильевич* (1892–1944). В 1908 г. окончил Киевскую военно-фельдшерскую школу, в 1909 г. сдал экзамен об окончании кадетского корпуса генерала графа Муравьева-Амурского в Хабаровске, в 1910 г. поступил в университет в Благовещенске, в 1914 г. мобилизован в армию с четвертого курса, после ранения вернулся в Киев, работал в госпитале и одновременно учился на медицинском факультете Киевского университета, окончив его в 1918 г. В 1919 г. принял монашеский постриг, в августе 1922 г. был рукоположен в иеромонаха в Никольском монастыре Киева. Служил настоятелем Свято-Успенского кафедрального собора в Смеле.
- ¹² О политике рейха в отношении конфессиональной сферы оккупированных земель СССР и УССР см.: *Одинцов М.И.* Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005. 312 с.; *Шкаровский М.В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. М. 2003. 568 с.; *Его же.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.; *Волошин Ю.В.* Українська православна церква в роки нацистської окупації (1941–1944 рр.). Полтава. 1997. 125 с.; *Веденев Д.В., Лисенко О.Є.* Релігійні конфесії України як об'єкт оперативної розробки німецьких і радянських спецслужб (1943–1945 рр.) // Український історичний журнал. 2012. № 4. С. 104–126; *Гордієнко В.В.* Німецько-фашистський окупаційний режим і православні конфесії в Україні // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 107–119.
- ¹³ См.: ОГА СБУ. Ф. 2 Оп. 4. Д. 30. Л. 183–198. К протоколам приобщены и собственноручные свидетельства Г. Кнорра.
- ¹⁴ *Кот С.* Зруйнування Успенського собору Києво-Печерської Лаври (3 листопада 1941 р.) // Український історичний журнал. 2011. № 6. С. 122–151.
- ¹⁵ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 375. Л. 33–34.
- ¹⁶ ОГА МВД України. Ф. 45. Оп. 1. Д. 102. Л. 67–69 об.; Деятельность органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сборник документов и материалов. М.: ВКШ КГБ при СМ СССР, 1964. С. 320, 334–335.
- ¹⁷ ОГА СБУ. Ф. 60. Д. 83509. Т. 9. Л. 25–61. О том значении, которое придавалось подобным сведениям в верхах, говорит рассылка документа руководителям НКВД СССР Л. Берия и В. Меркулову, главе республиканской парт-организации Н. Хрущеву, секретарю ЦК КП(б)У Д. Коротченко – куратору борьбы в тылу врага от ЦК КП(б)У, начальнику внешней разведки НКВД

- СССР П. Фитину и руководителям 4-го Управления НКВД СССР и УССР (П. Судоплатову и М. Решетову).
- ¹⁸ ЦГАООУ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 178. Л. 82–86.
- ¹⁹ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 74. Л. 105–106; Ф. 1. Оп. 12. Д. 2. Л. 90.
- ²⁰ Там же. Д. 75. Л. 25–26.
- ²¹ Там же. Д. 88. Л. 203–204.
- ²² Обзор дан по: ЦГАООУ. Ф. 263. Д. 46502 (на Костюка А.В.); ОГА СБУ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 56. Л. 331; *Осипова И.И.* Обзор следственных дел по «к.-р. организациям ИПЦ» на Украине...
- ²³ ОГА СБУ. Ф. 13. Д. 462. Л. 6; Ф. 9. Д. 74. Л. 84–85.
- ²⁴ Там же. Ф. 9. Д. 17. Л. 200–202.
- ²⁵ Там же. Д. 75. Л. 11.
- ²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 21. Д. 2. Л. 9.
- ²⁷ Обзор жизни монастыря дан по: Там же. Ф. 65. Д. 10822.
- ²⁸ Г.Г. Карпов с мая 1943 г. – начальник 5-го отдела 2-го Управления НКГБ СРСР, затем – начальник «церковного» отдела Секретно-политического управления НКГБ СССР. С июля 1946 г. – начальник «религиозного» отдела «О» МГБ СССР. В сентябре 1943 г. – феврале 1960 г. – председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК-СМ СССР.
- ²⁹ ОГА СБУ. Ф. 3. Оп. 261. Д. 2. Л. 46–47, 141.
- ³⁰ Там же. Л. 241.
- ³¹ *Кураев Андрей, диакон.* Церковь в мире людей. М., 2009. С. 526–527.
- ³² ОГА СБУ. Ф. 1. Оп. 21. Д. 2. Л. 1–29.
- ³³ Там же. Ф. 3. Оп. 261. Д. 2. Л. 129.
- ³⁴ Там же. Д. 3. Л. 42–44.
- ³⁵ Как пишет епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов), глава церковной дипломатии РПЦ, митрополит Никодим (Ротов), будучи в Лондоне, сообщил отцу Владимиру (Родзянко, будущему епископу Василию) о планах закрытия Почаевской Лавры. «Уже на следующий день тема Почаева стала ведущей в религиозных программах Би-би-си и “Голоса Америки”, в адрес ООН и Правительства СССР полетели тысячи возмущенных писем, и власти отступили от Почаева» (*Тихон (Шевкунов), архимандрит.* «Несвятые святые» и другие рассказы. М., 2012. С. 510).
- ³⁶ Обзор зарубежных религиозных визитов дан по: ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 20. Д. 8.
- ³⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 27. Д. 6. Л. 270–271. *Кукиша, схиигумен* (Величко Косьма Кириллович, 1875–1964). Уроженец современной Кировградской области. Подвизался на Афоне, монах Киево-Печерской Лавры. В 1938 г. осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. С 1951 г. – насельник Почаевской Лавры, с 1957 г. – в Свято-Иоанно-Богословском монастыре Черновицкой области, в 1960 г. – переведен в Одесский Свято-Успенский монастырь. Пользовался особым расположением и уважением Патриарха Алексия I. Прославление состоялось 22 октября 1994 г. (см.: Великие русские старцы: Жития, чудеса, духовные наставления. М.: Новая книга, 2001. С. 783–796).
- ³⁸ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 27. Д. 4. Л. 227.
- ³⁹ К 1 мая 1957 г. по православному духовенству КГБ УССР велось 257 дел-формуляров (из 857 по республике), работало 582 агента (из 1649), за этот

же год было завербовано 127 агентов по линии «разработки» РПЦ. При этом чекисты признавали, что «данных об организованной подрывной деятельности враждебного элемента из числа православного духовенства не поступило» (Там же. Ф. 1. Оп. 12. Д. 2. Л. 172).

⁴⁰ Там же. Л. 14, 111, 114, 130.

⁴¹ Там же. Л. 5; Д. 3. Л. 55.

⁴² Обзор дан по: Там же. Оп. 27. Д. 1. Л. 1–66; Овручский Свято-Васильевский женский монастырь (получивший этот статус в 1910 г.) берет начало от сестринской общины, принявшей участие в реставрации храма Святого Василия Великого (1907–1911 гг.). К 1914 г. в нем проживало 45 насельниц. В 1929 г. монастырь был закрыт, инокини изгнаны. Возобновил существование в 1941 г., в 1947 г. получил 9 га земли, имелось несколько голов скота, сестры занимались различным рукоделем, хотя налоговый пресс практически оставлял обитель без средств для ведения общежительского образа жизни. В 1959 г. монастырь ликвидирован, помещения передали под детский дом, затем – под ПТУ. Обитель возрождена в 1991 г.

⁴³ *Савва, схиигумен* (Остапенко Николай Михайлович, 1898–1980). Уроженец Кубани. Окончил Московский строительный институт (1932). После 1945 г. поступил в духовную семинарию и пострижен в братию Троице-Сергиевой Лавры, в 1954 г. переведен в Псково-Печерский монастырь. Претерпевал притеснения, неоднократно направлялся на восстановление приходов Псковской епархии. Его духовные наставления и беседы вошли в книгу «Схиигумен Савва (Остапенко) / Составлено по трудам схиигумена Саввы» (М., 2010. 448 с.).

⁴⁴ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 27. Д. 2. Л. 3–50.

⁴⁵ *Анисимов А.* Как разгоняли монастырь. Режим доступа: <https://www.interestniy.kiev.ua/kak-razgonyali-monastyir-lavra/>

⁴⁶ См.: Преподобный Амфилохий Почаевский. Житие и поучения. Почаев, 2003. 123 с.

⁴⁷ ОГА СБУ. Ф. 1. Оп. 21. Д. 2. Л. 31–32, 41.

⁴⁸ Там же. Л. 1, 171, 174.

⁴⁹ Там же. Л. 257.

⁵⁰ *Багдасарян В.* «Перестройка» – запланированное убийство государства. Режим доступа: <http://vbagdasaryan.ru/perestroyka-zaplanirovannoe-ubiystvo-gosudarstva/>

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов, А. Как разгоняли монастырь. Режим доступа: <https://www.interestniy.kiev.ua/kak-razgonyali-monastyir-lavra/>

Тихон (Шевкунов), архимандрит. «Несвятые святые» и другие рассказы [Текст]. М., 2012.

Бабенко, Л. Участь органів ВЧК-ГПУ у вилученні церковних цінностей на початку 1920-х рр. [Текст] // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2004. № 1/2.

- Багдасарян, В.* «Перестройка» – запланированное убийство государства. Режим доступа: <http://vbagdasaryan.ru/perestroyka-zaplanirovannoe-ubiystvo-gosudarstva/>
- Веденеев, Д.В.* Инспириатор церковных расколов 1920-х – начала 1930-х гг. на Украине [Текст]: (страницы биографии чекиста Сергея Карина-Даниленко) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 208–220.
- Веденеев, Д.В.* Репрессивные акции органов государственной безопасности против общин Истинно-Православной Церкви в Украинской ССР (1944–1953 гг.) [Текст] / Д.В. Веденеев, М.В. Шкаровский // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. II, 2. С. 65–82; Вып. II, 3. С. 77–92.
- Веденеев, Д.В.* Релігійне підпілля «підгорнівців» Лівобережної України як об'єкт оперативної розробки органів державної безпеки (1945–1950 рр.) / Д.В. Веденеев, О.Є. Лисенко // Держава і Церква в новітній історії України. Полтава, 2015. С. 13–20.
- Веденеев, Д.В.* Релігійні конфесії України як об'єкт оперативної розробки німецьких і радянських спецслужб (1943–1945 рр.) / Д.В. Веденеев, О.Є. Лисенко // Український історичний журнал. 2012. № 4. С. 104–126.
- Великие русские старцы [Текст]: жития, чудеса, духовные наставления. М.: Новая книга, 2001.
- Волошин, Ю.В.* Українська православна церква в роки нацистської окупації (1941–1944 рр.). Полтава: Б.в., 1997. 125 с.
- Гордієнко, В.В.* Німецько-фашистський окупаційний режим і православні конфесії в Україні [Текст] // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 107–119.
- Даниленко, В.М.* Сталінізм на Україні, 20–30-ті роки [Текст] / В.М. Даниленко, Г.В. Касьянов, С.В. Кульчицький. Київ: Либідь, 1991.
- Киридон, А.М.* «Щоб вороги топили один одного...»: про причини церковних розколів у Радянській Україні, 1920-х років // Людина і світ. 2004. № 6. С. 25–37.
- Конквест, Р.* Жнива скорботи [Текст]: Радянська колективізація та голодомор: Переклад з англ. Київ: Либідь, 1993.
- Кот, С.* Зруйнування Успенського собору Києво-Печерської Лаври (3 листопада 1941 р.) // Український історичний журнал. 2011. № 6. С. 122–151.
- Кураев, Андрей (диакон).* Церковь в мире людей [Текст]. М.: Сретенский монастырь, 2009. С. 526–527.
- Логінов, О.* Лівідація «іоаннітського» руху в 1920–1950-х рр. на Вінничині [Текст] // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. № 2. С. 18–38.

- Одинцов, М.И.* Власть и религия в годы войны [Текст]: государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005. 312 с.
- Преподобный Амфилохий Почаевский [Текст]. Житие и поучения. Почаев, 2003. 123 с.
- Рылкова, Л.П.* Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в 20 столетии [Текст]. Київ: Феникс, 2008.
- Схиигумен Савва (Остапенко) [Текст] / составлено по трудам схиигумена Саввы. М., 2010. 448 с.
- Тригуб, О.* Переслідування антисергієвської опозиції в РПЦ: з історії «істинно-православної церкви» (1932–1941 рр.) [Текст] // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. № 2. С. 39–61.
- Шкаровский, М.В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви [Текст]. СПб., 1999.
- Шкаровский, М.В.* Крест и свастика [Текст]: нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.
- Шкаровский, М.В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов [Текст]. М., 2003. 568 с.
- Шумило, С.В.* В катакомбах [Текст]: православное подполье в СССР: конспект по истории Истинно-православной церкви в СССР. Луцк: Терен, 2011. 272 с.

Курляндский И.А.*

Проблема строительства православных молитвенных зданий в годы сталинского «нового курса» (1944–1953 гг.)

Статья посвящена строительству православных молитвенных зданий в годы сталинского «нового курса» в 1944–1953 гг. Рассматриваются законодательные условия такого строительства, его практическое воплощение на местах.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, советская власть, храмы, часовни, строительство, духовенство, миряне.

Kurlandski I.A.

THE PROBLEM OF BUILDING OF ORTHODOX PLACES OF WORSHIP IN THE YEARS OF STALIN'S "NEW COURSE" (1944–1953)

The article is about building of Orthodox places of worship in the years of Stalin's "New Course", 1944–1953. It considers legislative conditions of the building, and its practical embodiment on the ground.

Key words: the Russian Orthodox Church, Soviet power, temples, chapels, building, clergy, lay people.

Своеобразная ситуация сложилась вокруг права на строительство церковей самими верующими в ходе известного сталинского поворота в отношении религии и Церкви в годы войны. Как известно, советское правительство в небольших количествах снова разрешило открывать церкви в тех зданиях, которых они лишились в ходе предвоенной антицерковной кампании. Но встал вопрос: можно ли верующим их также строить? Еще 5 октября 1944 г. председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов в письме к заместителю председателя СНК В.М. Молотову предлагал не разрешать строительство новых молитвенных зданий¹. Но как показывают другие документы по теме, очевидно, право на него было предоставлено засекреченным постановлением СССР от 1 декабря 1944 г., текст которого до сих пор не досту-

---

* к.и.н., Институт российской истории РАН.

пен исследователям. Ясно также, что там была оговорка о том, что такие разрешения должны даваться в особых случаях. И этот процесс должен был происходить под контролем Совета по делам РПЦ. Постановление СНК СССР от 28 января 1946 г., разрешало также строительство молитвенных зданий других, чем православие, конфессий, и с оговоркой «в особых случаях» («4. Установить, что строительство новых молитвенных зданий допускается в отдельных случаях силами и средствами верующих с разрешения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР»)², что подчеркивало исключительный характер этого позволения, которое не должно было превратиться в правило. К этому следует добавить, что обычно правила, вводимые властью к остальным конфессиям, были калькой правил, относящихся к православным. Хотя, после державного запрета на открытие молитвенных зданий в СССР, с 1949 г. стало нельзя санкционировать и строительство новых из них, оставалось возможной достройка начатых (и разрешенных) до конца 1948 г.

Вопреки тому, что теперь «церковникам» официально разрешалось строить молитвенные здания, на практике это воплощалось в редких случаях, при том, в большей степени молитвенных домов, чем типовых церковных зданий. Оговорка в законе «*в особых случаях*» не зря сделала такое строительство не правилом, а исключением. Случаи строительства именно новых молитвенных домов скупо встречаются в источниках применительно к годам сталинского «нового курса». Всего о четырех таких сообщает хроника местной церковной жизни «Журнала Московской Патриархии», еще о нескольких можно почерпнуть сведения в некоторых историко-краеведческих записках, посвященных историям отдельных храмов. Рассмотрим, прежде всего, те, строительство которых завершилось успешно, – т.е. храмы после постройки функционировали, по крайней мере, до хрущевских гонений.

В 1946 г. два храма по проекту архитектора М.Н. Дудина были построены в г. Магнитогорске Челябинской области: Николая Чудотворца и Михаила Архангела. Одновременное строительство двух храмов в одном населенном пункте – случай уникальный для сталинского «нового курса». Его корни уходят в

события Великой Отечественной войны, когда на Магнитку приехало много людей, эвакуированных с заводами из прифронтовой зоны. Среди них были и верующие, религиозные чувства которых обострились в связи с лишениями военного времени. Они и инициировали строительство. По сообщению краеведов, его поддерживал директор Магнитогорского металлургического кандидата Г.И. Носов. Народный фольклор приписывает Носову разговор со Сталиным, в котором вождь гневно спросил директора: «Кто тебе разрешил строить церкви?» И получил ответ: «Народ». – «А кто такой – народ? – Тот, что победил фашизм». Одну из этих церквей (Николая Чудотворца) закрыли в 1960 г. в годы хрущевских гонений, другая просуществовала до настоящего времени (в 1982 г. верующие построили вместо деревянной церкви каменный храм)³.

В годы войны стал строиться кафедральный собор РПЦ в г. Фрунзе (Бишкеке) Киргизской ССР. Сначала верующие просили вернуть им Никольский собор в центре города, – взамен этого им предложили недостроенное здание Кипрпромсовета. С 1943 г. началась перестройка здания под православный храм по проекту архитектора В.В. Верюжского. В 1947 г. храм Воскресения Христова был в основном построен, и в нем начались службы, но достройка продолжалась до 1957 г. Краевед пишет: «Стены были облицованы керамической плиткой, здание перекрыто коробовым сводом, двускатной крышей и украшено шестью небольшими маковками на высоких узких барабанах. Над панихидной возведена шатровая колокольня высотой 29,5 м. Алтарь отгородили трехъярусным иконостасом. Были устроены два престола – Воскресения Господня и Святителя Алексия. Выглядит храм очень празднично и нарядно. Белоснежные фасады украшены мозаикой, резьбой и лепкой, изящные главки выкрашены в ярко-голубой цвет, миниатюрные барабаны под ними затейливо расписаны»⁴.

Весьма яркий очерк о строительстве в 1946 г. храма святого Георгия Победоносца в г. Самарканде Узбекской ССР содержится на страницах «Журнала Московской Патриархии». Приведем его полностью:

«ПРАВОСЛАВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В САМАРКАНДЕ

С давних лет Самарканд является центром средоточия мусульманских святынь. Могилы Тамерлана, гробницы его семейных, могилы Данияра, величественные мечети Шир-Дор, Улугбека, развалины Биби-Ханым, группа архитектурных надгробий Шах-и-Зинда – эти памятники глубочайшей древности привлекают паломников и туристов. Кажется, где бы здесь развиваться Православию?

И тем не менее, в Самарканде, отдаленном от православного центра на много тысяч километров, члены православной общины Св. Георгия Победоносца, движимые горячей верой и преданностью Российской Матери-Церкви, сумели в короткий срок воздвигнуть прекрасный молитвенный дом – храм.

До весны 1946 г. община Св. Георгия совершала богослужение в помещении, которое не могло удовлетворять потребностей христиан по своим небольшим размерам. В день памяти Св. Великомученика Георгия Победоносца настоятель общины протоиерей П.Г. Княжинский предложил расширить имеющееся помещение, пристроить алтарь, построить несколько комнат-келий для штата. Предложение было с одушевлением принято членами общины и после жаркого, вдохновенного молебна, буквально вся масса верующих принялась за строительство.

План строительства и чертежи здания, составленные архитектором Адеркасом, были утверждены Советом по делам архитектуры при Совете Министров Уз.ССР, а техническими исполнителями проекта явились верующие. Строительный материал, краски, стекла, предметы оборудования – все потребное для своего храма верующие несли сами в храм. Строительные работы шли с самого раннего утра до поздней ночи и, наконец, в октябре 1946 г. состоялось торжество освящения нового храма св. влмч. Георгия Победоносца. Освящение совершал Преосвященный Гурий, епископ Ташкентский и Средне-Азиатский, поздравивший от всего сердца всех строителей и инициаторов строительства – протоиерея Княжинского, инокиню Евдокию Тимашеву, инокиню Юлию Ульину, старосту храма В.И. Звереву и других.

Новый храм свободно вмещает 600–700 человек, выдержан в нежно-голубых тонах, украшен превосходными иконами и картинами, среди которых выделяются картины на темы из Священного Писания, исполненные кистью талантливой старицы инокини Юнии. Богослужение сопровождается пением очень скромного хора, строящего свой репертуар на обиходе и гласном пении.

Непрекращающейся волной идут в храм молящиеся.

Ежедневно возносятся в Самарканде молитвы за Российскую Церковь и за Пастыреначальника, Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

Честь и слава строителям Св. Георгиевской общины!

Г. ГЕОРГИЕВ»⁵.

К этому можно добавить, что, согласно краеведческим данным, еще с довоенных времен в Самарканде был единственный маленький православный молитвенный дом, который мог вместить всего от 10 до 20 молящихся. Верующие добывали для строительства стройматериалы, что было проблемой в то время: «Постепенно подняли храм в два света, построили помещения для гостей, бухгалтерию и просфорную, крестильную, кухню и келии для сестёр, звонницу на входе и много мелких служебных помещений. В октябре 1946 года, Преосвященным епископом Гурием, новое здание было освящено как молитвенный дом». Храм был закрыт во время хрущевских гонений в 1960 г. А здание его было передано под клуб ОСОАВИАХИМа⁶.

Разрешение строительства православных церквей во Фрунзе и Самарканде, думается, было вызвано теми соображениями властей, что православные общины в среднеазиатских республиках и так маленькие, и их влияние там совсем незначительное. А храмов, которые им можно было отдать, взамен отобранных и разрушенных в 1930-е гг., не находилось. Вот и дали возможность что-то построить самим.

Событием в церковной жизни тех лет стало строительство православного храма в Тамбове. Прежняя Петропавловская деревянная церковь там была разрушена в 1938 г. А новая строилась по просьбе верующих соседнего прихода Покровской церкви. В феврале 1947 г., откликаясь на ходатайство церковной общины Тамбовский епископ Тамбовский и Мичуринский Иоасаф (Журманов) ходатайствовал и перед Патриархом Алексием, и перед Советом по делам РПЦ о разрешении построить новый деревянный храм на Петропавловском кладбище. В июле согласие Совета по делам РПЦ и благословение патриарха были получены. 14 сентября была совершена закладка нового храма с

участием местного владыки и большим торжеством. Уже к январю 1948 г. храм был построен. По словам очевидца, «Этот маленький храм на окраине города, среди могилок и густого, парка, чарует сейчас взоры верующих своим видом и простотой». Описывая освящение храма на страницах «Журнала Московской Патриархии» протоиерей И. Лефевров пафосно восклицал: «Это торжество лишний раз повергает в прах все клеветнические измышления врагов, и злобные крики зарубежных недругов об отсутствии якобы в нашей стране свободы и стеснении нашей Церкви и религии, вообще»⁷.

На самом деле храм представлял из себя небольшую часовню, предназначенную для отпевания умерших. Приходящими священниками Покровской церкви там также совершались крещения, венчания и другие требы. Она не закрывалась и существует до настоящего времени⁸.

В «Журнале Московской Патриархии» есть еще сведения об открытии и освящении в 1947 г. в селе Богдановка Ровенской области Украинской ССР храма, строительство которого верующие начали еще в годы войны⁹. О дальнейшей судьбе этого храма известий найти не удалось. Также есть свидетельство об установке не закрывать кое-где храмы, построенные верующими в условиях оккупации. Так, построенный верующими в 1941 г. небольшой Свято-Вознесенский храм в г. Сталино (Донецке) Украинской ССР не закрывался в годы сталинского «нового курса», продолжал посещаться прихожанами¹⁰.

Но не все происходило гладко даже в тех редких случаях, когда власти разрешали строительство православных молитвенных зданий.

Настоящим «хождением по мукам» обернулась для верующих попытка построить молитвенный дом во имя св. Симеона Верхотурского в поселке Саркташ Чкаловской (теперь Оренбургской) области. В 1944 г. в области появилось первых два действующих храма. Верующие поселка создали свою общину и приобрели молитвенный дом, но местные власти запретили в нем службы, как незарегистрированном официально. Тогда верующие подали ходатайство, под которым подписалось 751 человек, указав, как требовалось, все свои данные. Их доводы бы-

ли убедительны: в поселке не было церкви, а ближайшая находилась в селе Черкассы, куда работающие не могли попасть на службы в виду рабочего графика, а старые и больные не могли добираться из-за своей немощи; священнику было трудно постоянно ходить пешком в село, а подвозить было его не на чем. И т.н. Ходатайство было удовлетворено Советом по делам РПЦ 26 августа 1946 г. (потом одобрено постановлением правительства). Этот дом представлял собой часть жилого дома: 37 кв. м. – помещение для молящихся, 10,5 кв. м – алтарь. Однако Саркташский райсовет поставил вопрос о закрытии молитвенного дома под предлогом того, что рядом с ним находится школа, и такое соседство вредно влияет на развитие советских детей. Тогда такие аргументы были убедительными. При содействии Уполномоченного Совета по Чкаловской области, был найден выход. Верующим разрешили построить новый молитвенный дом, выделив в августе 1947 г. участок под застройку. Но, вместе с тем, на строительство общине дали сжатые сроки – один год и три месяца. Если верующие за этот период не успевали, здание должны были передать другому застройщику. Купить дом в поселке не разрешили. В октябре 1947 г. верующие, собрав средства, приобрели сруб бывшей школы за 25 тысяч рублей, столько же истратили на перевозку строения, и еще закупили стройматериалы из Башкирии для переоборудования школы в церковь.

В начала 1948 г. архиепископ Чкаловский и Бузулукский Мануил (Лемешевский), репрессированный в том же году за «антисоветскую деятельность», назначил строящемуся дому настоятеля – протоиерея Феодота Безногова, незадолго до того прибывшего из ссылки. Строительство дома шло успешно и должно было закончиться к условленному сроку в октябре 1948 г. Но вдруг председатель райисполкома запретил его продолжать. Когда Федор Безногов пожаловался новому Уполномоченному Совету по делам РПЦ, тот издал такое запрещение уже от себя, а также попросил нового архиерея епископа Бориса (Вика) перевести излишне активного священника в другой приход, что и было сделано, – отец Федор закончил свое служение в Пензенской области, где его в 1949 г. арестовали, обвинили в «антисоветской деятельности» и приговорили к 25 годам ссыл-

ки. Первоначально Совет по делам РПЦ, которому пожаловались, стал на сторону верующих. 5 января 1949 г. от него последовало разъяснение местному уполномоченному, что не надо препятствовать окончанию строительства «ввиду того, что постройка дома почти закончена, на что израсходованы значительные суммы верующих». Эти суммы составили уже к тому времени 114 тысяч рублей. Неожиданно 1 июня появилось распоряжение Уполномоченного Совета по Чкаловской области о реквизиции недостроенного молитвенного здания у православной общины в пользу райсовета для устройства там школы.

Историки храма И. Земскова и В. Баклыков считают такое распоряжение самовольным. Но, думается, уполномоченный издал его, согласовав его с Советом по делам РПЦ, который решил дать делу задний ход, видимо, найдя для этого какие-то технические основания. Об этом говорит то, что жалобы верующих Карпову в этот раз не имели успеха. Новый настоятель священник Николай Юновидов выпросил взамен у уполномоченного разрешение на реконструкцию прежнего молитвенного дома, где с августа 1949 г. продолжились службы. Таким образом, строительство было остановлено. Разрешение на постройку молитвенного дома в поселке (на новом месте) было дано уполномоченным вновь при Хрущеве в августе 1956 г. Снова верующие покупали, дома, стройматериалы, земельный участок... Весной 1958 г. в Саракташе молитвенный дом был построен – уже именно как типовая церковь, состоялось и освящение храма в честь Симеона Верхотурского. Однако власти заявляли о технических нарушениях при его постройке, неисправностях, присылала комиссии, запрещала эксплуатацию здания. Церковь недолго функционировала. В 1961 г. во время хрущевских гонений храм был закрыт и разграблен¹¹.

Похожая история приключилась в г. Медногорске той же Чкаловской области (и епархии). В 1943 г. начал действовать храм св. Николая Чудотворца в арендованном прихожанами доме, в 1945 г. Горсовет запретил там службы, в 1946 г. Совет по делам РПЦ утвердил открытие молитвенного дома (утверждено правительством). Но поскольку места для верующих в доме не хватало, в том же году архиепископ Мануил (Лемешевский)

оказал содействие в строительстве нового храма, на что было получено и разрешение Совета по делам РПЦ. 5 октября 1947 г. в его присутствии состоялось освящение места под строительство храма, о чем сообщил и «Журнал Московской Патриархии»¹². Но в 1949 г. уже построенная церковь была у верующих отобрадена и передана под сруб Медногорскому горсовету (о причинах этого решения краеведческий очерк не сообщает). Верующим удалось только добиться переоборудования (капитального ремонта) своего прежнего молитвенного дома, освященного малым освящением в 1950 г.¹³

Видимо, у владыки Мануила (Лемешевского) были особые планы по организации и другого строительства церквей в его епархии. На прошедшем по его распоряжению первом съезде духовенства и мирян Чкаловской епархии 12–13 февраля 1947 г. было одобрено создание Епархиального фонда, среди задач которого входило такое мероприятие, как способствующее развитию и укреплению епархии, как *«Помощь особенно нуждающимся приходам во время строительства или ремонта храмов. (Взаимобразно или безвозвратно)»*. Там также было и о «расширении института разъездных священников в тех районах, где нет открытых церквей и молитвенных домов»¹⁴. Институт этот властью не приветствовался и в 1948 г. был запрещен. Строительств, кроме освещенных выше двух случаев, в источниках не зафиксировано. Превратить исключение в правило советская система не позволяла. А выходящая за пределы допустимого церковная активность Чкаловского владыки, думается, и была одной из главных причин его новой репрессии в годы «нового курса».

Вопрос о строительстве новых молитвенных зданий заботил председателя Совета по делам РПЦ Карпова после известного «похолодания» в отношениях власти к церкви 1948 г.

2 марта 1949 г. Карпов написал письмо председателю Совета министров РСФСР М.И. Родионову о том, что, согласно постановлению СНК СССР от 1 декабря 1944 г., советским органом запрещено выдавать разрешение на строительство новых молитвенных зданий без разрешения Совета по делам РПЦ. Карпов указал на факты нарушения этого порядка местными органами в

отдельных местностях РСФСР. Так, Анжеро-Судженский горисполком Кемеровской области по предложению городской архитектурной комиссии 18 февраля 1948 г. отвел земельный участок для строительства церкви в г. Анжеро-Судженске, не спросив разрешения ни Уполномоченного Совета, ни самого Совета. Затем главный архитектор города Голованов заключил соглашение с церковной общиной, составил проектно-сметную документацию на сумму в 203 975 рублей. Верующие заказали лес на лесосеке и вывезли его автотранспортом треста Антеруголь, заключившим соглашение с церковной общиной. В итоге новое церковное здание было к январю 1949 г. построено. Верующие вложили в строительство 400 000 рублей – огромные средства. В г. Нижние Серги Свердловской области церковная община, получив разрешение Горсовета, построила здание церковного типа с куполами, колокольной и вместимостью в 500 человек и даже начала совершать там церковные службы. Однако это было сделано без положенного разрешения Совета по делам РПЦ. В октябре 1948 г. Горсовет, очевидно, улавливая новые антицерковные веяния, запретил совершение служб, отобрал здание у общины и вместе с культовым имуществом передал его Горкомхозу. В результате от верующих пошли в органы власти жалобы с просьбой вернуть им церковное здание. Карпов потребовал от Родионова дать указания местным советским органам о недопустимости выдачи разрешений на строительство церковных зданий¹⁵.

В дальнейшем, видимо, под давлением многочисленных ходатайств верующих с мест, Карпов изменил свою позицию относительно закрытия Анжеро-Судженского молитвенного дома, которое в 1950 г. уже оценивал как факт административного произвола властей в Кемеровской области. В январе 1951 г. Инспекторский отдел Совета по делам РПЦ отмечал, что в построенном с разрешения Горсовета церковном здании служба не проводится уже два года¹⁶. Деревянный молитвенный дом этот, вероятно, в том же 1951 г. был разобран местной властью, так и не будучи освящен. В краеведческом очерке пишут, что после разборки храма власти распорядились перенести его на болотистую окраину города. На самом деле верующие из материалов

разобранной церкви соорудили там новый молитвенный дом, – с разрешения властей, которого с большим трудом добились. Архитектор Голованов получил выговор. Инициатора постройки храма, главу церковной общины иеромонаха Петра (Сенькова) отстранили от служения. Церковный староста Кондрат, собиравший деньги на строительство, был репрессирован и приговорен к нескольким годам заключения¹⁷.

В г. Белорецке Башкирской АССР молитвенный дом был выстроен с разрешения Горисполкома и Уполномоченного Совета по делам РПЦ. Строительство было выполнено с учетом архитектурно-планировочных требований, а также требований санитарного и пожарного надзора. Мытарства со строительством этого дома описаны в отчете Инспекторского отдела по делам РПЦ января 1951 г.: «По решению Горисполкома строительство дважды переносилось на вновь отводимые участки. В марте 1950 года строительство было закончено, устранены все отмеченные недостатки, но служба в нем не разрешена. Горисполком незаконно дал разрешение на строительство, а теперь без оснований не разрешает службу, чем вызывает недовольство верующих граждан г. Белорецка»¹⁸. Думается, были еще аналогичные случаи.

В 1949 г. председателю Совета по делам РПЦ Карпову пришлось столкнуться с необычной инициативой строительства в центре столицы нового Патриаршего Собора, который был призван заменить в этом отношении Елоховский храм. 15 августа он доложил К.Е. Ворошилову, М.А. Сулову и министру госбезопасности СССР В.С. Абакумову о посещении его тремя днями ранее в Совете неким юристом и инженером на пенсии Н.И. Бурковским, объявившем себя уполномоченным группы интеллигентов и москвичей. Бурковский описал неудобство Елоховского собора для патриарха и верующих и интересовался, могут ли власти разрешить создать в центре Москвы новый собор «в честь исторически знаменательной победы над Германией». В группу инициаторов – интеллигентных москвичей – Бурковский отнес покойного А.В. Щусева, Грабаря, Нежданова, Голованова, Руфанова, лечившего покойного патриарха Сергия профессора Егорова (в будущем стал фигурантом «дела вра-

чей». – *И.К.*), Дурова, Рыжова, профессора Давидовского, певцов Лемешева и Козловского и других. Также, по его словам, была еще группа «14 специалистов» – инженеров, готовых участвовать в сооружении нового собора. А обе группы якобы были организованы известным архитектором, лауреатом трех Сталинских премий, покойным академиком А.В. Щусевым (1973–1949), создателем Мавзолея В.И. Ленина¹⁹.

К сказанному Бурковским Карпову нелишне добавить, что его свидетельство об участии в этом церковном деле Щусева не лишено убедительности. До революции Андрей Викторович состоял на службе в канцелярии обер-прокурора Св. Синода, занимался проектированием церквей и их внутреннего убранства. В его «активе» – иконостас для Успенского собора Киево-Печерской Лавры, церковь Натальевка под Харьковом, построенная по заказу сахарозаводчика П.И. Харитоненко, задуманная как храм-музей для собранных им древнерусских икон, храм св. Сергия Радонежского на Куликовом поле и, конечно, Марфо-Мариинская обитель в Москве с церковью св. Марфы и св. Марии в больничном корпусе (1909) и собором Покрова св. Богородицы, композиционным центром ансамбля (1908–1912). Настенную живопись в соборе выполнил М.В. Нестеров. Храм святителя Алексия в Царском Селе был заложен, но его строительство не состоялось. Щусев также построил православные храмы за пределами России – Храм Христа Спасителя в Сан-Ремо, храм св. Николая в Бари. Незадолго до смерти Щусева в 1948 г. власти в ходе застройки новых районов Москвы снесли заложенный в 1918 г. по его проекту храм Спаса Преображения на Московском городском братском кладбище в селе Всесвятском²⁰.

Неизвестно, действительно ли Щусев участвовал в этом проекте или инициаторы «прикрылись» его авторитетным именем, рассчитывая на известность его участия в строительстве ряда церквей. Нелишне упомянуть, что Щусев был с 1938 г. был членом Ученого совета для реконструкции Троице-Сергиевой Лавры.

Карпов также упомянул в записке любопытный факт, свидетельствующий о сохранении заинтересованности Щусева в церковном деле: «В текущем году Настоятель Елоховского собора

Колчицкий на одном из приемов у меня, незадолго до смерти академика Щусева, сказал мне, что под руководством Щусева идет строительство мраморной гробницы на могиле патриарха Сергия, что Щусев делал это с большой любовью, заявляя: “Хочу оставить по себе хоть один действительный памятник, пусть эта гробница будет моей лебединой песней”».

Бурковский пояснил Карпову, что такой новый собор – это и чаяние Патриархии, но «по положению они не могут ходатайствовать», а вопрос должна поднимать инициативная группа верующих, Щусев, вероятно, имел разговор с патриархом, а он сам беседовал с митрополитом Николаем (Ярушевичем). Бурковский отверг предположение о какой-либо коммерческой заинтересованности инициаторов. Карпов, отвечая просителю, упомянул, что от Патриархии такой инициативы не было, что лично он находит Елоховский собор вполне отвечающим своему назначению, тем более, после его капитального ремонта в 1947–1949 гг., и не считает целесообразным реконструкцию того или иного бывшего монастыря в Москве (с целью его переделки в такой большой собор). Резюме Карпова к записке было следующим: «Вполне допускаю, что был какой-то обмен мнениями в свое время между церковниками и указанной группой интеллигенции, а ряд лиц, вроде инженеров Федотова, Петухова, Бурковского и других, искали большого заработка на работах от церкви». О том, чтобы удовлетворить такое ходатайство, и речи в то время быть не могло, а наличие среди высоких адресатов министра госбезопасности Абакумова свидетельствовало о стремлении Карпова, чтобы эта затея была и в сфере интересов карательного ведомства²¹.

Письмо Бурковского уполномоченному Совету по делам РПЦ по г. Москве А.А. Трушину упоминало о факте сноса в 1931 г. соборного Храма Христа Спасителя в Москве. «С тех пор проживающие в центральных районах г. Москвы верующие лишены возможности посещать собор, отправлять религиозные обряды с участием высшего духовенства и соборного клира». Недостаточность же Елоховского собора для этих целей («по существу приходская районная церковь») была засвидетельствована в 1947 г. протоколом специальной комиссии под предсе-

дательством А.В. Щусева, образованной при реставрации храма. Против Елоховского храма, как патриаршего Собора, была и его удаленность от центра города. Расположенность среди заводов и фабрик способствовала ежедневному покрытию его копотью и гарью. Бурковский просил Трушина возбудить соответствующее ходатайство перед Мосгорисполкомом (что явно было вне его компетенции), прямо указывая, что новый храм будет вместо снесенного соборного Храма Христа Спасителя. Для этой цели, по мнению инициаторов, мог бы сгодиться бывший Петровский монастырь у Петровских ворот, который предлагалось реконструировать в новый патриарший Московский Собор. А для его постройки объявить конкурс проектов «среди крупных специалистов» СССР. При том, памятники старины на территории монастыря, предполагалось полностью сохранить и реставрировать²².

Предложение группы московской интеллигенции, вероятно, поддержанное академиком А.В. Щусевым и – негласно – представителями Московской патриархии («церковниками»), выглядит в контексте тех условий наивным; оно явно опережало свое время. Несмотря на полную обоснованность и рациональность этой идеи, она не могла быть реализована, потому что противоречила целям руководства страны на дальнейшее ограничение деятельности «церковников». Новый, просторный и удобный, патриарший Собор в центре Москвы не вписывался в эту сталинскую линию.

3 января 1951 г. Совет по делам РПЦ принял решение, расширяющее его контрольные функции: «Считать, что как строительство, так достройка церквей и молитвенных домов, может производиться только с согласия Совета»²³.

Был случай, когда Карпов выступил сторонником сохранения за верующими построенного молитвенного дома как приписного. 28 ноября 1951 г. он доложил партийным начальникам Г.М. Маленкову и М.А. Сулову, а также 1 секретарю компартии Белоруссии Н.С. Патоличеву об очередной конфликтной ситуации, спровоцированной администрированием местных руководителей. Дело обстояло так. Верующие села Шарпиловка Лоевского района Гомельской области после разрушения в

1936 г. церкви и постройки из ее материалов клуба купили в 1950 г. небольшой деревянный дом, и, разобрав его, в начале 1951 г. построили на месте бывшей церкви молитвенный дом без препятствий со стороны местного сельского совета, партийных организации, уполномоченных райисполкома. Но и без разрешения Совета по делам РПЦ. Там они стали проводить молитвенные собрания. Вдруг Лоевский райисполком вынес решение о закрытии этого дома, председатель райисполкома приехал в село, запер здание своим замком, опечатал, а верующим запретил в нем молиться. Затем он организовал актив сельсовета для разборки дома. Но пришедшим для этого активистам противостояли верующие, окружившие свой молитвенный дом. Райсовет принял тогда новое решение: передал здание на слом местному Райпромкомбинату. Когда в село приехали на машине 12 рабочих для разборки, верующие побросали работу в поле и сбежались к молитвенному дому, не пуская к нему рабочих силой. Доходило до того, что тех рабочих, которые пытались начать разборку, они стаскивали за ноги с лестницы. Бригада была вынуждена уехать обратно. Приехавшие затем в село ответственные работники райкома партии и райисполкома созвали колхозников на собрание, на котором выполнение сельскохозяйственных работ связали с вопросом ликвидации церкви, как незаконно построенной. Собрание раскололось на спорящих друг с другом верующих и неверующих и решения принять не смогло. Заместитель председателя райисполкома не сдавал позиции: он организовал группу из 20 человек сельских активистов для разборки здания молитвенного дома и передачи строительного материала колхозу. В ответ верующие организовали постоянное наблюдение за молитвенным домом и при направлении к нему активистов бросали работу в поле и отправлялись на защиту здания. Они также дважды написали жалобу на имя Сталина, что им запрещают молиться. Отправляли письма и Швернику. Не обращая внимания на эти протесты, Гомельский облисполком 8 октября 1951 г. принял решение церковь в селе Шарпиловка ликвидировать, а также привлечь к ответственности местных советских работников, благодаря «притуплению бдительности» которых стало возможным само такое «незаконное» строитель-

ство. Карпов же предложил в своей записке не препятствовать верующим пользоваться построенным ими молитвенным домом, сделал его приписным к церковной общине села Н.-Дятловичи Гомельского района²⁴.

То, что и в этом случае чиновник стал на сторону верующих, подтверждает внутреннюю установку в его работе – стараться не провоцировать социальное напряжение на местах. Неизвестно, как отреагировали на его письмо высокие адресаты. Но известна судьба молитвенного дома: зарегистрирован, как самостоятельный храм, он не был (соответственно не был зарегистрирован и приход), но удалось его оставить в руках верующих, как и предлагал Карпов, – часовню приписали к приходу расположенной поблизости деревни Ново-Дятловичи, хотя ее строительство не было санкционировано Советом по делам РПЦ²⁵. Однако в годы хрущевских гонений в 1960-е гг., несмотря на сопротивление верующих, молитвенный дом снесли. Для молитвы с тех пор прихожане собирались в частном доме (нелегально). В 1971 г. власти расчистили и разровняли территорию разрушенной часовни и на этом месте построили лесничество. В 1990 г. в деревне был заново построен храм св. Живоначальной Троицы²⁶.

Из рассмотренного выше, следует, что разрешенное властью строительство верующими новых православных молитвенных зданий стало редким и трудоемким делом. Против строительства церквей и молитвенных домов верующими работала (в целом) неизменно враждебная к ним советская/сталинская система. Исключения только подтверждали правило.

---

¹ Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. (1943–1945). М., 1999. С. 62, 63.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 11. Л. 48, 49.

³ Магнитогорск. Церковь Николая Чудотворца. URL: <http://sobory.ru/article/?object=10380>

⁴ Бишкек. Кафедральный собор Воскресения Христова. URL: <http://sobory.ru/article/?object=08843>

⁵ Журнал Московской Патриархии. М., 1947. № 3.

⁶ История храма св. вмч. Георгия Победоносца. URL: <http://hram-alekseevskii.ru/istoriya-xrama-sv-vmch-georgiya-pobedonosca/>

⁷ Журнал Московской Патриархии. М., 1948. № 3.

- ⁸ Храм во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в городе Тамбове. URL: <http://www.eparhia-tmb.ru/index.php/o-eparxii/xramy-i-monastyri/petropavlovskij-xram/>
- ⁹ Журнал Московской Патриархии. М., 1948. № 6.
- ¹⁰ Свято-Вознесенский храм в Донецке. URL: <http://www.shukach.com/ru/node/8408>
- ¹¹ Историю храма см. в статье: *Земскова И., Баклыков В.* История храма Симеона Верхотурского поселка Саркташа // Личный сайт Владимира Баклыкова. URL: <http://baklykov.info/pravoslavie/hram-pravednogo-simeona-verhoturskogo-posyolka-saraktasha.html>
- ¹² Журнал Московской Патриархии. М., 1947. № 12.
- ¹³ История возведения Храма Святого Николая Чудотворца // Центральная городская библиотека г. Медногорска. URL: http://cbs.ucoz.ru/index/khram_goroda_mednogorska/0-145
- ¹⁴ Журнал Московской Патриархии. М., 1947. № 3.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 451. Л. 233, 234.
- ¹⁶ Там же. Д. 745. Л. 50.
- ¹⁷ Там же. Д. 451. Л. 234; Петро-Павловский храмовый комплекс г. Анжеро-Судженска. URL: http://blago.prihod.ru/istorija_khrama
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 745. Л. 49.
- ¹⁹ Там же. Д. 454. Л. 194, 195.
- ²⁰ Щусев Алексей Викторович. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Щусев_Алексе́й_Викторович; Колузаков С. Храм святителя Алексия в Царском Селе. Неизвестный проект А.В. Щусева // Третьяковская галерея. М., 2016. № 1.
- ²¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 454. Л. 195, 196.
- ²² Там же. Л. 197, 198.
- ²³ Там же. Д. 744. Л. 7.
- ²⁴ Там же. Д. 749. Л. 221–224.
- ²⁵ *Слесарев А.В.* Основатель «серафимо-геннадиевской» ветви Катакомбной Церкви «схимитрополит» Геннадий (Секач). URL: <http://anti-raskol.ru/pages/2260>
- ²⁶ Храм Святой Живоначальной Троицы, д. Шарпиловка. URL: <http://sharpi-lovka.cerkov.ru/>

ЛИТЕРАТУРА

- Земскова, И., Баклыков, В.* История храма Симеона Верхотурского поселка Саркташа // Личный сайт Владимира Баклыкова. URL: <http://baklykov.info/pravoslavie/hram-pravednogo-simeona-verhoturskogo-posyolka-saraktasha.html>
- Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945) [Текст]. М., 1999.
- Слесарев, А.В.* Основатель «серафимо-геннадиевской» ветви Катакомбной Церкви «схимитрополит» Геннадий (Секач). URL: <http://anti-raskol.ru/pages/2260>

Куйбышевская епархия в 1945–1959 гг.

Исследуется изменение положения Куйбышевской епархии Русской Православной церкви после Великой Отечественной войны, выразившееся в открытии новых храмов, назначении в них священников, увеличении церковных обрядов.

Ключевые слова: Куйбышевская епархия, Русская православная церковь, религия, храмы, соборы, церкви, монастыри, духовенство, архиереи.

Yakunin V.N.

KUIBYSHEV EPARCHY IN 1945–1959

The changing position of Kuibyshev eparchy of the Russian Orthodox Church after the great Patriotic war is examined that expressed in the opening of new churches and in priests appointment, increasing church rites.

Key words: Kuibyshev eparchy, Russian Orthodox Church, religion, temples, cathedrals, churches, monasteries, clergy, bishops.

В 1943 г., благодаря патриотической деятельности Русской православной церкви и возрождения религиозного сознания народа, установилась новая модель государственно-церковных отношений. Советское правительство было вынуждено частично сделать ставку на национальные ценности в своей внутренней политике. И православной Церкви в этой связи отводилась важная роль. 4 сентября 1943 г. председатель СНК И.В. Сталин принял иерархов Русской православной церкви во главе с патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским). Сталин заявил на этой встрече, что патриотическая позиция Церкви получила высокую оценку, и со стороны правительства отныне не будет препятствий созыву Собора епископов для избрания патриарха Московского и всея Руси, образованию при нем Священного Синода, изданию Московской Патриархией своего журнала, открытию духовных учебных заведений, свечных заводов, православных храмов и налаживанию нормальной церковной жизни. При Совнаркомом СССР образовывался Совет по делам Русской православной церкви, одной из

---

* д.и.н., профессор, проректор по НИИД ПВГУС.

задач которого было рассмотрение заявлений от верующих об открытии церквей¹.

Постановлением СНК СССР от 18 декабря 1943 г. на местах были утверждены при облисполкомах уполномоченные Совета. Решением исполкома Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся от 28 февраля 1944 г. № 12/5 был утвержден уполномоченный Совета по делам РПЦ по Куйбышевской области. Теоретический круг обязанностей уполномоченного был достаточно широк. Прежде всего, он был обязан предварительно рассматривать и проверять поступившие ходатайства верующих граждан об открытии молитвенных зданий (должны быть подписано не менее 20 местными жителями, не лишенными по суду избирательных прав). В конце процедуры уполномоченный давал положительное или отрицательное заключение.

Первым областным уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви утвердили Сергея Васильевича Гасилова, который был уполномоченным около 3 лет, до лета 1947 г. Ему пришлось рассматривать десятки заявлений об открытии церквей. После 1949 г. количество прошений верующих с десятков снизилось до единичных. Второй по порядку уполномоченный, Сергей Павлович Алексеев, служил в должности около 14 лет, с июля 1947 по май 1961 г. Нового уполномоченного отличала четкость и дисциплинированность. Алексееву, в силу командировочной деятельности, стало возможным непосредственно на местах рассматривать те или иные заявления верующих; в планах квартальной работы у него систематически предусматривалось посещение действующих религиозных общин².

12 января 1942 г. правящим архиереем Куйбышевской епархии стал архиепископ Алексей (Палицын) с титулом Куйбышевский, а с 26 декабря 1944 г. Куйбышевский и Сызранский³. В течение всего своего архипастырского служения в нашей епархии он постарался вернуть на священнические места тех, кто был вынужден их оставить под давлением обстоятельств в годы репрессий. Оставшись в 1930–1940-е гг. без приходов и вынужденные работать на гражданской службе священники и диаконы получают назначения, как и священнослужители, вернувшиеся в Куйбышевскую епархию из других регионов. Упол-

номоченный давал разрешение на служение не каждому священнослужителю. Были случаи, когда в священный сан посвящали светских людей после соответствующей подготовки. Так, в 1947 г. был посвящен в диакона артист хора Куйбышевского театра оперы и балета Виктор Каленик, обладавший уникальным голосом и ставший в 1953 г. протодиаконом Покровского кафедрального собора⁴.

Прежде чем назначить священнослужителя, архиерей испытывал его способности на клиросе и одновременно старался по своим каналам узнать больше о просителе либо просто проверить его. В одном из годовых отчетов Патриарху Алексию I архиеп. Алексей (Палицын) писал: «...передо мной всегда стоит вопрос: кого пошлю священником в открываемый приход?! Кадров нет!.. Иные безместные священники далеко отошли душой от своего прямого призвания, окопавшись на разных гражданских службах, у некоторых психология совсем изменилась»⁵.

Архиепископу Алексию пришлось восстановить и заново сформировать делопроизводство епископской канцелярии. Происходила кропотливая ежедневная работа: переписка о духовенстве, просящемся служить в епархии; возобновление богослужения явочным порядком в некоторых сельских храмах; проблема обеспечения хлебными карточками служащего духовенства; ходатайства о прописке членов причта; сбор денег, продуктов, вещей для фронта; обеспечение сирот и членов семей погибшего духовенства; прекращение (через принятие в клир) деятельности безместного духовенства, разоблачение самозванцев. Приходилось обеспечивать растущее число приходов мукой для выпечки просфор (при карточном распределении хлеба до 1947 г. и отсутствии муки в продаже даже на базарах), натуральным виноградным вином для совершения литургии, нательными крестиками, венчиками и разрешительной молитвой (они в самое тяжелое время печатались со штемпельной доски, реже – полуподпольно размножались на стеклографе в каком-нибудь советском учреждении) и свечами.

Делопроизводство архиепископ Алексей на протяжении почти трех лет, до начала 1945 г., вел лично. В начале 1945 г. протоиерей Покровского кафедрального собора Иоанн Фомичев

стал выполнять по совместительству функции секретаря канцелярии епископа. После окончания войны делопроизводство канцелярии епископа выглядело следующим образом. К обязательным делопроизводственным формам относились ежегодные отчеты по управлению епархией, отсылавшиеся на имя патриарха. Они содержали общие сведения, как по самой епархии, так и различным видам ее деятельности, включая финансовую. Отчет делился на две неравные по объему части: описательную и статистическую. Первая часть составлялась по предложенной схеме, в свободном изложении. Во второй были представлены статистические сведения, характеризующие отдельную епархию по ряду позиций. Это развернутая статистика духовенства; количество и тип приходов; сведения об используемых культовых зданиях; приход и расход денежных сумм; отчет об экономической деятельности церковных учреждений в епархии (свечные мастерские, мастерские по изготовлению утвари). Обязательными формами были личные дела духовенства, содержавшие анкету, указы о назначении и перемещении, переписку. К этой же группе относились и пенсионные дела заштатного, умершего и репрессированного духовенства и членов их семей, оставшихся согласно советскому законодательству без средств к существованию. Пенсионные дела оформлялись в массовом порядке во второй половине 1940-х гг., а в последующее время – по мере выхода за штат служащего духовенства. Самым обширным видом делопроизводства была переписка, подразделявшаяся на церковную и гражданскую⁶.

Новая государственная политика имела своим следствием то, что в епархии до конца войны открылось 5 ранее закрытых храмов, а из тюрем, лагерей, ссылок начали возвращаться уцелевшие священнослужители. Многие священнослужители, вынужденные до Великой Отечественной войны работать на гражданской службе, бывшие на покое или на иждивении у своих детей, вернулись к исполнению своих пастырских обязанностей. Великая Отечественная война показала советской власти, что и духовенство, и верующие являются искренними патриотами своей родины, а потому бороться с ними нет никакого смысла, напротив, намного выгоднее их религиозное чувство поставить под

жесткий государственный контроль, а отношения с Церковью нормализовать⁷.

Власть оставила Церкви свободу в богослужебной деятельности и перестала поддерживать отколовшиеся от нее группировки, которые без государственной поддержки перестали существовать. Вместе с тем власть сохранила за собой право контроля за внутрицерковной жизнью. Следствием Великой Отечественной войны было возрождение Церкви, укрепление ее позиций в государстве. Верующие, духовенство перестали с той поры быть изгоями общества, став его полноценными гражданами. Оставшись в 1930–1940-е гг. без приходов и вынужденные работать на гражданской службе священники и диаконы получают назначения. Священнослужители, вернувшиеся в Куйбышевскую епархию из других регионов, также получали назначения⁸. Если до 1943 г. в Куйбышевской области действовали только 2 церкви – Покровская в Куйбышеве и Вознесенская в Кинель-Черкассах, то уже в 1947 г. их стало 19⁹, разделенных на 2 благочиния (Приволжское – 10 храмов и Степное – 9 церквей). Оба благочиния возглавлялись настоятелями двух храмов епархиального города, и охватывали всю территорию Куйбышевской епархии. В середине 1950-х гг. количество благочиний в Куйбышевской епархии достигало трех, к концу того же десятилетия благочиний снова стало два. Благочинным первого округа был назначен настоятель Покровского кафедрального собора протоиерей Александр Надеждин, благочинным второго округа – настоятель Петро-Павловской церкви г. Куйбышева протоиерей Иоанн Фомичев¹⁰.

В 20 районах действующих церквей не было¹¹. Нехватка храмов и священников приводила к тому, что во многих районах области: Елховском, Сосново-Солонецком, Пестравском и других литургии совершались в непригодных помещениях не имеющими никакого сана лицами и даже женщинами, что по каноническим правилам недопустимо¹².

Всего же на учете уполномоченного Совета по делам РПЦ по Куйбышевской области имелось 230 уцелевших зданий недействующих церквей, из них 70 было переоборудовано под культурные учреждения и промышленные предприятия¹³.

В октябре 1946 г. открылась Петропавловская церковь г. Куйбышева. Несмотря на то, что в целости от неё остались одни стены, община верующих в течение полутора месяцев привела храм в порядок. За это время церковным советом было собрано 600 тысяч рублей, верующими приносились золотые вещи и церковная утварь¹⁴.

Следует отметить, что за 40 последующих лет епархиальным архиереям больше не удалось открыть ни одной церкви. Во всех храмах епархии в 1947 г. служило 32 священника, 5 диаконов и 1 псаломщик. Подавляющее большинство из них пребывали в преклонном возрасте, многие были посвящены в сан ещё до революции¹⁵. Только 1 священнослужитель имел высшее богословское образование, 1 – высшее светское, 16 человек окончили духовные семинарии, 14 имели среднее светское образование. 5 священнослужителей не имели богословского образования, а 7 получили только начальное светское образование¹⁶.

Доход священника колебался от 3 500 до 5 000 рублей в месяц, архиепископ получал 20 тысяч рублей в месяц. Регент кафедрального собора получал 3 500 рублей, псаломщик – 3 тысячи рублей, церковный староста и казначей – 2 тысячи¹⁷. Налоги с заработной платы священно- и церковнослужителей достигали 35%. Следствием этого было повсеместное распространение т.н. «черных касс». Они образовывались от продажи неучтенных свечей и просфор, а также за оплату верующими молебнов и треб. Средства из этих касс не облагались налогами и использовались как дотация к зарплате¹⁸.

Среднемесячная зарплата рабочего составляла в то время 700 рублей¹⁹, а председателя Совета по делам РПЦ (по рангу приравнивался к министру) – 3 900 рублей²⁰.

К концу войны заметно оживилась религиозная жизнь г. Куйбышева. Если за весь 1940 г. в Покровском кафедральном соборе было совершено 139 венчаний, то за 1944 г. уже 300 венчаний, за 1945 г. их было проведено 867, а за первую половину 1946 г. – 1 258. В январе 1945 г. по г. Куйбышеву в отделе ЗАГСа было зарегистрировано 596 новорожденных, а в церкви за тот же период было крещено 356 младенцев. Динамика увеличения церковной обрядности двух куйбышевских церквей:

Покровской и Петропавловской (с 1946 г.), видна на следующей таблице²¹.

Год	Крещения	Венчания	Отпевания	Доходы
1944		403		670 6643
1945	12 932	1 464		610 1214
1946	14 000	2 300		559 7976
1947	13 487	2 196	1 676	493 6490
1948	13 724	1 959	1 368	3 168 601

Резко увеличилось посещение церквей в дни религиозных праздников гражданами в возрасте от 20 до 40 лет, активно посещали храмы интеллигенция и школьники. Ввиду переполнения народом Покровского собора священнослужители совершали там в воскресные дни по две литургии, а в двенадцатые и престольные праздники – по три. В те же дни проводились утренние и вечерние богослужения. Такое же посещение церквей наблюдалось и в других храмах епархии²². На Пасху 1945 г. в Покровский собор пришло свыше 14 тысяч человек, поэтому утренняя служба совершалась на площади при входе в храм²³. На следующий год число пришедших на пасхальное богослужение в собор составило 20 тысяч человек²⁴.

По отчетам уполномоченного, религиозность населения Куйбышевской области в конце 1940-х гг. проявлялась в том, что:

- 1) в большие религиозные праздники комсомольцы и члены семей коммунистов посещали церкви;
- 2) в домах у некоторых коммунистов имелись иконы;
- 3) у многих школьников, в том числе и у детей коммунистов, имелись нательные крестики;
- 4) некоторых коммунистов хоронили с отпеванием;
- 5) повсеместно проходили молитвенные собрания верующих по домам;
- 6) некоторые коммунисты отмечали религиозные праздники;
- 7) Великим постом сельская молодежь не посещала ни клубы, ни кино;
- 8) бывшие председатели сельсоветов ходатайствовали об открытии церквей²⁵.

Одним из самых значительных «грехов» у членов КПСС считалось хранение в домашней обстановке икон. По подсчетам уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви, в сельской местности почти половина коммунистов имела домашние иконы. Так, например, в с. Ст. Семейкино таковые имелись в домах 18 членов партии из 43. Местная жительница, член партии медсестра М. Кузьмина открыто пропагандировала свои религиозные взгляды. Почти у всех коммунистов села Красные Ключи в доме находились иконы, включая учителя истории, лектора и пропагандиста.

Иконы имелись в домах секретарей комсомольских организаций и райкомов КПСС, секретарей сельсоветов и агрономов, бригадиров и сельских учителей. Некоторые из них не боялись носить православные кресты, запрещали своим детям вступать в пионерские и комсомольские организации. Среди методов борьбы с верующими, активно использовавшимися советской властью, было продолжение закрытия отдельных церквей, переоборудование их под хозяйственные помещения. Так, в 1949 г. в с. Вечканово и Чистовка были закрыты православные церкви под предлогом их «обветшания»²⁶.

Летом 1947 г. в Ставрополе-на-Волге с разрешения исполкома райсовета прошли массовые крестные ходы верующих с молебствиями о прекращении засухи. В Сызрани крестный ход за реку Сызранку в память о явлении Федоровской иконы Божией Матери возглавил протоиерей В.М. Афанасьев, настоятель Богородично-Казанского собора. В этом мероприятии, организованном без разрешения местных властей, участвовало свыше 5 тысяч человек²⁷.

В начале 1950-х гг. стало наблюдаться незначительное снижение религиозности населения. Это можно объяснить как возобновлением антирелигиозной пропаганды, так и постепенным преодолением страданий от потерь войны, налаживанием мирной жизни²⁸. Так, на Пасху 1951 г. в Покровскую и Петропавловскую церкви г. Куйбышева пришло 15 тысяч человек²⁹. Из них в самих церквях старухи составляли 57%, старики 20%, женщины и мужчины 20–40 лет – 20%, подростки – 3%. В ограде церковью старики составляли 30%, женщины и мужчины 20–

40 лет – 40%, юноши и девушки – 20%, дети 10–15 лет – 10%. В тот день у церквей были замечены офицеры и финансовые работники. В Богородично-Казанскую церковь г. Сызрани на Пасху пришло 6 тысяч человек. В сельской местности из-за распутицы службы были ещё менее многолюдны. Во всех 15 сельских церквях было 12 тысяч человек. В большие праздники 1952 г. Покровский кафедральный собор посещало от 800 до 2 тысяч человек, в воскресные дни – 500–700, а в будни – 50–150 человек³⁰.

В будние дни сельские церкви посещали 15–20 прихожан, в выходные – 40–50. Значительное увеличение числа прихожан происходило лишь в дни религиозных праздников, в основном за счет жителей окрестных районов, не имевших своих молитвенных домов. В такие дни церковь могли посещать до 750–800 человек, но в основном это были представители старшего и среднего возраста. Молодых людей (в возрасте до 30 лет) практически не было, а если и были, то приход в церковь они объясняли «интересом к оформлению храма, совершению церковных обрядов». Вместе с тем значительно увеличилось количество прихожан, которые приходили в церковь для совершения обрядов крещения, бракосочетания и т.д.³¹

Более низкая посещаемость храмов по сравнению с предыдущим периодом (1944–1948 гг.) объяснялась С.П. Алексеевым следующими причинами:

- Внутрицерковной борьбой различных группировок за овладение доходными местами в церквях. Подчас в этой борьбе использовались все средства: жалобы, анонимные письма о безобразиях в церквях, попытки добиться смены духовенства, выдвигения «своих» священников из заштатного духовенства.
- Продолжительной болезнью архиепископа Алексия (Палицына) в 1950–1952 гг. и в связи с этим его невозможностью принимать безотлагательные решения по многим епархиальным делам.
- Почти полным отсутствием проповедей во время богослужений.
- Ухудшением качества церковного пения.
- Усилением антирелигиозной пропаганды.

- Неприятием сложившихся отношений между Церковью и государством (слухи о том, что Церковь «продалась» государству).
- Непопулярными распоряжениями архиепископа Алексия (Палицына), принятыми под давлением государственной власти (о запрещении церковной благотворительности и др.).

Все это вместе взятое привело к снижению уровня посещаемости церквей на 20–30% по сравнению с уровнем 1948 г., а значит и к снижению церковных доходов³².

В военные и первые послевоенные годы в куйбышевских храмах были самые лучшие хоры в России. В войну в Куйбышев эвакуировались многие столичные театры, в том числе Большой театр. В храмах Куйбышева пели Козловский, Михайлов, другие замечательные певцы. Когда война окончилась и театры вернулись в Москву, оставалась их школа церковного пения³³.

Несмотря на трудные времена, церковный хор Покровского кафедрального собора насчитывал 46 человек³⁴. Он был составлен из артистов оперного театра, а его регентом был член Союза композиторов СССР Леонид Филиппович Другов³⁵. Наряду с постоянным хором в соборе действовал ещё и любительский хор, деятельность которого всячески поощрялась³⁶.

В послевоенные годы верующие старались благоустроить свои храмы: отремонтировать, расписать, заменить иконостасы. Собственных средств не всегда хватало на эти цели, приходилось брать займы у священнослужителей. Так, в 1949 г. Покровский кафедральный собор обратился с просьбой к настоятелю Казанского собора г. Сызрани протоиерею Борису Михайловичу Анастасиеву дать займы 300 тысяч рублей. Учитывая значение кафедрального собора для церковной жизни всей епархии отец Борис не смог отказать, за что был на 7 месяцев заключен под стражу. В феврале 1950 г. Верховным судом он был оправдан со снятием судимости и правом занять свое место по службе³⁷.

Власти считали архиепископа Алексия нелояльным к Советской власти. В ГА РФ сохранился список архиереев Русской Православной церкви, не приславших поздравительных телеграмм в связи с 30-летием октябрьской революции³⁸. Одним из

первых в этом «черном списке» стоит имя владыки Алексия. Архиепископ уклонялся от служб и в дни революционных праздников под предлогом болезни³⁹.

Архиепископ Алексей планировал организовать миссионерскую деятельность в своей епархии, рекомендовав священника П.А. Левитского на должность епархиального миссионера. Однако сразу же инициатива архипастыря была встречена местными властями в штыки⁴⁰. Владыка неоднократно ставил вопрос и об увеличении численности церковных причтов⁴¹.

Эти попытки вызывали опасения и тревогу уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви С.В. Гасилина. Он неоднократно писал вышестоящему начальству о том, что архиерей вовлекал в Церковь народ. Самостоятельность же и твердость архиепископа в этих вопросах он объяснял психическим заболеванием и просил свое руководство избавить Куйбышевскую епархию от «излишне» деятельного архиерея⁴². Однако времена открытых гонений на Церковь прошли, и тот патристический подъем, который переживала Куйбышевская епархия в годы Великой Отечественной войны, заставлял центральные власти закрывать глаза на пастырскую деятельность «беспокойного архиерея».

Более конструктивные отношения сложились у владыки Алексия со ставшим в 1947 г. уполномоченным Совета по делам Русской Православной церкви С.П. Алексеевым. Обычно встречи архиепископа с уполномоченным проходили в здании облисполкома раз в месяц по инициативе архиерея. Только один раз, в 1947 г., сразу после вступления в должность, С.П. Алексеев побывал в гостях у владыки Алексия по его приглашению. Перед этим уполномоченный получил разрешение от Совета по делам Русской Православной церкви, поставил в известность первого секретаря обкома партии, председателя облисполкома и секретаря парторганизации облисполкома. Другой раз С.П. Алексеев приехал в канцелярию епархиального управления по деловым вопросам в 1950 г. Тогда архиепископ Алексей по состоянию здоровья не мог подняться к уполномоченному на пятый этаж⁴³. Проживал архиепископ Алексей в частном доме по адресу: ул. Дурова, 10.

В Куйбышевской епархии в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. очень активную деятельность проводил настоятель церкви в с. Владимировка М.А. Рыбаков. Он занимался благотворительностью, по просьбам односельчан давал деньги на покупку семенного картофеля, семена и т.п. М.А. Рыбаков часто посещал тракторную и полеводческую бригады, со знанием дела указывая на недостатки в их работе. Это положительно влияло на колхозников, они стали регулярно исповедоваться и причащаться. Однако о столь активной деятельности вскоре узнал уполномоченный, и архиепископ Алексей был вынужден перевести М.А. Рыбакова в другой приход⁴⁴.

В послевоенные годы в Куйбышевской области имелись многочисленные явления затворничества, юродства. Эти люди не вписывались в рамки «социалистического общежития». И к ним, естественно, применялись «строгие меры». Нормальная церковная жизнь в те годы была еще не доступна для большинства народа. Священников и церковью не хватало. И как следствие этого возрождались различные языческие суеверия. Появляются т.н. «святые письма». Люди стали ходить к всевозможным знахаркам, совершающим магические обряды. Это тоже вызывало обеспокоенность уполномоченных. По-своему трезво рассудив, они осознали, что лучше иметь дело с зарегистрированными священниками, чем с малограмотной келейницей или юродивым, а то и шарлатаном. Были и случаи откровенного кликушества. Архиепископ Алексей всегда с осторожностью советовал относиться к такого рода фактам.

В Куйбышевской епархии в 1952 году служило 7 диаконов и 31 священник. Подавляющее большинство из них было старше 55 лет. Несмотря на то, что в 20 районах области действующих церковей не было, все ходатайства об их открытии отклонялись уполномоченным Советом по делам Русской Православной церкви в Куйбышевской области С.П. Алексеевым⁴⁵.

Скончался архиепископ Алексей в апреле 1952 г. и был похоронен в Покровском кафедральном соборе. Временно управляющим Куйбышевской епархией был назначен епископ Уфимский и Башкирский Арсений (Крылов). В те годы, когда архиереев не хватало и надо было согласовывать каждое назначение с

Советом по делам Русской Православной церкви, практиковалось назначение временно управляющих епархиями. Один епископ мог, таким образом, управлять двумя и даже тремя епархиями. Иногда «временное» управление продолжалось несколько лет. Естественно, что при таком положении дел архиерей просто физически не мог вникнуть во все проблемы вверенных ему епархий. Поэтому иногда возникали досадные недоразумения. Так, владыка Арсений, не ознакомившись с делами Куйбышевской епархии, наградил некоторых священников, которых затем по непригодности пришлось увольнять.

Прибывший в Куйбышев епископ Арсений (Крылов) столкнулся с целым комплексом требующих безотлагательного решения проблем.

Будучи больным (он безуспешно просился долгое время на покой), владыка Арсений тем не менее всеми силами стремился поднять тонус церковной жизни и авторитет епископа. Он ежедневно принимал участие в церковных службах, совершаемых по полному уставу, лично говорил проповеди и требовал того же от подчинённого духовенства. Впервые за многие годы возобновились торжественные встречи архиерея на вокзале и в церкви. В Куйбышев владыка Арсений приезжал всегда с большой свитой (2 священника, диакон, иподиаконы, послушник).

В середине июня 1952 г. временно управляющим Куйбышевской епархией был назначен молодой и энергичный епископ Иероним (Захаров), ставший вскоре епископом Куйбышевским и Сызранским⁴⁶.

По отзывам духовенства и верующих, владыка вел себя скромно, выступал против торжественных встреч, приезжал в Куйбышев один, без свиты и предупреждения. Вне церкви епископа можно было увидеть в гражданской одежде. Вскоре он приступил к ряду мероприятий по укреплению положения Церкви.

Уже на своей первой встрече с уполномоченным Совета по делам Русской Православной церкви С.П. Алексеевым 11 июня 1952 г. владыка Иероним объявил о своем решении упразднить должности благочинных в связи с небольшим количеством приходов и создать епархиальный совет из трех человек. Позже

председателем этого совета стал настоятель Покровского собора протоиерей Надеждин. Тогда же архиерей заявил, что считает неправильным установление архиепископом Алексием Палицыным себе оклада в 20 тысяч рублей в месяц, ограничившись официальной зарплатой в 3 тысячи рублей. Необходимо отметить, что по давней традиции за служение в приходах епархии архиерей и его свита получали вознаграждение от настоятеля.

Преосвященный Иероним уделял большое внимание расстановке духовенства и стремился улучшить его состав. Убедившись в том, что духовенство, прибывающее из других епархий, подчас стояло не на высоте своего положения, владыка решил поднимать авторитет священнослужителей и активизировать их деятельность преимущественно путём перестановки, увольнения непригодных и изыскания местных резервов.

Так, в конце 1952 г. из одних приходов в другие было перемещено 8 человек, вновь назначено 3, посвящено в сан 2 человека и уволены 2 за плохое поведение. В Покровском кафедральном соборе епископ заменил настоятеля Тюгаева, как слабого администратора, протоиереем Надеждиным, уволил скомпрометировавшего себя священника, сменил весь состав церковного совета и ревизионной комиссии, очистил церковный хор от морально разложившихся лиц. Владыка сам посетил несколько спевков хора и потребовал перестроиться на церковные песнопения в монастырском стиле. Он приглашал новых певчих из различных регионов России. В Покровском соборе хор был увеличен до 30 человек, на его содержание выделялось 35 тысяч рублей в месяц. На содержание хора Петропавловской церкви из 42 человек выделялось 50 тысяч рублей в месяц⁴⁷.

Считая причиной снижения доходов церкви г. Сызрани плохую работу приходского совета, епископ Иероним потребовал от настоятеля Рыбакова проведения отчетно-выборного собрания «двадцатки» с тем, чтобы подобрать в состав церковного совета новых, более деятельных лиц. Он предложил заменить продавцов свечей, уволил с запрещением служения священника Моськина за аморальные поступки, усилил состав духовенства⁴⁸.

Владыка с особой тщательностью подбирал настоятелей тех церквей, где была развита внутрицерковная борьба, происхо-

дившая на почве разногласий между духовенством и «двадцатками» по управлению финансово-хозяйственными делами приходов. «Двадцатки» подчас несправедливо обвиняли духовенство в том, что оно завывало себе оклады и не заботилось о церковных доходах, снижавшихся из года в год. Вновь назначенным настоятелям епископ ставил задачу «поднять церковь, навести в ней порядок, устранить командование в церкви со стороны “двадцатки” и поднять роль настоятеля». Архиерей добивался переизбрания исполнительных органов церковей за не проявление должной заботы о церкви, за игнорирование настоятеля, пьянство. Он практиковал частую сменяемость церковных советов с целью повысить роль настоятелей церковей, а это в свою очередь увеличивало число недовольных его деятельностью.

Преосвященный Иероним проявлял большую заботу о ремонте церковных зданий. В Покровской и Петропавловской церквях г. Куйбышева наряду с обновлением и пополнением живописи, покраской стен, крыш и крестов, побелкой зданий снаружи, отделкой иконостасов, было усилено электроосвещение лампами дневного света. Расписывать Покровский собор пригласили группу из 5 московских художников. Старая мрачная живопись на глазах верующих заменялась новой, в ярких красках на светло-голубом фоне. Однако некоторые прихожане посчитали ее мало похожей на церковную и проявляли по этому поводу беспокойство. Архиерею пришлось успокаивать недовольных⁴⁹.

В связи с тем, что в некоторых сельских приходах сократились доходы и здания церковей пришли в запущенное состояние, епископ Иероним организовал их ремонт за счет епархиальных средств под руководством своих представителей. В сметную номенклатуру 1954 г. была включена статья 14 «на оказание помощи беднейшим церквям». В ней епископом устанавливалась сумма отчислений каждой церковью, которая, по его расчетам, в состоянии оказать помощь другим церквям.

Архиерей и созданный им епархиальный совет под председательством благочинного Надеждина уделяли большое внимание укреплению сельских приходов. Комиссия в составе секретаря епархиального управления А.А. Савина и члена епархиального

совета протодиакона Каленика летом 1954 г. объехала на автомашине все сельские церкви, произвела проверку учёта и расхода денежных средств, выявила общее состояние церквей, деятельность духовенства и церковных советов. В результате этого обследования 5 настоятелей церквей были либо уволены за штат, либо перемещены в другие приходы.

Преосвященный Иероним, учитывая, что финорганы не могут проверять и облагать налогом средства епархиального управления, увеличил пенсионный фонд с 9 до 19 тысяч рублей и заявил, что будет сам заниматься этим делом⁵⁰.

Владыка хотел создать кассу при епархиальном управлении по оказанию материальной помощи нуждающимся. Предполагалось учредить денежный фонд в распоряжении епископа за счет средств епархиального управления и специальных отчислений Покровской и Петропавловской церквей города Куйбышева по 25 тысяч рублей от каждой для установления ежемесячных пособий семьям умерших священнослужителей, которые не получали пенсий, а также для выдачи единовременных пособий отдельным нуждающимся лицам. Однако эту инициативу архиерея не поддержали ни настоятели куйбышевских церквей, ни светские власти. Настоятель Покровского собора протоиерей Надеждин возражал по мотивам недостатка церковных средств, а настоятель Петропавловской церкви Валовский считал это мероприятие незаконным. Такого же мнения придерживался уполномоченный Совета по делам Русской Православной церкви С.П. Алексеев, настаивавший на повторении распоряжения архиепископа Алексия (Палицына) о категорическом запрещении церковной благотворительности.

Большую роль епископ Иероним отводил проповеднической деятельности. В городских церквах епархии систематически в воскресные и праздничные дни стали читаться проповеди на евангельские темы.

Особое внимание преосвященный Иероним уделял торжественности церковных служб. По его инициативе в Покровской церкви по примеру собора в г. Чкалове после всенощной службы в субботу был введен выход всего духовенства к иконе «Взыскание погибших» при всеобщем пении, а по вторникам

чтение акафиста было дополнено особым каноном. Владыка часто бывал в Москве и стремился подражать порядкам, существовавшим в патриаршем Богоявленском соборе: ввел новые напевы, требовал, чтобы службы совершались полнее, добивался большей стройности в пении хора.

Мероприятия, проводимые епископом Иеронимом, дали свои результаты и уже в 1954 г. уполномоченный Совета по делам Русской Православной церкви Алексеев с тревогой докладывал вышестоящему начальству о том, что «общее состояние церковей характеризуется повышенной активностью церковников, увеличением числа обрядов, исполняемых в церквях и треб». Всё это уполномоченный объяснял «низким уровнем культурно-массовой работы и слабостью пропаганды естественнонаучных знаний»⁵¹.

Постановление бюро обкома КПСС об усилении антирелигиозной пропаганды, вынесенное в конце 1953 г., публикация антирелигиозных статей в периодической печати еще более усилило религиозные настроения людей, боявшихся, что церкви опять закроют, а потому спешивших выполнить все религиозные обряды⁵². В воскресные дни в Покровском соборе совершалось до 200 крещений детей, а за месяц до 500 венчаний. Там же в субботние и воскресные дни Великого поста 1956 г. присутствовало до 2 тысяч человек, в Великий четверг – 3 тысячи человек, на Пасху – 10 тысяч человек, в течение Пасхальной недели – по 1 000 человек. Посещаемость сызранской Богородично-Казанской церкви была примерно такой же. Встревоженным властям настоятель Покровского собора Надеждин не без доли юмора объяснял возросшую религиозность народа «угрозой атомной войны со стороны империалистического лагеря»⁵³.

Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», встреча патриарха Московского и всея Руси Алексия с преемником Сталина Г.М. Маленковым вселили в верующих и духовенство надежду на то, что антирелигиозные гонения больше не повторятся. Постановление ЦК КПСС отразило корректировку партийной линии в отношении насаждения научного атеизма: акцент был смещен с пропаганды на воспитание. ЦК

КПСС признал, что в ряде мест «имелись случаи оскорбления чувств верующих, административного вмешательства в деятельность религиозных объединений и групп, когда на страницах печати и в устных выступлениях пропагандистов некоторые служители религиозных культов и верующие без всякого на то основания изображаются людьми, не заслуживающими политического доверия. В ряде районов со стороны местных организаций и отдельных лиц допущены случаи административного вмешательства в деятельность религиозных объединений и групп, а также грубого отношения к духовенству». В постановлении указывалось на недопустимость оскорбительных действий в отношении церкви, духовенства и верующих граждан. Постановление признавало, что в СССР «имеются и граждане, которые, активно участвуя в жизни страны и честно выполняя перед Родиной свой гражданский долг, находятся еще под влиянием разного рода религиозных верований. К этим верующим людям партия всегда требовала, и будет требовать чуткого, внимательного отношения. Тем более глупо и вредно ставить тех или иных советских граждан под политическое сомнение из-за их религиозных убеждений»⁵⁴. Совет по делам РПЦ просил уполномоченных собрать отклики куйбышевского архиерея, духовенства и членов приходских органов на ноябрьское постановление. Куйбышевский уполномоченный уже 18 ноября отправил их в виде специальной информации в Москву. Все они были положительными и ожидаемыми⁵⁵. После постановления прекратились раздаваться неодобрительные отзывы о священниках, многие люди перестали стесняться ходить в церковь.

Усиление влияния Церкви на верующих находило подтверждение в неуклонном росте денежных доходов. И хотя в 1953 г. наблюдалось их незначительное понижение, в последующее время доходы Церкви стали быстро возрастать. В 1952 г. 49 священников, диаконов и псаломщиков получили 2 987 000 рублей, а в 1953 г. 2 835 000 рублей дохода. Из этой суммы вычли 1 781 000 рублей налогов. В городах доходы священников были в несколько раз выше, чем в селах. Твердый денежный оклад священников составлял 10–11 тысяч рублей в месяц, однако мало кто ограничивался этим. Большинство священнослужителей

получало деньги напрямую от верующих, минуя церковную кассу, а значит, и уходя от налогов. Священнослужитель со стажем мог без особых проблем купить себе хороший дом, стоивший до 100 тысяч рублей⁵⁶.

По всем 19 церквам области церковный доход (без причтового) в 1955 году составил 7 877 000 рублей против 6 100 000 в 1953 г., увеличившись на 29,1%. Причем по городским церквам он вырос с 5 133 000 в 1953 г. до 6 504 000 рублей в 1955 г., или на 26,7%, а по сельским церквам с 967 000 до 1 373 000 рублей, или на 42,2%. В 1956 г. доходы церквей по сравнению с 1955 г. увеличились в городах на 10–15% и в сельской местности на 10%⁵⁷. Однако почти всегда реальные доходы церкви занижались, и финансовые органы с этим были вынуждены смириться.

1 января 1954 г. в г. Куйбышеве была открыта епархиальная свечная мастерская. Первоначально епархиальная свечная мастерская снабжала свечами только приходы Куйбышевской епархии, а затем постепенно к числу потребителей присоединились приходы соседних Уфимской, Саратовской и Ульяновской епархий⁵⁸.

Не всем активная деятельность епископа Иеронима пришлась по душе. Даже священнослужители по собственной инициативе иногда приходили к уполномоченному Совету по делам Русской Православной церкви С.П. Алексееву выражать недовольство слишком деятельным архиереем. Так, на приеме у уполномоченного 28 мая 1956 г. настоятель Покровского собора Надеждин, поставленный на это место владыкой и удостоенный им же почти всех церковных наград, заявил: «С 9 мая Иероним в Москве и ничего не пишет. Приходится удивляться его отношению к своим обязанностям... Он не считается с замечаниями патриарха по поводу того, что выезжает только в Сызрань и в Ставрополь, редко служит и не говорит проповедей, подолгу живет в Москве. От перевода в другую епархию отказывается...»

В то же самое время у епископа Иеронима случились неприятности в Московской Патриархии из-за назначения иеромонаха Серафима (Полоз) настоятелем Петропавловской церкви. Патриарх Алексей не советовал его использовать в качестве настоятеля как бывшего обновленца, а рекомендовал оставить на этом

месте протоиерея Поликарпова⁵⁹. Однако с мнением патриарха владыка Иероним не посчитался, и это был один из поводов его перемещения на Орловскую и Брянскую архиерейскую кафедру в мае 1956 г.

31 мая 1956 г. епископом Куйбышевским и Сызранским был назначен преосвященный Митрофан (Гутовский). Он прибыл в Куйбышев 22 июня 1956 г. С его приездом архиерейские службы стали регулярными и более многолюдными. Владыка Митрофан за короткий срок приобрел авторитет у священнослужителей и верующих тем, что установил дни приема посетителей и искоренил грубость некоторых церковнослужителей Покровского собора. После этого склоки в соборе и поток жалоб на духовенство прекратились. Некоторые сельские священники более года не встречались с прежним епископом, новый же незамедлительно требовал доклада обо всех церковных делах и сам рассматривал финансовые отчёты.

При епископе Митрофане в Покровском соборе вместо временного был установлен постоянный мраморный иконостас в псевдовизантийском стиле, перенесенный из Пантелеимоновской церкви б. общины сестер милосердия (Аржановская больница по ул. Л. Толстого). Собору власти передали множество конфискованных ранее из других храмов икон и церковной утвари.

Епископ Митрофан составил ряд инструкций, в частности, о правах и обязанностях старост и всех материально ответственных лиц, организовал проведение инвентаризации и оценки всего имущества церкви, ввел особую отчетность по приобретению стройматериалов и по ремонту церковных зданий, обязал производить покупки стройматериалов только в государственной торговой сети.

В своей деятельности архиерей большое внимание уделял подбору и расстановке кадров духовенства, стремясь к улучшению его качественного состава, постепенно отсеивая не авторитетных священнослужителей из других епархий. На одном из приемов у уполномоченного он заявил: «Хотя священников в епархии недостаточно, я не решаюсь принимать из других епархий, так как при проверке у них обнаруживаются какие-либо пороки, приходится назначать из числа местных заштатных

священников». Епископ Митрофан назначал на место старых молодых священников из диаконов, многие молодые псаломщики и певцы были им рукоположены в сан диакона. Выезжал он преимущественно в городские церкви и без особого сопровождения.

У преосвященного Митрофана с самого начала установились хорошие деловые отношения с уполномоченным Совета по делам Русской Православной церкви С.П. Алексеевым. К рекомендациям уполномоченного он всегда прислушивался, на приемах сообщал ему о положении дел в епархии, обо всех намечаемых им мероприятиях по подбору и расстановке кадров духовенства, по наведению порядка в учете имущества, материальных и денежных средств церковью, о восстановлении благочиннических округов, о своих выездах в церкви, о встречах с другими епископами и т.д. Расположение уполномоченного вызвала и подписка епископа на многие газеты и журналы, в общей сумме превысившая 1 000 рублей. Владыка Митрофан показался Алексееву интересным собеседником, не раз между ними проходили беседы по проблемам международных событий и внутренней жизни СССР.

Священнослужители и верующие характеризовали епископа Митрофана как настоящего монаха, тихого, скромного, требовательного и очень выдержанного, самостоятельного в решении церковных вопросов. Он сам вникал во все дела и был свободен от влияния окружающих лиц. Со всеми владыка был вежлив, своих посетителей внимательно выслушивал, а если пришедший волновался, предлагал вместе помолиться. Проповеди он говорил небольшие, призывал молиться о мире во всем мире. Как правящий архиерей, он требовал, чтобы все священники выступали с проповедями, а тем, кто не мог сам выступать, советовал читать проповеди митрополита Николая (Ярушевича). Жил он замкнуто, у себя дома никого не принимал и ни к кому не ходил, в повседневной жизни вел себя сдержанно и официально. Был очень осторожен в высказываниях, никогда не реагировал на доносы.

Преосвященный Митрофан требовал читать во время службы все положенные каноны, многие из которых до него не читались. В конце службы каждого благословлял, поэтому они были весьма продолжительны. В Покровском кафедральном соборе

стали проводиться акафисты с его участием, при этом число молящихся увеличилось с 400 до 800 человек.

Активная деятельность преосвященного и других священнослужителей усилило влияние Церкви на верующих, их количество постепенно стало возрастать. Общее увеличение доходов населения в это время способствовало возрастанию расходов верующих на культовые цели. Об этом свидетельствовал рост церковных и причтовых доходов. В 1956 г. они возросли по сравнению с предыдущим годом на 30 % и составили 10 486 000 рублей⁶⁰. Почти 50 % из них получали от продажи свечей. К другим неизменяемым доходным частям следует отнести: от продажи мелкой утвари, предметов и веществ для богослужения; пожертвования от отдельных лиц и так называемый кружечно-тарелочный сбор.

Общие расходы епархии в 1956 г. составляли 3 321 200 рублей, в 1957 г. – 10 370 800 рублей, в 1959 г. – 12 399 400 рублей. Расходная часть шла на следующие цели: содержание церковных хоров (в 1956–1959 гг. эта сумма составляла 10–30%); ремонт зданий (15–30%); заработная плата штату, обслуживающему церковную структуру, в т.ч. духовенству, церковнослужителям, техническому персоналу (12–30%); отчисления епархиальному управлению для функционирования его управленческой структуры и отчислений на содержание Московской Патриархии (15–30%); приобретение свечей, инвентаря и утвари для реализации верующим (12–30%); ссуды на ремонт сельских церквей (3–7%); помощь и награды (подразумевал скрытую благотворительность служившему и заштатному духовенству и некоторой части верующих, 5–10%); взносы в пенсионный фонд Московской Патриархии (3–5%); отчисления на социальное страхование (1%)⁶¹.

Церковные организации и администраторы, маскировали благотворительную помощь под видом единовременных выплат к праздникам недостаточным верующим и духовенству; материальной помощи семинаристам; лицам, оказавшимся в трудных обстоятельствах (в пути, после пожара, необходимости платного лечения). Для некоторых сельских клириков, служивших в нищих деревенских приходах, таковые периодически назначав-

шие награды были практически единственной формой денежного вознаграждения. Через эту графу расходов проходили выплаты клирикам (реже – рядовым верующим), репрессированным и лишенным советской властью средств к существованию и права получения государственной и церковной пенсий. Взносы в пенсионный фонд Московской патриархии, основанный с разрешения властей в 1947 г., постоянно совершали приходы, а также служившее духовенство, которое периодически, по выслуге лет, получало от патриархии иерархические награды (более высокие степени сана, либо предметы богослужебного облачения) и вносило за это определенные суммы в качестве пожертвования. Именно из этих средств выплачивались пенсии пенсионерам, проживавшим на территории епархии. Оставшаяся часть высылалась в центр в общецерковный пенсионный фонд⁶².

Особо надо отметить такие расходы Куйбышевской епархии и ее приходов, как подписка на облигации госзайма. Практика подписки православных приходов и духовенства в послевоенное время носила зачастую открыто-принудительный характер. Несмотря на формальный принцип отделения Церкви от государства, на местах составлялись разнарядки для приходов, как в случае с советскими учреждениями⁶³. 5 марта 1953 г. епископ Иероним на приеме у куйбышевского уполномоченного заявил следующее: «В прошлом году некоторые церкви были подписаны на заём, в частности, Покровская церковь г. Куйбышева вместе с причтом подписалась на 400 тысяч рублей и о ней приходится вести особый разговор, т.к. большая сумма подписки вызвала финансовое затруднение Покровской церкви. Отдельные священники заявляют, что органы местной власти обычно устанавливают контрольные цифры подписки по церковной кассе и на этом настаивают»⁶⁴.

Священнослужители Куйбышевской епархии старались помочь в меру своих сил народному хозяйству нашей Родины. Первый начальник Куйбышевгидростроя И.В. Комзин вспоминал, что когда срочно потребовалось серебро для пуска кислородного завода, одним из первых на его просьбу откликнулся настоятель ставропольского собора, который принес «кожаный кошель, наполненный серебряными монетами»⁶⁵

В середине 50-е гг. XX в. посещаемость церковей стала опять увеличиваться, возросли и ходатайства верующих об открытии церковей. Если в 1954 г. поступило 17 заявлений об открытии 16 церковей, то в 1956 г. было уже 28 заявлений об открытии 16 церковей. Отсутствие достаточного количества храмов приводило к тому, что во многих сёлах старухи и старики учили молодых молитвам и религиозным обрядам. По данным епархиального управления, в церковных приходах области в 1956 г. произошло 29 тысяч обрядов крещения, 5 845 венчаний и 5 021 отпевание⁶⁶.

В 1959 г. в Куйбышевской области имелось 19 православных церковей, 20 мечетей, 2 молитвенных дома евангельских христиан-баптистов, 1 община старообрядцев и 1 синагога. В этих религиозных организациях состояло на регистрации 90 служителей культа, из них 37 православных священников и диаконов. В основном это были люди старше 55 лет, половина из которых ранее подвергались репрессиям за свои убеждения. Среднее и высшее образование (как духовное, так и светское) имели 15 человек, 16 человек получили только начальное светское образование.

На территории области действовало 7 источников, особо почитаемых верующими, возле которых совершались молебствия. Наиболее многолюдными они были в праздник Вознесения Господня у источника вблизи села Крепость-Кондурча Челновершинского района, где собиралось до 5 тысяч человек. До 500 человек собиралось еще в нескольких местах. Власти пытались «проводить работу по закрытию святых мест», боролись с паломничеством, но безуспешно⁶⁷. Источники засыпались, занимались под колхозные нужды, использовались для водонапорных башен⁶⁸.

В июне 1959 г. по настоянию Совета по делам Русской Православной церкви была ликвидирована Ульяновская архиерейская кафедра, а Ульяновскую епархию присоединили к соседней Куйбышевской⁶⁹.

Скончался епископ Митрофан 12 сентября 1959 г. и был погребен в притворе Покровского кафедрального собора⁷⁰.

Выводы. В послевоенные годы продолжался процесс укрепления позиций Русской Православной церкви в Куйбышевской области. За 1945–1947 гг. было открыто 12 церквей, заметно увеличилось их посещение. Религиозность на бытовом уровне отмечалась даже в семьях коммунистов и комсомольцев. Вновь открытые храмы ремонтировались и благоустраивались. И всё-таки, несмотря на то, что к православным относилось себя большинство верующего населения Куйбышевской области, чувствовался дисбаланс между открытыми храмами и количеством прихожан даже по сравнению с другими религиозными конфессиями. Если к концу 50-х гг. XX в. у мусульман имелось 20 действующих мечетей, то у православных только 19 храмов⁷¹. Это соотношение сохранится до конца 80-х гг. XX в. Начиная с 1947 г. власти не позволили открыть ни одного православного храма.

В Куйбышевской епархии удалось сохранить костяк духовенства, рукополагать новых священнослужителей, посылать молодёжь на учёбу в духовные семинарии и академии. Как только с началом Великой Отечественной войны закончились репрессии в отношении духовенства и верующих, Церковь нашла в себе силы для восстановления и даже укрепила свои позиции, добившись разрешения на открытие 17 храмов. Это дало возможность Церкви пережить хрущевские гонения и найти импульс для своего возрождения в конце 80-х гг. XX в. Об этом церковном возрождении мечтало в те далекие годы и духовенство и верующие. Сын служившего в 1952–1955 гг. в Троицком соборе Ставрополя священника Михаила Решетникова Сергей Михайлович Решетников вспоминает: «Не забуду, как наш регент... с вдохновением говорил, что уже недалеко то время, когда церковная музыка не будет подвергаться гонениям, а произведения Бортнянского, Рахманинова, Глинки, Чайковского зазвучат на концертах духовных песнопений даже в больших театрах»⁷².

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10; Известия. [М.], 1943. 5 сентября.

² *Подмаричын А.Г.* Уполномоченные совета по делам Русской Православной Церкви при СНК/СМ СССР по Куйбышевской области в 1943–1965 годах // Социум и власть. 2013. № 3. С. 111–15.

³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

- ⁴ Биографии духовенства Самарской/Куйбышевской Епархии: (преимущественно 1940–1950-х годов): справочник / Авт.-сост. диакон Алексей Подмарицын. Самара, 2008. С. 18–145.
- ⁵ Цит по: *Подмарицын А.Г.* Уполномоченные совета по делам Русской Православной Церкви при СНК/ СМ СССР по Куйбышевской области в 1943–1965 годах // Социум и власть. 2013. № 3. С. 114.
- ⁶ *Подмарицын А.Г.* Канцелярия архиепископа Куйбышевского Алексия (Палицына) в 1942–1952 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10–1 (36). С. 150–152.
- ⁷ *Васильева О.* С именем Димитрия Донского // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 5. С. 45; *Васильева О.Ю.* Митрополит Сергей (Страгородский): штрихи к портрету // Альфа и Омега. 2002. № 1. С. 136; *Васильева О.Ю.* «Пророки» в отечестве. Вторая мировая началась по воле божьей // Новое время. 1994. № 29. С. 36; *Васильева О.Ю.* Проблема государственно-церковных отношений в СССР в современной финской историографии // Отечественная история. 2000. № 1. С. 189–190.
- ⁸ Биографии духовенства Самарской/Куйбышевской Епархии: (преимущественно 1940–1950-х годов): справочник / авт.-сост. диакон Алексей Подмарицын. Самара, 2008. С. 18–145.
- ⁹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 10. Л. 25; Д. 12. Л. 8.
- ¹⁰ *Подмарицын А.Г.* Благочиния в системе епархиальных структур на Средней Волге в послевоенный период (40-е – 80-е гг. XX века) // Религия и общество – 11 сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции. Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова. 2017. С. 131–133.
- ¹¹ *Чирков М.С.* Роль малых городов в процессах урбанизации советской России в 1920–1980-е гг.: к постановке проблемы // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием. СурГУ. 2015. С. 422–427; *Чирков М.С.* Урбанизационные процессы в советской России (1920–1980-е гг.) // Городская культура и город в культуре. Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 3 ч. 2012. С. 315–320; *Хисамутдинова Р.Р.* Село в период восстановления // История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С. 311–316.
- ¹² ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 10. Л. 22–23.
- ¹³ Там же. Д. 20. Л. 97.
- ¹⁴ Там же. Д. 10. Л. 69 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 12. Л. 4, 14.
- ¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 16.
- ¹⁷ Там же. Л. 51–52; Д. 12. Л. 54.
- ¹⁸ Там же. Д. 10. Л. 69–69 об.
- ¹⁹ *Зима В.Ф.* Голод в России // Отечественная история. 1993. № 1. С. 49.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–6.
- ²¹ ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 44. Л. 24; Д. 16. Л. 30.
- ²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 12. Л. 119–120.
- ²³ ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 8. Л. 14.

- ²⁴ Там же. Д. 10. Л. 22–23; Д. 24. Л. 11.
- ²⁵ Там же. Д. 20. Л. 38–39.
- ²⁶ *Чирков М.С.* «Религия вносит в народ облагораживающее чувство»: возрождение православия в Поволжье (1945–1949 гг.) // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара, 2015. С. 286–294.
- ²⁷ ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 12. Л. 30, 54, 72.
- ²⁸ Там же. Д. 20. Л. 79.
- ²⁹ Там же. Д. 24. Л. 11.
- ³⁰ Там же. Д. 28. Л. 5–50.
- ³¹ *Чирков М.С.* «Религия вносит в народ облагораживающее чувство»: возрождение православия в Поволжье (1945–1949 гг.) // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара, 2015. С. 286–294.
- ³² ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 28. С. 5–74.
- ³³ «Бог нас хранил от беды» // Благовест. 1996. № 22.
- ³⁴ ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 14. Л. 15.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 27.
- ³⁶ ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 20. Л. 86.
- ³⁷ *Подмаричын Алексей, диакон.* Биографии духовенства ... С. 17.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 70.
- ³⁹ Там же. Д. 10. Л. 4.
- ⁴⁰ Там же. Д. 14. Л. 81.
- ⁴¹ Там же. Д. 20. Л. 87.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 177.
- ⁴³ ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 20. Л. 94.
- ⁴⁴ Там же. Л. 98.
- ⁴⁵ Там же. Д. 28. Л. 5–50.
- ⁴⁶ Там же. Л. 5–74.
- ⁴⁷ Там же. Л. 48, 65, 66, 73; Д. 34. Л. 43.
- ⁴⁸ Там же. Д. 28. Л. 66.
- ⁴⁹ Там же. Д. 31. Л. 72; Д. 37. Л. 13, 37; Д. 41. Л. 6.
- ⁵⁰ Там же. Д. 31. Л. 7; Д. 34. Л. 81, 82.
- ⁵¹ Там же. Д. 28. Л. 66, 69, 73, 74; Д. 31. Л. 72; Д. 34. Л. 85; Д. 37. Л. 9.
- ⁵² Там же. Д. 34. Л. 67.
- ⁵³ Там же. Д. 31. Л. 64–66; Д. 34. Л. 64; Д. 37. Л. 24, 34; Д. 41. Л. 3.
- ⁵⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8: 1946–1955. М.: Политиздат, 1985. 542 с.
- ⁵⁵ *Подмаричын А.Г.* Мониторинг высказываний клириков и верующих РПЦ в 50-х годах XX века // Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 500-летию Реформации / редколлегия: С.В. Соловьева, А.И. Репинецкий, Б.В. Гартвиг. 2017. С. 121–129.
- ⁵⁶ ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 34. Л. 11–16, 67.
- ⁵⁷ Там же. Д. 41. Л. 9, 16.
- ⁵⁸ *Подмаричын А.Г.* Из истории свечного производства в Самарской епархии в третьей четверти XIX – первой половине XX вв. // Общественные и гумани-

- тарные науки в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции. 2014. С. 7–12.
- ⁵⁹ ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 41. Л. 9, 16.
- ⁶⁰ Там же. Л. 6–16; Д. 47. Л. 3, 20.
- ⁶¹ Там же. Д. 50. Л. 69.
- ⁶² *Подмарицын А.* Расходная часть годовых отчетов Куйбышевского епархиального управления за 1956–1959 годы // Двадцать первые Иоанновские чтения: материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского / составители О.И. Радченко, М.В. Бровякова. 2017. С. 72–78.
- ⁶³ *Подмарицын А.Г.* Госзаймы как форма советских поборов с православных приходов и клириков в послевоенное время // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. № 2 (4). С. 371–379.
- ⁶⁴ ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 31.
- ⁶⁵ *Комзин И.* Это и есть счастье. М., 1959. С. 238–239.
- ⁶⁶ ЦГАСО. Ф. Р-4187. Оп. 2. Д. 44. Л. 13–29; Д. 47. Л. 2.
- ⁶⁷ Там же. Д. 50. Л. 3–84.
- ⁶⁸ *Чирков М.С.* «Церковь Христова... испытывает нападки и порицания»: трансформация государственно-конфессиональных отношений в СССР (1949–1958 гг.) // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. 2016. С. 441–447; *Чирков М.С.* Власть и Русская православная церковь в 1965–1982 гг.: опыт государственно-конфессиональных отношений // Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 500-летию Реформации / редколлегия: С.В. Соловьева, А.И. Репинецкий, Б.В. Гартвиг. 2017. С. 145–153; *Чирков М.С.* Православие и власть в Среднем Поволжье (середина 1940-х – начало 1980-х годов) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 288–291.
- ⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 255. Л. 31–58.
- ⁷⁰ Журнал Московской Патриархии. 1959. № 11. С. 19.
- ⁷¹ *Чирков М.С.* «Должен быть нажим на церковь»: православие и власть в Куйбышевской области (1953–1962 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Международной научной конференции: в 2 ч. 2017. С. 255–260.
- ⁷² *Бедула Олег.* Служил Богу верой и правдой // Благовест. 2009.12.03.

ЛИТЕРАТУРА

- Бедула, Олег.* Служил Богу верой и правдой [Текст] // Благовест. 2009.12.03.
- Биографии духовенства Самарской/Куйбышевской Епархии: (преимущественно 1940–1950-х годов) [Текст]: справочник / авт.-сост. диакон Алексей Подмарицын. Самара, 2008. С. 18–145.

- Васильева, О.* С именем Дмитрия Донского [Текст] // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 5.
- Васильева, О.Ю.* Митрополит Сергей (Страгородский) [Текст]: штрихи к портрету // Альфа и Омега. 2002. № 1.
- Васильева, О.Ю.* «Пророки» в отечестве [Текст]: Вторая мировая началась по воле божьей // Новое время. 1994. № 29.
- Васильева, О.Ю.* Проблема государственно-церковных отношений в СССР в современной финской историографии [Текст] // Отечественная история. 2000. № 1.
- Зима, В.Ф.* Голод в России [Текст] // Отечественная история. 1993. № 1.
- Комзин, И.* Это и есть счастье [Текст]. М., 1959.
- Подмарицын, А.Г.* Благодичия в системе епархиальных структур на Средней Волге в послевоенный период (40-е – 80-е гг. XX века) [Текст] // Религия и общество-11: сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции. Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2017. С. 131–133.
- Подмарицын, А.Г.* Госзаймы как форма советских поборов с православных приходов и клириков в послевоенное время [Текст] // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. № 2 (4). С. 371–379.
- Подмарицын, А.Г.* Из истории свечного производства в Самарской епархии в третьей четверти XIX – первой половине XX вв. [Текст] // Общественные и гуманитарные науки в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2014. С. 7–12.
- Подмарицын, А.Г.* Канцелярия архиепископа Куйбышевского Алексея (Палицына) в 1942–1952 годах [Текст] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2013. № 10–1 (36). С. 150–152.
- Подмарицын, А.Г.* Мониторинг высказываний клириков и верующих РПЦ в 50-х годах XX века [Текст] // Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 500-летию Реформации, 1–2 апр. 2017 г. / [редколлегия: С.В. Соловьева, А.И. Репинецкий, Б.В. Гартвиг]. Самара, 2017. С. 121–129.
- Подмарицын, А.* Расходная часть годовых отчетов Куйбышевского епархиального управления за 1956–1959 годы [Текст] // Двадцать первые Иоанновские чтения: материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского / составители О.И. Радченко, М.В. Бровякова. Самара, 2017. С. 72–78.

- Подмарицын, А.Г.* Уполномоченные совета по делам Русской Православной Церкви при СНК/ СМ СССР по Куйбышевской области в 1943–1965 годах [Текст] // Социум и власть. 2013. № 3. С. 111–15.
- Хисамутдинова, Р.Р.* Село в период восстановления [Текст] // История Оренбуржья. Оренбург, 1996.
- Чирков, М.С.* Власть и Русская православная церковь в 1965–1982 гг.: опыт государственно-конфессиональных отношений [Текст] // Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 500-летию Реформации, 1–2 апр. 2017 г. / редколлегия: С.В. Соловьева, А.И. Репинецкий, Б.В. Гартвиг. Самара, 2017. С. 145–153.
- Чирков, М.С.* «Должен быть нажим на церковь» [Текст]: православие и власть в Куйбышевской области (1953–1962 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Международной научной конференции: в 2 ч. Иваново, 2017. С. 255–260.
- Чирков, М.С.* Православие и власть в Среднем Поволжье (середина 1940-х – начало 1980-х годов) [Текст] // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск, 2015. С. 288–291.
- Чирков, М.С.* «Религия вносит в народ облагораживающее чувство» [Текст]: возрождение православия в Поволжье (1945–1949 гг.) // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара, 2015. С. 286–294.
- Чирков, М.С.* Роль малых городов в процессах урбанизации советской России в 1920–1980-е гг. [Текст]: к постановке проблемы // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием, Сургут, СурГУ, 14 нояб. 2015 г. Курган, 2015. С. 422–427.
- Чирков, М.С.* Урбанизационные процессы в советской России (1920–1980-е гг.) [Текст] // Городская культура и город в культуре: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 1. Самара, 2012. С. 315–320.
- Чирков, М.С.* «Церковь Христова... испытывает нападки и порицания»: трансформация государственно-конфессиональных отношений в СССР (1949–1958 гг.) // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Международной научно-практической конференции, 23–24 мая 2016 г.: [в 2 ч.] / под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Ч. 1. Самара, 2016. С. 441–447.

Материалы Российского государственного исторического архива как источник работы Русской Православной Церкви по канонизации

В статье показывается, какие материалы Российского государственного исторического архива послужили источниками работы по канонизации Русской Православной Церкви. Устанавливается, в каких фондах и какие документы о жизни и деятельности новомучеников отложились.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Российский государственный исторический архив, фонды, новомученики.

Romanova S.N.

THE MATERIAL OF RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE AS SOURCE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH WORK ON CANONIZATION

The article shows what material of Russian State Historical Archive served as source of the Russian Orthodox Church work on canonization. It determines what archive funds and what documents concerning life and activity of martyrs have been retained.

Key words: the Russian Orthodox Church, Russian State Historical Archive, archive funds, new martyrs.

Биографии многих новомучеников и исповедников уходят в дореволюционное прошлое. В силу того, что изучение церковной истории у нас отсутствовало по объективным обстоятельствам (до революции – этого сделать не успели, после – это стало невозможно), всякий, изучающий биографию того или иного церковного деятеля, вынужден исследовать церковную историю значительно шире поставленной перед ним конкретной задачи, изучать, в каких обстоятельствах жил тот или иной будущий мученик, а также работу тех церковных учреждений, в которых он трудился. Как, например, священномученики архиепископы Пермский Андроник (Никольский) и Астраханский Митрофан

---

* к.и.н., фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».

(Краснопольский) или епископ Тобольский Гермоген (Долганев). Их жизни при советской власти было всего около года, основная часть жизни и церковной деятельности приходится на дореволюционный период, что вынуждает нас обращаться к дореволюционным архивным комплексам документов. Русская церковная история в своем дореволюционном течении была прервана слишком внезапно, и едва ли не за целый век ее можно считать почти неизученной. Такого рода изучение, связанное с обращением к архивным источникам, является всегда делом трудоемким и долгим.

В Российском государственном историческом архиве хранятся документы так называемых синодальных фондов, без изучения которых не может обойтись ни одно историко-церковное исследование первой четверти XX в. В 2003–2005 гг. рабочая группа Комиссии по канонизации святых Московской епархии проводила массовое выявление историко-церковных документов о судьбах новомучеников Русской Православной Церкви в фондах РГИА.

Основными фондами этого комплекса являются: «Канцелярия Святейшего Синода» (ф. 796, оп. 184, 189, 190, 194, 202, 204, 205, 206, 209, 436, 437, 438, 439, 441, 445), «Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода» (ф. 797, оп. 76, 79, 80, 81, 82, 85, 86, 96, 97), «Учебный комитет Святейшего Синода» (ф. 802, оп. 10, 11), «Училищный совет Святейшего Синода» (ф. 803), «Канцелярия заведующего придворным духовенством» (ф. 805), «Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства» (ф. 806, оп. 16, 17, 18), «Канцелярия патриарха Тихона и Священного Синода»¹ (ф. 831), «Священный собор Православной Российской Церкви» (ф. 833), «Александр-Невская Лавра» (ф. 815), Петропавловский придворный собор (ф. 816), «Коллекция. Строительные планы и фотографии» (ф. 835), и личные фонды духовенства и чиновников, служивших по духовному ведомству: обер-прокурора Извольского П.П. (ф. 1569), представителя духовного ведомства в Государственной Думе и в Государственном Совете Яцкевича В.И. (ф. 1579), профессора Голубинского Е.Е. (ф. 1628), члена Учебного коми-

тета Зинченко И.К. (ф. 858), обер-прокурора Победоносцева К.П. (ф. 1574) и др.

Функции Святейшего Синода были обширны: 1) высший надзор за поведением духовенства и мирян, наблюдение за чистотой веры и порядком религиозной жизни; 2) управление духовными учебными заведениями; 3) управление богослужением; 4) осуществление административного управления в епархиях; 5) отправление церковного суда; 6) осуществление надзора за церковным и монастырским хозяйством².

Канцелярия Синода за свою почти двухсотлетнюю историю неоднократно меняла свою структуру, количество отделений и столов (повытий) увеличивалось, росли штаты. Самый ранний ее период отражен в документах Александро-Невской Лавры (ф. 815), которая в начале XVIII в. выполняла функции не только синодальной канцелярии, но и духовной консистории. В начале XX в. синодальная канцелярия насчитывала 6 отделений³.

Завершенные дела откладывались в секретарском архиве, а особо важные дела – в синодальном. Этим объясняется непростая структура фонда канцелярии: кроме текущих дел, в него вошли личные архивы архиереев: Иосифа (Семашко), митрополита Литовского, Василия (Лужинского), архиепископа Полоцкого, Арсения (Москвина) II, митрополита Киевского и Галицкого, Исидора (Никольского), митрополита Новгородского и Петербургского, Антония (Радонежского) епископа Оренбургского и Уральского, Леонтия (Лебединского), митрополита Московского, Сергия (Ляпидевского), митрополита Московского, Феоноста (Лебедева) II, митрополита Киевского и Галицкого, Флавиана (Городецкого), митрополита Киевского и Галицкого, Палладия (Раева), митрополита Петербургского и Ладожского, Иннокентия (Беляева), архиепископа, экзарха Грузии, Антония (Вадковского), митрополита Петербургского и Ладожского, Аркадия (Федорова), архиепископа Оренбургского, Пермского и Олонекского, Серафима (Глаголевского), митрополита Петербургского и Ладожского. Архивы почивших архиереев сдавались на хранение в канцелярию Синода. Их личные фонды не выделены из общего корпуса документов канцелярии, а включены в опись 205, в которой отложились, например, дневники

митрополита Петербургского Исидора (Никольского), обширная переписка митрополита Киевского и Галицкого Флавиана (Городецкого) и творческие материалы других архиереев. Но подавляющее большинство этих документов не относится к изучаемому нами хронологическому периоду.

Для наших исследований наибольший интерес представила информация в описях 436, 437, 438, 439, 441, 445. Это послужные списки, наградные списки, учетные листки священнослужителей всех епархий Российской империи. Работа с этими источниками в значительной степени освободила нас от поездок и запросов в региональные архивы. Для удобства пользования указанными описями нами были составлены алфавитные указатели.

Канцелярия обер-прокурора Синода (ф. 797) возникла намного позже канцелярии Синода. Основные ее функции сводились к рассмотрению жалоб на решения Синода и подведомственных ему лиц, дел по учреждению и устройству епархий, архиерейских домов, монастырей, соборов, церквей, приходов, а также по строительству зданий духовного ведомства и т.д.⁴ Эти функции определили состав фонда 797. Обращения к нему были связаны с жителями отдельных новомучеников. Например, найдена докладная записка единоверческого священника Симона Шлеева⁵ обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву о нуждах единоверия.

Многие из тех, кто принял крест мученичества и исповедничества в условиях антирелигиозных преследований XX в. – архиереи, священнослужители, миряне, – учились, преподавали и начальствовали в духовных школах. Поэтому фонды, связанные с системой духовного образования, – и центральные, высших органов, и местные, конкретных духовных школ – представляют для нас особую ценность. В настоящее время епархии, благочиния и приходы желают больше знать о своей местной церковной истории, и это также приводит к необходимости сбора сведений о конкретных архиереях и священниках, жизненный путь которых был связан с духовными школами.

Дела о службе выпускников духовных академий России хранящиеся в фонде 802 Учебного комитета Святейшего Синода⁶

привлекли внимание сотрудников Фонда прежде всего широко представленной в них персональной информацией. Описи к этим делам составлялись синодальными чиновниками по мере поступления сведений о духовенстве и мирянах принятых на службу в духовное ведомство, т.е. в хронологическом порядке, а не по алфавиту, и это, безусловно, затрудняло поиск определенных лиц, жития которых необходимо было составить, дополнить или уточнить. Кроме того, поскольку работа по подготовке к канонизации новомучеников РПЦ продолжается, предполагались многократные обращения к этим делам. И тогда было решено составить к ним алфавитный указатель. Мы понимали трудоемкость и сложность этой работы. Но взялись за нее, чтобы максимально использовать этот пласт источников не только для наших целей, но и для дальнейших историко-церковных исследований.

Дела о службе духовенства и мирян по духовно-учебному ведомству в Учебном комитете Святейшего Синода стали формироваться в 1908 г. Основную их массу составили дела о службе выпускников духовных академий. Небольшое количество дел принадлежит выпускникам семинарий, университетов, институтов, лицеев и училищ. Они не являлись объектами нашего изучения и не включены в данный Указатель. Объем дела о службе мог составлять 1 лист (как правило, с прошением об оставлении службы в связи с принятием сана и переходом служить в храм или монастырь, в армию или на флот, духовную миссию и др.) и несколько десятков листов. Например, дело выпускника Казанской духовной академии Василия Петровича Сокольского (оп. 10, 1909 г., д. 655) насчитывает 154 листа.

Отобрать из описей дела выпускников духовных академий: Казанской (КазДА), Киевской (КДА), Московской (МДА), и Петербургской (ПДА), и отсортировать их по алфавиту было нетрудно, хотя число – около 4 тысяч человек – получилось внушительное, а вот решить вопросы идентификации многочисленных однофамильцев было непросто, тем более, в описях очень редко указывались их отчества.

Полистный просмотр дел о службе далеко не всегда помогал ответить на вопросы: многие дела были невелики по объему и

не содержали уточняющей информации. Но поскольку мы проводили массовое выявление, нам уже были известны комплексы формулярных и наградных списков и учетных листков в фонде Канцелярии Св. Синода № 796 в описях 436, 437, 438, 439, 441, 446. Они помогли в идентификации около 25% выпускников. Эти послужные списки указаны в подстрочных ссылках Указателя. Использованы были и документы фонда Канцелярия патриарха и Священного Синода № 831. Кроме того, для перекрестной проверки и идентификации выпускников академий, мы использовали документы других архивов. Например, личные дела выпускников академии из фонда Московской духовной академии № 229, опись 4, хранящегося в Центральном историческом архиве Москвы, дела из фонда профессора КДА протоиерея Федора Титова № 175 Института Рукописей НБУ им. В.И. Вернадского, а также опубликованные списки выпускников академий, наиболее полными из которых оказались петербургские.

Естественно, что решая вопросы идентификации, мы использовали жития новомучеников, следственные дела и документальные справки к ним, справочники об архиереях. Наконец, перекрестная проверка персональных сведений о выпускниках духовных академий проверялись по православным сайтам интернета. Таким образом, источниковая база этой небольшой работы оказалась весьма широкой.

Проведя большую работу по идентификации выпускников духовных академий России, мы решили, что состав описательной статьи Указателя должен содержать максимум сведений о них, чтобы пользователи не занимались исследовательской работой, а могли быстро найти необходимого человека.

Описательная статья Указателя содержит следующие реквизиты: фамилия, имя, отчество, сан, монашеское имя, указание на наличие в деле послужного списка, указание на будущее архиерейство, дата кончины, духовная академия, иногда – подданство иностранных выпускников, архивные шифры.

А) Архангельский Александр [Иванович], прот., ПС, КазДА, † 5.06.1917 – *Он. 10. 1911. Д. 820*;

Б) Алентов [Виталий Александрович], буд. архиеп. Тамбовский и Мичуринский Венедикт, ПДА – *Он. 11. 1913. Д. 260.*

1. Фамилия

Почти все фамилии были указаны в делах о службе. Исключение составили только несколько монашествующих лиц, у которых отсутствовали мирские имена. Путем исследования послужных списков и других документов эти имена были определены и даны в Указателе в квадратных скобках. Например:

[Вести Григорий Иванович], буд. архиеп. Костромской Севастиан, ПС, КДА – *Он. 10. 1909. Д. 105.*

Несколько фамилий перепутали чиновники: в делах оказались документы не тех людей, которые были указаны в описях. Например:

[Беневоленский] Арсений [Иванович], МДА – *Он. 10. 1911. Д. 1692.*

Такие фамилии тоже даны в квадратных скобках. Например:

Бар[о]нов Николай [Николаевич], [свящ.], МДА; *Он. 10. 1910. Д. 321.*

О написании фамилий. Такие фамилии, как: Смирновы, Соколовы, Архангельские, Богословские, Введенские, Виноградовы, Вознесенские, Воскресенские, Казанские, Лебедевы, Никольские, Покровские, Поповы, Преображенские, Рождественские, Троицкие, Успенские и др., не вызывали сложностей при написании, так как имели устоявшиеся формы. Хуже было с фамилиями редкими, искаженными синодальными чиновниками или фамилиями, не имевшими еще устоявшейся формы: Оболенский – Оболенский; Бажанов – Баженов – Боженков; Бекаревич – Беккаревич; Преферансов – Проферансов; Левицкий – Ле-

витский; Высотский – Высоцкий; Ганицкий – Ганецкий; Гиляревский – Гиляровский, а также иностранными фамилиями. Уточнению фамилий помогала перекрестная проверка персональных данных, фамилии братьев. При невозможности определить правильное написание фамилии, она дается в двух вариантах.

2. Имя

Имена в синодальных документах писались как в соответствии с календарем, так и по мирским правилам. Иван – Иоанн, Дмитрий – Димитрий, Яков – Иаков. Причем это были как лица в духовном сане, так и без него. Поскольку поиск следственных дел о репрессированных велся по базам данных спецслужб, нами было принято решение унифицировать написание имен и давать их только по мирским правилам, оставив календарное написание только для монашеских имен.

3. Отчество

Это самый трудоемкий реквизит описательной статьи. Он повлек просмотр огромного количества архивных источников, так как в опубликованных списках выпускников духовных академий отсутствует унификация: в какие-то годы отчества указывались, в какие-то не указывались, а в списках Киевской духовной академии отчеств вовсе нет. Обращение к спискам выпускников духовных семинарий очень редко приносило результаты, так как, во-первых, эти списки неполные, а, во-вторых, в них чаще всего отчества выпускников не указывались. Но именно этот реквизит сыграл очень важную роль в ведении в научный оборот новых персональных данных о православном духовенстве.

4. Сан

В архивных источниках не всегда содержались сведения о санах выпускников духовных академий: многие из них приняли сан уже после 1917 г. и нами использованы данные из послужных списков, найденных в судебно-следственных делах фонда Управления КГБ СССР по г. Москве и Московской области № 10035, хранящемся в ГАРФ.

5. Монашеское имя

Этот реквизит содержался как в документах дел о службе, так и в дополнениях к ним, сделанных на основе архивных документов более позднего периода.

6. Указание на послужной список – ПС – направляет исследователя к наиболее информативному и официальному документу о человеке.

7. Указание на будущее архиерейство существенно расширяет источниковую базу исследования жизнеописаний этой группы духовенства, поэтому мы включили эти сведения в описательные статьи.

8. Дата кончины указывается на основе данных дел о службе, прежде всего с целью идентификации личности, чтобы не допустить путаницы, которая возникает при обнаружении однофамильцев.

9. Указание духовной академии: КазДА – Казанская духовная академия, КДА – Киевская духовная академия, МДА – Московская духовная академия, ПДА – Петербургская духовная академия, пожалуй, самый точный реквизит. Но в нескольких случаях отсутствуют указания на конкретную академию, и их пришлось устанавливать.

10. Шифр. Шифр состоит из следующих элементов: номер описи, год, номер дела. Например: *Он. 11. 1911. Д. 436* – и дается курсивом. Архив и номер фонда, как повторяющиеся элементы шифра, не указываются. На некоторых выпускников было обнаружено по два или три дела, поэтому напротив их фамилий дано по два или три шифра.

При отсутствии отдельных реквизитов описательных статей, ставится знак*.

Неуверенность в точности сведений обозначается вопросительным знаком.

Для облегчения поиска по монашеским именам к справочнику приложен специальный указатель, в который не включены те обновленцы, григорианцы и др., кто не принимал монашеский сан.

Кроме дел о службе духовенства, в фонде Учебного комитета представлены отчеты о ревизиях духовных учебных заведений. В этих документах дается оценка преподавательской деятельности будущих новомучеников и исповедников, потому что обязанностью ревизора было присутствовать на уроках.

Фонд Канцелярия заведующего придворным духовенством (ф. 805) отличается полнотой и особой тщательностью в ведении документов, которая распространялась не только на метрические книги династии Романовых, но и на послужные списки служившего здесь духовенства.

Фонд 806 Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства, образованного указом 12 июня 1890 г. для управления всем военным духовенством, ранее находившийся в ведении управлений Главного священника армии и флотов (1800–1890 гг.) и Главного священника гвардейского и гренадерского корпуса, сохранился хорошо. Наибольший интерес для наших исследований представляют дела описей 16, 17, 18, содержащих послужные списки духовных лиц за XIX – начало XX в.: А–П (оп. 16), Р–Я (оп. 17) и дела о личном составе, формулярные списки церковнослужителей и чиновников (оп. 18). К этим описям также были составлены алфавитные указатели.

Исповедные и клировые ведомости полковых и морских церквей – за 1817–1917 гг. (оп. 7, 8); клировые ведомости полковых и морских церквей и послужные списки духовных лиц – за 1911–1916 гг. (оп. 9, 10, 11, 12, 13, 14); дела о незаконных браках; о наложении епитимий; метрические книги и документы к книгам брачных обысков – за 1800–1918 гг. (оп. 18), регистрационно-справочный аппарат – за 1800–1918 гг. (оп. 20).

Коллекция строительных планов и фотографий (ф. 835) сохранила фотографии почти всех архиереев конца XIX – начала XX ст., среди которых немало священномучеников и исповедников: Агафангела (Преображенского), Алексия (Дородницына), Алексия (Бельковского), Алексия (Симанского), Амвросия (Гудко), Анастасия (Опоцкого), Андроника (Никольского), Антония (Быстрова), Антония (Вадковского), Антонина (Грановского), Арсения (Стадницкого), Варсонофия (Вихвелина), Василия (Богоявленского), Василия (Царевского), Вениамина (Казанского), Вениамина (Муратовского), Владимира (Богоявленского), Владимира (Путяты), Владимира (Шимковича), Григория (Яцковского), Дионисия (Валединского), Дмитрия (Абашидзе), Досифея (Протопопова), Евгения (Зернова), Евдокима (Мещерского), Евфимия (Лапина), Зиновия (Дроздова), Иннокентия

(Пустынского), Иоакима (Левитского), Иоанна (Поммера), Исидора (Колоколова), Кирилла (Смирнова), Макария (Гневушева), Макария (Невского), Макария (Павлова), Мефодия (Красноперова), Митрофана (Афонского), Митрофана (Краснопольского), Михаила (Ермакова), Михея (Алексеева), Назария (Кириллова), Никанора (Бровковича), Никодима (Кононова), Никодима (Кроткова), Николая (Касаткина), Никона (Рождественского), Никона (Софийского), Пантелеймона (Войновского), Пимена (Пегова), Платона (Рождественского), Прокопия (Титова), Серафима (Александрова), Серафима (Мещерякова), Сергия (Лаврова), Сильвестра (Малеванского), Сильвестра (Ольшевского), патриарха Тихона, Тихона (Никанорова), Трифона (Туркестанова), Флавиана (Городецкого), Фаддея (Успенского) и др.

Фонд 833 Священного собора Православной Российской церкви* сохранил документы: протоколы Священного собора, выписки из постановлений патриарха, Священного Синода и Высшего церковного совета, доклады отделов Собора, воззвания и обращения Собора и патриарха, проекты состава Поместного собора, сообщения об открытии Всероссийского поместного собора, об избрании митрополита Тихона патриархом Московским и всея Руси, о декрете СНК об отделении Церкви от государства, об охране храмов и церковного имущества, списки членов Священного собора и списки присутствовавших на заседаниях Собора, переписка о членах Священного собора, о канцелярии Священного собора со сведениями об ее деятельности и личном составе. Обе части разделенного фонда дают полное представление о деятельности Собора и информацию об участии в нем многих священномучеников.

Возглавляемый патриархом Священный Синод был учрежден 7 декабря 1917 г. постановлением Священного собора*. Священному Синоду были переданы все дела бывшего Правительствующего Синода на основании постановления от 1 февраля 1918 г. Торжественное открытие Священного Синода состоялось 3 февраля 1918 г. Священный Синод находился в Москве и являлся составной частью Высшего церковного управления, состоящего из патриарха, Священного Синода и Высшего церковного совета. Священный Синод ведал внутренними делами

Церкви (вероучение, богослужение, церковное просвещение и управление). Ведению же Высшего церковного совета подлежали дела церковно-общественные, хозяйственные и административные.

Документальные материалы фонда канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода⁷ характеризуют деятельность Священного Синода после декрета советской власти от 22 января 1918 г. об отделении Церкви от государства. В фонде имеются постановления, журналы заседаний соединенного присутствия патриарха и Священного Синода; переписка об организации и составе высшего церковного управления; учреждения новых епархий, викариатских и архиерейских кафедр, епархиальных и церковных приходских советов; об устройстве церковного суда; положение о патриаршем управлении, материалы о внутренних и заграничных духовных миссиях и об открытии Миссионерского совета; донесения с мест епархиального духовенства о положении церкви после революции; материалы о состоянии и положении духовных академий и семинарий; о закрытии церквей; о мероприятиях по охране церквей и их имущества; о приведении в порядок патриаршей ризницы; о подоходном имущественном налоге с духовенства; о возведении в священнический сан и о снятии сана; дела о разводе и о вступлении в брак; материалы о личном составе Высшего церковного управления, епархиальных советов и епископских кафедр. В фонде имеются также постановления соединенного присутствия патриарха и Высшего церковного совета за 1918–1920 гг.; о положении Церкви и духовенства, о духовных академиях, об охране памятников церковной старины и др. Материалы фонда описаны в одной описи и расположены в ней в хронологическом порядке. Всего в фонде насчитывается 301 дел за 1918–1924 гг. Фонд подвергался научно-технической обработке в 1951 г. и в 1962 г.

Видимо потому, что канцелярия патриарха находилась в Москве, в ее фонде отложилось большое количество клировых ведомостей церквей Московской епархии. Кроме того, через канцелярию проходили дела о назначениях, перемещениях, увольнении на покой архиереев, священников, диаконов и мирян, служивших по духовному ведомству, о наградах, о запрещении в свя-

ценнослужении, о самочинном совершении богослужений в состоянии запрещения; послужные списки епископов. Особую ценность имеют заявления священнослужителей и верующих, примыкавших к «Живой церкви» с просьбой о присоединении их к Церкви, об отходе епископов от обновленческого движения, об арестах священнослужителей.

В целом о фонде 831 можно сказать, что он является самым богатым по количеству информации, необходимой для составления житий новомучеников. Многократные обращения к нему побудили нас составить к нему алфавитный указатель.

В настоящее время исследования продолжаются, но переместились в региональные архивы. В дальнейшем по мере накопления опыта предполагается осветить и это направление нашей деятельности.

---

¹ Государственность России: словарь-справочник. Кн. 4: Р–Я. М., 2001. С. 108.

² Там же. С. 106–108.

³ Там же. С. 104–105.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ *Симон (Шлеев Семен Иванович)* (1873–1921), епископ Уфимский (единоверческий). Окончил Нижегородскую духовную семинарию, затем окончил в 1899 г. Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Был настоятелем Петербургского Никольского единоверческого собора. В 1918 г. принял постриг. Вскоре хиротонисан во епископа Охтенского. В 1920 г. – епископ Уфимский. Убит в г. Уфе.

⁶ Персональная информация о выпускниках духовных академий России в документах Учебного комитета Святейшего Синода (1908–1917 гг.). Алфавитный указатель // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 1. М., 2016. С. 203–350.

⁷ *Дамаскин (Орловский) (Йгумен)*. Документы канцелярии патриарха Тихона в Российском государственном историческом архиве // Отечественные архивы. 2013. № 4. С. 67–73.

ЛИТЕРАТУРА

Государственность России [Текст]: словарь-справочник. Кн. 4: Р–Я. М., 2001.

Дамаскин (Орловский; йгумен). Документы канцелярии патриарха Тихона в Российском государственном историческом архиве [Текст] // Отечественные архивы. 2013. № 4. С. 67–73.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

Щеглов Н.В.*

Вопросы церковно-политических национальных движений в трудах Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. (Публикация документов из Отдела рукописей Российской государственной библиотеки)

Публикация документов посвящена вопросам церковно-политических национальных движений в деятельности Всероссийского съезда духовенства и мирян, проходившего с 1 по 12 июня 1917 г. в Москве. Показывается, какую роль в поисках национально-церковного самоопределения ряда областей бывшей Российской империи играли представленные на съезде украинские, бессарабские и белорусские церковные делегации.

Ключевые слова: Всероссийский съезд духовенства и мирян, Поместный Собор, Февральская революция, Святейший Синод, обер-прокурор Синода, церковные реформы, национальные движения, Украина, Белоруссия, Бессарабия.

Shcheglov N.V.

THE ISSUES OF ECCLESIO-POLITICAL NATIONAL MOVEMENTS IN THE PROCEEDINGS OF ALL-RUSSIAN CONFERENCE OF CLERGY AND LAITY IN 1917. (RELEASE OF DOCUMENTS FROM THE MANUSCRIPT DEPARTMENT OF RUSSIAN STATE LIBRARY)

The release of documents is dedicated to the issues of the issues of ecclesio-political national movements in the proceedings of all-Russian conference of clergy and laity, which took place in Moscow from 1 till 12 of June, 1917. The significance of Ukrainian, Bessarabian and Belarusian church delegations, represented at the Conference, in search of nationally ecclesiastical self-determination of several regions of former Russian Empire was shown in this article.

Key words: all-Russian conference of clergy and laity, Church Council, February revolution, Holy Synod, Chief Procurator of the Synod, ecclesiastical reforms, national movements, Ukraine, Belarus, Bessarabia.

---

* аспирант, Институт российской истории РАН.

События февраля 1917 г., стали началом изменения российского государственного устройства. Февральская революция 1917 г. обозначила не только ломку привычного устоя общественно-политической жизни страны, но и ознаменовала завершение эпохи синодального управления Русской Церкви. Поскольку идея возвращения Церкви к принципам соборности с 1905 г. прочно укоренилась в сознании духовенства и церковной общественности, Временное правительство взяло курс на скорейший созыв Поместного Собора. В это же время, не дожидаясь преобразований «сверху» епархии начали проведение преобразований «снизу». Губернии захлестнул неконтролируемый процесс, впоследствии получивший наименование «церковной революции»¹. В епархиях созывались съезды духовенства и мирян, участники которых требовали незамедлительного проведения революционного переустройства Российской Церкви. В уездных и губернских центрах формировались исполнительные комитеты духовенства и мирян, которые принимали на себя отнятую у епархиальных архиереев полноту властных полномочий². При общегосударственном революционном подъеме в Церковь «снизу» проникла идея об осуществлении церковного управления посредством Советов. Однако для ее практического осуществления в общегосударственном масштабе требовалось наличие центра, координирующего работу комитетов духовенства на местах. Данную проблему удалось решить Екатеринбургскому епархиальному съезду, который вынес постановление о созыве Всероссийского съезда духовенства и мирян, как центрального исполнительного и координационного органа Российской Церкви³.

Синод оказался бессильным в противостоянии революционному натиску церковной общественности. Идея созыва Всероссийского съезда синодальным ведомством была одобрена. По епархиям были разосланы указания о проведении на местах чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян⁴. К циркуляру прилагался перечень предлагаемых для рассмотрения депутатами вопросов и порядок избрания делегатов Всероссийского съезда из числа клира и мирян. Архиереи к участию в работе епархиальных съездов, как правило, не допускались, и могли присутствовать лишь в качестве почетных гостей⁵.

Следует отметить, что впервые в истории Русской Церкви в проведении общецерковного соборного мероприятия, включая процесс выбора делегатов, принимала реальное участие вся ее полнота, поскольку выборы начинались на приходском уровне. Далее проводились съезды благочиний, где выбирались депутаты епархиальных съездов. Епархиальными съездами выбирались два депутата Всероссийского съезда из духовенства и мирян от каждых 100 церквей епархии, а также по одному депутату от монастырей и духовно-учебных заведений.

Выборы охватили всю страну. Во Всероссийском съезде духовенства и мирян не приняли участие лишь Якутская и Благовещенская епархий, где, из-за огромных расстояний и весенней распутицы, не могли состояться чрезвычайные съезды духовенства и мирян в столь краткие сроки⁶. «По независящим от них обстоятельствам» не представила делегатов и Грузинская епархия, которая вошла в состав провозгласившей автокефалию Грузинской Церкви⁷. Помимо делегатов епархиальных съездов к участию в заседаниях Всероссийского съезда приглашались некоторые члены Святейшего Синода, включая обер-прокурора, а также несколько епархиальных архиереев, вызванных для участия в съезде Синодом⁸.

Как и было запланировано, Всероссийский съезд духовенства и мирян проходил с 1 по 12 июня 1917 г. в Епархиальном доме г. Москвы и по количеству участников (1 280 чел.)⁹ стал самым крупным соборным мероприятием Русской Церкви за все время ее существования. Интерес к съезду, как к первому в истории России общецерковному и фактически независимому от государственной власти, соборному явлению, был огромен. Весьма широко был представлен и перечень рассматриваемых на съезде вопросов.

Первоначально повестка съезда состояла из восьми основных вопросов: учреждение Всероссийского Союза духовенства и мирян, выработка отношения Церкви и церковной общественности к переживаемым событиям, определение качественного и количественного состава Всероссийского Поместного Собора, каноническое обоснование епископата, реформа церковного управления, изменение системы духовного образования и взаимоотношений церкви и государства, однако в ходе работы съез-

да спектр вопросов был значительно расширен. В повестку заседаний были включены вопросы о миссионерской и духовно-просветительской деятельности, церковной печати и материальном положении духовенства и др.¹⁰

Поскольку проведение съезда было максимально демократизировано, повестка его работы была спланирована организационным бюро только на первый день заседаний, до момента выборов председателя съезда и его заместителей¹¹. Далее полнота полномочий переходила к президиуму, который устанавливал повестку, регламент и ход заседаний, порядок проведения выступлений, дебатов и прений по предложенным вопросам, а также определял способы голосования.

Председателем съезда был избран профессор Московского университета протоиерей Николай Боголюбский (1856–1926). Его товарищами: председатель Исполнительного Комитета объединенного духовенства и мирян Московской епархии протоиерей Николай Цветков (1862–1942), профессора: Московской Духовной академии А.И. Покровский (1873–1940), Петроградской Духовной академии Б.В. Титлинов (1879–1944?), Московского университета кн. Е.Н. Трубецкой (1863–1920). Кроме этого были избраны 8 делопроизводителей во главе с профессором В.П. Виноградовым (1885–1967).

Однако позже избрание данного президиума не удовлетворило всех депутатов. Уже к вечеру первого дня работы съезда делегаты украинских епархий потребовали включения своих представителей в состав президиума и в секретариат съезда. Съезд удовлетворил просьбу украинцев. В президиум был включен пятый товарищ председателя протоиерей Сергей Четвериков, который при избрании заявил о необходимости отделения Украины от России, как в политическом аспекте, так и в смысле церковной автокефалии. Однако делегаты Таврической (Крымской) епархии не поддержали Четверикова, указав на то, что «вопросы об автокефалии епископии и об украинизации школы не поднимался пока на епархиальных съездах, мы пока не объединены определенной платформой и потому просим делегата украинцев говорить от определенных епархий, кроме епархии Таврической»¹². К крымчанам присоединились делегаты с Донбасса,

подтвердив справедливость указанного замечания. Видя разделение в среде украинских депутатов, председатель съезда, протоиерей Николай Боголюбский предложил им «организоваться в более определенную группу и подать более определенное заявление для обсуждения в одном из двух ближайших заседаний»¹³.

Из числа сторонников независимости была сформирована отдельная секция, где к украинским самостийникам присоединились сторонники автокефалии из Бессарабии, Белоруссии и Холмщины. Среди образовавшейся группы сторонников отделения от России наиболее подготовленными оказались бессарабские делегаты, которые рассматривали вопросы церковно-политической независимости еще в апреле и имели на руках протоколы заседаний епархиального съезда, где и были приняты тезисы не только церковной, но и политической автономии.

Возможность выступить на пленарном заседании представители данной секции получили 10 июня, когда съездом были рассмотрены предложения, связанные с церковно-политической независимостью некоторых территорий, однако какого-либо решения относительно политической и церковной самостоятельности окраин бывшей империи на съезде принято не было. В отношении данного вопроса съезд лишь принял мнения делегатов к сведению и указал на «возможность содействия сим народностям в достижении ими желанных целей»¹⁴.

Указанная формулировка не смутила сторонников независимости, поскольку в их среде так же не было единомыслия. Так, протоиерей Сергей Четвериков заявил, что «если и существуют на Украине, а может быть и здесь среди нас приверженцы сепаратизма, то с другой стороны имеются, несомненно, и сторонники тесного братского единения с великорусским народом, родным нам по вере и крови, и в свое время оказавшим нам братскую поддержку в борьбе за веру и народность против иезуитов, униатства и поляков»¹⁵.

За время работы Всероссийского съезда делегатами было принято большое количество проектов основополагающих документов, на основе которых в последующем планировалось построение новых форм церковно-государственных и внутри церковных отношений.

Всероссийский съезд духовенства и мирян 1917 г. стал площадкой для дебатов не только для духовенства, но и всей полноты церковной общественности, которая получила возможность высказать свое мнение не только по церковным, но и политическим вопросам. Опыт проведения и материалы работы съезда впоследствии были учтены и использованы в подготовке к проведению и непосредственной деятельности Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.

№ 1

«Голос делегатов украинских епархий»

(л. 1) № 1 Прочитано на заседании 10 июня*.

ГОЛОС ДЕЛЕГАТОВ** УКРАИНСКИХ ЕПАРХИЙ НА ВСЕРОССИЙСКОМ ЦЕРКОВНОМ СЪЕЗДЕ В МОСКВЕ.

Представители духовенства и мирян Украинских Епархий, делегированные на Всероссийский Церковный Съезд, имеют честь доложить Высокому Собранию следующее:

Чувство ответственности пред историческими судьбами всей Руси велит нам сказать, что Украина переживает сейчас тревожные дни. Мы предвидим огромную опасность, как бы взаимные отношения Украины и Руси не вылились в трагические формы, если не наступит с обеих сторон понимание естественно-исторических прав Украины – на полное самоопределение во всех сторонах жизни.

Мы с честью и совестью заверяем, что Украина не ищет разрыва, что она та же родная сестра Великой Руси, какой была всегда. На пути же к поддержанию и утверждению родственных уз и единства, в народном сознании Украины и Руси, как государственного, так и церковного, видны угрожающие опасности. Украина теперь на гребне исторического перевала.

Мы всей верой своей утверждаем, что только в свободном процессе самоопределения залог победы сил объединяющих, а в нарочитой поддержке этого процесса таится стихия развала общего для всей Руси.

Мы настойчиво взываем к Высокому Собранию и просим его поднять свой авторитетный голос, дабы услышали его ответственные Правители, что исторически необходимо дать простор и свободу Ук-

---

* *Надпись чернилами.*

** *Дописано карандашом.*

раине собрать свою волю воедино. И эта воля, мы прочно верим, укрепит в нынешнюю тяжкую годину, на рубеже эпох, целостность Плоти и Духа Державы Российской. Украинский Конгресс и Украинский Церковный Съезд не могут и не должны смущать Великую Русь. Без своего Конгресса и Церковного Съезда Украина не сможет принести в Учредительное Собрание и Всероссийский Церковный Собор своей народной воли.

Церковь на Украине есть душа народа. Чаение народа есть чаения Церкви, а посему Церковь там с народом и за народ. Неразрывно связанные на всем протяжении своего исторического бытия Церковь и народ только во взаимном общении куют и выкуют свое благо и благо родной сестры своей Великой Руси на все грядущие века.

Многострадальная, но ныне свободная Украина с любовью и радостью примет в свое лоно Холмщину и любую часть юга России, где есть живые души, тяготеющие к идеалам РІДНОЇ І ВІЛЬНОЇ МАТЕРИ УКРАЇНИ.

Ярко сознавая всю безмерную серьезность переживаемой на Руси трагедии, Украинская Фракция Всероссийского Церковного Съезда выражает следующие пожелания:

- 1) Необходимо обеспечить Украине свободу церковно-политического самоопределения.
- 2) Провести в жизнь начала соборности и украинизации во все стороны церковной жизни.
- 3) Предоставить Украине свободу, в возможно скором времени, созвать Всеукраинский Церковный Съезд духовенства и мирян.

Хотим верить и уповаем, что Высокое Собрание, слыша зов истории, братски протянет нам руку. Пред лицом врага, мнящего раздробить силы России, мы явим тогда миру мощь и крепость Великой Родины нашей, героически побеждающей и героически творящей новую эру своего достойного бытия.

К этому нашему заявлению прилагаются особые заявления примкнувших к нам представителей Холмской и Бессарабской епархий, заключающие в себе изложение //

(л. 2) их местных нужд и вполне нами разделяемые.

Председатель фракции (неразб.)
Секретарь Протоиерей Ем. Бекаревич
Секретарь Вавила Як. Дорошенко

ОР РГБ. Ф. 60. К. 18. Ед. хр. 13/1. Л. 1, 2. Машинопись. Подписи президиума и «украинской фракции». Автографы, чернилами.

Декларация членов съезда белоруссов

(л. 1) 1 Всероссийскому Московскому Съезду Духовенства и мирян
Делегатов – Белоруссов
Декларация

Члены I-го Всероссийского Съезда Духовенства и мирян, которым Господу угодно было даровать великое счастье участвовать в работах Съезда на благо возрождающейся в духе свободы и каноничности Русской Церкви в качестве делегатов от Белорусских Епархий (Литовской, Гродненской, Витебской, Минской, Могилевской и Холмской*), считают делом своей совести и гражданского долга обратиться христиански-просвещенное и братски-участливое внимание настоящего высокого Собрания на некоторые своеобразные условия западно-русской церковно-общественной жизни, которая, являясь чрезвычайно могущественными факторами в исторических судьбах Белоруссии, по тесной органической связи части с целым, несомненно, должны быть признаны весьма существенными и серьезными с общерусской точки зрения. //

(л. 1 об.) Православные Епархии Северо-Западного края – исконный оплот православия и русской народности на рубеже между Великой Россией и Польшей. Их территория всегда была ареной напряженной вероисповедной и племенной борьбы, в которой наступательная роль принадлежала не белоруссам. Она причинила последним величайшие страдания, заставила их пережить горечь неисчислимых, никогда и ничем не вознаградимых потерь. Ее жертвой стали представители большинства самых старинных, выдающихся и влиятельных православных русско-литовских родов, обольщенные прелестями латинско-польской культуры. В тылу ее западно-русские земли покрылись множеством великолепных, гордо возносящихся над убогими хижинами и убогими храмами белоруссов костелами, этими крепостями католицизма, под знаменем религии неуклонно идущего к одной заветной цели – полонизации края.

В этом печальном состоянии значительного надлома, ослабления своих духовных сил мы, православные Белоруссы, встречаем светлую зарю переживаемого ныне Россией великого исторического дня, который наиболее ярко характеризуется стихийным порывом всех входя-

---

* Сноска в тексте рукописи «Холмская епархия упомянута здесь потому, что четыре уезда ея: Седлецкий, Соколовский, Соколовский, Константиновский и Влодавский или так называемое “Подлясье” населены белоруссами».

щих в состав Русского государства народностей к так называемому культурному самоопределению.

Нужно ли много говорить о неудержимой стремительности и страшной силе того натиска, которому подвергнемся мы в самом недалеком будущем, чтобы увлечь нас на путь не восточной, а западной, не православно-русской, а латинско-польской ориентации? Многочисленные тревожные //

(л. 2) признаки его для умеющих различать знамения времени – уже налицо.

Общеизвестно несколько знаменательных переходов в унию. Судя по сообщениям в печати, в положительном смысле решен вопрос об увеличении количества римо-католических епархий. Усиливается деятельность римо-католической миссии. Даже в прифронтовой полосе одна за другой появляются польские школы для белорусских детей, почти совершенно свободных от всяких занятий вследствие близости фронта. Учащаются попытки отнять у православных издавна в течение многих десятилетий принадлежавшие им Церкви, монастыри и др. святыни. Вопрос о подобных захватах обсуждался уже на нескольких местных съездах духовенства и мирян (Минском епархиальном, Литовском епархиальном, Молодечненском благочинническом и других).

Трудность создавшегося в православно-Белорусских епархиях положения чрезвычайно осложняется еще крайне тяжелыми материальными условиями, в которых оказалось здешнее население вследствие великой Европейской войны. Значительной части его достался скорбный жребий беженства, выпала на долю печальная необходимость покинуть родину, лишиться годами нажитого достояния, растерять близких родных, надорвать здоровье, стать почти нищим.

С чем вернуться эти несчастные жертвы германского варварства на свои родные пепелища, к своим разоренным очагам, когда наступит, наконец, с величайшим нетерпением ожидаемый ими час очищения западно-русских окраин от полчищ Вильгельма Гогенцоллерна? //

(л. 2 об.) Где они возьмут средства восстановить свои храмы, свои школы, свои жилища? И до войны сооружение церквей и школ без более или менее значительной правительственной субсидии для православно-белорусской паствы было доступно в весьма редких, исключительно счастливых случаях. После же ее совершенно разоренному местному населению о нем нельзя будет и подумать.

Печальна до слез участь большинства беженцев. Но мало отраднее и положение тех, кто остается на своих местах, вблизи театра военных действий, под вечным страхом германского нашествия, вне возможно-

сти вести свое хозяйство полным ходом, среди невзгод и лишений, порождаемых недостатком предметов первой необходимости, так болезненно дающим себя чувствовать даже и в центральных областях России.

Теперь и в будущем настоятельно необходима самая разнообразная, самая щедрая помощь Правительства и Русского общества много-страдальному краю, далекому от процветания и благоденствия и в мирное время и кроме того имевшему несчастье принять в самую свою грудь убийственный удар врагов России, цивилизации, человечества.

Особенно вопиющи и повелительны здесь нужды церковно-школьного строительства и пастырски-просветительской деятельности. Не только отсутствие, но и простая недостаточность государственной и общественной поддержки пострадавшему православно-белорусскому населению в удовлетворении этих нужд рано или поздно, с ничем неустранимою неизбежностью, повели бы к тому, что Белоруссия, столько веков являющаяся передовым оплотом православия на русском западе и принесящая столько неисчислимых жертв на алтарь самоотверженного служения православно-русскому делу, должна была бы считаться своего религиозно-национального самосознания и навсегда духовно отколоться от Православной Церкви и России.

Обращаясь к I Всероссийскому Съезду духовенства и мирян с настоящим заявлением, мы утешаем себя надеждой, что наш скорбный, молящий голос будет услышан лучшими сынами Святой Великой Руси, и они не откажут нам ни в горячем участии, ни в деятельной поддержке, когда мы вынуждены будем сказать, что у нас не хватает сил устоять на своем историческом посту.

(Подписи 10 делегатов)

ОР РГБ. Ф. 60. К. 18. Ед. хр. 17/1. Л. 1–2 об. Рукопись. Автограф, чернилами.

№ 3

Доклад о положении Холмской губернии прочитанный на заседании 10/VI 1917 протоиереем Бекаревич

(л. 1) Прочитано на заседании 10 июня. Докладчик прот. Бекаревич.
Делегаты Холмской губернии настаивают на том, чтобы состоялось постановление Всероссийского Съезда духовенства и мирян следующего содержания:

1. В виду того, что выселение жителей Холмщины в силу приказа бывшего Верховного Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича было принудительным и при беспорядочном применении его жители Холмщины лишились всего имущества, в том числе и церковного, и при своем полном рассеянии окончательно разорены, обратились в нищих, а при своем возвращении на разоренные пепелища не будут в состоянии своими собственными силами и средствами восстановить церковно-приходское и экономическое положение, (построение храмов и причтовых и церковно-школьных домов, постройка жилищных и холодных строений, приобретение земледельческих орудий и живого инвентаря) просим Всероссийский Съезд вынести свое постановление:

а) Правительство, в какую бы поли //

(л. 1 об.) тическую форму по решению Учредительного Собрания оно не вылилось, обязано возместить убытки, понесенные населением Холмщины, как жертву для государства при принудительном выселении.

б) Своевременно озаботиться, чтобы возвращение беженцев на места своей оседлости не было столь стихийным и хаотическим, каким было выселение, руководствуясь по данному вопросу мероприятиями Казанского Съезда от 3–5 июля 1916 года.

в) В случае отделения Церкви от государства Правительство обязано выдавать содержание духовенству Холмской епархии в течении 8-ми лет, коковкой срок уже принят правительством для погашения ссуды, выдаваемой беженцам, чтобы содержание это не легло непосильным бременем на разоренное население.

II., В виду выяснившихся в настоящее время натиска и правонарушений со стороны полонизма и католицизма по отношению к православному населению и его церковному достоянию (отнятие церквей и причто //

(л. 2) вых домов) даже в северо-западных губерниях – вынести постановление Съезда:

а) Чтобы правительство признало Холмскую губернию в исторических границах Руси Даниила Галицкого территориальным достоянием Русского Православного населения соответственно закону Государственной Думы от 23-го июля 1912 года с исправлением допущенных в этом законе географических погрешностей (усадьба в одной губернии, а поля в другой, деревня в одной губернии, а кладбище в другой).

б) Гарантировать Православному населению Холмщины свободное самоопределение в области церковно-религиозного и национального устройства, оградив его от обид и притеснений со стороны польско-

католического населения в пунктах экономического и численного превосходства последнего.

в) При обнаружившемся национальном стремлении населения Холмщины гарантировать ему возможность слить свою судьбу с Украинной, от которой Холмщина была оторвана историческими судьбами.

г) Допустить делегата протоие //

(л. 2 об.) рея о. Емелиана Бекаревича дать с трибуны мотивированное разъяснение всему изложенному.

Добавленному: «и церковно-школьных» и «всему» верить.

Делегаты Холмской губернии и Епархии (3 подписи)

ОР РГБ. Ф. 60. К. 18. Ед. хр. 16/1. Л. 1–2 об. Рукопись, чернилами. Пометы карандашом.

№ 4

Протокол секции для обсуждения правового положения и церковно-религиозных нужд тех православных епархий кои целиком или частично могут войти в состав предполагаемого царства Польского

(л. 1) Прочитано на засед. 10 июня 1917 г. Прот. Бекаревич

Протокол

Секции для обсуждения правового положения и церковно-религиозных нужд тех православных епархий, кои целиком или частично могут войти в состав предполагаемого Царства польского, а также епархий, пострадавших от военных действий 2-й Отечественной войны.

Секция открыла свои занятия 10го июня при наличии 24 членов. Председателем и докладчиком секция избрала Протоиерея Емельяна Бекаревича. Секретарем – Протоиерея Василия Шингарева.

После всестороннего обсуждения поставленных текущей жизнью вопросов, Секция единогласно вынесла следующие свои конкретные положения – резолюции.

1. Священно-Церковнослужители и все служащие по Ведомству православного Исповедания тех Епархий и губерний, кои цели-

ком, или частично могут войти в предполагаемое «Царство польское», впредь до окончания войны и решения вопроса о дальнейшей их судьбе, сохраняют служебное положение с присвоенным им служебными обязанностями и правами.

2. По окончании войны, независимо от политического устройства Царства польского, православные храмы и Монастыри, Духовно-учебные заведения, Епархиальные и приходские учреждения с принадлежащими Им //

(л. 2) движимыми и недвижимыми имуществами, сервитутными и иными правами, равно как и осуществлением прав, должны быть сохранены за православною Церковью для удовлетворения духовно-религиозных нужд местного православного населения.

1. Если по местным условиям требуется закрытие некоторых православных приходов, все их движимое и недвижимое имущество (вместе с приходскими и приписными храмами, часовнями, кладбищами, земельными усадьбами, домами, угодьями и правами) должно принадлежать тем православным приходам, к которым будет приписан закрытый приход.
2. Для всего православного населения Царства польского, при его новом политическом устройстве, должны быть гарантированы церковно-религиозные права меньшинства в том смысле и объеме, каковым гарантированы права польского меньшинства римокатолического вероисповедания в России.
3. Закон 23го июля 1912 года оставить для «Холмщины» в силе, с исправлением лишь допущенных в нем географических и исторических погрешностей. Выразить нравственное сочувствие тем священно-церковно-служителям, которые третий год томятся в Австрийском и Германском плену с пожеланием, чтобы приняты были меры к облегчению их критического положения.

Убавлено: на последней строке 1-й страницы «ныне» //

(л. 2) на 3-й строке 2-й страницы «как», «при закрытии по местам православных приходов», «ерея», «м».

Добавлено: «прав», «если по местным условиям будут закрыты некоторые православные приходы», убавленному и добавленному верить.

Председатель и докладчик Секции Протоиерей Емельян Бекаревич.
Секретарь: Протоиерей Василий Шингарев
Преподаватель Холмской духовной семинарии Григорий Ольховский.

ОР РГБ. Ф. 60. К. 18. Ед. хр. 16/1. Л. 1–2 об. Рукопись, чернилами.

**Проект формулы перехода к другим делам в связи
с заявлением украинцев и других**

(л. 1) На заседание 10 июня.

Формула перехода

Заслушав заявления украинцев и бессарабцев, а так же белоруссов, Съезд выражает искреннее сочувствие и возможность содействия сим народностям

(л. 1 об.) в достижении ими желанных целей и переходит к очередным делам.

ОР РГБ. Ф. 60. К. 18. Ед. хр. 13/2. Л. 1 об. Черновик. Рукопись, карандашом. Пометки чернилами.

---

¹ Леонтьев П.А. Революция в церкви: съезды духовенства и мирян в 1917 году // Церковь в истории России. М., 1998. Вып. 2. С. 214.

² ОР РГБ. Ф. 60. К. 18. Ед. хр. 26. Л. 5.

³ Деяния Екатеринославского епархиального собрания представителей клира и мирян Православной Церкви 21 и 22 марта 1917 года. Екатеринослав: Типография И.Е. Коган, 1917. 28 с.

⁴ Поездка в Москву и Петроград по делам православной церкви // Вестник Екатеринославского губернского комитета Православной Церкви. 1917. № 6. 27 апреля. С. 3.

⁵ ОР РГБ. Ф. 60. К. 13. Ед. хр. 4. Л. 1.

⁶ Там же. К. 12. Ед. хр. 20. Л. 1; Ед. хр. 21. Л. 1.

⁷ Заозерский А., священник. Всероссийский съезд духовенства и мирян // Московский Церковный Голос. 1917. № 12/13. 14 июня. С. 1.

⁸ ОР РГБ. Ф. 60. К. 12. Ед. хр. 22. Л. 1.

⁸ Ср. Поместные Соборы: 1917–18 гг. – 564 уч., 1971 г. – 234 уч., 1990 г. – 317 уч., 2009 г. – 711 уч.

¹⁰ См.: Щеглов Н.В. Проекты церковного устройства и управления в документах Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. // Церковь и время. 2017. № 3 (80). С. 92–144.

¹¹ См.: Щеглов Н.В. Работа организационного бюро Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2017. № 8. С. 54.

¹² ОР РГБ. Ф. 60. К. 14. Ед. хр. 2. Л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. К. 18. Ед. хр. 13/2. Л. 1–1 об.

¹⁵ Там же. К. 14. Ед. хр. 5. Л. 2 об.–3.

**Антицерковная политика властей
в Москве и Подмосковье на начальном
этапе коллективизации: «усиление борьбы
с религией» и «борьба с перегибами»
(Публикация документов из Центрального
государственного архива Московской области)**

В научный оборот вводятся документы о проводимой властями Москвы и Московской области политике в отношении религиозных организаций во время кампании сплошной коллективизации с конца 1929 г. до конца 1930 г. Из документов видно как политика в отношении Церкви на местах колебалась в зависимости от установок руководства партии.

Ключевые слова: закрытие церквей, регистрация религиозных объединений, налогообложение церквей, снятие колоколов, Московский областной исполнительный комитет, Московский совет депутатов, окружной исполком, административный отдел, районное административное отделение.

Gazov E.A.

**THE ANTICLERICAL POLICY OF THE MOSCOW AND MOSCOW
AREA AUTHORITIES IN THE INITIAL STAGE OF COLLECTIVIZATION:
«STRENGTHENING THE FIGHT WITH RELIGION»
AND «STRUGGLE AGAINST LOCAL EXCESSES»**

In this article new documents on Moscow and Moscow regional authorities' religious policy during accelerated collectivization campaign since the end of 1929 till the end of 1930 are introduced. The documents show us how the local authorities' policy towards Church varied depending on party leadership's line.

Keywords: the closure of churches, the registration of religious associations, taxation of churches, bells removal, Moscow regional executive committee, Moscow regional council of deputies, provincial executive committee, administrative department, district administrative office.

Предисловие к публикации

Судьба Русской Церкви в конце 1929 г. – начале 1930 г. уже исследовалась историками¹. Данный период был временем усиления гонений на все религиозные конфессии, в связи с прово-

---

* инженер ПАО «РКК «Энергия» член Общества любителей церковной истории.

димыми по решению Политбюро «раскулачиванием» и сплошной коллективизацией и в соответствии с принятыми новыми «драконовскими» законами в отношении «неудобных» слоев населения. Это касалось в той или иной мере большинства населения страны, поскольку это большинство составляли крестьяне-единоличники, обладавшие по мысли вождей большевиков «мелкобуржуазным менталитетом». «Поповщина» и кулаки в коммунистической пропаганде представлялись союзниками в борьбе против «социалистического государства». 7 ноября 1929 г. «Правда» публикует статья Сталина «Год великого перелома», в которой утверждалось, что якобы «удалось повернуть основные массы крестьянства... к новому социалистическому пути развития». 15 декабря 1929 г. ВЦИК издает постановление «Об урегулировании колокольного звона в церквях», развязавшее руки местным властям для его запрещения и конфискации колоколов. Образованная при ВЦИК в декабре 1929 г. Постоянная Центральная Комиссия по вопросам культов постановила 6 февраля 1930 г. пересмотреть закон об отделении Церкви от государства от 8 апреля 1929 г. «в сторону упрощения процесса закрытия и увеличения радиуса приходов». Наркомат финансов СССР своим циркуляром от 2 января 1930 г. запретил религиозным объединениям торговлю и промышленную деятельность. Сильно увеличилось налогообложение духовенства, усилилась его травля в газетах.

Публикуемые документы обнаружены автором в фондах Московского областного исполкома, Московского окружного исполкома, административного отдела Московского окружного исполкома и административного отдела Московского уездного исполкома в Центральном государственном архиве Московской области и касаются антирелигиозной политики властей на территории Москвы и современной Московской области². Как столица и столичный регион, они представляли особый фронт борьбы компартии с религией. Если в селах закрытие церковью происходило в основном для передачи их под какое-либо учреждение, то реконструкция Москвы давала строителям коммунизма повод для полного сноса церковей, как «мешающих уличному движению», и т.п. Характерный пропагандистский плакат того

времени, выполненный Д. Мельниковым, – сравнение двух видов Москвы: нового – хорошего и старого – «плохого». На плохом, кроме мусора, грязи, узких дорог, покосившихся домов, имелась еще и церковь. Новый вид Москвы, хороший, – чистота, порядок и, конечно же, никаких церквей. Подпись к плакату соответствующая: «Выполним решение ЦК ВКП (б) – реконструируем старую Москву! Благоустроим ее! Дадим ей облик, достойный социалистического города!».

Документы № 1-2 показывают, как инициатива в конфискации колоколов шла снизу вверх, но не в меру инициативных чиновников вышестоящие власти, которые тоньше чувствовали ситуацию, считали нужным осаживать. Аналогичный случай произошел и с лютеранской церковью в Москве (документы № 12-1, 12-2). Однако обсуждение этого вопроса происходило после выступления Папы Римского Пия XI против притеснений верующих СССР, что вызвало истерию в коммунистических СМИ по поводу подготовки Папой «крестового похода» капиталистов против Советского Союза. Замнаркоминдел Л.М. Карахан прагматично посчитал, что, учитывая возможные изменения в международной обстановке, благоразумней оставить церковь в покое. Президиум же Мособлисполкома и Моссовета, как и МК ВКП (б), примкнул к мнению Карахана. Это объясняется еще и тем, что ответ давался 9 марта, то есть спустя неделю после выхода статьи Сталина «Головокружение от успехов», в котором вина за массовое сопротивление народа коллективизации и закрытию церквей, сваливалась на местные власти, допустившие «перегибы». Руководству Московского округа и области и в других случаях (документы № 5-2, 7, 11-2, 14), особенно в связи с начавшейся в марте борьбой с перегибами на местах, приходилось гасить инициативу районных властей по закрытию церквей. В принятом по следам статьи Сталина постановлении ЦК ВКП (б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» ЦК потребовал «решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке». Показательно, как оперативно отреагировал на «изменение курса партии» начальник Шаховского районного административного отделения Иванов. В подготовленных с разницей бук-

важно в две недели документах об одних и те же событиях (см. № 6-1, 6-2) в более позднем упоминается «ряд противозаконных, явившихся вследствие не верной установки в этом вопросе со стороны сельсоветов...». Касательно документа № 6-1 стоит заметить, что к любым подобным победным отчетам о «поддержке населением» закрытия церквей относиться надо крайне осторожно. В таких отчетах обычно ни слова нет о причинах передачи представителями церковных советов ключей от церкви в сельсоветы, отказе от аренды или отказов священников от служения: какие непосильные налоги накладывали на священнослужителей, какую плату за аренду храмов требовали власти, какие угрозами и другие административные меры применяли к членам церковных советов.

Документ № 14 о довольно строгом наказании работников милиции за «бесцельный политический арест» священника вполне соответствует духу времени – «борьбе с пергибами» и носит, очевидно, воспитательный характер для всех работников милиции Московского округа, а не является свидетельством гуманизма начальника милиции округа Новикова. При изучении в ЦГАМО документов по коллективизации и раскулачиванию того времени автору попадалось много документов о необходимости не провоцировать крестьянские массы на недовольства, не давать повода «кулакам для антиколхозной агитации», а так же не допускать «мер административного воздействия», запугивания и других «противозаконных действий», наличие которых признавалось. Однако обнаружить какие-либо свидетельства о наказании «перегибщиков» подобному наказанию, которому были подвергнуты милиционеры за арест священника, не удалось.

Упомянутое в документе № 19 повышение налогообложения из-за выявленного обмана со стороны общин не должно вводить в заблуждение касательно благополучия священнослужителей. В каждой области имелись многочисленные, ныне опубликованные³ факты совершенно непосильного налога на служителей культа в виде сдачи большого количества мяса, зерна, которое получить духовенству было просто неоткуда.

Документы сгруппированы в хронологическо-тематическом порядке. Если несколько документов связаны между собой, то

они группируются в хронологическом порядке с дополнительной нумерацией через дефис (напр., № 11-1, № 11-2). Орфография сохранена. Исправление явных опечаток не оговаривается. Прочие исправления текста, слова, вписанные или зачеркнутые авторами документа, оговариваются в подстрочных примечаниях. Сохраняются авторские подчеркивания. Заголовки, данные документам публикатором, выделены полужирным шрифтом.

[ ] – добавлено публикатором.

[...] – пропущено публикатором.

< > – предположительное чтение⁴.

---

¹ См.: Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011. С. 400–431; Щелкачев А., свящ., Мазырин А., свящ., Филиппов Б.А. Церковно-государственные отношения в период коллективизации // XIX Международные Рождественские образовательные чтения. Прославление и почитание святых: материалы конференции. М., 2011. С. 42–71 и др.

² В течение 1929–1930 гг. административно-территориальное деление ближнего и дальнего Подмосковья менялось 2 раза. В 1929 г. территория Московской губернии вошла в состав Центрально-промышленной (в дальнейшем – Московской) области, которая была разделена на несколько округов, в т.ч. Московский округ, однако с территорией Московской губернии он не совпадал (например, были образованы Серпуховской и Орехово-Зуевский округа). В 1930-м г. Московская область была выделена в самостоятельную административную единицу, границы которой также не полностью совпадали с территорией Московского округа.

³ См.: Курляндский И.А. Указ. соч.; Щелкачев А., свящ., Мазырин А., свящ., Филиппов Б.А. Указ. соч.

⁴ В машинописных документах с малыми или отсутствующими полями это обусловлено в основном особенностями прошивки дел.

ЛИТЕРАТУРА

Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия [Текст]. М.: Кучково поле, 2011.

Щелкачев, А., (свящ.) Церковно-государственные отношения в период коллективизации [Текст] / А. Щелкачев, свящ., А. Мазырин, свящ., Б.А. Филиппов // XIX Международные Рождественские образовательные чтения. Прославление и почитание святых: материалы конференции. М., 2011. С. 42–71.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Письмо начальника адм. отдела Мособлисполкома в президиум Мособлисполкома об использовании церковных колоколов на нужды промышленности

26 декабря 1929 г.

№ 11/221-75

В ПРЕЗИДИУМ МОСОБЛИСПОЛКОМА

Вопрос Об использовании церковных колоколов на нужды промышленности.

В последнее время участились обращения отдельных организаций в Адм. Отдел Мособлисполкома с предложением использовать ¹церковные колокола на нужды промышленности и сельского хозяйства ввиду недостатка цветных металлов. Точно так же и в наказах избирателей Московскому Совету даны многочисленные предложения об использовании колоколов на нужды промышленности и о запрещении колокольного звона.

Эти предложения помещены на стр. 147–153 сборника предложений Московскому Совету «По вопросам борьбы на антирелигиозном фронте и использования церковных помещений под культурно-бытовые учреждения».

В числе этих наказов около 70 предложений требуют изъятия на нужды промышленности и помимо того в 30 предложениях говорится об ограничении и запрещении колокольного звона «как нарушающем общественное спокойствие и мешающем занятиям».

Такие же предложения о передаче колоколов на нужды промышленности поступают и в округах – в окружные административные отделы.

Адм. Отдел Мособлисполкома считает, что в настоящее время целесообразно поставить вопрос об изъятии колоколов с действующих церквей и об использовании их для нужд промышленности.

В г. Москве такое изъятие может дать в среднем 1.300 тонн металла, в котором нуждается наша промышленность.

---

¹ Подчеркнуто красными чернилами.

С другой стороны необходимо учесть и то, что колокольный звон мешает отдыху трудящихся[,] особенно в ранние часы, что некоторые церкви находятся вблизи больниц и общественно-культурных учреждений и колокольный звон в этих случаях мешает занятиям и правильному лечению.

По мнению Адм. ОТДЕЛА Мособлисполкома в настоящее время следует разрешить вопрос колоколов только в г. Москве и других крупных городах Московской области, при чем предварительно следует широко обсудить вопрос на более крупных фабриках, заводах, плenumах Райсоветов и в печати.

Помимо того, вопрос о снятии колоколов следует согласовать с Президиумом ВЦИК и установить порядок прохождения таких дел.

Административный Отдел Мособлисполкома просит Президиум Мособлисполкома дать указание по возбужденному вопросу.

За² Начальник Адм. Отдела Мособлисполкома. /Подчуфарова³/
Начальник милиции г. Москвы и области /Ермаков/

ЦГАМО Ф. 2157. Оп. 1. Д. 317. Л. 10–10 об. Машинописный подлинник. Бланк «Р.С.Ф.С.Р. Административный отдел Московского губернского исполнительного комитета Советов Раб., Кр. и Кр. Депутатов П/от[дел] общий». Над текстом письма штамп «<Москоблсовет РКиКД 28/ХП № 16916>». Вверху пометы черными чернилами: «т. Гончаровой 2<нрзб.>/ХП», «тов. Козлову <Гончарова> 18/1-30», «Юр-часть на заключ росп тов <нрзб.> 21/1 30». Подписи: Подчуфаровой – автограф красными чернилами, за Ермакова неразборчивый автограф синими чернилами.

№ 2

Письмо из президиума Мособлисполкома в президиум ВЦИК об использовании церковных колоколов на нужды промышленности

Не позднее 29 января 1930 г.⁴
В ПРЕЗИДИУМ В.Ц.И.К.

Копия:

В Нар. Комиссариат Внутренних Дел. В О.Г.П.У.

За последнее время значительно возросло число постановлений на собраниях трудящихся и обращений отдельных организаций о снятии

---

² Вписано красными чернилами.

³ Исправлено красными чернилами из напечатанного МИНАЙЧЕНКОВ.

⁴ Датировано по делопроизводственной помете.

колоколов и использовании их для нужд промышленности и сельского хозяйства, а так же имеются и многочисленные указы избирателей.

В действующем же законодательстве предусматривается передача церковных колоколов в гос. фонд или в распоряжение органов нар. образования только в случаях ликвидации церквей.

Президиум Мос. Обл. Исполкома и Моссовета считает целесообразным поставить вопрос об изъятии колоколов и из действующих церквей, тем более, что напр. по гор. Москве эта мера могла бы дать до 1.300 тыс. тонн металла, и имеются многочисленные жалобы на колокольный звон, мешающий отдыху трудящихся.

Изъятие колоколов следовало бы производить постепенно по мотивированным постановлениям Край и Обл.Исполкомов, учитывая все обстоятельства каждого случая. Чтобы не загружать Президиум ВЦИК жалобы, постановления Обл. Исполкома считаются окончательными.

Президиум Мособлисполкома и Моссовета принял представляемое при сем решение и просит его утвердить к руководству на будущее время.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЕКРЕТАРЬ

*ЦГАМО Ф. 2157. Оп. 1. Д. 317. Л. 1–1 об. Машинописный экземпляр. На л. 1 сле-
ва вверху черными чернилами: «Доложено 2<9>/I-30 г. Расп[оряжение] т. Хлопьян-
кина – отложить на один месяц», неразборчивый автограф, «Вр. арх[ив]». Подписи
отсутствуют. На л. 6 в том же деле представляемое решение, почти полностью
повторяющее предпоследний абзац.*

№ 3

ПРОТОКОЛ

Заседания антирелигиозной комиссии при МК ВКП /б/ от 5/II-1930

5 февраля 1930 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. Полидоров, Шохор, Пучков, Подчуфарова, Курицын, Лунин, Владимировский, Захаров, Амосов, Олещук, <Лу-нин>⁵ Колганов, Корягин, Красиков, Амосов, Полянский, <Замбакин>¹ /Главнаука/, Соболев, Рыжков.

Председатель – Полидоров, Секретарь – Шохор.

---

⁵⁻¹ Уточнить две фамилии публикатору не удалось в связи с временным закрытием доступа к фондам Мособлисполкома.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

СЛУШАЛИ: Задачи антирелигиозной работы в настоящее время.

ПОСТАНОВИЛИ: 1/ В ближайшее время провести собрания парт-актива при МК, Окружком и Райкомом по вопросу о контрреволюционной роли религии в деле построения социализма и о привлечении широких партийных масс к делу усиления борьбы с религией, в частности, использования зданий культа для культурных потребностей.

2/ Послать циркуляр по всем ячейкам и райкомом о необходимости перелома в антирелигиозной работе в связи с новым задачами строительства и ростом социалистического сознания трудящихся масс.

3/ Предложить Отделу печати собрать редакторов для инструктирования их по вопросу о широком освещении в газетах антирелигиозного движения и вовлечения в него масс рабкором и селькором.

4/ Просить Президиум Московского Совета послать соответствующий циркуляр фракциям городских, окружных и районных исполкомов в более быстром продвижении в советском порядке вопроса о закрытии церквей и о более быстром решительном использовании наказов избирателей, об использовании зданий культа для культурных нужд и о мобилизации внимания масс в предвыборную кампанию волею проверки исполнения наказов масс.

5/ Предложить культурно-просветительским организациям[,] в частности Совкино, Управлен[ию] Зрелищных Предприятий МОНО, Культотделу МОСПС[,] обсудить вопрос об использовании части закрываемых зданий культа под культурные потребности и представить свои конкретные предложения /указание церкви, соображения о средствах и т.п./ в Президиум Московского Обл.Исполкома.

6/ Предложить Культотделам МОСПС, Моспромкооперации, Мос-облколхозсоюзу, Радиоцентру и Музейным подотделам МОНО и Главнауки так же обсудить вопрос об использовании зданий культа и об изыскании средств.

7/ Просить Президиум Моссовета 50% стоимости снимаемых колоколов обратить в специальный фонд переоборудования закрываемых зданий культа под культурные нужды.

8/ Просить Президиум Моссовета указать МКХ на необходимость ускорить темп сноски церквей, уничтожение которых вызывается интересами благоустройства Москвы.

9/ Просить Президиум Моссовета разрешить общественным организациям в порядке собственной инициативы брать на себя /в порядке «субботников»/ работу по разборке зданий культов, подлежащих сноске, при условии предоставления им стоимости строительных материалов для использования вырученной суммы на культурные нужды.

10/ Предложить всем общественным организациям повести широкую кампанию по мобилизации внимания, инициативы, творчества и активности масс вокруг закрытия церквей, молелен, синагог, костелов и приспособления их под культурные и бытовые нужды.

11/ Предложить Мос. СВБ придать всей работе, в связи с новыми задачами решительного наступления на религию, боевой характер.

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 212. Машинописный экземпляр. Вверху синими чернилами: «<т. Рогову>», синим карандашом: «В Президиум Московско».

№ 4

**Письмо начальника адмтдела Мосокрисполкома Новикова
начальникам РАО с приложением циркуляра президиума
Мосокрисполкома о закрытии церквей**

11 февраля 1930 г.⁶

Копия.
ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ РАО
МОСКОВСКОГО ОКРУГА
Срочно.

Направляется для сведения, руководства и исполнения циркуляр Президиума Моск.Окрисполкома от 7/II № 23-27-0 о ликвидации церквей и снятие колоколов, Административный Отдел предлагает при подборе материалов выяснять какие селения обслуживает эта церковь, как велика численность населения, их и какое число взрослых голосовало «за» и «против» ликвидации церкви.

п[одлинный]/п[одписал] Н[АЧАЛЬНИ]К АДМ. ОТДЕЛА
Н[АЧАЛЬНИ]К МИЛИЦИИ МОСК. ОКРУГА: /НОВИКОВ/
Секретарь: /Романов/.

№ 23-27-0
7/II-30

ВО ВСЕ РАЙИСПОЛКОМЫ
Копия Окр. Адм. Отделу.

Работа по осуществлению решений рабочих собраний и общих собраний бедняцко-средняцких масс, закрытия зданий религиозных культов[,] снятие колоколов имеет ряд недостатков, из которых самый основной – большая задержка и медлительность с разрешением и оформлением этих вопросов органами власти.

Помимо этого за последнее время выявились случаи закрытия райисполкомами зданий культа и снятие колоколов без предварительного утверждения этого Президиумом Окрисполкома.

---

⁶ Датировано по исходящему номеру.

Считая, что такое положение в дальнейшем не должно иметь места, идя навстречу многочисленным ходатайствам рабочих и бедняцко-средняцких масс крестьянства об ускорении прохождения вопроса по рассмотрению постановлений о закрытии культовых зданий и снятие колоколов Президиум Окрисполкома предлагает всем Райисполкомам:

а/ Немедленно через нарочных районных Адм.Отдела переслать в Президиум Окрисполкома имеющиеся на рассмотрении РИКов ходатайства рабочих и сельского населения о закрытии зданий культа, снятия колоколов и постановлений по этому вопросу.

В случае невозможности послать одновременно с решениями Райисполкомов и ходатайствами рабочих все другие материалы, связанные с закрытием церквей /акты осмотра, сметы, планы и проч./ эти дополнительные материалы после их подготовки должны быть присланы позднее:

б/ впряде все решения общих собраний, как рабочих, так и сельского населения о закрытии зданий религиозных культов и снятии колоколов немедленно вместе с решениями Райисполкомов направлять в Президиум Окрисполкома через Окружной Адм. Отдел /дополнительный материал допускается представить позднее/.

в/ Закрытие церквей и снятие колоколов до утверждения этих решений Президиумом Окрисполкома – не производить.

Президиум Окрисполкома сообщает, что им в свою очередь приняты все меры к тому, чтобы рассмотрение культовых дел в аппарате Окрисполкома происходило в самый кратчайший срок, /максимум 2 дня/.

По сообщению Секретариата ВЦИКа в связи с возбуждением Президиумом Окрисполкома ходатайства, – со стороны культового П[од]отдела ВЦИК будут приняты также меры к разрешению этих вопросов в самый минимальный срок.

Сообщая об этом[,] Президиум Окрисполкома предлагает Райисполкомам не допускать в дальнейшем уклонений от этого порядка при разрешении вопросов о закрытии здания религиозных культов и снятии колоколов.

П[одлинный]/п[одписал] Председатель: КОМИССАРОВ.
Секретарь: /подпись/
БЕРНО:

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 129. Заверенная машинописная копия. Чернильный штамп бланка «[Н.К.В.Д.] АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ Московского окружного исполнительного комитета. 11 февраля № 2160 11/П 1930 г № 2160». Подписи Новикова, Комиссарова, – машинопись, заверительная подпись – неразборчивый автограф синими чернилами Горскую – неразборчивый автограф синими чернилами.

№ 5-1
**Ходатайство Президиума Замоскворецкого Совета
РКиКД перед Президиумом Мособлисполкома
о закрытии церквей в районе**

15 февраля 1930 г.⁷

копия

Нач[альнику] Мил[иции],
Президиум Мособлисполкома и Моссовета,
Зав. Отделом Благоустройства.

ВЫПИСКА
из протокола Президиума Замоскворецкого Совета РКиКД
№ 4 от 6-го февраля 1930 г.

СЛУШАЛИ И ПОСТАНОВИЛИ
§ 113 О СНОСЕ ЦЕРКВЕЙ И КОЛОКОЛЕН (т. ВИРЗИН)

Ввиду того, что часть церквей и колоколен, находящихся на главных магистральных улицах, мешают уличному движению, а так же и то, что часть земельных участков церковных владений закреплены под строительство, возбудить ходатайство перед Президиумом Мос. Обл. Исполн. Ком. и Моссовета о сносе в первую очередь следующих церквей и колоколен:

№№ по пр.	Наименование церкви	Адрес	Чем вызывается необходимость сноса церкви
1	«Славуших»	Славущенский пер.	Участок испрашивается Союзом Metallистов под постройку профучебы.
2	«Спаса»	Спасоболвановск[ий] пер.	Участок закреплен за РЖСКТ «Замоскворецкий Рабочий».
3	«Троица»	2-й Кожевнич[еский] пер.	Участок закреплен за МУНИ и Москомтрансом под строительство.
4	«Михаил[а] Арх[ангела]»	Ср[едний]. Овчинников[ский] пер.	Участок закреплен за муниципальное жилстроительство.
5	«Никита»	Н[ово]Кузнецкая 4	Участок закреплен «Замоскворецкий рабочий» под жилстроительство.

⁷ Датировано по исходящему номеру.

№№ по пр.	Наименование церквей	Адрес	Чем вызывается необходимость сноса церкви
6	«Никола-Голутв[ина]»	1-й Голутвин[ский] ⁸ пер. 4	Участок необходим под строительство
7	«Успение [в Каз[ачей слободe]»	Б. Полянка № 37	Мешает уличному движению и участок испрашивается под строительство.
8	«Колокольня» «Козьмы и Демьяна»	Б. Полянка № 4	Колокольня мешает уличному движению, выступает на мостовую
9	«Георгий Неокесарийский»	Б. Полянка № 29	Выступает на мостовую, мешает уличному движению
10	«Троица-Вишняки»	Пятницкая ул. № 51	Мешает уличному движению, выступает на мостовую.
11	«Иоанн-предтеча» (колокольня)	Пятницкая ул., уг[ол] Черниговского пер.	Мешает уличному движению, выступает на тротуар.
12.	«Данилов монастырь»	Даниловский вал	Делается общественный парк. Снос церкви необходим для расширения площади, кроме того <нрзб.>ый сабор будет использован под клуб, а [при] разборке этой церкви часть материалов будет использована на <нрзб.>
13.	«Часовня Данилов[а] монастыря»	Б. Тульская 3	Для расширения пло<щади>
14.	Колокольня при церкви «Пятницы-Параскевы»	Пятницкая 23	Мешает уличному движению.

Выписка верна:

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА: КИРИЛОВ.

Верно:

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 203–203 об. Машинописный подлинник. Слева сверху машинописью набран текст бланка: «Р.С.Ф.С.Р. ПРЕЗИДИУМ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО СОВЕТА Р.К. и К.Д. 15 февраля 1930 г. № 4/113». Справа от него штамп «АОМГИК 27 ФЕВ[РАЛЯ] 1930». В середине сверху: «МС. 5444 26/II-30». Под текстом бланка черными чернилами: «<нрзб.> В адм[инистративный] отд[ел] Моссовета на заключение». Заверительная подпись – автограф, неразборчивый.

⁸ Исправлено, в тексте Голутвин[ский].

**Ответ Заместителя начальника адмтдела Мособлисполкома
Ширяева в президиум Мособлисполкома о закрытии церквей
в Замоскворецком районе**

секретно⁹
28 марта 1930 г.
№ 200068/с

Возвращая ходатайство Замрайсовета о закрытии и сносе ряда культовых зданий в Замрайоне, Мосадмтдел не возражает только в части сноса закрытых культовых зданий, а именно:

- 1/ Никиты – Н[ово]Кузнецкая ул.
- 2/ Колокольня ц. Космы и Демьяна Б. Полянка
- 3/ [Колокольня] ц. Иоанна Предтечи – Пятницкая ул.
- 4/ б. Даниловский монастырь
- 5/ Часовня б. Даниловского м-ря.

В отношении же огульного закрытия ряда культовых зданий, указанных в ходатайстве Замрайсовета без соответствующей проработки и конкретного указания веских причин закрытия, каковое может вызывать эксцессы, Мосадмтдел высказывается отрицательно. К тому же, Президиуму известно, что в настоящее время закрыто и предстоит закрыть большое количество культовых зданий по гор. Москве для культурно-просветительских целей.

Зам. Н-ка Мособладмтдела /Ф. Ширяев/
Инспектор /Новиков/

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 202. Машинописный подлинник. Бланк «Р.С.Ф.С.Р. Административный отдел Московского областного исполнительного комитета Советов Раб., Кр. и Кр. Депутатов». Под бланком и справа от него штампы «Секретная часть Президиума Мособлисполкома и Моссовета»: под бланком – «Вх. № 2601/050/с от 30/III 1930», синими чернилами по штампу зачеркнута помета синими чернилами «Рассекречено <31>III» слева от штампа простым карандашом: «т. <Баку 2/IV нрзб.>», справа от бланка – «Вх. № 2601/050/с 21¹⁰/III 1930 г.». Подписи: Ширяева – красными чернилами и машинопись, Новикова – синими чернилами и машинопись.

---

⁹ Вписано красными чернилами.

¹⁰ Вероятно, имеется в виду 31.

№ 6-1

СВОДКА

Характеризующая моменты хода коллективизации и раскулачивания кулак[ов и] проч. по ШАХОВСКОМУ району

не ранее 16 февраля 1930 г.¹¹

СЕКРЕТНО

[...] «По части антирелигиозной работы необходимо отметить, что по состоянию на сегодня мы имеем случай закрытия церкви в с. Середа[,] состоявшегося 16 Февраля при скоплении масс /около 2-х тысяч/. При закрытии церкви никаких недовольств не наблюдалось. Настроение массы было удовлетворительно. На другой день здание церкви началось ремонтироваться под чайную и столовую. Помещение же прежней чайной и столовой предназначено под детские ясли. Кроме этого в этот же день сняты 2 колокола с церкви в селе Холмец, материал о снятии подобран лишь в районе деятельности колхоза. В обоих случаях[:] снятие¹² с церковью колоколов и закрытие² одной из них происходило в присутствии Председателя РИК-а, уполномоченного ОГПУ и финансовых органов. Есть такой случай, что без разрешения вопроса в надлежащих органах, сами сельсоветы и сами массы закрывали церкви, тут-же снимали колокола. /с. Волочаново/[.] По этому делу ведётся проверка, со стороны населения недовольства не поступало. Есть случаи, когда церковные советы и часть верующих отказываются иметь арендованное здание церкви, а вместе с тем и производит религиозное отправление /с. Игнатково/ и Н[ово]-Никольское. Некоторые церковные советы передают ключи от здания церковью сельским советам. А так же были случаи со стороны служителей культов отказ[а] от выполнения обязанностей по отправлению религиозности, а вместе с этим категорическое, полное отмежевание от церкви [...].

« » Февраля 1930 г.

Начальник Шаховского РАО /Иванов/

ЦГАМО. Ф. 267. Оп. 3. Д. 5 Л. 114–114 об. Машинописный подлинник. Подпись Иванова – автограф синими чернилами и машинопись.

¹¹ Датировано по содержанию.

¹²⁻² Исправлено, в тексте снятия... закрытия.

№ 6-2
ИНФОРМАЦИОННАЯ СВОДКА О ВЫДАЮЩИХСЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ И ПРОИСШЕДШИХ СЛУЧАЯХ
УГОЛОВНОГО ХАРАКТЕРА.

За время ФЕВРАЛЬ мес. 1930 г.

4 марта 1930 г.

[...] Проводимая антирелигиозная кампания резко поставила вопрос перед верующими о закрытии церквей. Некоторые сельсоветы самостоятельно действовали в этой области, как например, в селении Мурикове, сельсовет постановил в 24 часа закрыть церковь и выслать из своих пределов попа, что и было сделано, когда на другой день представители церковного совета являются в Адмтделение с просьбой принять меры к недопущению такого рода явлениям, сожалел о высланном попе. Другой случай в с. Волочанове, когда вопрос о закрытии церкви не в достаточной мере проработан среди верующих, сельсовет энергично принимает меры к закрытию церкви, отбирая ключи, имущество и наконец производит обыск в карманах служителей культа, имея сведения, что им поступают добровольные пожертвования. Надо сказать, что эта кампания вначале натолкнулась на ряд противозаконений, явившихся¹³ вследствие не верной установки в этом вопросе со стороны сельсоветов, а в некоторых случаях, а пожалуй важных – самих районных центров – РИК-а и Райфо, когда последний давал свои предложения сельским советам о взятии под ответственность имущества культов, тем самым давая повод сельсоветам о вторжении в здания культов и производя самовольные и не законные действия[,] лишая верующих пользования арендованным имуществом. Есть случаи бегства служителей культов и отказ от выполнения их обязанностей.

В данный момент имеем закрытыми 2 церкви – Середа и Шаховская [...]

№ 5/СС

«4» Марта 1930 г.

Начальник Шаховского РАО /Иванов/

*ЦГАМО. Ф. 267. Оп. 3. Д. 5 Л. 119–119 об. Машинописный подлинник. Подпись
Иванова – автограф синими чернилами и машинопись.*

---

¹³ Исправлено, в тексте явившейся.

№ 7

**Циркуляр секретаря Моссовета Гибера окружным
исполкомам Московской области о прекращении
незаконного закрытия церквей**

не ранее 20 февраля 1930 г.¹⁴

**ЦИРКУЛЯРНО.
ОКРИСПОЛКОМАМ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.**

За последнее время участились случаи закрытия церквей, в особенности по Московскому округу, с явным нарушением закона.

Фактическое изъятие у верующих культовых зданий производится до рассмотрения ВЦИКом жалоб верующих на постановление Облисполкома о закрытии той или иной церкви, а в отдельных случаях имели место изъятия церковных зданий и даже до вынесения постановления о том Облисполкома.

Считая такое положение недопустимым, Президиум Московского Областного Исполнительного Комитета и Московского Совета предлагает дать указания на места о прекращении незаконных действий и в случае необходимости закрытия того или иного культового здания оформлять таковое в полном соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8-го апреля 1929 года «О религиозных объединениях» (С.У. 29 г. № 35).

СЕКРЕТАРЬ МОСОБЛИСПОЛКОМА И МОССОВЕТА: Б. Гибер

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 227. Машинописный отпуск. Подпись Гибера – автограф синими чернилами. Справа вверху синими чернилами – «2601/035с от 20/II-30 г.».

---

¹⁴ Датировано по делопроизводственной помете.

№ 8

**Извлечение из политической сводки о ситуации
в Лотошинском районе, направленной начальником
Лотошинского РАО в адмотдел Мосокрисполкома**

не ранее 21 февраля 1930 г.¹⁵

МОСКОВСКИЙ ОКРУЖНОЙ
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ
от Н-ка Лотошинского РАО
НЕЙМАНА Я.А.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВОДКА-ПЯТИДНЕВКА.

[...] Всего в районе 16 церквей[,] из коих закрытых – 9 и сняты колокола, 7 церквей незакрыты[,] но служба не проводится. Лица религиозного культа в большинстве случаев отданы под суд за невыполнение сдачи хлебных излишков, отбывают наказание.

По всему району вынесено решение о закрытии церквей под нужды культурного обслуживания[...]

Н-к Лотошинского РАО /НЕЙМАН/
21/II 30 г.

ЦГАМО. Ф. 267 Оп. 3 Д.5. Л. 95. Машинописный подлинник. Подпись Неймана – машинопись и синими чернилами.

№ 9

**Извлечение из докладной записки о положении
в Солнечногорском районе начальника Солнечногорского
РАО Сидорова начальнику адмотдела Мосокрисполкома**

21 февраля 1930 г.

ДОКЛОДНАЯ ЗАПИСКА

Начальнику Адмотдела Московского Окрисполкома

[...] 4. Вопрос закрытия церквей обстоит слабо, на сей день закрытых нет[,] нефункционируют из 29-ти церквей на 75%%, причем имеется материал на закрытие 3-х церквей[,] но недостаточно оформлен.

75% не функционирующих церквей появились с момента обложения подоходным и строковым налогом в силу чего всеми общинами были вынесены постановления о закрытии церквей, в которых указывалось[,] что платить налоги непосильно и содержать в дальнейшем неимеется средств, постановили закрыть церковь, и тому на этих соб-

---

¹⁵ Датировано по содержанию.

раниях присутствовало абсолютное меньшинство и регистрационного списка не велось[...]

НАЧАЛЬНИК Адм.отдела Солнечногорского Р.И.К./а/
Н[ачальни]к Милиции района /СИДОРОВ/
21/П 30

ЦГАМО. Ф. 267. Оп. 3. Д.5. Л. 253. Машинописный подлинник. Подпись Сидорова – машинопись и синими чернилами.

№ 10

В Московский Окружной Админ[истративный] Отдел
ПОЛИТСВОДКА,
характеризующая ход коллективизации и раскулачивания кулаков по
состоянию на 22 февраля 1930 года.

Не ранее 22 февраля 1930 г.¹⁶

[...] Всего по Кунцевскому району закрыта 1 церковь – в Кутузовской слободке по утверждению Московского Окрисполкома. Имущество церкви и сама церковь в настоящее время опечатано, ключи от коей находятся у секретаря ячейки ВКП/б/ ф-ки Москвотоль. Создана Кунцевским Риком специальная Комиссия по изъятию этого имущества.

Кроме этой церкви намечены к закрытию еще 3 церкви, из коих:

а/ одна в Давыдове, о чем уже имеется постановление общего собрания от 1/П-30 г.;

б/ вторая – в с. Орлове, но постановление общего собрания еще не прислано в РАО;

в/ третья – в с. Ромашкове. В отношении закрытия Ромашковской церкви имеется постановление колхоза и сельсовета, но население категорически возражает против закрытия и требует о возвращении ее верующим. Кунцевский Рик вынес постановление – не чинить препятствий к передаче церкви верующим.

До настоящего времени нигде еще церковные колокола не сняты[...]

№ бдс

НАЧАЛЬНИК КУНЦЕВСКОГО РАО /Обшивалов/
2<1? 8?> февраля 1930 г.

ЦГАМО. Ф. 267. Оп. 3. Д. 5 Л. 92. Машинописный подлинник. Дата составления – синими чернилами, под ней штамп: «Кунцевское Райадм.отделение Моск. окр.» Подпись Обшивалова – автограф синими чернилами и машинопись.

---

¹⁶ Датировано по содержанию.

№ 11-1
Ходатайство
президиума Пролетарского райсовета в Моссовет
о закрытии церквей в районе

24 февраля 1930 г.¹⁷

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ПРОЛЕТАРСКОГО РАЙСОВЕТА
от 24/II-30 года

СЛУШАЛИ: 3/ О закрытии церквей в районе /тов. Кондратов/.

ПОСТАНОВИЛИ: Просить Моссовет закрыть и дать разрешение на слом следующих церквей в районе:

1/ Церковь Рождества богородицы, помещ[ение] Солянка [ул.], д. 5/2 сломать, так как она сильно мешает уличному движению и в силу того, что Солянская ул. в этом году будет моститься усовершенствованной мостовой[.], по своему же расположению эта церковь – проезд улицы выступом¹⁸.

2/ Новая Космы и Демьяна, помещ[ение] Володарская ул., д. 20 сломать, как мешающую уличному движению и малое количество верующих. Зем[ельный] участок передать под застройку дома ВЦСПС /ранее церковь была <пер>едана Союзхлебу, которым в данное время не используется/.

3/ Николая Кошели, помещ[ение] Яузская ул., д. 2/1. Постановление Президиума от 9/II-30 г. о передаче указанной церкви под общежитие рабочих-сезонников Мосздравотдела отменить. Церковь сломать для расширения проезда и усовершенствованного замощения мостовой и как мешающей¹⁹ уличному движению.

4/ Успение Богородицы¹⁹ – церковь сломать под расширение казарм по ходатайству Военведа.

5/ Церковь Воскресение Славущих, помещ[ение] Гендриков пер. поддержать ходатайство Мосстрою об использовании церкви под общежитие рабочих-сезонников, ввиду малого количества⁴ верующих и имеющих двух церк<вей,>²⁰ которые могут обслуживать верующее население, так как в районе Та<ган>ки, Воронцовской ул. происходит большое строительство.

Предложить Мосстрою составить смету на переоборудование церкви под общежитие и представить в Московскую комиссию.

---

¹⁷ Датировано по содержанию.

¹⁸ Вероятно, имелось в виду, выступ на проезде улицы.

¹⁹ Вероятно имеется в виду церковь Успения Богородицы в Крутицах, закрыта в 1920 г.

²⁰⁻⁴ Вероятно, имелось в виду верующих, имеющих две церкви.

6/ Церковь Василия Исповедника, помещ[ение] по Международной ул. – Церковь закрыть по ходатайству завода «Красный путь», железнодорожных организаций и милиции для использования ее под клуб вышеупомянутых организаций. Предложить з[аво]ду «Красный путь» и Н[ачальни]ку 6-го района тов. САМСОНОВУ составить смету в 1-ти дневный срок на переоборудование и представить в комиссию Моссовета.

7/ Церковь Мартина Исповедника, помещ[ение] по Б[ольшой] Коммунистической ул. имеет малое количество верующих, кроме того имеются рядом другие церкви. По ходатайству конференции Юных пионеров церковь закрыть, использовав её под детскую столовую. Предложить Рабкоопу изыскать средства, составить смету на переоборудование и представить смету в Комиссию Моссовета.

8/ Отведенную и закрытую церковь по 1-му Гончарному пер.²¹ и переданную СОЮЗХЛЕБУ и Чаеуправлению, которыми в данное время не используется – церковь передать фабрике Москвошвей № 8. Предложить Чаеуправлению в недельный срок передать церковь ф[абри]ке Москвошвей №8 для использования под клуб.

9/ Церковь по Ульяновской ул. д. 14²² передать под общежитие сезонных строителей рабочих Стройкомитета Мосздравотдела. Церковь закрыта <нрзб.> и передана Союзхлебу, которым в данное время не используется. Предложить Союзхлебу передать ключи Мосздравотделу.

10/ О закрытии церкви Николы Студенцы вопрос оставить открытым. Обязать комиссию по организации нарко-приемника изыскать средства и составить смету на переоборудование церкви под Наркоприемник.

11/ Иерусалимская церковь закрыта²³. Предложить комиссии вызвать представителя Альбуминового завода и предложить заводу немедленно использовать церковь под клуб, в случае неиспользования заводом, церковь передать Рабкоопу под столовую.

ВЫПИСКА ВЕРНА:

Секретарь Президиума: /Трегубова/

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 205–206. Машинописный подлинник. На л. 205 в середине сверху прямоугольный штамп: «АОМГИК 13 МАР[ТА] 1930». Слева вверху черными чернилами: «В Адм[инистративный] отд[ел] Мособлсп[олкома] <на заключение нрзб.>». Подпись за Трегубову – автограф простым карандашом <С. Кусков>.

²¹ Вероятно имеется в виду церковь Воскресения Христова в Гончарах (закрыта в 1929, снесена в 1935 г).

²² Вероятно имеется в виду храм прп. Симеона Столпника, ныне ул. Николаямская, д. 10.

²³ Вероятно, имеется в виду церковь Иерусалимской иконы Божией Матери, ныне ул. Талалихина, д. 24.

№ 11–2

**Ответ Заместителя начальника адмтдела Мособлисполкома
Ширяева в президиум Пролетарского райсовета
о закрытии церквей в районе**

Не ранее 28 марта 1930 г.²⁴
Секретно²⁵

Возвращая ходатайство Пролетарского Райсовета, о закрытии ряда культовых зданий в Пролетарском районе[,] Мосадмтдел возражает против огульного закрытия культовых зданий[,] указанных в ходатайстве. К тому же, если удовлетворить просьбу Пролетарского райсовета и закрыть по этому ходатайству 11 культовых зданий, то к общему числу функционирующих церквей в районе, эта цифра выразаться в 50%.

Принимая во внимание изложенное, и имея ввиду, что в последнее время произведено закрытие большого количества культовых зданий на территории гор. Москвы и что дальнейшее закрытие, таким темпом может вызвать эксцессы Мосадмтдел полагает, указанный[й] вопрос временно оставит открытым.

Зам. Н[ачальни]ка Мособладмтдела /Ф. Ширяев/
Инспектор /Новиков/

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 5. Д. 108. Л. 204. Машинописный подлинник. Бланк «Р.С.Ф.С.Р. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА Советов Раб[очих], Кр[естьянских] и Кр[асноармейских] Депутатов». Справа вверху «28/III 1930 г. № 200067/с». Под бланком штамп: «Секретная часть Мособлисполкома и Моссовета Вх. №2601/049 30/III 1930». По тексту бланка простым карандашом: «К свед[ению] 4/IV», неразборчивый автограф. Подписи: Ширяева – автограф красными чернилами и машинопись, Новикова – синими чернилами и машинопись.

---

²⁴ Датировано по исходящему номеру.

²⁵ Вписано красными чернилами.

№ 12-1

**Письмо заместителя наркома иностранных дел Л.М. Карахана
секретарю МК ВКП (б) Бауману и председателю Моссовета
Уханову о недопустимости закрытия лютеранской церкви**

25 февраля [19]30 г.

№10507

СЕКРЕТНО. СРОЧНО

В МК ВКП[б] – тов. БАУМАНУ

Копия: Моссовет – тов. УХАНОВУ

Уважаемый товарищ,

НКВД было сообщено, что Московский немецкий клуб и немецкая секция КУН[М]За добивается закрытия единственной действующей в Москве лютеранской церкви [быв. Космодемьяновский пер[.]], причем это закрытие должно сопровождаться устройством специального карнавала. Принимая во внимание, что эта церковь обслуживает живущих в Москве иностранцев-лютеран, в том числе значительную часть дипломатического корпуса, а так же то, что известие о закрытии этой церкви будет широко распространено за-границей заинтересованными кругами и послужит поводом для травли против нас со стороны евангелических кругов Германии, Скандинавии и т.д., НКВД высказывается категорически против закрытия церкви и устройства карнавала. НКВД полагает, что такой акт в данный момент не является абсолютно необходимым с точки зрения нашей антирелигиозной политики, но – несомненно вредным с точки зрения нашего нынешнего международного положения.

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО
КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ: (КАРАХАН)**

3 экз. | 11

2 экз. Адресатам,

1 экз. В дело №...

*ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 5. Д. 108. Л. 218. Машинописный подлинник. Посередине
вверху штамп «Секретная часть Президиума Мособлсполкома и Моссовета Вх. №
2601/049/с от 9/III 1930 г.», Слева вверху простым карандашом: «<Справку> как
обстоит дело 6/III-30 <Козлов?>»; правее простым карандашом: «Надо сообщить,
что ходатайство было, но отклонено 8/III». Внизу справа: «2<9>/III В МК отказа-
ли Поллдоргов». Подпись Карахана – автограф синими чернилами и машинопись.*

№ 12-2

**Ответ члена президиума Мособлисполкома Козлова в НКВД
об отклонении ходатайства о закрытии лютеранской церкви**

Секретно

экз. № 2

В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
по ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
№ 2601/044/с 9 марта 1930 г.
на № 10507 от 25/II-30 г.

Президиум Мособлисполкома и Моссовета сообщает, что вопрос о закрытии лютеранской церкви, действующей в Москве, возбужденный Бауманским Советом и др. организациями обсуждался в комиссии МК ВКП/б/ 23/II-с.г., в результате чего[,] принимая во внимание, что факт закрытия этой церкви послужил бы поводом для травли СССР со стороны враждебных кругов за границей, принято²⁶ постановление об отклонении ходатайств о закрытии церкви.

ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА МОСОБЛИСПОЛКОМА и МОССОВЕТА:
/КОЗЛОВ/

за ЗАВ[ЕДУЮЩЕГО]. СЕКРЕТНОЙ ЧАСТЬЮ: /ШТЕГЕР/

Отпеч[атано] 2 экз.

Экз. № 1 – НКВД,

Экз. № 2 – в дело.

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 5. Д. 108. Л. 217. Машинописный подлинник. Подпись Штегера – автограф синими чернилами.

№ 13

**Справка начальника адмтдела Мосокрисполкома Новикова
о закрытии церквей и их использовании в Московском округе**

22 марта 1930 г.²⁷

По Московскому Округу на 1/1 – 1930 г. числилось на учете 897 культовых зданий, из них 95 часовен. За 1929 г. закрыто 32 церкви. За время с 1 января по 1 марта с/г. Моск. Обл. Исполкомом утверждено 33 постановления о ликвидации церквей, находящихся на исполнении.

---

²⁶ Вписано синими чернилами.

²⁷ Датировано по 2.

Без постановления высших органов власти или без должного оформления этих постановлений, т.е. без объявления их группам верующих, предоставления двухнедельного срока на обжалование и т.п., на 1 марта сельсоветами и РИКами было закрыто 102 церкви, при чем в данное время все церкви, о ликвидации которых нет постановлений Облисполкома, открыты, за исключением 15–20 занятых семенным зерном и возвращенных²⁸ группам верующих по окончании семенной кампании.

33 культовых здания, ликвидируемых по постановлениям Моск. Облисполкома, будут использованы следующим образом: под производственные мастерские – 3, под столовые – 2, под музей – 1, под электростанцию – 1, под детские ясли – 1, остальные – под культурчреждения /клубы, школы и т.д./.

По отдельным районам число дел распределяется следующим образом:

Наименование района	Ликви- дац[ия] ут- вержден[ие] Облиспол- кома	Находится на рассмотрении		Ожидает допол- нит[ельных] материал[ов] от РИКов	Закрыто без поста- новл[ения] Облис- полкома
		Облис- полко- ма	Окрис- полком[а]		
Ногинский	–	5	–	–	6
Щелковский	3	1	–	–	–
Дмитровский	2	–	1	–	11
Сергиевский	3	–	–	–	–
Раменский	–	1	1	7	5
Пушкинский	1	5	–	–	15
Ново- Петровск[ий]	–	1	2	1	12
Сходненский	3	2	–	–	–
Можайский	2	2	1	1	3
Реутовский	–	1	–	6	–
Мытищенский	3	–	3	1	2
Верейский	1	–	–	–	3
Шаховской	1	2	–	1	2
Кунцевский	1	2	1	5	–
Ухтомский	2	3	–	–	–
Наро-Фоминский	1	2	–	–	–
Подольский	5	1	2	2	–
Звенигородский	2	–	–	–	6
Красно- Пахорский	2	1	1	1	12
Волоколамский	–	1	26	1	11
Воскресенский	–	3	–	2	–
Ленинский	–	1	1	–	5
Рузский	1	2	–	–	–
Коммунистиче- ский	–	3	–	5	–

²⁸ возвращаемых – 2.

Наименование района	Ликвидация утверждена Облсполкома	Находится на рассмотрении		Ожидает дополнительного материала от РИКов	Закрыто без постановления Облсполкома
		Облсполкома	Окрисполком[а]		
Лотошинский	–	–	1	–	9
Клинский	–	–	1	1	–
Уваровский	–	–	–	1	2
ИТОГО:	33	40 ²⁹	41	35	102 ³⁰

Н-к Адм. Отдела Моск. Окр. Исп[олко]ма
/НОВИКОВ/
Зав. Секретным Отделением
/ЛУШКИН/

*ЦГАМО. Ф. 267. Оп. 3 Д. 5. Л. 252–252 об. Машинописный отпуск; Л. 253. (2)
Машинописный экземпляр без таблицы закрываемых церквей.*

№ 14

ПРИКАЗ

ПО АДМИНИСТРАТИВНОМУ ОТДЕЛУ МОСКОВСКОГО
ОКРУЖНОГО ИСПОЛКОМА И МОСКОВСКОЙ ОКРУЖНОЙ
СОВЕТСКОЙ РАБ.-КР. МИЛИЦИИ

№ 23с

24 Марта 1930 г.
гор. Москва
СЕКРЕТНО

15-го Февраля с/г. председатель Ивановского Сельсовета, Воскресенского³¹ района, письменно сообщил старшему милиционеру команды вед[омственной] милиции по охране Октябрьской фабрики /ст. Манихино М[осковско]-Б[елорусско]-Б[алтийской] ж.д./ ИВАНОВУ Николаю³² о том, что из дома местного попа³³ ВЯЖЛИНСКОГО, имущество коего Сельсоветом описано, какой[-]то гражданин собирается вывезти кое-какие вещи. ИВАНОВ об этом сообщил по телефону врид Н-ка воскресенского РАО тов. ЗАЙЦЕВУ, от которого получил распоряжение выяснить личность гр-на и при возникновении каких[-]либо сомнений задержать.

²⁹ Сумма ошибочна, должно быть 39.

³⁰ Сумма ошибочна, должно быть 104.

³¹ Ныне Истринский.

³² Исправлено, в тексте Николая.

³³ Здесь и далее в нескольких местах попа исправлено красными чернилами на священника.

Явившись в дом попа ИВАНОВ установил, что знакомый ВЯЖЛИНСКОГО, назвавшийся СВЕРОЯЧЕВСКИМ, по его просьбе собирается вывезти в Москву два мешка книг, на неизвестном для ИВАНОВА языке, и несколько портретов служителей культа. Усомнившись в личности СВЕРОЯЧЕВСКОГО, у которого действительно документов не оказалось, сам же поп ВЯЖЛИНСКИЙ дома не был, ИВАНОВ СВЕРОЯЧЕВСКОГО задержал и вместе с книгами доставил к начальнику команды МАХМУТОВУ. МАХМУТОВ попытался переговорить по телефону с Уполномоченным ОГПУ, которого не оказалось и к телефону подошел старший участковый надзиратель, прикрепленный к Уполномоченному – СКАЗОЧКИН. Последний, выслушав МАХМУТОВА, предложил доставить в Воскресенск не только СВЕРОЯЧЕВСКОГО с книгами, но и самого ВЯЖЛИНСКОГО. Позвонив еще раз в РАО к Инспектору ЛОМАКИНУ, МАХМУТОВ и от него получил подтверждение предложенного СКАЗОЧКИНЫМ. На этом основании и вместо того, чтобы для задержания попа отправиться лично или, во всяком случае, послать старшего милиционера, ИВАНОВА /дело было в день религиозного праздника «Сретение»/, МАХМУТОВ отдал распоряжение ИВАНОВУ послать за ВЯЖЛИНСКИМ, который в это время был по их сведениям в с. Лужках, кого[-]нибудь из свободных младших милиционеров. Это распоряжение ИВАНОВЫМ, в свою очередь, было выполнено посылкой в Лужки младш[его] милиционера РОЩИНА, прослужившего в рядах милиции всего лишь 13 дней и без всякого его инструктирования. Распоряжение РОЩИНУ было отдано буквально такое: «Поезжайте в Лужки, найдите попа ВЯЖЛИНСКОГО и доставьте его сюда».

Отправившись в Лужки[,] РОЩИН по пути от крестьян узнал, что ВЯЖЛИНСКИЙ находится в церкви. Приехав на паперть, РОЩИН вошел в церковь, от церковного старосты узнал, что служит другой поп, а ВЯЖЛИНСКИЙ стоит у алтаря в полном облачении рядом. Не снимая головного убора, РОЩИН прошел по церкви к алтарю и на виду у всех молящихся [(около 20 человек)] предложил ВЯЖЛИНСКОМУ следовать за ним. Произошло замешательство. Другой поп, приостановив службу, стал прощаться с ВЯЖЛИНСКИМ. Верующие, в большинстве женщины, с криками «Антихристы» стали задерживать ВЯЖЛИНСКОГО, хватая его за одежду и бросаясь на шею, не давая ему таким образом следовать за РОЩИНЫМ и только после того, как он сам заявил верующим, что вскоре возвратится, его пустили, но криками «антихристы» провожали РОЩИНА и попа вне стен службы.

Таким образом И ВЯЖЛИНСКИЙ и СВЕРОЯЧЕВСКИЙ очутились в Воскресенске, где уполномоченный ОГПУ тов. ГРИЩЕНКО освободил обоих немедленно[,] как только узнал о причине ареста, т.к. совершенно очевидна была бесцельность задержания обоих.

Доводя об этом беспримерном в рядах милиции Московского округа случае халатного³⁴ формально-бюрократического отношения со стороны некоторых работников Воскресенского РАО, даже к политическим моментам в нашей работе, когда совершенно не продуманно,⁵ выполняется <нрзб.> распоряж<ение> сотрудника³⁵ ОГПУ – предпринимается бесцельный политический арест попа³⁶, создавший массовые толки среди местных крестьян, о преследовании религии и т.д. в угоду местным кулакам и подкулачникам, ПРИКАЗЫВАЮ:

Начальника команды ведомственной милиции Октябрьской фабрики МАХМУТОВА Айзетуля и старшего милиционера той же команды ИВАНОВА Николая со службы уволить в порядке п.п. 30 и 36 Положения о службе в Р[абоче]-К[рестьянской] Милиции; Инспектора Воскресенского РАО ЛОМАКИНА[,] санкционировавшего очевидно незаконный арест попа ВЯЖЛИНСКОГО[,]³⁷ арестовать на 7 суток; младшему милиционеру РОЩИНУ, за допущенную бестактность в церкви, объявляю строгий выговор с предупреждением об увольнении, с направлением его на Окружные курсы для прохождения месячной подготовки. Врид Н-ка Воскресенского РАО тов. ЗАЙЦЕВУ, за недостаточное руководство и наблюдение за работой РАО, объявляю выговор.

Настоящий приказ довести до сведения строевого состава милиции.

Н-к Адм. Отдела Моск. Окр. Исп-ма – Н-к Милиции Моск. Округа
/НОВИКОВ/

ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 40. Л. 54–54 об. Машинописный экземпляр. Подпись Новикова – автограф красными чернилами и машинопись.

---

³⁴ Вписано над строкой красными чернилами.

³⁵⁻⁵ Вписано красными чернилами поверх зачёркнутого без санкции Уполномоченного. Очевидно, последним зачёркнутым словом должно быть ОГПУ.

³⁶ Далее вынесено вниз текста красными чернилами ~~во время~~ <нрзб.> во исполн[ения] религио[зного] обряда.

³⁷ Вписано над строкой красными чернилами.

**Письмо зам. начальника адмтдела Мособлисполкома
Брызгалова начальнику адмтделов Мосокрисполкомов
о сроках и порядке регистрации религиозных объединений**

Не ранее 12 апреля 1930 г.³⁸

КОПИЯ
МОСКОВСКИЙ ОКРАДМОТДЕЛ
О сроках и порядке регистрации
религиозных объединений

В соответствии со ст. 65 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8-го апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» /С[обрание] У[законений] 1929 г. № 36 ст. 353 или Бюллетень НКВД № 18 1929 г./ Московский Областной Административный Отдел предлагает произвести регистрацию фактически существующих религиозных объединений, если только они не были перерегистрированы уже после опубликования указанного постановления ВЦИК и СНК РСФСР.

Порядок регистрации определяется постановлением НКВД № 329 и инструкцией НКВД № 328 от 2-го октября – 1929 года /Бюллетень НКВД № 38 – 1929 г./.

При производстве регистрации руководствоваться следующим:

1. Регистрация должна производиться: а/ в городах являющихся окружными центрами – в окружном Адмтделе, б/ в городах не являющихся административными центрами – в Городском Совете, в/ в сельских местностях и в городах, являющихся районными центрами – в районном административном отделении.

2. Для регистрации религиозного объединения учредители подают в 2-х экземплярах: а/ заявление о регистрации по форме № 1, б/ список учредителей религиозного объединения по форме № 2.

Указанные формы №№ 1 и 2 приложены в Бюллетене НКВД № 37–29 г.

3. Срок регистрации не следует ограничивать сроком 1 мая 1930 г. и регистрировать следует так же и объединения, подающие заявления после 1-го мая, т.е. к регистрации было приступлено значительно позже намеченных законом сроков.

Срок окончания регистрации фактически существующих религиозных объединений будет объявлен дополнительно.

4. При регистрации существующих религиозных объединений не следует непременно заключать новые договоры на переданное верующим молитвенное здание и культовое имущество т.к. в силе останутся ранее заключенные с группами верующих договоры.

---

³⁸ Датировано по содержанию.

5. В связи с производством регистрации следует беспрепятственно выдавать разрешения на устройство в культовых зданиях общих собраний верующих для обсуждения всех вопросов, связанных с перерегистрацией.

ПРИМЕЧАНИЕ: Порядок устройства других собраний регулируется ст.ст. 21–32 Инструкции НКВД № 328 /Бюллетень НКВД № 37 1929 г./.

Московский Обл. Адм. Отдел предлагает Начальникам Окружных Административных Отделов Московской Области дать соответствующие указания о порядке производства регистрации религиозных объединений Начальникам районных Административных отделений, а так же войти в Президиум Окружных Исполнительных Комитетов с просьбой дать такие же указания Горсоветам городов[,] не являющихся административными центрами.

п[одлинный]/за надлежащими подписями.	
Р.С.Ф.С.Р	ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ РАО
Н.К.В.Д.	МОСКОВСКОГО ОКРУГА.
Администр. Отдел	Для сведения и исполнения

№ 1513	П/п ЗАМ. НАЧ. АДМ. ОТДЕЛА.
от 12/IV-30 г.	/БРЫЗГАЛОВ/

С подлинным верно: Секретарь: /Романов/
С подлинным верно:

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 130. Машинописная копия. Слева вверху в чернильный штамп бланка « [Н.К.В.Д.] АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ Московского окружного исполнительного комитета» впечатано «<1?>7 апреля 30 г. № 2/221-л.».

№ 16

**Сведения о закрытых и непереоборудованных церквях,
предоставленные врид. начальника адм.отдела Мосокрисполкома
Брызгаловым в президиум Мосокрисполкома**

6 июля 1930 г.³⁹

Копия
В ПРЕЗИДИУМ МОСК[ОВСКОГО]
ОКРИСПОЛКОМА

Возвращая при сем выписку из протокола фракции ВКП/б/ Президиума Моск[овского] Областн[ого] Исполкома от 17/VI-с.г. об исправлении перегибов, допущенных на местах при разрешении церковных

---

³⁹ Датировано по исходящему номеру.

вопросов, и препровождая для сведения копии распоряжений по данному вопросу, разосланных в своё время по РИКаМ и РАО, Административный Отдел Моск. Окр. Исполкома сообщает, что из числившихся на 1/III с.г. 102 церквей, закрытых с нарушением постановления ВЦИК и СНК от 8/IV-29 г., в данное время остаются закрытыми Локотнинская, Звенигородского р-на, Нарско-Николаевская, Наро-Фоминского р-на, Серединская, Шаховского р-на, Пехра-Покровская, Реутовского р-на и Путиловская, Пушкинского р-на.

О закрытии первых 3-х церквей имеются постановления Моссовета, но все же, в связи с подачей жалоб верующими, вопрос о дальнейшей судьбе всех этих церквей, частично переоборудованных, находится на разрешении ВЦИКа.

Из числа закрытых и непереоборудованных до настоящего времени числятся следующие:

1/ В с. Костино, Мытищинского р-на, предназначенная под школу, как недавно закрытая (1/IV – с.г.).

2/ В с. Болшево, того же района из-за ветхости.

3/ Кладбищенская в гор. Подольске, закрытая в 1929 г. и предназначенная под музей, как временно используемая под склад муки.

4/ В с. Иваново-Октябрьское, Воскресенского р-на, предназначенная под клуб Октябрьской фабрики, но не подходящая для использования. Предназначается на слом, о чем возбуждено уже ходатайство пe Мануево, того же р-на, на территории дома отдыха Моссовета, закрыта в 1928 г., не переоборудована, но предназначается для нужд дома отдыха.

13/ Ильинская, в гор. Дмитрове, не переоборудована.

14/ В пос. Жаворонки, Звенигородского р-на, предназначенная под клуб[,] не переоборудована за неимением средств.

15/ Лужневский монастырь, Можайского р-на, предназначается для нужд воинских частей. Против переоборудования возражает Главнаука.

16/ Спассо-Бородинский монастырь, того-же района, предназначается для целей сельско-хозяйственной коммуны. На переоборудован, вред Областным Исполкомом. Строительный материал от сноса этой церкви будет использован.

5/ В с. Хотьково, Загорского р-на, не переоборудована за отсутствием[м] средств.

6/ В с. Головино, Сходненского района, тоже.

7/ В с. Нудиль, Новопетровского р-на, из-за ветхости.

8/ В с. Козлово, того же р-на, закрыта в 1928 г. и предназначалась для школы кустарного ученичества, за неимением средств.

9/ В с. Слезнево, Наро-Фоминского р-на, из-за ветхости.

10/ В с. Кузнецово, того же р-на, ввиду оформления закрытия через Президиум Обл.Исполкома, где вопрос о ликвидации еще не решен.

11/ На территории дома отдыха ЦИК, Красно-Пахорского р-на, закрыта в 1928 г. и предназначена для нужд дома отдыха. Предполагается переоборудовать в ближайшее время.

12/ В с.виду недавнего закрытия /Июнь с.г./

17/ Красновидовская, Можайского р-на, не переоборудована введу недавнего закрытия. Предназначается для нужд находящегося рядом санатория.

Врид. Н-ка Адм.Отдела и Милиции Моск. Округа /подпись/
(Брызгалов)

Секретарь: /подпись/ Романов

С подлинным верно:

Зав. Секретной Частью Президиума (Захарова)

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 127–127 об. Заверенная машинописная копия. На л. 127 слева вверху машинописью набран текст бланка: «Р.С.Ф.С.Р. Н.К.В.Д. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ Московского окружного исполнительного комитета Сов. Раб. Кр. и Кр. Деп. 6 июля 1930 г. № 375/с.». Подписи Брызгалова и Романова машинопись, Захаровой – зелеными чернилами и машинопись.

№ 17

**Донесение начальника адмтдела Серпуховского окрисполкома
в президиум Мособлисполкома об исправлении перегибов
при закрытии церквей**

Не ранее 18 июля 1930 г.⁴⁰

Секретно

**В ПРЕЗИДИУМ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА**

На основании вынесенного решения фракции ВКП/б/ Президиума Мособлисполкома от 27-го июня с/г. – по вопросу об использовании закрытых /пустующих зданий культа/ и исправлении ошибок и перегибов на местах – доношу, что в области проведения директив МК ВКП /б/ в деле исправления допущенных ошибок, Окрадмтделом проделаны следующие мероприятия:

1/ Созывались совещания Нач[альни]ков РАО, где прорабатывались директивы МК ВКП/б/ и вынесено ряд практических мероприятий по исправлению допущенных ошибок.

2/ Заслушивались доклады с мест о результатах работы на селе, в деле исправления загибов, Вследствие чего на основе уяснения⁴¹ каж-

---

⁴⁰ Датировано по исходящему номеру.

дым работником² милиции директив МК последние обеспечивали их проведение.

По вопросу закрытия и открытия культурных церковных зданий и их использования по назначению, до постановления МК ВКП/б/ по Серпуховскому округу было закрыто на 15-е февраля с/г. – 148 церквей, из общего количества – 278, то уже на 15-е июля с/г. закрыто церквей по округу – 44, из указанного числа закрытых и использованных по назначению по округу – 30 церквей под сыпку семян, под клубы и друг[ие] складские помещения. 4-е церкви предназначены на сломку в виду их ветхости[,] 10 церквей не использованы до сих пор, т.к. на последние не имеется юридического оформления на их закрытие со стороны вышестоящих органов.

Начальник Адмотдела Серпух[овского] Окрисполкома
Зав. Общ[ей] Частью

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 36. Машинописный подлинник. Слева сверху чернильным штампом бланк: «Р.С.Ф.С.Р. Н.К.В.Д. Административный отдел Серпуховского Округного Исполнительного Комитета Совета Р.К. и К.Д. Отд[ел] общ[ий] 18 июля 1930 г. №424/с». Вверху красный штамп: «Секретная часть президиума Мособлисполкома и Моссовета Вх. № 2601/075/с 20/VII 1930 г.». Над штампом неразборчивая помета. Слева от штампа синим карандашом «К свед[ению] <Чер?>» Подписи – автографы, неразборчивые, красными чернилами.

№ 18

Сообщение зам. председателя Орехово-Зуевского городского совета Иванова в президиум Мособлисполкома о закрытии и налогообложении церквей в г. Орехово-Зуево

20 сентября 1930 г.⁴²

В ПРЕЗИДИУМ МОСОБЛИСПОЛКОМА

на № 2601/089 от 7/IX-30 г.

и № 2601/076 от 27/VII-30 г.

Секретно

Президиум Орехово-Зуевского Горсовета сообщает, что изъятия из пользования верующих молитвенных зданий и расторжения договоров с верующими на пользование молитвенными зданиями не было.

Нарушений революционной законности, препятствующих служителям культа отправлять культовые потребности – так же не было. В отношении обложения церквей промналогом было произведено ниже следующее:

---

⁴¹ Исправлено, в тексте каждого работника.

⁴² Датировано по исходящему номеру.

По 10-му фин[ансовому] участку г. Орехово-Зуева на 1929–30 г. было привлечено 5-ть церквей к обложению, с исчисленной суммой налога – 1681 р., означенная сумма церквями уплачена полностью. Обложение произведено, согласно распоряжения НКФ РСФСР от 19/VI-1929 г. № 460-а, что «Продажа предметов, употребляющихся при отправлении обрядов религиозного культа непосредственно верующими из помещений, где совершается богослужение, может считаться несвободной от обложения промналогом», а посему на основании распоряжения Окр[ужного] Ф[инансового] О[тдела] от 29-го июля 29 г. церкви и были привлечены к обложению промналогом за 1928–1929 г.

Отпечатано 2 экз.

1-й – адресату

2-й – в дело.

Зам. Пред.Горсовета (ИВАНОВ)
Завед. Секретной Частью (РЫБКИН)

ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 5. Д. 108. Л. 24. Машинописный подлинник. Слева сверху чернильным штампом бланк: «Р.С.Ф.С.Р. ПРЕЗИДИУМ Орехово-Зуевского Городского Исполнительн[ого] комитета Совета Раб[очих], Кр[естьянских] и Кр[асноармейских] Депутатов 20/IX 1930 № 229». Слева от штампа: «К сведению» – и автограф, неразборчивый, красными чернилами. Справа сверху штамп: «Секретная часть Мособлисполкома и Моссовета. Вх. № 2601/0114 1/X 1930». Подписи – автографы черными чернилами и машинопись.

№ 19

**Сообщение председателя Дмитровского РИКа Петракова
в президиум Мособлисполкома о закрытии, налогообложении
и страховании церквей в Дмитровском районе**

21 сентября 1930 г.⁴³

В ПРЕЗИДИУМ МОСОБЛИСПОЛКОМА
на № 2601/089/с от 7/IX-30 г.
и № 2601/076/с от 27/VII-30 г.

Секретно
экз[емпляр] № 1

По вопросам обложения налогом служителей культа и закрытию культовых зданий по Дмитровскому району и гор[оду] Дмитрову общается следующее:

---

⁴³ Датировано по исходящему номеру.

1) Случаев изъятия молитвенных зданий из пользования религиозных объединений без утверждения ЦИК-ом не имеется. Все же незаконно изъятые культовые здания в момент кампании сплошной коллективизации в количестве 23-х зданий возвращены группам верующих.

2) Религиозные общины обложены промналогом, но согласно циркуляра НКФ РСФСР от 27/XI-1929 г. за № 16/13 и разъяснения госналога СССР от 25/XI-1929 г. за № 24/5 обложение и взыскание приостановлено. Уплаченные суммы, согласно этого же циркуляра возврату не подлежат.

3) Обложение подоходным налогом служителей культа в сравнении с 1928/29 и 1929/30 г.г. увеличено на основании материалов, данных выходцем из религиозного культа ИЛЬИНСКИМ, каковой указал, что общины обманывали финнадзор дачей преуменьшенных доходов, ведением двойных книг для себя и финнадзора. Он достаточно отразил все моменты доходности по действительным, а не преуменьшенным данным.

Обложение было проведено на основе даденного ИЛЬИНСКИМ материала ко всем служителям культа.

Недоимок за служителями культа нет.

Жалоб из 30 дел было подано 3[,] по всем отказано.

Авторский гонорар за исполнение песнопений, промысловый налог за продажу в молитвенных зданиях свечей не взимается.

4) Страхование церквей было произведено на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 4/IX-1929 г. по восстановленной стоимости, затем к 1/III-1930 г. оценка была пересмотрена на основании циркуляра и инструкции Мосгосстраха от 4/XII-1929 г. за № 102, были разосланы извещения с начислением премии по восстановительной стоимости.

Циркуляром Мосгосстраха от 3/III-1930 г. за № 134 было предложено с 1/III-1930⁴⁴ г. страховку зданий религиозного культа производить по действительной стоимости – страхователям были разосланы новые извещения с перерасчетом и надписью «взамен ранее высланного». По этому же циркуляру отменено обязательное страхование церковной движимости.

Заявления от представителей групп верующих были преимущественно устные на тяжесть уплаты страховых платежей, которые по сравнению с прошлыми платежами значительно повышены и главным образом от повышения тарифа, так как согласно тарифного циркуляра от 14/XI-29 г. за № 2 тариф установлен в сельской местности 90 к. со 100 руб. без различия материала стен и крыш и без скидки на расстояние от соседних строений и огнестойкого устройства.

---

⁴⁴ Вероятно, имеется в виду 1/IV-1930 г.

Письменных жалоб было 3[,] до ВЦИК оставлены без изменения.

5) Рента по зданиям религиозного культа исчислена по городу в сумме 297 руб., исчисление проведено с незастроенных земель по ½ коп. с кв. метра и по 6 коп. с кв. метра с застроенных земель. Рента поступила полностью и никаких жалоб от общин не было.

6) Налог со строений исчислен по 58 зданиям религиозного культа всумме 10.171 р. Недоимка осталась по 6 церквям в сумме 2691 руб. Исчисление произведено по действительной оценке страхогенства из расчета 0,5% страховой оценки. Жалоб на тяжесть обложения было 3[,] во всех отказано и в одном случае сложено пени.

7) Выселение служителей культа из муниципализированных домов до апреля месяца имело место два случая в городе и несколько случаев по району. Причины выселения – необходимость представления занимаемой ими площади для трудящихся.

В настоящее время взимание повышенной квартирной платы не производится.

Плата за коммунальные услуги взимается по среднему размеру.

ПРИМЕЧАНИЕ: сведения по п.п. 2, 3, 4, 5 и 6 настоящего отношения сообщены в Мособлфинотдел при отношении № 148/с от 18/VIII-с/г.

Отпечатано 2 экз.

Адресату – 1

В дело – 1

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РИК-а
ЗА СЕКРЕТАРЯ

/Петраков/
/ЧЕРНЫШЕВ/

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 36–36 об. Машинописный подлинник. Слева вверху чернильным штампом бланк: «Р.С.Ф.С.Р. ПРЕЗИДИУМ ДМИТРОВСКОГО РАЙОННОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА Московского Округа. Г. Дмитров Моск. Округа 21 сентября 1930 г. № 170/с». Слева от штампа красными чернилами: «К свед[ению] <Чер?>». Справа вверху штамп: «СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ ПРЕЗИДИУМА Мособлсполкома и Моссовета Вх. № 2601/0116/с 1/X 1930 г.». Подписи – машинопись и автографы: Петракова – красным карандашом, Чернышева – синим карандашом.

**Акт комиссии по проверке правильности закрытия,
налогообложения и страхования церквей в г. Серпухове**

Не ранее 24.10.1930⁴⁵

АКТ

1930 года Октября 24-го дня согласно постановления Президиума Горсовета от 26-го Августа с.г. Комиссия в составе Председателя, члена Президиума Горсовета тов. САЛОМЫКОВА, членов: представителя Финотдела ВИНОГРАДОВА и Госстраха ПРОХАНИНА, руководствуясь циркуляром ВЦИКа за № 274/с производили проверку правильности изъятия церквей у групп верующих по гор. СЕРПУХОВУ и нашла[,] что закрытие церквей по гор. СЕРПУХОВУ происходило на основании постановления Президиума Горсовета, Окрисполкома с последующим утверждением МОСОБЛИСПОЛКОМА⁴⁶ и В.Ц.И.К.², все изъятые церкви в данное время используются как складочные помещения[,] а частью под общежитием Рабфака и ходатайств в наличии возврата здания религиозного культа от групп верующих не имеется. Окрфинотделом и Горфо со служителей религиозного культа никаких налогов[,] не установленных соответствующим законодательством[,] не взыскивалось. Все налоги исчислялись согласно существующему законодательству. Налог с церковных строений исчислялся с оценки в размере 0,5%, при чем при сравнении налоговой оценки, принятой при обложении[,] со страховой оказалось, что налоговая является ниже страховой. Страховая же оценка церковных строений в 1929/30 г. на основании циркуляра Мосгосстраха за № 102 от 4/XII-1929 г. была установлена по восстановительной стоимости, впоследствии же на основании циркуляра Мосгосстраха от 3/III-30-г. страховая оценка была снижена и взята по действительной стоимости строений, т.е. с учетом % изношенности строений. Страховая премия взималась и взимается в размере 0,2% от оценки. Таким образом никаких нарушений в части взимания налогов и страховой премии с церквей и налогов со служителей культа не было, а так же Комиссия считает, что изъятие зданий религиозного культа от групп верующих произведено правильно и таковые используются целесообразно.

Пред[седатель] Комиссии:

/САЛОМЫКОВ/

Члены:

/ВИНОГРАДОВ/

/ПРОХАНИН/

ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 5. Д. 108. Л. 62. Машинописный подлинник. Подписи – автографы: Саломыкова и Виноградова красными чернилами, Проханина – синими чернилами.

⁴⁵ Датировано по содержанию.

⁴⁶ Вписано над строкой черными чернилами.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ В.В. ЛОБАНОВА

2004

«Следствие вести без ограничения срока»: (Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП (б) и ее роль в деле Патриарха Тихона) // Альфа и Омега. 2004. № 1. С. 170–184.

«Вынуждаюсь обратиться ваше внимание»: (Обращение Патриарха Тихона в СНК от 1 августа 1919 г.) // Вопросы гуманитарных наук. 2004. № 6. С. 34–46.

Без предъявления обвинения...: (Заявление членов Высшего Церковного Управления в СНК от 29 ноября 1918 г.) // Актуальные вопросы современной науки. 2004. № 6. С. 23–25.

2005

«Подтвердить к неуклонному исполнению...»: (Протоколы заседаний Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей) // Церковь в истории России. Вып. 6. М., 2005. С. 208–217.

2007

История религий: Учебное пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений / под ред. А.Н. Сахарова; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Русское слово, 2007. (В соавторстве).

Об обстоятельствах домашнего ареста Патриарха Тихона в мае 1922 г. // Церковь в истории России. Вып. 7. М., 2007. С. 268–277.

Предисловие // Там же. (В соавторстве).

2008

Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925): монография / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М: Русская панорама, 2008. 352 с.

Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М: Русская панорама, 2008. (В соавторстве).

История христианства: учебное пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений / под ред. А.Н. Сахарова; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Русское слово, 2008. (В соавторстве).

2009

История России. XX век. Ч. 1: 1894–1939. М., 2009. (В соавторстве).

«Дело велось с грубейшим нарушением процессуальных норм»: (документы Государственного архива Российской Федерации о репрессиях против об-

новленческого духовенства и мирян во второй половине 1930-х гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 82–93.

Кончина Патриарха Тихона: факты и мнения // Церковь в истории России. Вып. 8. М., 2009. С. 199–212.

Предисловие // Там же. (В соавторстве).

2010

Дело «епископа» Лазаря: (архивные документы о преследованиях обновленческого духовенства в годы «Большого террора») // Русский исторический сборник. Т. 2. М., 2010. С. 241–252.

«Противообновленческий катехизис» епископа Венедикта (Плотникова): из материалов следственного дела «совета епископов» // Отечественные архивы. М., 2010. № 4. С. 49–56.

Сталин против Троцкого: (к вопросу образования Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП (б)-ВКП (б) в октябре 1922 г.) // Церковь в истории и культуре России: сб. материалов международной конференции, посвященной памяти преп. Трифона Вятского (1546–1612). Киров, 2010. С. 23–25.

2011

История религий. Духовные традиции Саратовского края: учебное пособие для учащихся 10–11 классов. М.: Русское слово, 2011. (В соавторстве).

Обновленческие приходы Москвы в первой половине 1926 г.: (по материалам ЦИАМ) // XXI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 283–286.

Судьба архиепископа Матфия: (по материалам следственного дела) // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 216–223.

2012

Материалы Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП (б)-ВКП (б) как источник по истории «обновленческого» раскола // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 237–258.

Патриарх Тихон // Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы, кн. 4. М., 2012.

Патриарх Сергей // Московская энциклопедия. Т. 1: Лица Москвы, кн. 4. М., 2012.

Предисловие // Русский исторический сборник. Вып. 4. М.: Киммерийский центр, 2012. (В соавторстве).

2013

«...По суду считать оправданным»: (следственное дело обновленческого священника А.Г. Благовещенского) // Русский исторический сборник. Вып. 5. М.: Киммерийский центр, 2013. С. 149–157.

«Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946) в новейшей отечественной историографии // История и историки, 2011–2012: историографический вестник. М., 2013. С. 14–31.

«Сталин мне друг...»: следственное дело архимандрита Олега (Вавилина) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4 (1). С. 40–44.

Историческая справка о деятельности Я.М. Свердлова // Возвращая Россию: восстановление исторических названий, памятников и других утраченных культурных ценностей. СПб., 2013. С. 242–244 (Прил. 10: «Исторические справки по вопросам возвращения исторических названий железнодорожным станциями “Горький” и “Свердловск”»).

Справка о деятельности П.Л. Войкова // Возвращая Россию: восстановление исторических названий, памятников и других утраченных культурных ценностей. СПб., 2013. С. 245–248 (Прил. 11: «По вопросу переименования объектов, названных в честь П.Л. Войкова»). (В соавторстве).

Предисловие // Русский исторический сборник. Вып. 5. М.: Киммерийский центр, 2013. (В соавторстве).

Предисловие // Русский исторический сборник. Вып. 6. М.: Киммерийский центр, 2013. (В соавторстве).

2014

Архивные источники по истории «обновленческого» раскола в Русской православной церкви (1922–1946) // Отечественные архивы. 2014. № 4. С. 70–79.

К биографии бывшего обновленческого «архиепископа» Андрея Расторгуева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 71–76.

Покаянные письма уклонившихся в обновленчество священнослужителей и мирян к Патриарху Тихону летом 1923 г.: (по материалам РГИА) // XXIV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 113–117.

Предисловие // Русский исторический сборник. Вып. 7. М.: Киммерийский центр, 2014. (В соавторстве).

Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б)-ВКП (б) (Антирелигиозной комиссии), 1922–1929 гг.: сборник документов. М.: ПСТГУ, 2014. 381 с.: ил. Археографическая подготовка документов, комментарии и научно-справочный аппарат.

Предисловие // Там же.

2015

«Дезорганизация и внутренняя анархия в “тихоновщине” растет...»: (информационные бюллетени обновленческого Священного синода о внутрицерковной жизни в 1927–1928 гг.) // Церковь в истории России. Вып. 10. М., 2015. С. 192–253.

Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР и его роль в ликвидации «обновленческого» раскола» в 1943–1946 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма, 1945–1953 гг.: материалы VII международной научной конференции, Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. С. 554–563.

«Великое Всероссийское предсоборное совещание» обновленцев (10–18 июня 1924 г.): (по материалам ЦГА Москвы и РГАСПИ) // XXV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2015. С. 119–124.

«Обновленческий» раскол в Московской епархии // История Московского края: проблемы, исследования, новые материалы: сборник научных статей / под ред. В.В. Хорихина, Д.Д. Боговлянского. Вып. 5. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 197–205.

К истории обновленчества в Московской епархии: съезд депутатов клира и мирян обновленческих приходов от 4 октября 1926 г. // Вопросы сохранения исторического наследия: к 250-летию со дня рождения выдающегося русского историка Н.М. Карамзина и 200-летию начала выхода его «Истории государства Российского»: сборник материалов научной конференции по проблеме гуманитарных наук, Липецк, 9–10 октября 2015 г. Липецк, 2015. С. 179–185.

«Борьба с тихоновским реакционным элементом заканчивается...»: Информационная сводка № 5 VI отделения Секретного отдела ГПУ о распространении обновленческого движения в РСФСР // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия «История, филология». 2015. Т. 14, вып. 1: История. С. 167–180.

Обновленческая Московская богословская академия (1923–1931) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2015. № 4. С. 144–154.

Документы ЦГА Москвы о возникновении обновленческого раскола в Белоруссии // Отечественные архивы. 2015. № 4. С. 60–67.

От редколлегии // Церковь в истории России. Вып. 10. М., 2015. (В соавторстве).

2016

«Участником контрреволюционной группы не являюсь...»: (материалы следствия 1937 г. по делу обновленческого духовенства г. Москвы) // Угрешский сборник. Труды преподавателей Николо-Угрешской православной духовной семинарии. Вып. 5. М., 2016. С. 166–173.

«Обновленческий раскол» в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.): монография. Утверждена к печати Ученым советом ИРИ РАН в 2016 г.*

---

* Не успела выйти при жизни автора. В настоящее время готовится к изданию.

Список сокращений

Адм.	–	административный
Б.	–	Большая
б.	–	бывший
г., гор.	–	город
д.	–	деревня
зам.	–	заместитель
КУНМЗ	–	Коммунистический университет национальных меньшинств Запада
МК	–	московский комитет ВКП (б)
МКХ	–	Московское коммунальное хозяйство
МОНО	–	Московский отдел народного образования
Мос., Моск.	–	Московский
МОСПС	–	Московский областной совет профсоюзов
м-рь	–	монастырь
Н-к	–	начальник
НКВД	–	Народный комиссариат иностранных дел
Окр.	–	округ, окружной
Обл.	–	область, областной
пер.	–	переулок
РайФо	–	районный финотдел
РАО	–	районное административное отделение
РИК	–	районный исполнительный комитет
РКиКД	–	рабочих крестьянских и красноармейских депутатов (совет)
с.	–	село
СВБ	–	Союз воинствующих безбожников
с/г	–	сего года
ст.	–	станция
т., тов.	–	товарищ
ул.	–	улица
ц.	–	церковь

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Курляндский И.А.</i> Историк Вячеслав Викторович Лобанов (1966–2016). Биографический очерк	7

Из научного наследия В.В. Лобанова

<i>Лобанов В.В.</i> Патриарх Тихон и борьба патриаршей Церкви с обновленческим расколом (1923–1925 гг.)	19
<i>Лобанов В.В.</i> Вопросы тайных выборов патриарха и отношений с зарубежным духовенством в материалах следственного дела митрополита Сергия (Страгородского)	42

Статьи

<i>Лобанова И.В.</i> Наука по принуждению: становление и развитие церковно-исторической науки России в синодальный период	59
<i>Лавров В.М.</i> Была ли Софья Ковалевская нигилисткой?	74
<i>Савчук Р.А.</i> Гражданская позиция равноапостольного Николая Японского (1836–1912 гг.) в контексте эпохи	106
<i>Смирнова И.Ю.</i> К истории типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (1894–1919)	116
<i>Степанов А.Ф.</i> «Никаких эксцессов со стороны верующих не проявлялось...»: изъятие церковных ценностей в монастырях и храмах Свяжского кантона Татарской республики в 1922 г.	144
<i>Бирюкова Ю.А.</i> Обновленческий раскол на Северном Кавказе в 1922–1926 гг.: генезис, специфика, статистика	166
<i>Мазырин А.В.</i> Константинопольская патриархия и обновленческий раскол в период управления Русской Церковью Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром (1925)	188
<i>Веденеев Д.В.</i> Православные легальные и катакомбные монастыри Украины как объект оперативной разработки и репрессий советских органов государственной безопасности (1920-е – начало 1960-х гг.)	208

<i>Курляндский И.А.</i> Проблема строительства православных молитвенных зданий в годы сталинского «нового курса» (1944–1953 гг.)	242
<i>Якунин В.Н.</i> Куйбышевская епархия в 1945–1965 гг.	259
<i>Романова С.Н.</i> Материалы Российского государственного исторического архива как источник работы Русской Православной Церкви по канонизации	289

Публикации документов

<i>Щеглов Н.В.</i> Вопросы церковно-политических национальных движений в трудах Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г.: (Публикация документов из Отдела рукописей Российской государственной библиотеки)	302
<i>Газов Е.А.</i> Антицерковная политика властей в Москве и Подмосковье на начальном этапе коллективизации: «усиление борьбы с религией» и «борьба с перегибами»: (Публикация документов из Центрального государственного архива Московской области)	316
Список опубликованных работ В.В. Лобанова	353
Список сокращений	357

В Екатеринбурге. Между 18 и 20 апреля 2010 г.
Слева направо: Л.Е. Морозова, В.В. Лобанов, В.М. Лавров

В.В. Лобанов (13.09.2011)

В Центре истории религии и Церкви в ИРИ РАН. 2014 г.
Слева направо: В.В. Лобанов, Л.В. Мельникова, Е.В. Белякова,
В.Ф. Зима, В.С. Румянцева, Б.М. Клосс.

В.В. Лобанов. В Центре истории религии и Церкви в ИРИ РАН. 2014 г.

В Центре истории религии и Церкви в ИРИ РАН. 2014 г.
Слева направо: А.В. Назаренко, П.В. Лукин, В.В. Лобанов

Новый год в ИРИ РАН. Декабрь 2015 г.
Слева направо: И.А. Курляндский, В.В. Лобанов

В. Лобанов выступает на конференции в Православном Свято-Тихоновском государственном университете. Январь 2015 (2016?) г.

В.В. Лобанов выступает на конференции в Православном Свято-Тихоновском государственном университете. Январь 2015 (2016?) г.

Научное издание

Церковь в истории России

Сборник 12

Компьютерная верстка:

Андреановой Л.П.

Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории РАН

Подписано к печати 12.12.19. Формат 60×84/16. Заказ № .
Тираж 300 экз. 22,5 п.л. 17,08 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 95000 – книги, брошюры